Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»

На правах рукописи

Ломакин Александр Владимирович

СОВЕТСКИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРАЗДНИКИ, 1945–1991 ГГ.: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА (НА МАТЕРИАЛАХ ЛЕНИНГРАДА)

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
Твердюкова Елена Дмитриевна
доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербург
2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 3

ГЛАВА 1. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРАЗДНИКИ СССР: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ 39

1.1. КАЛЕНДАРЬ КРАСНЫХ ДАТ В 1945–1991 ГГ. 39

1.2. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАЗДНИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ЛЕНИНГРАДЕ 53

1.3. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТДЕЛА МАССОВЫХ ПРАЗДНИКОВ 76

ГЛАВА 2. ПРОВЕДЕНИЕ МАССОВЫХ ПРАЗДНИКОВ В ЛЕНИНГРАДЕ 1945–1991 ГГ. 95

2.1. ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ..... 95

2.1.1 ИНФОРМАЦИОННОЕ ОСВЕЩЕНИЕ ПРАЗДНИКОВ 95

2.1.2. ПЕРЕМЕНЫ ВО ВНЕШНЕМ ОБЛИКЕ ГОРОДА 108

2.1.3. ОРГАНИЗАЦИЯ ТОРГОВЛИ В ДНИ ТОРЖЕСТВ..... 124

2.2. ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ТОРЖЕСТВА 141

2.2.1. ВОЕННЫЕ И ФИЗКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАДЫ 141

2.2.2. ДЕМОНСТРАЦИИ ТРУДЯЩИХСЯ 149

2.2.3. НАРОДНЫЕ ГУЛЯНИЯ 170

ГЛАВА 3. ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ ТОРЖЕСТВ. СЕМИОСФЕРА МАССОВОГО ПРАЗДНИКА 182

3.1 ЛЕНИН. ОКТЯБРЬ. ПАРТИЯ. СТЕРЖНЕВЫЕ СЮЖЕТЫ СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ПРАЗДНИЧНОЙ ПРОПАГАНДЕ. 184

3.1.1. В. И. ЛЕНИН..... 184

3.1.2. ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ201

3.1.3. КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА 214

3.2. ОТРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ И АКТУАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА В ПРАЗДНИЧНЫХ НАРРАТИВАХ 225

ГЛАВА 4. ПРАЗДНИКИ В ВОСПРИЯТИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН..265

4.1. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ФОН И СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ТОРЖЕСТВ..265

4.2. МОТИВАЦИЯ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ФОРМЫ УЧАСТИЯ В ПРАЗДНИКАХ 280

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 299

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 306

ПРИЛОЖЕНИЯ 329

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Одной из главных тенденций исторической науки, позволяющих расширить исследовательское поле традиционной истории, является проведение междисциплинарных изысканий. Использование инструментария различных дисциплин (истории, этнографии, культурологии, социологии, семиотики) при анализе сложных социально-политических феноменов может помочь в развитии междисциплинарного диалога.

Среди таких комплексных вопросов выделяется проблема взаимоотношений власти и общества, которая до сих пор зачастую рассматривается в рамках «простых» схем («власть/оппозиция»), что не раскрывает всю сложность и противоречивость явления. Выбранная тема позволяет взглянуть по-новому и на советские государственные праздники, и на взаимодействие власти и общества в СССР в целом.

Актуальность исследованию придает необходимость изучения государственных праздников как средства сплочения общества, инструмента его консолидации и единения. Поскольку, в отличие от народных и семейных праздников, инициатором и главным организатором торжеств выступало руководство страны, это определяло специфику как формы их проведения, так и вкладываемого в них содержания, что позволяет рассматривать советские праздники как поле взаимодействия власти и населения. Изучение опыта их организации и проведения может позволить лучше реагировать на современные вызовы при организации публичного взаимодействия государства и населения, а также способствовать повышению эффективности их коммуникации.

Степень изученности проблемы. С момента образования Советского государства и до настоящего времени праздники привлекали внимание исследователей. Первый массовый интерес к теме относится к 1920-м гг., когда красный календарь только создавался, а авторами исследований зачастую выступали сами организаторы и режиссеры торжеств: В. Л. Жемчужный[1],

[1] Жемчужный В. Как организовать октябрьскую демонстрацию. М.; Л., 1927.

А. И. Пиотровский[2] и др. Большинство работ этого времени посвящены принципам организации праздников, сценариям различных инсценировок, художественному оформлению, а также разъяснению смысла новых торжеств. Усилия исследователей были направлены на формирование и фактическое «изобретение» новой праздничной культуры, новых ритуальных и коммеморативных практик. Примечателен сборник 1926 г.[3], авторами статей в котором выступили ленинградцы: известный историк театра Н. П. Извеков, театральный критик и педагог А. А. Гвоздев, организатор театрального дела Б. Н. Кильпио и др. Статьи имели конкретно-прикладной характер, служа методическими рекомендациями по проведению торжеств. Особое внимание в них уделялось художественным аспектам, а в центре внимания зачастую стоял вопрос об организации праздничного пространства и формирования художественного стиля новых праздников. Работа велась по инициативе «Отдела истории и теории театра Государственного института истории искусств» и первоначально осуществлялась его лабораторией, а выпущен был сборник Комитетом социологического изучения искусств, идейным вдохновителем и почетным членом которого являлся А. В. Луначарский[4]. Советские праздники в таком контексте рассматривались, прежде всего, как инсценировки (театрализованные представления с интерактивным участием зрителей), а само искусство театра переосмысливалось с точки зрения новой марксистской социологии. Таким образом, на первом этапе изучением темы занимались в основном люди, связанные с театром и принимавшие непосредственное участие в «создании» торжеств, что отражает формат праздников 1920-х–начала 1930-х гг., когда значимое место в них занимали театрализованные представления.

Важная историографическая особенность трудов этого периода – рассмотрение советского праздника как революционной альтернативы буржуазному и церковному. При этом уже первые исследователи отмечали

[2] Пиотровский А. И. Хроника ленинградских празднеств 1919–1922 гг. // Массовые празднества. Сборник Комитета социологического изучения искусств. Л., 1926.
[3] Массовые празднества. Л., 1926.
[4] Кузнецова Л.В. Институт истории искусств: взгляд назад в преддверии юбилея // МИРС. 2007. № 1-2. С. 93.

большое воспитательное значение торжеств: «Современники и очевидцы массовых празднеств русской революции находятся в ином положении. Для них смысл и значение массовых празднеств вскрывает сама окружающая жизнь. При свете Октября они могли разглядеть их агитационно-политическое значение и их роль в формировании классового сознания пролетариата и в подготовке его к классовой борьбе»[5].

До середины 1930-х гг. изучение советских праздников проходило в целом в том же направлении, главной особенностью выходивших исследований был практико-ориентированный характер[6]. В конце 1930-х годов изучение торжеств было практически прекращено (что, вероятно, объяснялось утверждением определенного канона массовых торжеств эпохи сталинизма) и возобновилось только в 1950-е гг.

Новая волна интереса к праздникам пришлась на рубеж 1950–1960-х гг., когда была начата новая полномасштабная кампания за внедрение в быт советских традиций (наиболее яркий пример – традиция торжественного бракосочетания, пришедшая на замену церковному венчанию и аскетичной «росписи» в ЗАГСе). Ярким примером написанных в этом ключе работ оказалась книга П. П. Кампарса и Н. М. Заковича «Советская гражданская обрядность»[7]. Авторы на основе материалов центральных регионов РСФСР, а также Прибалтики и Украины описывают процесс развития безрелигиозной обрядности в СССР. Большая часть книги посвящена гражданским обрядам и праздникам, однако она содержит и небольшой раздел, отражающий процесс складывания государственных (революционных) праздников. Примечательно, что книга была написана на стыке истории, этнографии (этнографии «советского народа») и педагогики. При этом авторам не чужда попытка теоретически осмыслить собранный материал. Они приводят свою собственную классификацию советских

[5] Массовые празднества. С. 9.
[6] См. сборники: Массовое действо: Сценические игры. Всемирный Октябрь, поставленный на 1-й Всесоюзной спартакиаде и другие сценические игры: труд 1-го коллектива массового действа ОСМКС / под ред. Н. И. Подвойского. М., 1929; «Массовое действо». Первомайский праздник. 1932 год / сост.: В. В. Борисов, А. П. Талер, М. З. Шилов. М.; Л., 1932.
[7] Кампарс П.П., Закович Н.М. Советская гражданская обрядность. М., 1967.

праздников: 1) общегосударственные революционные, 2) трудовые, 3) гражданские, 4) традиционные[8]. Государственные «революционные» праздники, таким образом, оказывались вписаны в систему праздничной культуры вообще и выступали ее центральной составляющей.

Другой важной работой, выполненной в целом в том же методологическом ключе, является книга историка В. А. Руднева «Советские обычаи и обряды»[9]. Она ценна прежде всего характеристикой торжеств, автор приводит анализ основных элементов государственных праздников. Несмотря на то что исследование вряд ли можно назвать в полной мере историческим (скорее культурологическим), Руднев опирался на широкую источниковую базу, пусть и не всегда сопровождая ее использование соответствующими сносками. «В этой книге обобщается более чем десятилетний опыт ленинградских общественных организаций и советских учреждений по разработке и внедрению в быт новых гражданских ритуалов и праздников, которые складываются и развиваются на основе революционных, боевых и трудовых традиций советского народа», – отмечает автор[10]. При этом очевидна и идеологическая подоплека: советские праздники рассматриваются как способ «коммунистического переустройства быта» – идеологической кампании, проводимой в 1960-е гг.

Для советской историографии 1950–1970-х гг. характерно рассмотрение праздников через призму их воспитательной и социализирующей роли, в контексте советских обрядов, традиций и обычаев. Подобный культурологический или «этнографический» поворот был обусловлен как состоянием отечественной науки (сыграло свою роль активное развитие в 1960–1970-х гг. культурологии, связанное с именами А. Ф. Лосева, Ю. М. Лотмана, С. С. Аверинцева и М. М. Бахтина, известного своей концепцией средневекового карнавального праздника[11]), так и с новыми идеологическими установками: на XXII съезде КПСС было отмечено, что в СССР сформировалась новая

[8] Там же. С. 35–38.
[9] Руднев В.А. Советские обычаи и обряды. Л., 1974.
[10] Там же. С. 3.
[11] Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965; 1990.

историческая общность – «советский народ». В связи с этим, очевидно, необходимо было осмыслить и проблему советской культуры, в контексте которой и стали рассматриваться праздники. В подобном ключе были выполнены работы И. А. Крывелева[12], Г. Е. Геродника[13], Д. М. Угриновича[14], Ю. Н. Ельченко[15]. В них торжества представали важной частью социализации советского человека, а советская культура позиционировалась как культура принципиально нового типа. Подобный культурологический подход также базировался на историческом материализме: противопоставление социалистической и буржуазной культур в трудах сохранялось.

К этому же периоду относятся попытки философского осмысления советских праздников. В исследовании А. Я. Белоусова содержится анализ функциональной составляющей торжеств, автор выделяет следующие функции советского праздника: обновленческая («торжественное обновление жизни»); коммуникативная; рекреационная или компенсаторная (снятие эмоционального и физического напряжения, отдых и т.д.); эмоционально-психологическая (получение радостных эмоций и впечатлений); воспитательная[16]. Праздник, таким образом, предстает и как новый социальный институт, сформированный обществом нового типа – советским социалистическим обществом.

Особняком стоит исследование советского искусствоведа и философа А. И. Мазаева, посвященное празднику как социально-эстетическому явлению. Разработанная этим выдающимся исследователем праздничной культуры историко-теоретическая концепция праздника близка нашим взглядам. Наиболее полно его взгляды изложены в монографии «Праздник как социально-художественное явление. Опыт историко-теоретического исследования»,

[12] Крывелев И.А. О формировании и распространении новых обычаев и праздников у народов СССР // Советская этнография. 1963. № 6. С. 16–24.
[13] Геродник Г.Е. Дорогами новых традиций. М., 1964.
[14] Угринович Д. М. Обряды. За и против. М., 1975.
[15] Ельченко Ю.Н. Новому человеку – новые обряды. М., 1976.
[16] Белоусов А.Я. Праздники старые и новые: некоторые философские аспекты проблемы празднования. Алма-Ата, 1974. С. 198.

изданной в Москве в 1978 г.[17] Первый тезис автора, который полностью принимается и в данном исследовании, состоит в том, что праздник представляет собой явление комплексное, состоящее из множества элементов, и при этом не сводимое лишь к этому множеству: «Праздник – явление сложное и многогранное, его нельзя толковать в виде простой, механической суммы слагаемых. Здесь эти слагаемые пребывают во взаимодействии и тесно переплетены друг с другом. Точно так же нельзя, допустим, социальные задачи праздника отрывать от его эстетико-культурных или художественных задач...»[18]. Следующий поддерживаемый нами тезис сводится к тому, что сущность праздника раскрывается лишь в деятельности, которая, в свою очередь, непосредственно связана с коммуникацией: «Праздновать – значит свободно общаться и коллективно переживать идеальные устремления, которые на время как бы стали реальностью, а, следовательно, ощущать полноту жизни – индивидуальной и коллективной, пребывающей в состоянии гармонии с собой и окружающим социальным и природным миром»[19]. В этом же определении кроются и другие важнейшие философские составляющие праздника: коллективность и ощущение полноты жизни за счет воплощения в жизнь идеальных устремлений. Таким образом, праздник оказывается неразрывно связан с такими понятиями, как «коммуникация», «коллектив», «свобода», «идеал». Наиболее афористично это отразилось в авторском определении А. И. Мазаева: «Праздник – это коммуникация по поводу свободы»[20]. Наконец, последний тезис, наиболее интересный и важный для данного исследования, состоит в том, что праздник имеет диалектический характер. В разделе «Двойственная природа праздника» А. И. Мазаев приводит важнейшие антиномические внутренние противоречия этого философского и социального феномена, которые с некоторыми доработками автора диссертации могут быть изложены следующим образом. Праздник имеет собственное самоценное

[17] Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление: Опыт историко-теоретического исследования. М., 1978.
[18] Там же. С. 7.
[19] Там же. С. 11.
[20] Там же. С. 12.

социальное значение для людей (как время рекреации, общения, идеализации жизни и т.д.), и в то же время он, по словам Мазаева, «выполняет и чисто техническую, служебную роль, навязанную социально-классовой системой и ориентированную на реализацию своих собственных интересов, совпадающих с интересами власти». Кратко эту двойственность можно свести к тезису: праздник одновременно и самоценен, и инструментален.

В середине 1970-х–1980-е гг. интерес к теме несколько снизился, однако произошло возвращение того предмета изучения, который занимал господствующее положение в 1920-е гг. – эстетическое содержание и практические аспекты организации и проведения праздников. Появились труды искусствоведов: книги О. В. Немиро[21], сборник, составленный И. М. Бибиковой и Н. И. Левченко[22] и др. В центре внимания авторов перечисленных работ – визуальный аспект праздников, их оформление и анализ воздействия на зрителя и участника торжеств. Однако теперь изучались сложившиеся практики оформления, и уже не такого элементарного (кустарного) как в 1920-е гг., а качественного, технически сложного. Что касается методологии, то исследователи оперировали в том числе такими терминами как «знак» и «символ». В это же время в западных гуманитарных науках набирали силу новые направления исследований, связанные с так называемым «визуальным поворотом» и именами Ж. Бодрийяара, Ж. Лакана и М. Фуко. Конечно, в трудах советских исследователей не были упомянуты перечисленные имена, однако, как нам кажется, несмотря на некоторую изолированность советской науки от мировой, все-таки можно подметить влияние общемировых тенденций.

Также ученые вновь обращались к проблематике организации торжеств, сценариев их проведения. Таковы работы А. Д. Жаркова[23], И. М. Туманова[24] и др. Наиболее крупным ученым в этом направлении являлся Д. М. Генкин, автор ряда

[21] Немиро О. В. В город пришел праздник: из истории художеств. оформления совет. массовых празднеств. Л., 1973; Праздничный город: Искусство оформления праздников: История и современность. Л., 1987.
[22] Агитационно-массовое искусство. Оформление празднеств: материалы и документы 1917–1932. М., 1984.
[23] Жарков А. Д. Клуб в дни всенародных праздников: научное издание. М., 1983.
[24] Туманов И.М. Режиссура массового праздника и театрализованного концерта. М., 1976.

статей и пособий, а также докторской диссертации по педагогике[25]. Праздник в его работах рассматривается как эффективный инструмент социализации и передачи культурных ценностей, значительное внимание уделено режиссуре и драматургии праздника, средствам идейно-эмоционального воздействия на участников и зрителей торжеств, а также их большому воспитательному потенциалу.

Другим ярким примером исследований «прикладного» характера является пособие, составленное Н. М. Заковичем, П. И. Косухой, В. А. Перуновым[26]. В нем не только раскрывается сущность социалистических обрядов и их социализирующая роль, но также излагаются правовые и организационно-хозяйственные аспекты, предлагаются конкретные идейные, сценарные и художественные варианты проведения советских обрядов, в том числе и в рамках праздников. Данная книга была рекомендована в качестве справочно-информативного пособия для работников обрядовых служб.

Примечателен и сборник 1986 г., который обобщил опыт развития гражданской обрядности в Украинской ССР[27]. Большинство его статей посвящены деятельности Комиссии по советским традициям, праздникам и обрядам при Совете Министров УССР, а также областных, городских и районных комиссий. Помимо теоретических изысканий, в целом не слишком отличающихся от разработок 1960–1970-х гг., статьи отражают конкретный опыт становления гражданской обрядности на местах. Более значимым и новаторским для советской историографии является обращение авторов этого сборника к теме регулирования партийными и советскими органами торжеств и обрядов, а также к теме кадрового обеспечения организаторов праздников (таковы статьи В. И. Сличенко, С. А. Чернолоза, А. М. Цуркана, Л. И. Хорозова). Также в приложениях к сборнику содержались шаблоны сценариев и рекомендации к проведению

[25] Генкин Д.М. Массовые праздники: учеб. пособие для ин-тов культуры. М., 1975; Социально-педагогические основы массового праздника: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Л., 1979; Массовые театрализованные праздники и представления: учеб.-метод. пособие. М., 1985.

[26] Социалистическая обрядность: учеб.-метод. и справ.-информ.пособ. для исполнителей, организаторов обрядности, работников обрядовых служб / сост. Н. М. Закович. Киев, 1986.

[27] Советские традиции, праздники и обряды: Опыт, проблемы, рекомендации / сост.: М.А. Добуш, Н.М. Закович, В.А. Перунов. М.,1986.

торжеств, в частности особое внимание уделено сценарию Дня Победы, что раскрывает потенциал этой книги в качестве исторического источника.

С распадом СССР в 1991 г. интерес к советским праздникам заметно снизился, исследователи праздничной культуры все чаще стали обращаться к церковным и русским народным праздникам. Однако, начиная с к. 1990-х гг.[28] и по настоящее время тема вновь обретает популярность, число исследователей растет, расширяется и спектр методологических подходов. Особенно заметно влияние западной историографической традиции, прежде всего школы Анналов и их последователей.

Новым направлением стало изучение региональных особенностей проведения советских праздников (прежде всего относящихся к периоду 1920–1930-х гг.). Крупным исследователем в этом направлении является С. Ю. Малышева, рассматривающая праздники в контексте провинциальной культуры на материалах Казани[29]. При этом исследователь не ограничивается реконструкцией местных праздников, она изучает также и городское пространство в праздничном контексте, символы, коммеморативные практики и исторические мифы.

Значимое место в современной историографии проблемы занимают труды С. Н. Шаповалова, изучающего историческое развитие советских праздников на материалах Краснодарского края и Ростовской области[30]. Автор также обращался к проблеме трансформации советской праздничной системы в послевоенные годы[31]. Также отметим и статьи, посвященные праздникам в отдаленных

---

[28] Кислицына А. Н. Массовые праздники в Петрограде в 1917–1922 гг. История организации и проведения: автореф. дис. … канд. ист. наук: СПб., 1999.

[29] Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005; Праздный день, досужий вечер: культура досуга российского провинциального города второй половины XIX - начала XX века. М., 2011.

[30] Шаповалов С.Н. Историческая трансформация российских (советских) государственных праздников в 1917–1991 гг.: на материалах Краснодарского края и Ростовской области: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2011; Палитра праздников в кубанских станицах в 1920-е гг. // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: сб. ст. М., 2020; «Наши торжества носят сухой официальный характер»: некоторые аспекты восприятия государственных праздников населением провинциальных городов в 1920-е гг. // Город и горожане в Советской России 1920–1930-х гг.: мир эмоций и повседневных практик. Краснодар, 2017.

[31] Шаповалов С. Н. Реорганизация советского праздничного календаря в 1945–1950-е гг. // Общество: философия, история, культура. 2015. № 1.

регионах: к примеру, о Хакасии писала Е. П. Мамышева[32], о Дальнем Востоке – А. А. Исаев[33].

Другим направлением в современной историографии является рассмотрение праздников в контексте политики памяти. Некоторые историки сосредоточили внимание на празднуемых в СССР юбилеях. Отметим монографию известного историка Г. А. Бордюгова, посвященную крупным юбилеям Сталина, Октябрьской революции и Дня Победы[34]. В центре его внимания вопросы формирования культа торжеств, складывании стереотипов об исторических событиях, использовании символьной политики в качестве опоры властного режима. Ряд работ об исторических юбилеях 1950–1960-х годов (800-летие Москвы, 300-летие воссоединения с Украиной, 40-летие Октябрьской революции и др.) принадлежит московскому историку А. Л. Махныреву[35]. Исследования этого автора примечательны богатым фактографическим материалом, широким использованием документов федеральных и московских архивов. Махнырев реконструирует проводимые юбилеи в деталях, а особое внимание уделяет вопросу использования исторических образов в контексте современной юбилеям политической конъюнктуры.

Вновь получила распространение проблематика рассмотрения советских торжеств как орудия в антирелигиозной борьбе 1920-х гг. (статьи О. П. Федерико[36], А. Н. Соболевой[37], Ж. Н. Ушаковой[38] и др.).

---

[32] Мамышева Е.П. Советские праздники в Хакасии в 1920-е годы: особенности восприятия // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2018. № 23.

[33] Исаев А.А. Праздник Великой Октябрьской социалистической революции на Дальнем Востоке СССР в 1930-е гг. Как часть политико-идеологической работы среди населения региона // Вестник ТГПУ. 2018. № 1 (190).

[34] Бордюгов Г. А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М., 2010.

[35] Махнырев А.Л. 800-летие Москвы сквозь призму советского общественного мнения // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2012. № 1 (9); Изменение роли и места исторических юбилеев в общественно-политической жизни СССР: от послевоенного сталинизма к хрущевской «оттепели» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2014. № 3; Роль и место исторических юбилеев в общественно-политической жизни СССР (1945–1964 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2015.

[36] Федирко О.П. Роль советских праздников в антирелигиозной борьбе на Дальнем Востоке в 20-е– 30-е гг. XX в. // Власть и управление на Востоке России. 2010. № 1.

[37] Соболева А.Н. Роль советских праздников в антирелигиозной пропаганде Бурят-монгольской АССР в 1920-е гг. // Вестник БГУ. 2014. № 7-1.

[38] Ушакова Ж.Н. Антирелигиозная пропаганда на примере советских праздников в Прикамье в 1920-е гг. // Вестник НАСА. 2017. № 1 (13).

Тема праздников и других традиций также изучается и в контексте истории повседневности, в том числе в посвященных Ленинграду работах Н. Б. Лебиной[39], И. В. Сидорчука[40], Ф. К. Ярмолича[41].

Яркой тенденцией последних лет является рассмотрение праздников как политического инструмента. Итоги изучения празднования первых годовщин Октябрьской революции в политическом контексте отражены в публикациях К. В. Годунова[42]. В монографии, опубликованной в 2023 г., он рассматривает 7 ноября в контексте политической культуры Гражданской войны[43]. Автор уделяет внимание как организационному аспекту торжеств, так и неочевидным их элементам: эмоциям и языку их описания (в этом проявилось влияние последних веяний в исторической науке – в 2018 г. на русском языке вышла крупная монография Я. Плампера, посвящённая истории эмоций[44]), переносу сакральности, вопросам насилия, а также образам вождей (влияние «имагологии» – также достаточно нового для российских историков направления).

Наиболее значимой работой последних лет является монография Е. В. Барышевой, подготовленная на основе защищенной докторской диссертации[45]. Интереса заслуживает методологическая концепция, позволяющая рассматривать праздники как механизм коммуникации власти и общества, а фактический материал 1920–1930-х годов, изложенный Е. В. Барышевой на основе источников Москвы и Ленинграда, может лечь в основу для сравнения с

---

[39] Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е годы. СПб, 2021; Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель. М., 2023 и др.

[40] Сидорчук И.В. Досуг городского населения России в 1918–1935 гг. СПб.: Политех-Пресс, 2022; «Традиции старые мы позабудем...»: праздники, отдых, повседневные практики и воспитание нового студента в 1920-е годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29, № 4. С. 163–164; Дома культуры как досуговые пространства в конце 1920-х – 1-й половине 1930-х гг. (на примере Ленинграда) // Клио. 2022. № 8. С. 105–114 и др.

[41] Ярмолич Ф.К. Досуг в советском городе и формирование «нового человека» в 1950–1960-х гг. М., 2025; Ленинградец в политическом пространстве 1950-х – начале 1960-х гг. // Вестник ТГУ. 2017. №4. С. 137–144 и др.

[42] Годунов К.В. Праздник 7 Ноября в политической жизни Советской России эпохи Гражданской войны (1918-1920 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2018; Празднование первой годовщины Октября и ожидания мировой революции // Новейшая история России. 2018. № 2; Празднование первой годовщины Октября и красный террор: легитимация революционного насилия // Новейшая история России. 2020. Т.10, № 4 и др.

[43] Годунов К.В. «Красная Пасха»: празднование годовщин Октября и политическая культура Гражданской войны. СПб., 2023.

[44] Плампер Я. История эмоций / пер. с англ. К. Левинсона. М., 2018.

[45] Барышева Е.В. «В веселом грохоте, в огнях и звонах»: советский праздник в социальном конструировании нового общества. М., 2020; Советский государственный праздник в социальном конструировании нового общества. 1918–1941 гг.: дис. … д-ра. ист. наук. М., 2021.

праздниками более поздних периодов. В основу этого труда легла концепция коммуникации, разработанная крупным американским политологом и социологом Г. Д. Лассуэллом, одним из основоположников современной политологии. Также Е. В. Барышевой принадлежит ряд статей о роли праздников в конструировании советского общества[46], кроме этого она рассматривает праздник и в контексте истории повседневности[47].

Также необходимо выделить монографию, посвященную массовым праздникам 1930-х–середины 1940-х гг., изданную в 2024 г. московским историком В. А. Невежиным[48]. На основе анализа документов из фондов федеральных архивов, прежде всего РГАСПИ, автор описывает участие высшей партийной номенклатуры (членов Политбюро и ЦК ВКП(б), наркомов и лично И.В. Сталина) в организации Первомая и годовщин Октября, уделяя особое внимание процессу создания лозунгов (призывов ЦК ВКП(б)), проведению торжественных заседаний Моссовета и военных парадов на Красной площади, а также кремлевских банкетов. Большая ценность монографии состоит в том, что автор, используя документы Архива внешней политики РФ, проанализировал восприятие проводимых праздников иностранными представителями.

Заслуживает большого внимания цикл статей кандидата исторических наук А. Д. Попова[49]. Отдельно отметим его статью, написанную в соавторстве с Н. Ю. Пивоваровым[50]: в ней авторы рассматривают демонстрацию высшей дискурсивной власти ЦК КПСС на примере праздничных лозунгов. В 2023 г. исследователь возглавил проект, финансируемый РНФ, по теме «Бои за прошлое

---

[46] Барышева Е.В. Конструирование политического пространства советского города 1920–1930х гг. // Вестник РГГУ. 2015. № 11(154); Мир идеалов советского праздника (К вопросу конструирования социальной реальности) // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2016.

[47] Барышева Е.В. Оборотная сторона советского праздника 1920–30-х годов: 7 ноября глазами современников // Диалог со временем. 2017. № 59; Формирование идеи «совместного» в ритуальных политических событиях 1920–1930-х годов // Вестник РГГУ. 2012. № 1.

[48] Невежин В.А. Советская праздничная культура. Первомайские и Октябрьские тожества (1930-е — середина 1940-х гг.). М., 2024.

[49] Попов А. Д. Празднование 40-летия Победы и тенденции развития исторической памяти о Великой Отечественной войне в последнее советское десятилетие // Российские регионы: взгляд в будущее. 2018. Т. 5, № 2; Метаморфозы памяти: сравнительный анализ празднования Дня Победы в 1955 и 1985 годах // Ялта 1945: уроки истории: сб. материалов науч. конф. Ливадия, 2019.

[50] Попов А.Д., Пивоваров Н.Ю. Демонстрация дискурсивной власти: высшее партийное руководство СССР и организация празднования 1 мая и 7 ноября (1950–1960-е годы) // Исторический курьер. 2021. № 6 (20).

в эпоху перемен: мемориальные конфликты “оттепели” и “перестройки”», в рамках которого были опубликованы исследования, посвященные Дню Победы и политике памяти в первые послевоенные десятилетия[51].

Среди работ по проблематике советских праздников, выполненных в рамках антропологического подхода, значимой для нас оказалась объемная статья сотрудников Европейского университета в Санкт-Петербурге А. К. Байбурина и А. М. Пиир «Счастье по праздникам»[52]. Помимо ряда выводов и наблюдений авторов относительно восприятия населением официальных торжеств, эта работа важна тем, что в ней частично опубликованы интервью советских граждан. В подобном ключе написана и статья К. Келли и С. С. Сиротиной, в которой рассматривается восприятие торжеств детьми[53].

Особый интерес вызывает возвращение в исследовательское поле темы режиссуры и зрелищной культуры советских праздников, связанное с выходом в печать в 2024 г. монографии Е. Слесаря[54]. Автор посвятил свою книгу театральному аспекту советских праздников и фестивалей 1960-х гг. и отражению в них «советского мифа». Книга основывается на анализе деятельности Лаборатории массовых зрелищ (основанной в 1960 г. при Всероссийском театральном обществе), автор впервые вводит в научный оборот архивные материалы этой организации. Большая часть исследования базируется на весьма подробном анализе сценариев театрализованных празднеств и фестивалей («Проводы русской зимы», «Праздник русской березки», «Космический карнавал» и т.д.), в организации которых устроители торжеств как бы «набивали руку» в подготовке к главному празднику – 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции 1967 г., театральная составляющая которого также

[51] Попов А. Д., Пивоваров Н.Ю., Сак К.В. Ритмы прошлого: первые годовщины Великой Отечественной войны в советской политике памяти (1945–1965) // Российская история. 2023. № 3; Попов А. Д., Попова Е.А. «Необходимо восстановить как дань уважения к великому подвигу…»: письма о повышении символического статуса праздника Победы в личном архиве С.С. Смирнова // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы V Всерос. науч. конф. с международным участием. Ростов-на-Дону, 2024.

[52] Байбурин А.К., Пиир А.М. Счастье по праздникам // Антропологический форум. 2008. № 8.

[53] Келли К., Сиротина С.С. «Было непонятно и смешно»: Праздники последних десятилетий советской власти и восприятия их детьми // Антропологический форум. 2008. № 8.

[54] Слесарь Е. Советский праздник: театрализация мифа. М., 2024.

была изучена автором на примере Ленинграда. Интерес представляет и анализ знаменитого праздника выпускников «Алые паруса», которому посвящен один из подразделов издания. Книга заслуживает большого внимания исследователей праздничной культуры, ее бесспорным достоинством является опора на богатый архивный материал. В то же время, нельзя не отметить слабое использование автором существующей научной литературы, ввиду которого, вероятно, некоторые выводы (особенно относящиеся к рецепции «советского мифа») выглядят либо спорными (как выводы о различиях ленинградских и московских праздничных нарративов), либо не слишком оригинальными (как выводы о мифологизации В. И. Ленина).

Отметим ряд постсоветских трудов по теории праздников. Среди работ современных культурологов одними из наиболее значимых являются книги театрального режиссера, педагога, доктора культурологии О. Л. Орлова[55], в которых праздник рассматривается с междисциплинарных позиций как уникальное явление культуры. Серьезный вклад в осмысление социокультурных, политических и философских аспектов праздника внесла И. Н. Лаврикова, защитившая диссертацию на соискание степени доктора культурологии по теме политического праздника и опубликовавшая ряд трудов по теме[56]. Как элемент гражданской религии советские праздники рассматривает доктор философских наук В. М. Сторчак, в его монографии предлагается теоретическое осмысление торжеств с точки зрения их функциональных и структурных особенностей, в том числе в сопоставлении с христианскими праздниками[57]. В контексте культурологии и педагогики более тридцати лет изучает тему профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Челябинского государственного института культуры Л. Н. Лазарева[58]. Среди философов

[55] Орлов О.Л. Праздничная культура России. СПб., 2001; Российский праздник как историко-культурный феномен. СПб., 2003.
[56] Лаврикова И. Н. Политический праздник: культурфилософский анализ: дис. … д-ра культурологии. М., 2015; Политический праздник в системе культуры. 2-е изд., доп. Тверь, 2013; Система праздничного действа: феномен приобщения // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. Т. 18, № 1; Сфера праздничного - зона идеологического // Свободная мысль. 2012. № 3-4.
[57] Сторчак В.М. Советская гражданская религия. М., 2019.
[58] Лазарева Л.Н. Календарно-обрядовый праздник и традиция: феномен взаимообусловленности: избр. ст. Челябинск, 2024.

наиболее предметно тему разрабатывает С. В. Юрлова[59]. Отметим, что советские праздники в трудах современных культурологов и философов, как правило, рассматриваются в контексте праздников вообще и практически не осмысляются как нечто принципиально особое. Не выработана пока и сколь-нибудь цельная концепция государственного праздника, которая могла бы стать прочной основой для конкретно-исторических исследований.

Наконец отметим, что исследованию праздников стали посвящаться тематические выпуски журналов и круглые столы конференций. Так, 5 ноября 2015 г. в Пермском государственном архиве новейшей истории прошел круглый стол под названием «“Ноябрьские” праздники: исторический, культурологический и социальный аспекты», который дал начало конференции «Ноябрьские историко-архивные чтения в Пермском партархиве», ставшей ежегодной. Директор ПермГАСПИ С. В. Неганов отмечал, что «Ноябрьскими» Чтения являются не случайно: «Поскольку “старый” советский праздник 7 ноября и “новый” праздник 4 ноября являются знаковыми, идеологически и символически насыщенными, множеством нитей связанными с актуальной общественной и политической жизнью разных эпох в новейшей истории России»[60]. Круглый стол по теме ноябрьских праздников был важной частью Чтений первых лет, его доклады и выступления публиковались в составе сборников материалов этих конференций. Так, «праздничный» круглый стол 2016 года был посвящен поздравительным открыткам СССР[61], в 2017 г. обсуждалось исследование А. А. Шишкина об организации празднований годовщин ВОСР в послевоенном г. Молотове[62], в 2018 г. акцентировалось внимание на отражении

[59] Юрлова С. В. Новая модель праздничной культуры и проблема национальной идентичности // Медиакультура новой России: материалы международн. науч. конф. «Судьба России: вектор перемен». Т. 2. Екатеринбург; М., 2007; «Праздник, который всегда…» (или вновь о проблеме сущности праздника) // Духовный мир современного человека: противоречия, проблемы, поиски и решения: сб. ст. Челябинск, 2004; «Вечный праздник», или Мифология общества потребления // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 2 (76).
[60] Ноябрьские историко-архивные чтения – 2016 г.: материалы науч. конф. / под ред. С. В. Неганова. Пермь, 2017. С. 7.
[61] Там же. С. 387–398.
[62] Шишкин А.А. Организация праздника Великой Октябрьской социалистической революции в г. Молотове в послевоенное время (1945–1953 гг.). Ноябрьские историко-архивные чтения – 2017 г.: материалы науч. конф. / под ред. С. В. Неганова. Пермь, 2018. С. 520–526.

ноябрьских праздников в памятниках и памятных знаках[63]. К сожалению, в последующие годы ноябрьские праздники перестали обсуждаться в рамках круглых столов «Ноябрьских чтений…».

Феномену государственного праздника в 2015 г. были посвящены юбилейный 100 и 101 выпуски журнала «Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре». Среди большого разнообразия различных аспектов общей темы выделяются работы, посвященные теории государственного праздника[64], политике памяти[65], советским массовым торжествам[66]. Статьи указанных выпусков отличаются большим разнообразием методологических подходов и тем, широкой географией авторов, и в целом выполнены на высоком научном уровне.

В зарубежной историографии интерес представляют прежде всего теоретические изыскания крупных философов, социологов и культурологов. Так, о празднике писали такие ученые как Э. Дюркгейм[67], З. Фрейд[68], М. Элиаде[69], Й. Хейзинга[70] и др. Крайне интересную концепцию праздника как «трансгрессивного сакрального» предлагает известный социолог Р. Кайуа в книге «Человек и сакральное»[71]. Несмотря на то что Кайуа опирается на этнографический материал, его выводы относительно некоторых особенностей и функций праздника, на наш взгляд, вполне могут быть использованы и для

---

[63] Ноябрьские историко-архивные чтения – 2018 г.: материалы науч. конф. / под ред. С. В. Неганова. Пермь, 2019.
[64] Кустарев А. Сегодня весь народ отмечает славную годовщину // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 2(100); Этциони А. Праздники: забытая колыбель добродетели // Там же; Зерубавель Э. Переломные моменты истории // Там же и др.
[65] Габович М. Памятник и праздник: этнография Дня Победы // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 3(101); Юдкина А. Б. Памятник без памяти: первый Вечный огонь в СССР // Там же; Браун Д. Перформативная память: празднование Дня Победы в Севастополе // Там же; Ваньке А. В. Ландшафты памяти. Парк Победы на Поклонной горе в Москве // Там же; Полян П. М. Историомор. Структуризация памяти и инфраструктура беспамятства // Там же и др.
[66] Третьяков С. М. Как десятелить? Записная книжка. Газета на шестах // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 3(101); Корни Ф. К. Истина и поэзия. Десятая годовщина Октября // Там же; Кустова Э. М. Советский праздник 1920-х годов в поисках масс и зрелищ // Там же; Горин Д. Г. От карнавала к литургии: мотивы атеистической космогонии в главном советском празднике // Там же; Колягина Н. К., Конрадова Н.А. День Победы на Поклонной горе: структура пространства и ритуалы // Там же; Резникова О. Скорбь и праздник в (пост)колониальном контексте. Этнографические заметки. Грозный 8, 9 и 10 мая // Там же; Макаркин А. В. Противоречивые праздники новой России // Там же; Гогин С. В. Изображая радость: праздник как номенклатурное мероприятие // Там же.
[67] Дюркгейм Э.Элементарные формы религиозной жизни / пер. с франц. В. Земсковой; под науч. ред. Д. Куракина. М., 2018.
[68] Фрейд З. Тотем и табу. М., 1997.
[69] Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр. Н.К. Гарбовского. М., 1994.
[70] Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий /сост., пер. и предисл. Д. В. Сильвестрова. СПб., 2011.
[71] Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М., 2003.

анализа праздников недавнего прошлого и даже современных. Это поможет не только глубже понять феномен советского праздника, но также и несколько поколебать устоявшееся мнение, согласно которому советские праздники являются полностью «искусственными». Р. Кайуа дает следующую характеристику праздника, которую мы в полной мере разделяем: «Действительно, в своей полной форме праздник должен характеризоваться как пароксизм общества, которое им одновременно и очищается и обновляется. Праздник — кульминационный пункт его жизни не только с религиозной, но и с экономической точки зрения. Это момент оборота богатств, время самых крупных сделок, престижной раздачи ранее накопленных запасов. Праздник предстает как тотальное явление, где общество проявляется и заново закаляется в своей славе и сущности; в этот момент вся группа ликует при виде новых рождений, подтверждающих ее процветание и обеспечивающих ее будущее. Она принимает в свое лоно новых членов посредством утверждающей их силу инициации…»[72].

В известной степени классической для отечественных исследователей стала книга польского социолога К. Жигульского[73]. Исследование богато теоретическими наблюдениями, среди которых для нас оказалось особенно важным заключение автора о самостоятельной институциональной основе праздника, отделяющей его от мифа и игры.

В зарубежных исторических исследованиях по теме наиболее частой проблематикой выступает замещение религиозных обычаев советскими[74].

Вероятно, первой зарубежной исторической монографией, в которой советские праздники заняли центральное место, можно считать исследование Джеймса фон Гельдерна[75]. Автор изучает эволюцию массовых торжеств с 1917 по 1920 гг., а в центре его внимания – проблемы трансформации саморепрезентации

---

[72] Там же. С. 242.
[73] Жигульский К. Праздник и культура: праздники старые и новые. Размышления социолога. М., 1985.
[74] McDowell J. “Soviet Civil Ceremonies” // Journal for the Scientific Study of Religion, vol. 13, no. 3, 1974; Froese P. “Forced Secularization in Soviet Russia: Why an Atheistic Monopoly Failed” // Journal for the Scientific Study of Religion. 2004. Vol. 43, no. 1; Stone A. B. Overcoming Peasant Backwardness: The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union // The Russian Review. 2008. Vol. 67, no. 2.
[75] Geldern J. von. Bolshevik Festivals, 1917–1920. Berkeley and London, 1993.

большевистской власти, установления монополии на революционный миф и «осовечивания» старых национальных и культурных символов.

Отметим монографию К. Петроне, посвященную праздникам сталинского периода[76]. Исследовательница рассматривает успехи и противоречия торжеств и фестивалей 1930-х гг. (таких как годовщины революции, Первомай, Дни авиации, Новый год, столетняя годовщина смерти А. С. Пушкина и т.д.) в деле мобилизации и воспитании масс. Особое внимание уделено противоречиям, возникавшим в процессе подготовки и проведения праздников, сами же торжества традиционно рассматриваются в инструментальном ключе как способ реализации властью внутриполитических целей.

Наиболее объемным и качественным зарубежным исследованием по теме является книга немецкого историка М. Рольфа[77]. На материалах Центрально-Черноземного региона Рольф рассматривает развитие праздничной системы в СССР, в центре его внимания находится проблема советизации общества посредством внедрения новых торжеств. Богатая источниковая база исследования, оригинальное мышление автора и глубокое знание различных концепций и подходов к изучению праздников делают эту книгу настольной для любого исследователя массовых торжеств.

Таким образом, анализ историографии показал большое разнообразие подходов к теме. Отсутствие единого взгляда на феномен праздника среди ученых является и достоинством современного состояния историографии, и ее недостатком. Наиболее обширна советская историография. Несмотря на большое число работ и высокий уровень многих из них, обращение к советской историографии в данном исследовании имеет ограниченные возможности. Прежде всего, в ней практически не освещаются организационные принципы подготовки торжеств административным аппаратом, не содержится информации о восприятии массовых праздников населением, о реальных политических целях и задачах, идеологических противоречиях, нет достаточной опоры на архивные

[76] Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington, 2000.
[77] Рольф М. Советские массовые праздники / пер. с нем. В. Т. Алтухова. М., 2009.

источники. Государственный праздник в трудах большинства советских исследователей предстает явлением однозначным и непротиворечивым, что не соответствует действительности. Вместе с тем, достижения предшественников могут и должны использоваться в контексте изучения социального проектирования и педагогики, целей и задач официальной праздничной политики. Несомненным плюсом являются методические рекомендации к проведению торжеств, отражающие местный опыт, что раскрывает возможности для использования их в качестве исторического источника (к сожалению, в большей степени это касается гражданских обрядов и трудовых праздников, в то время как Первомай и годовщины ВОСР почти не затрагиваются). Для современных отечественных и зарубежных конкретно-исторических исследований советских праздников общей проблемой являются узкие хронологические рамки: за редким исключением исследователи ограничиваются довоенным периодом. Эту проблему осознают и некоторые исследователи: «Словно существует некое молчаливое согласие, что праздники хрущевской и брежневской эры особого интереса не представляют…»[78].

Новизна исследования, таким образом, обусловлена существованием лакуны в историографии: подавляющее большинство научных работ по тематике советских праздников охватывают хронологический период 1917–1941(1945) гг. Праздничная культура СССР 1945–1991 гг. не отмечена ни одним крупным отдельным исследованием. Изучается прежде всего период становления советской праздничной системы, а ее дальнейшая трансформация остается за пределами исследований, отсюда возникает представление о неизменности советских праздников с момента их утверждения – что, очевидно, не соответствует действительности. Также в диссертационной работе впервые вводятся в научный оборот документы архивов Санкт-Петербурга: постановления партийных органов о подготовке и проведении торжеств, стенограммы заседаний праздничных комиссий, тексты праздничных радиотрансляций, отчеты Отдела массовых праздников и др. Впервые подробно описывается деятельность

[78] Келли К., Сиротина С.С. Указ. соч. С. 258.

праздничных комиссий, всесторонне характеризуются позднесоветские торжества, определяется их роль во взаимоотношениях власти и общества. Новизну также вносит использование междисциплинарного подхода, методов новой исторической антропологии, символической политики и семиотического анализа, при опоре на широкую источниковую базу. Проблема впервые рассматривается комплексно и многоаспектно, предлагается новый взгляд на советские государственные праздники 1945–1991 гг.

Источники. Исследование основывается на обширной источниковой базе: законодательных актах, делопроизводственных документах, периодической печати, произведениях художественной литературы, аудиовизуальных источниках и источниках личного происхождения.

Часть источников были опубликованы, в том числе используемые законодательные и подзаконные акты. В частности, отметим сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета[79]. В нем нашли отражения законодательные изменения в календаре красных дат за период с 1938 по 1956 гг. Использовались и постановления ЦК КПСС[80]. Законы и постановления 1960–1980-х гг. цитировались в основном на основе их изложения в «Ведомостях Верховного Совета СССР»[81] – официальном еженедельном издании. Эта группа источников использовалась в основном для уточнения хронологии введения и отмены праздников, а также для изучения официальной позиции органов власти и управления в отношении тех или иных торжеств.

Также в исследовании были использованы материалы периодической печати, прежде всего газет «Правда», «Известия» и «Вечерний Ленинград». Подконтрольная цензуре советская периодика как нельзя лучше подошла для рассмотрения государственной пропаганды: в ней публиковались первомайские и октябрьские призывы, размещались рапорты о том, как страна готовится к

[79] Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.). М., 1956.
[80] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). Т.8. М., 1985; Постановление ЦК КПСС о подготовке к празднованию 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957.
[81] См., например: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 октября 1980 г. № 3018-X «О праздничных и памятных днях» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1980. № 41. Ст. 846.

празднику, велись отчеты о прошедших торжествах. В некоторых случаях материалы газет использовались для подтверждения отдельных исторических фактов (например, в выпусках за праздничные дни публиковались приказы Министра обороны СССР).

Крайне ценными для исследования оказались источники личного происхождения – дневники, мемуары и интервью. Несмотря на их субъективность, эмоциональность, они незаменимы: без них невозможно было бы оценить восприятие торжеств советскими гражданами, и праздничная коммуникация в исследовании оказалась бы «односторонней». Часть использованных источников была опубликована в тематических сборниках: например, сборники воспоминаний студентов матмеха[82] и физфака[83] ЛГУ, в которых среди прочего нашли отражение впечатления о советских праздниках, проходивших в Ленинграде. Использовались также воспоминания и интервью, опубликованные в книгах «Сумерки “Сайгона”»[84] и «Цветы, пробившие асфальт…»[85], отражающие взгляд «неформалов» и части творческой андеграундной интеллигенции на советские торжества.

Одними из наиболее информативно насыщенных оказались мемуары М. Черейского[86]. Автор, заставший 1950–1960-е гг. в Ленинграде еще совсем молодым человеком, посвятил теме советских праздников отдельную главу. Приведенные им бытовые детали (например, традиция заходить в гости после демонстраций, маршруты шествия и т.д.) заслуживают доверия, так как во многом подтверждаются другими источниками. Полезными оказались мемуары известного ленинградского литератора Л. В. Лосева[87]. Их ценность заключается в том, что они отражают позицию и взгляд нонконформиста на советские праздники, а также повествуют о близких знакомых автора – участников так называемой «филологической школы» (один из которых – М. М. Красильников

[82] Матмех ЛГУ, шестидесятые и не только: сб. воспоминаний / под ред. Д. Эпштейна, Я. Шапиро, С. Иванова. СПб., 2011.
[83] Шестидесятые годы на физфаке ЛГУ: сб. воспоминаний. Вып. 2. Гатчина, 2014.
[84] Сумерки «Сайгона» / сост. Ю. Валиева. Изд. 2-е. СПб., 2019.
[85] Фюрст Ю. Цветы, пробившие асфальт: Путешествие в Советскую Хиппляндию /пер. с англ. И. Косалс. М., 2023.
[86] Черейский М. Дракон с гарниром, двоечник-отличник и другие истории про маменькиного сынка. М., 2012.
[87] Лосев Л. Меандр: мемуарная проза. М., 2010.

был осужден за антисоветскую акцию во время демонстрации). Особо отметим книгу журналиста В. М. Бузинова[88]. Несмотря на то что она является краеведческим исследованием, выполненным в публицистическом жанре, в ней содержатся крайне любопытные воспоминания автора, работавшего радиожурналистом и принимавшего участие в проведении праздничных трансляций с Дворцовой площади в 1970–1980-е гг. В исследовании также использовался дневник журналиста В. И. Тюева, опубликованный в 2021 г.[89] Его название («Голос из толпы») красноречиво свидетельствует, что в отличие от книг известных людей, дневник велся «рядовым» человеком, что особенно ценно для нас. Тема торжеств затрагивается лишь в нескольких записях, однако степень доверия к этому источнику достаточно высокая. Также отдельные детали, повествующие о жизни в Ленинграде 1950–1980-х гг. в контексте государственных праздников, были почерпнуты из воспоминаний военного врача и телеведущего Ю. А. Сенкевича[90], журналиста В. В. Овчинникова[91], искусствоведа М. Ю. Германа[92] и др.

Значимое место в этой группе источников занимают проведенные нами опросы и интервью жителей Санкт-Петербурга об их первом опыте участия в торжествах, об эмоциональном состоянии, о том, как воспринималась пропаганда. Также использовались воспоминания, записанные А. К. Байбуриным и А. М. Пиир[93]. К сожалению, у нас нет доступа к полным текстам расшифровок, но ввиду уникальности этих материалов мы не могли не использовать те фрагменты, которые репрезентативны даже в виде цитат. Ценность этих источников обусловлена их содержанием: опрошенные (большинство из которых ленинградцы, заставшие праздники 1950–1970-х гг.) рассказывают о своем личном опыте участия в демонстрациях, о том, что в праздниках было наиболее ценно, о своих впечатлениях и т.п. В подобном ключе использовались

[88] Бузинов В.М. Дворцовая площадь. Неформальный путеводитель. М., 2005.
[89] Тюев В.И. Голос из толпы. Дневниковые записи. М., 2021.
[90] Сенкевич Ю.А. Путешествие длиною в жизнь. М., 1999.
[91] Овчинников В.В. Калейдоскоп жизни: экзотические, драматические и комические эпизоды личной судьбы ветерана журналистики. М., 2006.
[92] Герман М. Ю. Воспоминания о XX веке: в 2 кн. СПб., 2018.
[93] Байбурин А.К., Пиир А.М. Указ. соч.

воспоминания респондентов К. Келли и С. С. Сиротиной[94], а также материалы бесед с ленинградцами, вошедшие в книгу А. В. Юрчака[95].

Однако большая часть исследования основана на анализе неопубликованных источников, прежде всего делопроизводственных документов.

В диссертационной работе использовались документы Российского государственного архива новейшей истории, связанные с подготовкой и проведением торжеств. Большая часть из них отложилась в фонде Политбюро ЦК КПСС (1952–1991 гг.), в описи Высших органов коммунистической партии (1917–октябрь 1966 г.)[96]. Эти документы отражают деятельность ЦК КПСС по подготовке Первомая и годовщин ВОСР, в них содержатся: проекты призывов ЦК КПСС (включая правки и комментарии к ним), тексты выступлений военачальников на военных парадах и тексты докладов для выступлений на торжественных заседаниях, планы проведения парадов и демонстраций на Красной площади (включая перечни техники, личного состава и числа демонстрантов). Особую ценность представляют решения ЦК КПСС, касавшиеся изменений праздничной сферы: например, было обнаружено постановление, отменявшее использование портретов руководителей на демонстрациях и в украшении городов в мае 1953 г. (было отменено в июле того же года)[97]. Кроме того, использовались материалы и других фондов: Аппарата ЦК КПСС (1935–1991 гг.)[98], например, документы 1969 г., связанные с отменой проведения военных парадов на 1 мая[99]; Коллекции копий документов, рассекреченных при выполнении тематических запросов в процессе научно-исследовательской работы (1920–1991 гг.)[100]. Документы из этого архива позволили уточнить некоторые детали проведения торжеств 1950–1970-х гг., а также помогли определить степень участия высшего партийного руководства в деле подготовки праздников изучаемого периода.

---

[94] Келли К., Сиротина С.С. Указ. соч.
[95] Юрчак А.В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014.
[96] Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 3. Оп. 22.
[97] РГАНИ. Ф. 3 Оп. 22. Д. 229. Л. 1–2.
[98] РГАНИ. Ф. 5.
[99] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 228. Л. 33–34.
[100] РГАНИ. Ф. 89.

Полезными оказались документы Государственного архива Российской федерации. В основном использовались источники, связанные с экономическими аспектами подготовки праздников, отложившиеся в фонде Совета Министров СССР: постановления о расходах на проведение торжеств[101], а также постановления о выпуске товаров к праздникам[102]. Эти источники помогли раскрыть принципы финансирования торжеств в разные периоды, а также выявить новые факты относительно развертывания праздничной торговли. Также использовались документы фонда Верховного Совета СССР, прежде всего материалы по подготовке юбилеев Великой Октябрьской Социалистической революции, в которых нашли отражение предложения граждан, поступившие в Президиум Верховного Совета СССР в связи с празднованием очередных юбилеев[103].

Наиболее важными и ценными для диссертационной работы оказались материалы региональных архивов. Так, в исследовании широко использовались документы Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга и в первую очередь фондов ленинградских обкома[104] и горкома[105] КПСС. В протоколах заседаний бюро горкома и бюро обкома на протяжении 1945–1991 гг. регулярно обсуждались вопросы об организации праздников в городе, принимались соответствующие постановления. Эти делопроизводственные источники можно охарактеризовать как достаточно «сухие», официозные, наполненные канцеляризмами документы, однако с высокой степенью достоверности отражающие процесс подготовки к торжествам. Несмотря на то что постановления касались разных праздников, они составлялись по схожему формуляру: вначале следовала преамбула о поводе и значимости торжества, потом распоряжения: о проведении в связи с красной датой торжественных собраний, о выпуске специальных материалов в газетах и т.д. В

[101] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р-5446. Оп. 80. Д. 2398; Оп. 101. Д. 100; Оп. 111. Д. 64 и др.
[102] ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 101. Д. 368, 369 и др.
[103] ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 101. Д. 879; Оп. 117. Д. 790 и др.
[104] Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее - ЦГАИПД СПб.). Ф. Р-24.
[105] Там же. Ф. Р-25.

материалах к этим протоколам содержатся планы проведения праздников – утвержденные пошаговые инструкции по тому, какое городское управление ответственно за проведение определенных мероприятий, а также их сроки. В них же содержится тематика лозунгов, которыми следовало украсить город, а также некоторые другие рекомендации для подготовки к торжеству. Кроме этого, протоколы содержат списки членов городских праздничных комиссий, которые утверждались ленинградским бюро горкома/обкома КПСС. Эти документы, большинство из которых вводятся в научный оборот впервые, являются незаменимым источником по проблеме организации праздников в Ленинграде. Среди прочих документов этого архива использовались также аналитические записки и сводки Управления милиции[106], визуальные материалы из «Коллекции альбомов, наглядных и наглядно-агитационных документов Ленинградского обкома партии, Ленинградского горкома партии, городских, районных и первичных организаций КПСС/ ВЛКСМ»[107].

Не менее важными оказались документы Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, отложившиеся в фонде исполкома Ленгорсовета[108]. Речь идет о стенограммах заседаний праздничных комиссий, найденных в описях документов протокольно-правового сектора. Подобные источники слабо использовались исследователями. Между тем они содержат конкретную информацию о том, как на практике организовывались праздники, на что обращали внимание организаторы, а также проливают свет на проблемы, возникавшие при подготовке к торжествам. Поскольку эти делопроизводственные источники создавались для внутреннего пользования, не предполагавшего ни печать, ни даже рассылку, степень доверия к ним достаточно высока. Это подтверждается и тем, что они содержат информацию критического характера, нередко представляющую положение дел в Ленинграде в негативном свете (например, продовольственная проблема, жалобы ленинградцев и т.д.). Единственным их недостатком является невозможность в отдельных случаях

[106] Там же. Оп. 66. Д. 153; Оп. 61. Д. 249.
[107] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-9388.
[108] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб.). Ф. Р-7384.

установить автора той или иной реплики (стенографист иногда упускал этот момент). Кроме того, большинство обнаруженных стенограмм заседаний праздничных комиссий относятся к 1950–1960-м гг., в последующие десятилетия они либо не стенографировались, либо вообще не велись, поскольку несколько изменился порядок подготовки торжеств. Также в этом фонде были обнаружены: сметы бюджета массовых праздников, распоряжения исполкома по организации торговли в праздничные дни и т. д. Кроме того, использовались источники из фондов Главного управления торговли[109], Комитета по физической культуре и спорту[110], Ленинского райсовета[111] и др. Документы этого архива позволили сделать ряд ценных выводов как об особенностях подготовки, так и о содержании торжеств.

Крайне полезными оказались документы Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга. В диссертации активно использовались тексты праздничных радиотрансляций, отложившиеся в фонде отдела радиоинформации[112]. На основе их анализа можно установить сценарий проведения торжеств, а также сделать выводы об информационно-пропагандистском сопровождении парадов и демонстраций. Работая с этими источниками, было важно учитывать их особенность – они подлежали предварительной проверке цензорами (все просмотренные листы дел содержали печати Главлита, на некоторых были видны цензорские пометки), а потому требовали дополнительной внутренней критики.

Информативными оказались документы Отдела массовых праздников, театрализованных представлений и фестивалей, созданного при Управлении культуры исполкома Ленгорсовета в 1969 г[113]. Они содержат важные подробности о подготовке и проведении торжеств 1970–1980-х гг., включая сценарии, обсуждения творческих комиссий, отчеты, фотографии и др. Кроме того, они

---

[109] ЦГА СПб. Ф. Р-7082.
[110] ЦГА СПб. Ф. Р-4765.
[111] ЦГА СПб. Ф. Р-4900.
[112] Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее – ЦГАЛИ СПб.). Ф. Р-293.
[113] Там же. Ф. Р-778

помогают глубже понять процесс завершения институционализации массового праздника, происходивший в середине 1960-х–1970-е гг. Также использовались документы из фондов Главного управления культуры[114], ленинградского отделения Всероссийского театрального общества[115], городского отдела культурно-просветительной работы исполкома Ленгорсовета[116].

Наконец, в качестве вспомогательного источника были привлечены визуальные материалы коллекций Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга[117]: фотографии торжеств, проводимых в Ленинграде в 1945–1991 гг. В основном они использовались в иллюстративных целях, однако в некоторых случаях служили материалом для визуального анализа при изучении праздничного оформления, характеристики эмоционального состояния празднующих и других вопросов.

Объектом исследования являются советские государственные праздники как особая сфера общественных отношений. Основное внимание сосредоточено на массовых торжествах – годовщинах Великой Октябрьской социалистической революции (7 ноября) и Днях международной солидарности трудящихся (1 мая) как наиболее значимых для советского общества, предполагавших широкий перечень мероприятий и высокий уровень государственного участия и контроля.

Предмет исследования – роль и функции государственных праздников как специфической формы взаимодействия власти и населения в социально-экономической, политической и духовной жизни СССР 1945–1991 гг.

Хронологические рамки исследования охватывают 1945–1991 гг. Нижняя граница обусловлена тем, что в ходе Великой Отечественной войны консолидация советского общества вышла на качественно новый уровень, после героической победы в 1945 г. общество стало более монолитным. С большей обоснованностью можно говорить о складывании в послевоенный период особой «советской культуры», частью которой являлись праздники, этот факт делает

[114] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-105.
[115] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-381.
[116] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-277.
[117] Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАКФФД СПб.). Коллекция фотодокументов.

возможным рассмотрение торжеств как самоценного феномена, не сводя их содержание к инструментальному использованию властью в пропагандистских целях. Также в послевоенные годы было расширено поле взаимодействия партии и населения, появились возможности для большой политической активности советских граждан, изменились условия коммуникации власти и общества. Верхняя хронологическая граница объясняется распадом СССР в 1991 г.

Территориальные рамки исследования ограничены Ленинградом, что обусловлено его специфическим статусом. Он был одним из крупнейших по численности населения городов в СССР, почитался как город первой российской пролетарской маевки и колыбель революции. В то же время на рубеже 1940–1950-х гг. у Ленинграда складывались сложные отношения с Москвой, что было связано с «Ленинградским делом», определенная конкуренция двух столиц сохранялась и в дальнейшем. С одной стороны, город имел огромную значимость (в том числе политическую), а с другой стороны, оставался в подчиненном отношении к Москве. Исходя из этого, праздники, проводимые в Ленинграде, можно считать уникальными: они организовывались на исключительно высоком уровне, но при этом не являлись столичными.

Целью исследования является установление роли государственных праздников в процессе взаимодействия власти и общества СССР в 1945–1991 гг. посредством изучения на материалах Ленинграда институциональных, функциональных и содержательных аспектов проведения торжеств.

Для достижения данной цели поставлены следующие **задачи:**

1) проанализировать содержание праздничного календаря и изменения, происходившие в нем в 1945–1991 гг.;
2) воссоздать процесс организации государственных праздников в его исторической динамике в обозначенный период, определить место органов власти и управления в деле подготовки ленинградских торжеств и задачи, которые они реализовывали через праздники;

3) определить перечень и содержание предпраздничных мероприятий, проводившихся в Ленинграде, установить их роль во взаимодействии власти и общества накануне красных дней календаря;
4) осуществить комплексный анализ основных элементов массовых торжеств (их содержания, функций, особенностей проведения);
5) проанализировать праздничную коммуникацию: определить содержание сообщений, передаваемых властью посредством праздничной пропаганды (в контексте символической и актуальной политики), выявить и проанализировать наиболее распространенные и устойчивые пропагандистские тропы, использовавшиеся во время проведения праздников в Ленинграде;
6) на основе материалов Ленинграда охарактеризовать восприятие советскими гражданами праздников; определить социокультурную роль праздников в повседневной жизни общества.

Понятийный аппарат, методология и методы исследования.

Существует множество подходов к определению понятия праздника, к классификации праздников вообще, и советских в частности. Современный исследователь М. В. Литвинова выделяет семь крупных концептуальных направлений в изучении феномена праздника, авторами которых в том числе были такие известные ученые как Й. Хейзинга, М. Бахтин, А. Н. Веселовский, Д. С. Лихачев[118]. На основе анализа различных подходов и дефиниций, используемых другими исследователями, мы предлагаем собственное определение. Советский государственный праздник мы понимаем как комплекс направленных на поддержание определённой системы ценностей мероприятий, установленных и организуемых советским государством в память или честь чего-либо (а также и сам день торжества). Также, вслед за немецким исследователем

[118] Литвинова М. В. Классификация и типология массовых праздников и зрелищ // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2012. №14 (133). С. 192.

М. Рольфом[119] и другими исследователями, мы будем употреблять понятия «праздник» и «торжество» как синонимичные.

Особую связь праздничного времени и пространства можно обозначить термином «праздничный хронотоп». Несмотря не довольно редкое использование этого термина, ряд исследователей все же употребляют его и дают свои определения. В. П. Курбатов определяет его как «пространственно-временной синтез исторического или современного события, восстановленного с использованием современных изобразительно-выразительных средств, символов, актуализирующих ценностные системы социально-культурной реальности прошлого и настоящего»[120]. Использует этот концепт и Е. Добренко в крайне интересной статье о календарях сталинского периода[121]. Употребляется он и в монографии Е. Слесаря, посвященной деятельности Лаборатории массовых зрелищ и театрализованным праздникам в СССР 1960-х гг. Ввиду узких географических рамок, ограниченных Ленинградом, использование этого термина особенно важно, поскольку место события, легшего в основу главного советского праздника – годовщин Великой Октябрьской социалистической революции, совпадает с местом его проведения, что не могло не влиять на эмоциональный фон и атмосферу торжеств.

В качестве основного методологического подхода был выбран междисциплинарный. Праздник, в самом широком значении этого понятия, является феноменом крайне сложным и многогранным, что позволяло ему быть объектом изучения как историков, так и философов, социологов, антропологов, культурологов, педагогов. В исследовании используются достижения и методы различных общественных наук, однако в первую очередь оно является историческим и поэтому опирается на принципы историзма, объективности и традиционные методы исторического исследования. Так, историко-системный метод позволил рассматривать советские праздники как особую систему, со своей

---

[119] Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009. С. 20.
[120] Курбатов В.П. Праздничный хронотоп: понятие, типы и виды // Культура и образование. 2014. № 2. Электронный ресурс. URL: http://vestnik-rzi.ru/2014/02/1485 (дата обращения 19.11.2024).
[121] Добренко Е. «Красный день календаря…» // Советское богатство. Статьи о культуре, литературе и кино. К шестидесятилетию Ханса Гюнтера. СПб., 2002.

иерархией, организационной структурой, основными и второстепенными элементами, функциями и т.д. При помощи сравнительно-исторического метода были прослежены изменения в формальной и содержательной стороне государственных праздников на протяжении изучаемого периода и в сравнении с прошлым. При работе с источниками использовались историко-критический и герменевтический методы, что позволило понять содержание источников в контексте времени, условий и авторства их создания.

Примат источника и источниковедческий анализ в исследовании сочетаются с различными междисциплинарными методами: семиотическим и дискурсивным анализом (что позволило изучить нарративы праздничной пропаганды), интент-анализом (при анализе праздничных призывов ЦК КПСС), визуальным анализом (использовался при изучении праздничного оформления и фотографий). Среди современных исторических направлений, базирующихся на междисциплинарности, наиболее близкими к нашему исследованию оказались историческая антропология (в рамках которой многие исследователи успешно изучали роль ритуалов в жизни обществ) и история повседневности (поскольку сфера праздника напрямую соприкасается с обыденной жизнью и рядом социально-бытовых вопросов).

Кроме того, использовались методы социологии, в частности: был разработан опросник и проведен опрос о восприятии советских праздников их современниками, который прошли шесть человек, также взято одно полуструктурированное интервью. Материалы, полученные в ходе опроса и интервью, использовались в качестве вспомогательных источников, раскрывающих особенности восприятия торжеств.

В исследовании также использовался коммуникационный подход, позволивший рассматривать праздники как механизм коммуникации[122]. Согласно теории Г. Лассуэлла, процесс коммуникации можно описать с помощью пяти

[122] Этот подход весьма успешно применялся в упомянутых исследованиях Е.В. Барышевой.

вопросов: кто? что сообщает? по какому каналу? кому? с каким эффектом?[123] В рамках выбранной темы конкретизируем эти вопросы до следующего варианта: что и как именно «сообщали» власти посредством праздников населению и с каким результатом? При этом термин коммуникация используется в более широком значении – как взаимодействие. Это позволяет рассмотреть государственный праздник в контексте функций, возлагаемых на него властью: мобилизующей, социализирующей, идеологической и др.

Анализ идеологического и символического содержания праздника осуществлен при помощи методологии семиотики и ее научного аппарата. Согласно разработанному Ю. М. Лотманом определению семиосферы (семиотического поля), оно является не просто суммой отдельных языков, а «представляет собой условие их существования и работы, в определенном отношении, предшествует им и постоянно взаимодействует с ними»[124]. Исходя из этого, советский массовый праздник можно рассматривать как семиотическое поле, наполненное ритуалами, символами, знаками и собственными нарративами; поле, определяющее порядок взаимодействия элементов между собой (синтактика). Так, например, парад всегда предшествовал демонстрации, что создавало иерархию, в которой оборона представала более важной задачей, чем общественное единство. Безусловно, семиотическое поле праздника не может рассматриваться как полностью самостоятельное, так как праздник по своей структуре явление синтетическое, то есть в него включены языковые, звуковые и изобразительные элементы, присущие прочим семиотическим полям. Однако собственная организация пространства-времени, торжественность, ритуальный характер (меняющие привычную синтактику и семантику), а также наличие своих собственных праздничных символов позволяют говорить о «семиотике

[123] Воронцов С.Г. Модель коммуникации Г. Д. Лассуэла как элемент методологии цивилистических исследований // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. № 1. С. 420.
[124] Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб., 2010. С. 250.

праздника». Такой подход уже был апробирован исследователями[125], его использование кажется оправданным.

Положения, выносимые на защиту:

1. Развитие государственных праздников в 1945–1991 гг. шло по пути становления их самоценным общественным ритуалом, а не по пути совершенствования в качестве политического инструмента. Инструментальное отношение государства к торжествам сохранялось, однако развитие праздничной системы происходило совершенно в иных, чем в 1920–1930-е гг., когда новая культура только насаждалась, обстоятельствах. Первомай, годовщины Октября и День Победы в изучаемый период являлись органической, а не искусственной и навязанной частью жизни советского общества.
2. Советская праздничная система в 1960–1980-е гг. переживала процесс роста перечня профессиональных и тематических торжеств, что имело негативные последствия: чем больше праздничных дней становилось, тем больше девальвировалось само понятие праздника. Также это подрывало исключительность главных советских праздников – Первомая и годовщин Октября («инфляция» праздников).
3. Организация массовых праздников в Ленинграде в изучаемый период проходила при непосредственном участии и под контролем местного партийного и советского аппарата, придававших торжествам большое политическое значение, однако с начала 1970-х гг. степень участия властей в подготовке торжеств уменьшилась, что свидетельствует об отлаженности организационного механизма и завершении процесса институализации советских праздников.
4. В первые послевоенные десятилетия происходила демократизация массовых праздников: были снижены требования к численности

[125] См. например: Литвинова М.В., Вереитинова Т.Ю. Культурно-семиотическое поле праздника в дискурсе современной культуры // Наука. Искусство. Культура. 2020. № 1 (25); Курбатов В.П., Курбатова Н.В. Символ в структуре праздника: виды и функции // Концепт. 2015. № 1; Смирнова Е.В. Семиотика праздника «Сан-Фермин» // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 4.

демонстрантов, некоторые элементы «сталинского канона» торжеств (например, парады физкультурников на 7 ноября) фактически отменялись, социокультурное наполнение торжеств увеличивалось.

5. В 1945–1950-х гг., в условиях преодоления последствий Великой Отечественной войны и непростой экономической ситуации, советские государственные праздники, проводимые в Ленинграде, имели повышенное общественно-политическое значение за счет выполнения ряда социально-экономических функций, которые позволяли решить бытовые проблемы (обеспечить население товарами, навести чистоту и порядок в городе и т.д.) и на короткое время создать атмосферу «всеобщего изобилия», что повышало уровень общественного консенсуса.
6. Многие элементы и атрибуты массовых праздников в 1960–1980-е гг. переставали быть уникальными: праздничная торговля постепенно стала не столь разительно отличаться от повседневной, насыщенный досуг теперь организовывался не только по праздникам, красивое оформление Ленинграда практиковалось и в будние дни, салюты стали проводить и по иным поводам и т.д. Это снижало степень исключительности праздничных дней, но в то же время свидетельствовало о закреплении традиции (праздник ценен сам по себе, а не только по тому, что кратковременно воплощает модель «идеальной жизни»).
7. Государственные праздники являлись универсальным идеологическим инструментом: особенности трансляции праздничной пропаганды (высокая насыщенность, обилие каналов информации и сжатость в пространстве-времени), а также опора на важнейшие советские символы и мифологемы, позволяли наполнять праздник практически любым актуальным политическим нарративом. При этом идеология проходила несколько уровней символизации и почти никогда не преподносилась нарочито, поэтому степень критичности в ее восприятии снижалась.

8. С ослаблением государственной власти в СССР утрачивалась организационная и идеологическая монополия КПСС на политические высказывания в праздничном контексте: праздничные демонстрации в 1950–1980-е гг. в Ленинграде нередко становились полем для высказывания публичного несогласия с государственным курсом.
9. Советские государственные праздники в 1945–1991 гг. закрепились в качестве важного элемента советской культуры, поскольку для граждан они обрели самоценный, несводимый к идеологическому наполнению, характер, выражавшийся в свободном общении, ощущении чувства единства общества и всеобщей радости.

Теоретическая значимость. Результаты исследования могут углубить понимание и теоретические представления о функциях государственных праздников с учетом анализа конкретного опыта их организации и проведения в недавнем прошлом. Также диссертационная работа помогает понять, как политические цели и идеология транслируются через культурные и символические формы, и от чего зависит успех этого процесса. Наконец, исследование может быть полезно всем ученым, использующим междисциплинарные методы и изучающим сложные социально-политические феномены, поскольку представляет собой попытку концептуального подхода к проведению подобных исследований.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при составлении учебных курсов по Отечественной истории в разделах, посвящённых культуре и общественно-политической жизни СССР в послевоенный период. Исследование также может быть полезно для музейных работников, фактографический материал диссертационной работы может быть использован при подготовке тематических выставок, посвященных советским праздникам, советской культуре и повседневной жизни в СССР. Кроме того, результаты исследования могут служить практическими рекомендациями для органов исполнительной власти, занимающихся подготовкой современных

праздников, способствовать повышению эффективности коммуникации с широкими слоями населения, что может быть использовано в целях совершенствования государственной политики в области патриотического воспитания и формирования гражданской идентичности.

Апробация. Результаты исследования были апробированы в ряде всероссийских научных конференций[126], пять статей опубликованы в журналах, входящих в перечень ВАК[127].

Структура диссертации. Исследование состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы, приложений.

---

[126] Ломакин А.В. Государственные праздники и память о Великой Отечественной войне в СССР (1953–1964 гг.) // Гуманитарные науки в XXI веке: научный Интернет-журнал. 2022. № 20; Советский массовый праздник как способ коммуникации власти и общества (по материалам Ленинграда 1953–1964 гг.) // Платоновские чтения: материалы и доклады XXVIII Всероссийской конференции молодых историков. Самара, 2023; Под знаком «изобилия»: праздничная торговля как элемент советского массового праздника (по материалам Ленинграда 1953–1964 гг.) // Информация–Коммуникация–Общество. 2024. Т. 1; Ленинград встречает Олимпиаду-80. Справка Отдела массовых праздников о мероприятиях Олимпиады, проводимых в Ленинграде (к 45-летию XXII летних Олимпийских игр) // Информация–Коммуникация–Общество. 2025. Т. 1; Тексты праздничных радиотрансляций 1 мая и 7 ноября как исторический источник (по материалам Ленинграда 1950–1960-х гг.) // История повседневности: источниковедческие подходы и методы: сб. ст. по материалам II Всероссийской студенческой научной конференции / сост. и отв. ред. Н.В. Тихомиров. М., 2025; Доклад «Стихи по случаю: поэзия в эфирах праздничных радиотрансляций 1 мая и 7 ноября (по материалам Ленинграда 1950–1970-х гг.)» // Молодёжный круглый стол «Советская власть и художник слова в 1920–1960-е гг.: к 100-летию журнала “Новый мир”». Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук (СПбИИ РАН), 24 апреля 2025 г.

[127] Ломакин А.В. «Конструируя праздник»: ленинградские власти и организация праздничных мероприятий (1956—1957 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 2(47); «Глазами друзей»: использование международной повестки в советском праздничном пропагандистском дискурсе (по материалам юбилейных торжеств 1957 г. в Ленинграде) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, № 2; Портреты на фоне эпохи: изображения советских лидеров в пространстве праздничного города периода «оттепели» (по материалам Ленинграда) // Клио. 2025. № 1(217); От Ильича до кумача: поэтическое оформление советских праздников в эфире Ленинградского радио 1950–1970-х гг. // Петербургский исторический журнал. 2025. № 3(47); Возвращенный праздник: празднование 20-летия Великой Победы в Ленинграде 1965 г. // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2025. № 4(59).

ГЛАВА 1. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРАЗДНИКИ СССР: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

1.1. КАЛЕНДАРЬ КРАСНЫХ ДАТ В 1945–1991 ГГ.

Складывание советского календаря праздничных дат в основном пришлось на первое послереволюционное десятилетие, однако он не оставался статичным, и в послевоенный период в него были внесены значительные изменения: появилась новая важная дата, близкая сотням тысяч советских людей – День Победы 9 мая, рождались новые профессиональные праздники, корректировался статус прежних.

Последнее довоенное существенное изменение праздничного календаря было связано с введением Дня Конституции СССР 5 декабря 1936 года, ставшего нерабочим. Последующие нововведения были вызваны героическим окончанием Великой Отечественной войны. 8 мая 1945 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об объявлении 9 мая Праздником Победы»: «В ознаменовании победоносного завершения Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков и одержанных исторических побед Красной Армии, увенчавшихся полным разгромом и капитуляцией гитлеровской Германии, заявившей о безоговорочной капитуляции, установить, что 9 мая является днем всенародного торжества – Праздником Победы. 9 мая считать нерабочим днем»[128]. А 2 сентября 1945 г. появился указ Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении 3 сентября Праздником Победы над Японией»[129], этот день также стал нерабочим. Всего же к моменту окончания войны в 1945 г. в СССР существовали следующие праздники с выходными днями: 22 января – Кровавое воскресенье (этот день был объединен с Днем памяти В.И. Ленина, умершего 21 января 1924 г.), 1 мая – День Интернационала (отмечался с 1918 г., с 1928 г. – 2 мая также было выходным[130]), 9 мая – День Победы, 3 сентября – День

[128] Известия. 1945. 9 мая.
[129] Известия. 1945. 4 сентября.
[130] Постановление ЦИК СНК СССР «О праздничных днях, посвященных дню Интернационала, и об особых днях отдыха» от 23 апреля 1928 г. Цит. по: Андрюшин Е. А. Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. М., 2012. С. 365.

победы СССР над милитаристской Японией, 7 ноября – годовщина Великой Октябрьской социалистической революции (отмечался с 1918 года, с 1928 г. – 8 ноября также было выходным[131]), 5 декабря – День Конституции. Итого восемь праздничных выходных дней.

Как отмечает исследователь С. Н. Шаповалов, в послевоенные годы заметно проявилась тенденция к сокращению перечня выходных праздничных дней[132]. Действительно, в 1947 г. День Победы утратил статус нерабочего дня, взамен выходным стало 1 января – Новый год[133]. А День Победы СССР над милитаристской Японией – 3 сентября с 1947 г. просто стал рабочим, без какой-либо компенсации или переноса[134]. Решение И. В. Сталина сделать День Победы рабочим днем в историографии нередко оценивают как реакцию на «усиление авторитета участников войны и распространение среди них идей о либерализации советского общества»[135]. Вероятно, есть и другие объяснения. В 1951 г. трудящиеся лишились еще одного выходного дня – День памяти В.И. Ленина и жертв Кровавого воскресенья 22 января стал рабочим[136]. Поэтому можно предположить, что сокращение числа выходных дней было связано с необходимостью поддержания высокого уровня трудовой мобилизации, так как социально-экономическое положение страны оставалось тяжелым, да и международная обстановка, в условиях начавшейся Холодной войны, оставалась напряженной. К тому же, и сам И. В. Сталин обладал высокой работоспособностью, любил работать, чего требовал и от своих подчиненных – долгие, зачастую ночные заседания «ближнего круга» вождя были повседневностью. Г. К Жуков вспоминал: «Приспосабливаясь к распорядку дня И. В. Сталина, до поздней ночи работали ЦК партии, Совет Народных

---

[131] Там же.
[132] Шаповалов С.Н. Реорганизация советского праздничного календаря в 1945–1950-е гг. С. 37.
[133] Указ Президиума ВС СССР «Об объявлении 1 января нерабочим днем» от 23 декабря 1947 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.). М., 1956. С. 376.
[134] Указ Президиума ВС СССР «Об изменении указа президиума Верховного Совета СССР от 2 сентября 1945 г.» от 7 мая 1947 г. // Там же.
[135] Попов А.Д., Пивоваров Н.Ю., Сак К.В. Петр Шелест: «Прошу 9 мая объявить нерабочим днем...» // Родина. 2025. № 5. С. 39–40.
[136] Указ Президиума ВС СССР «Об объявлении 22 января рабочим днем» от 7 августа 1951 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.). М., 1956. С. 376.

Комиссаров, наркоматы и основные государственные и планирующие органы. Это сильно изматывало людей»[137]. Для ослабления интенсивности трудовой мобилизации на рубеже 1940–1950-х гг. время еще не настало. Серьезные изменения в календаре красных дат произошли уже после смерти И. В. Сталина.

Дни памяти И. В. Сталина и В. И. Ленина. Спустя год после смерти И. В. Сталина была осуществлена попытка введения дня его памяти: 8 февраля 1954 г. ЦК КПСС принял постановление «О первой годовщине со дня смерти И. В. Сталина»[138]. Согласно этому документу, 5 марта на первых полосах газет всех уровней должны были появиться статьи о Сталине, в которых следовало отразить его роль, как «великого продолжателя дела В. И. Ленина», на предприятиях должны были состояться лекции и беседы, а в качестве руководящих документов для составления статей рекомендовалось использовать Обращение ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР «Ко всем членам партии…» (публиковавшееся в связи с кончиной вождя), тезисы отдела пропаганды «50 лет Коммунистической партии Советского Союза» и прочие вышедшие в 1953 г. документы[139]. Кроме этого, на зданиях предприятий и учреждений в этот день предписывалось вывесить траурные флаги[140]. 5 марта 1954 г. газеты, включая центральные – «Правду» и «Известия», опубликовали соответствующие передовицы. Однако уже на следующий год 5 марта «Правда» разместила на первой странице внеочередное постановление ЦК КПСС о Международном женском дне 8 марта, а бывшему вождю «досталась» лишь небольшая заметка на второй странице под заголовком «И. В. Сталин и вопросы коммунистического строительства», выпущенная даже без портрета[141]. «Известия» в день годовщины вообще не опубликовали ни одной статьи, посвященной «великому ученику Ленина». День памяти Сталина, таким образом, не закрепился, а после 1956 г. о нем и вообще не могло быть речи. Частичное возвращение имени И. В. Сталина в праздничный дискурс можно отнести к

[137] Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 296.
[138] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 83. Д. 114. Л. 2.
[139] Там же. Л. 2–3.
[140] Там же.
[141] Правда. 1955. 5 марта.

1965 г., в контексте празднований 20-летия Победы имя вождя вновь свободно произносилось, отмечались его заслуги в деле разгрома фашистской Германии.

Традиция чтить память В. И. Ленина сложилась уже в 1920-е гг.: День памяти В. И. Ленина отмечался 22 января (несмотря на то что вождь умер 21 числа) и отмечался совместно с Днем памяти жертв Кровавого воскресенья (события 9 января 1905 г.). В 1947 г. по «многочисленным пожеланиям трудящихся» этот день стал рабочим[142]. Изменения произошли в 1955 г.: 4 января ЦК КПСС принял постановление «О дне памяти В. И. Ленина»[143], аргументируя свое решение среди прочего тем, что «в сознании народов нашей страны и трудящихся всего мира» с его именем связывались великие победы советских людей: «Поэтому теперь более целесообразно отмечать память В. И. Ленина не в день его смерти, что накладывает печать траура и скорби, а в день рождения В. И. Ленина — 22 апреля, придав этой дате значение праздника, что будет более соответствовать всему духу ленинизма как вечно живого, жизнеутверждающего учения»[144]. Это вполне соотносилось с идеологемой возвращения к «ленинским нормам» и, в свою очередь, отчасти подготавливало десталинизацию. Как кажется, это решение можно рассматривать и в качестве шага по дальнейшему превращению фигуры Ленина в символ: траурные мероприятия, связанные с памятью об Ильиче как почившем человеке, заменялись праздником в честь дня рождения основателя партии и государства.

День Победы. Несмотря на то что с 1948 г. 9 мая стал рабочим днем и массового крупного празднования Дня Победы не проводилось вплоть до двадцатой годовщины в 1965 г., этот день все же отмечался как День памяти и скорби: было принято посещать могилы, вспоминать погибших соотечественников, проводить траурные мероприятия. В центральных газетах всегда выходили соответствующие статьи, проводились встречи с ветеранами. Несколько выделилось на этом фоне празднование Дня Победы в 1955 г. В

---

[142] Шаповалов С. Н. Реорганизация советского праздничного календаря в 1945–1950-е гг. С. 36.
[143] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). Т.8. М., 1985. С. 453.
[144] Там же. С. 454.

преддверии 10-летнего юбилея Победы ЦК КПСС выпустил специальное Постановление. Согласно ему, в первую круглую юбилейную дату накануне торжества необходимо было привести в порядок все кладбища, возложить цветы на могилы павших воинов, организовать встречи с ветеранами; также было организовано торжественное собрание в Большом театре Москвы, на котором присутствовало все высшее руководство страны, во многих городах СССР прошли праздничные мероприятия и вечерние гуляния[145]. Конечно, по сравнению с торжествами брежневского периода, День Победы не отмечался так широко, и что более важно, имел иную направленность – в 1953–1964 гг. он был нацелен на поддержание исторической памяти, скорбь о погибших, а в официальной риторике важное место занимала идея «мира во всем мире» (окончательно закрепившаяся за майскими праздниками, см. например, **приложение №1**).

Память о Победе поддерживалась и посредством других праздников. Так, в ходе празднования Дня Военно-Морского флота СССР 1957 г. в Ленинграде возлагались венки на могилы моряков, погибших в годы Великой Отечественной войны[146], проводились встречи с участниками боевых действий[147]. В дни 5 и 6 ноября также организовывалось «возложение трудящимися цветов и венков на могилы борцов революции и воинов Советской Армии, партизан, павших смертью храбрых во время Октябрьского восстания, в годы Гражданской войны и Великой Отечественной войны»[148]. В официальной риторике выстраивалась связь «Октябрьская революция – Гражданская война – Великая Отечественная война», которая отражала историческое развитие страны по принципу трех побед (от победы революции, через победу над контрреволюцией, к победе над фашизмом как главным подтверждением «исторической правоты» государства нового типа).

В конце апреля 1965 г. по указу Президиума Верховного Совета СССР День Победы вновь стал выходным днем[149]. Соответствующее постановление было

---

[145] Ломакин А.В. Государственные праздники и память о Великой Отечественной войне в СССР (1953–1964 гг.) // Гуманитарные науки в XXI веке: научный Интернет-журнал. 2022. № 20. С. 84.
[146] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 102. Д. 111. Л. 29.
[147] Там же. Л. 27.
[148] Там же. Л. 20.
[149] Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении 9 мая нерабочим днем» от 26 апреля 1965 г. № 3478-VI // Ведомости Верховного Совета СССР. 1965. 28 апреля. № 17 (1260). Ст. 226.

принято Президиумом ЦК КПСС еще 30 марта 1965 года[150]. В достаточно обширной преамбуле обозначались основные положения отношения Советской власти к Великой Отечественной войне, подчеркивался героизм борьбы советского народа и всемирное значение Победы. Там же содержались рекомендации к проведению праздника в 1965 г., который впредь становился нерабочим днем. Партийным и комсомольским организациям предписывалось проводить широкою массово-политическую работу среди трудящихся, разъяснять всемирно-историческое значение победы, показывать источники силы и могущества СССР, преимущества социалистического общественного строя, массового героизма советских воинов и партизан, решающей роли СССР в деле разгрома фашистской Германии и т.д. При этом отмечалось, что «вся пропагандистская и агитационно-массовая работа… должна проходить под знаком мобилизации советских людей на успешное претворение в жизнь решений XX-XXII съездов партии, Программы КПСС, на дальнейшее повышение экономическое и оборонной мощи нашей страны, еще большее укрепление единства армии и народа, сплочение их вокруг Коммунистической партии и Советского Союза»[151]. Предполагалось широкое освещение праздничных мероприятий в печати, публикация тезисов о 20-летии Победы; проведение митингов, массовых народных гуляний, встреч участников войны, а также организационная работа по наведению порядка у памятников и на кладбищах, возложению венков.

Существует несколько точек зрения о том, почему руководство страны и лично Л. И. Брежнев решили вернуть прежний статус этому празднику. Нередко приводится мнение, что «возвращение» Дня Победы можно объяснить личным отношением к этому дню Л. И. Брежнева, который сам являлся фронтовиком и переживал за сохранение памяти о Великой Отечественной войне. Существует и

---

[150] Выписка из протокола №197 заседания (П 197/104) Президиума ЦК КПСС от 30 марта 1965 г. О праздновании 20-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 гг. Цит. по: Пивоваров Н.Ю. О праздновании Дня Победы в 1955 и 1965 гг. // «Непридуманные рассказы о войне». Электронный ресурс. URL: https://world-war.ru/o-prazdnovanii-dnya-pobedy-v-1955-i-1965-gg/ (дата обращения: 26.10.2024).

[151] Там же.

точка зрения, согласно которой новая власть старалась обеспечить свою легитимность после смещения Н. С. Хрущева. Некоторые исследователи утверждали, что идея вернуть выходной день 9 мая принадлежала первому секретарю ЦК Компартии Украины П. Е. Шелесту, написавшему соответствующее письмо в ЦК КПСС[152]. В опубликованных дневниках и воспоминаниях П. Е. Шелеста никаких упоминаний об этом нет, хотя о проводимых торжествах он писал довольно часто[153]. Однако новейшие публикации этот факт подтверждают: 12 января 1965 г. Шелест обратился в ЦК КПСС с соответствующей запиской, в которой обосновывал необходимость более широко отмечать День победы всемирно-историческим значением этого события, а также многочисленными пожеланиями и письмами трудящихся[154].

Придание Дню Победы статуса нерабочего сильно повлияло на дальнейшую эволюцию праздника, постепенно становившегося одним из главных в СССР. Масштабные торжества не были ежегодны, крупные праздники с военными парадами проводились лишь в некоторые юбилейные годы: 1965, 1985 и 1990 гг. В другие годы характерными элементами празднования были траурные мероприятия, шествия ветеранов, манифестации молодежи, торжественные заседания, концерты и вечерние гуляния.

Первомай и годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции (ВОСР). Главные советские праздники («массовые праздники») – 7 ноября и 1 мая формально не изменялись на протяжении 1945–1991 гг. Они по-прежнему отмечались с широким размахом, в эти дни проводились военные парады и демонстрации, люди выходили на улицы и площади своих городов, организовывались гуляния. Гражданам предоставлялось по два выходных дня, что давало населению достаточно возможностей для рекреации. Изменения касались идеологической составляющей праздников: праздничные нарративы менялись в зависимости от текущего политического курса, проводимых идеологических

[152] Ломакин А. В. Возвращенный праздник: празднование 20-летия Великой Победы в Ленинграде 1965 г. // Ученые записки НовГУ. 2025. № 4 (59). С. 879.
[153] Шелест П.Е. Да не судимы будете. Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1992.
[154] Попов А.Д., Пивоваров Н.Ю., Сак К.В. Петр Шелест: «Прошу 9 мая объявить нерабочим днем...» // Родина. 2025. № 5. С. 39–43.

кампаний и т.д. Например, при Н. С. Хрущеве характерным изменением, напрямую инициированным высшей партийной властью, была десталинизация торжеств, проявившая себя в том числе на уровне символического (исчезновение портретов И.В. Сталина из праздничного декора после XX съезда КПСС).

Показательны юбилейные празднества 1957 г., когда отмечалось 40-летие ВОСР. Весь год передовицы центральных газет размещали материалы о подготовке к юбилею, а каждый успех, как на уровне отдельного предприятия, так и на всесоюзном уровне приурочивался к празднику. Так, например, указанной дате посвящались новые достижения советской науки и техники, в том числе запуск первого в мире искусственного спутника Земли (накануне праздничной октябрьской кампании) и атомного ледокола «Ленин» (был спущен на воду – 5 декабря – в День конституции). Отдельной брошюрой было выпущено специальное постановление ЦК КПСС о проведении юбилея[155]. Теория «двух вождей» потерпела крах, и все лавры в нарративе о событиях октября 1917 г. доставались теперь единолично В. И. Ленину, впрочем, в остальном нарратив праздника не менялся. И, несмотря на то что власти не решились на серьезное переосмысление Октября, как отмечает Г. А. Бордюгов, определяющий тот юбилей как «неоправдавшийся», говорить о «субъектах памяти» все же стали по-другому, что было расценено обществом как приближение значительных преобразований[156]. Фигура И. В. Сталина, таким образом, была вычеркнута из основных праздничных советских нарративов.

Сохраняя внешнюю формальную структуру (два выходных дня, порядок проведения – парад, демонстрация, гуляния), массовые праздники периода 1950–1980-х гг. менялись функционально и содержательно. Эти изменения происходили как бы естественным ходом – в соответствии с «духом» и условиями своего времени.

---

[155] Постановление ЦК КПСС о подготовке к празднованию 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957.
[156] Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа... С. 62.

Праздники по-прежнему оставались «смотрами достижений» (как их определял М. Рольф[157]), но изменились и средства реализации поставленных целей, и сами цели, закладываемые в проведение празднований. Исследователи обычно рассматривают праздники сталинского периода как средство утверждения новой власти, как способ ее легитимации, а потому исходят из позиции «насаждения» новой культурной традиции[158]. Именно на этом моменте нужно акцентировать главное концептуальное расхождение с такой точкой зрения: это положение, справедливое для 1920–1930-х гг., к 1945–1991 гг. уже относиться не может. Для жителей СССР послевоенного периода советские праздники уже стали «своими», они не могут рассматриваться как навязываемые и насаждаемые. Конечно, административный метод управления торжествами сохранялся, однако не было никакой нужды принуждать людей к празднованию – в период зрелости уже вступили люди, рожденные после революции 1917 года, для которых красные дни календаря являлись частью их общей, советской культуры. Наконец, население страны, пройдя через горнило Великой Отечественной войны, действительно сильно консолидировалось, что позволяет полноправно говорить о «советском народе» как о социокультурной общности, а, следовательно, и о «советской праздничной культуре».

Международный женский день. В после-сталинский период была подготовлена база для того, чтобы придать празднику новый статус. Международный женский день в послевоенные годы оставался рабочим днем, однако, как нам кажется, подготовка к объявлению его выходным началась именно в период нахождения во главе государства Н. С. Хрущева. Помимо принятия ряда решений, облегчавших жизнь советских женщин (легализация абортов в 1955 г., отмена налога на бездетность для одиноких женщин в 1958 г.[159]), происходило и смещение идеологических акцентов в этом празднике.

---

[157] Рольф М. Советские массовые праздники. С. 93.

[158] См., например: Сидорчук И.В. «Традиции старые мы позабудем...»: праздники, отдых, повседневные практики и воспитание нового студента в 1920-е годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29, № 4. С. 163–164.

[159] Богдашина И.В. Повседневные практики матерей провинциального советского города в 1950–1960-е гг. // Вестник КГУ. 2020. № 2. С. 43–45.

Как отмечает известная исследовательница гендерных проблем О. А. Воронина, официальная риторика изменилась: со второй половины 1950-х гг. 8 марта из праздника «трудящихся» женщин превратился в праздник женщин вообще, а место патриотической тематики нередко стала занимать «лирическая»[160]. Показательным в этом смысле можно считать 8 марта 1960 г., когда этот день отмечался шире обычного, а ЦК КПСС выпустил специальное постановление о проведении 50-летия Международного женского дня[161]. В честь праздника сотни советских женщин получили звание Героя Социалистического труда (среди них 200 ленинградок[162]), 2380 женщин были награждены орденом Ленина, 2652 – орденом Трудового Красного знамени, 3616 – медалью «За трудовую доблесть»[163]. Но в праздничных номерах «Правды» не только чествовали передовичек производства, акценты в опубликованных статьях делались также на достижении равноправия полов в советском обществе, на активном участии женщин во всех сферах общественной жизни (в том числе государственной и партийной, в образовании, науке и искусстве и т.д.)[164]. Подобное расширение аудитории поздравляемых, как кажется, должно было способствовать изменению статуса праздника, однако нерабочим этот день стал уже после смещения Н. С. Хрущева. В мае 1965 г. Международный женский день был объявлен выходным, а объяснялось это решение совсем иными причинами – заслугами женщин в Великой Отечественной войне[165]. Журналист В. А. Александров, работавший в те годы в аппарате ЦК КПСС и занимавшийся подготовкой речей для партийных лидеров, в том числе Л. И. Брежнева, вспоминал, что решение сделать 8 марта выходным днем для женщин было предложено именно им, когда он в составе творческой группы занимался подготовкой доклада Брежнева о 20-

---

[160] Воронина О.А. «Гендерные» праздники: трансформация символических значений // Женщина в российском обществе. 2017. № 3 (84). С. 9.
[161] Савинова Н.В. 8 марта или как это было: к 100-летнему юбилею празднования Международного женского дня. ЦГАИПД СПб. – официальный сайт. Электронный ресурс. URL: https://spbarchives.ru/cgaipd_publications/-/asset_publisher/yV5V/content/8-marta-ili-kak-eto-bylo-k-100-letnemu-ubileu-prazdnovania-mezdunarodnogo-zenskogo-dna/pop_up (дата обращения: 31.03.2023).
[162] Там же.
[163] Правда. 1960. 8 марта.
[164] Там же.
[165] Указ Президиума ВС СССР от 8 мая 1965 г. «Об объявлении в СССР Международного женского дня 8 Марта нерабочим днем» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1965. № 19 (1262).

летии победы в Великой Отечественной войне. Несмотря на возражение Госплана (обусловленное экономическими соображениями), Леонид Ильич идею поддержал и в итоге этот день стал нерабочим для всего населения[166].

Трудовые праздники. Трудовые праздники, как профессиональные, так и армейские, отмечались весьма скромно (особенно до середины 1960-х гг.), и государственное участие в них обычно ограничивалось поздравлениями в газетах и иногда – выступлениями официальных лиц на торжественных вечерах. Отмечались они, как правило, внутри трудовых коллективов, при этом эти дни оставались рабочими.

Первое послевоенное время в целом было не слишком богато на трудовые и профессиональные праздники. Так, по-прежнему отмечались Дни физкультурника, Дни железнодорожника, Дни шахтера (стал официальным праздником в 1947 г.[167]) и некоторые другие. Логичным кажется появление военных профессиональных праздников: еще в 1944 г. появился День артиллерии (19 ноября)[168], а в 1946 г. – День танкиста (второе воскресенье сентября)[169]. В 1947 г. «День Красной армии» 23 февраля отмечался уже как «День советской армии»[170], а начиная с 1950 г. как «День советской армии и военно-морского флота»[171].

Период «оттепели» был отмечен несколькими новыми профессиональными праздниками, появление которых напрямую связано с политикой Н. С. Хрущева: День строителя (второе воскресенье августа) и День космонавтики (12 апреля). Учреждение Дня строителя было инициировано напрямую Первым секретарем ЦК КПСС вскоре после посещения им возведения Куйбышевской ГЭС,

---

[166] Александров В.А. Кронпринцы в роли оруженосцев. М., 2005. С. 231, 233–234.
[167] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 сентября 1947 года «Об установлении ежегодного праздника «Дня шахтера» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / ред. Мандельштам Ю. И. М., 1956. С. 378.
[168] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 октября 1944 года «Об установлении ежегодного праздника «Дня артиллерии» Красной Армии» // Там же. С. 215.
[169] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 июля 1946 г. «Об установлении ежегодного праздника – Дня танкистов» // Там же. С. 216.
[170] Известия. 1947. 23 февраля.
[171] Известия. 1950. 23 февраля.

соответствующий законодательный акт был принят 6 сентября 1955 г.[172] В этом отразилась группа идеологем, связанных со строительством вообще и строительством коммунизма в частности. По нашим наблюдениям, среди прочих профессиональных праздников этот день отмечался наиболее широко. Центральные газеты выпускали соответствующие поздравительные номера, представители высшего партийного руководства лично чествовали отличившихся строителей, награждали орденами и медалями (см., например, передовицу «Правды» от 10 августа 1958 г.[173]). Особое внимание к этому празднику было продиктовано тем, что он работал на поднятие личного авторитета Н. С. Хрущева, ввиду начатых им крупных строительных кампаний.

Широкое празднование Дня космонавтики также работало на престиж Хрущева, однако сам праздник изначально носил иной характер: если строителей по всей стране было огромное число, то космонавтов насчитывались единицы. Идеологически это был не трудовой праздник, а скорее революционный: демонстрирующий достижения первого в мире социалистического государства. Законодательное закрепление это дата получила 9 апреля 1962 г, когда был издан соответствующий указ Президиума Верховного Совета СССР[174]. С этих пор Ю. А. Гагарин стал одним из важнейших советских символов, образ которого также стал частью праздничного канона.

Со второй половины 1960-х годов начался настоящий бум трудовых торжеств. Перечень профессиональных праздников значительно расширился за счет появления таких праздников как День рыбака (второе воскресенье июля), День энергетика (22 декабря), День машиностроителя (последнее воскресенье сентября), День работников леса (третье воскресенье сентября), День геолога (первое воскресенье апреля), День работников торговли (четвертое воскресенье июля) и ряда других[175]. Большинство из них были учреждены в 1966 году. Едва ли

[172] Указ Президиума ВС СССР от 6 сентября 1955 г. «Об установлении ежегодного праздника “Дня строителя”» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 — июль 1956 гг.) С. 378.
[173] Правда. 1958. 10 августа.
[174] Указ Президиума ВС СССР от 09.04.1962 «Об установлении “Дня космонавтики”» // Правда. 1962. 10 апреля.
[175] Мордасов А.А. Праздничная культура Южного Урала в период «Хрущевской оттепели» // Вестник ЧГАКИ. 2007. № 1 (11). С. 83.

находилось много профессий, которые так или иначе не имели бы своего праздника.

В последующие годы перечь праздников был еще более расширен, что привело к тому, что Президиум Верховного Совета СССР вынужден был провести некоторую ревизию торжеств, и в 1980 г. издал указ «О праздничных и памятных днях»[176]. В нем еще раз закреплялись существующие торжества с выходными днями, а также перечислялись трудовые и профессиональные праздники, всего – более сорока различных торжеств. В 1988 г. в указ были внесены поправки, сокращавшие число праздников: День мелиоратора оказался объединен с Днем работников сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности; День работников торговли – с Днем работников жилищно-коммунального хозяйства и бытового обслуживания населения; День Аэрофлота с Днем Воздушного Флота СССР[177]. Список профессиональных праздников в новой редакции насчитывал 23 памятные даты.

Формирование праздничного календаря в целом было завершено в 1965 г., когда 8 марта и 9 мая стали нерабочими днями. Праздники оказывались встроены в некую иерархию или систему, которая наиболее наглядно отражается при классификации. Так, П. П. Кампарс и Н. М. Закович делили праздники на:

1) Общегосударственные революционные: а) с выходным днем (годовщины ВОСР, Первомай, День Конституции, День Победы, Международный женский день (последние два праздника стали выходными в 1965г.)), б) без выходного дня (День памяти В.И. Ленина, День Парижской коммуны, День Советской Армии и Военно-морского флота; дни родов войск: День танкиста, День артиллерии и т.д.), в) интернациональные праздники (Международный день студентов, Международный день защиты детей, Всемирный день молодежи и т.д.),

[176] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 октября 1980 г. № 3018-X «О праздничных и памятных днях» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1980. № 41. Ст. 846.
[177] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 ноября 1988 г. № 9724-XI «О внесении изменений в законодательство СССР о праздничных и памятных днях» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 45. Ст. 701.

2) Трудовые праздники: а) отраслевые (День строителя, День геолога, День учителя и т.д.), б) сельскохозяйственные (День животновода, День механизатора, праздники урожая, сенокоса и т.д.), в) праздники трудовых коллективов (годовщины завода, колхоза, предприятия; трудовые юбилеи, проводы на пенсию и т.д.).
3) Гражданские, бытовые праздники и обряды (дни рождения, свадьбы, поминки и т.д.)
4) Традиционные празднества «посвященные циклу времен года, природе, труду и песне» (Новый год, Масленица, «русская березка» национальные праздники – «лола», «навруз», «лиго» и т.д.)[178].

Эта классификация, несмотря на ряд спорных моментов (так, значение Нового года явно выходило за пределы обычного «традиционного» праздника, посвящённого циклу времен года), все же в полной мере отражает систему советских праздников, в которой первостепенное место занимали торжества с выходным днем (Первомай и годовщины революции – с двумя выходными), подразумевавшие комплекс всесоюзных мероприятий, проводимых с широким размахом.

Таким образом, в 1945–1991 гг., несмотря на формальное сохранение основ прежней праздничной системы, в ней происходили существенные изменения. В послесталинский период отчетливо прослеживалась тенденция к увеличению выходных дней и расширению праздничного календаря, он становился более демократичным и всеохватывающим (в первую очередь за счет профессиональных праздников). Политика Советского правительства в исследуемый период в целом была направлена на увеличение свободного времени у населения, повышение возможностей для рекреации, так, в 1956 г. на два часа были сокращены рабочие дни накануне праздников и выходных дней[179], а в 1967 г. была введена пятидневная рабочая неделя с 8-часовым рабочим днем

[178] Кампарс П.П., Закович Н.М. Советская гражданская обрядность. С. 35–38.
[179] Указ Президиума ВС СССР «О сокращении продолжительности рабочего дня для рабочих и служащих в предвыходные и предпраздничные дни» от 8 марта 1956 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.). С. 375.

(причем в соответствующем постановлении устанавливались и сроки – в основном этот перевод должен был быть осуществлен к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября 1967 г.)[180]. Не менее важными были и неформальные изменения в праздничной системе: изменялись сами конкретно-исторические условия, а потому проявления этих перемен нужно искать в содержательной стороне праздников: в том, как их организовывали, проводили, какое идеологическое наполнение они получали на практике.

1.2. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАЗДНИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ЛЕНИНГРАДЕ

Праздник в рассматриваемый период уже был в значительной степени институализирован: если в 1920-е гг. и (значительно реже) в 1930-е гг. проведение массового торжества могло быть поручено отдельному человеку – режиссеру, то в послевоенный период этим всегда занималась целая административная структура. Значительно расширялся и перечень мероприятий, напрямую с праздником не связанных, осуществление которых, однако, приурочивалось к соответствующей дате (городское благоустройство, ремонт зданий, торговля в дни торжеств и т.д.).

Организационная структура праздника. Нормативной базой проведения праздников являлись постановления, принятые Президиумом ЦИК СССР (и продолжавшие действовать), а также постановления Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, ЦК КПСС. В юбилейные годы и в некоторых других случаях, например, при утверждении новых праздников (День космонавтики) или при реформировании старых (Ленинские дни), ЦК КПСС издавал соответствующие нормативные акты. Ссылки на эти постановления встречаются в протоколах заседаний Ленинградских бюро горкома и обкома КПСС, так, например, на постановление ЦК КПСС о «ленинских днях» ссылались в 1957 году[181].

[180] Известия. 1967. 15 марта.
[181] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 76. Д. 51. Л. 4.

Также Центральный комитет партии ежегодно составлял «призывы ЦК КПСС» к 1 мая и 7 ноября, которые публиковались в газетах «Правда» и «Известия». Призывы представляли собой официально одобренные лозунги, отражавшие главные идеологические установки. Подготовкой текстов призывов занимался Отдел пропаганды и агитации (идеологический отдел) ЦК КПСС, а утверждались они на самом высоком партийном уровне. Историк В. А. Невежин в своей монографии о праздниках 1930–1940-х гг. приводил множество примеров, когда правкой лозунгов и призывов занимался лично И. В. Сталин[182].

В послевоенный период эти тексты чаще всего составлялись М. А. Сусловым (заведующим отделом пропаганды и агитации, главным редактором «Правды»), имя и подписи которого обнаруживаются на многих проектах призывов, начиная с рубежа 1940–1950-х гг. Так, именно фамилия Суслова стоит первой в проекте призывов к 33-й годовщине ВОСР 1950 г.[183], которые были направлены в Секретариат ЦК ВКП(б)[184]. Кроме него в числе авторов значились Н. Н. Шаталин (заведующий планово-финансовым отделом), Н. М. Пегов (заведующий отделом легкой промышленности). В. Г. Григорьян (заведующий отделом по связям с зарубежными коммунистическими партиями), В. С. Кружков (1-й заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации) и др. Включение в составление призывов заведующих отделами, напрямую с пропагандой не связанных, объясняется тем, что среди лозунгов многие были посвящены экономике, международным отношениям и т.п.

Даже когда М. А. Суслов перестал возглавлять агитпроп в 1952 г., он продолжал непосредственно заниматься подготовкой текстов призывов, как, например, было осенью 1954 г.[185] (в то время отделом пропаганды и агитации руководил уже упомянутый Кружков). Также именно он был главным автором специальных постановлений ЦК КПСС о подготовке к юбилеям революции, его имя значилось первым в проектах подобных постановлений, например, о 40-летии

[182] Невежин В.А. Советская праздничная культура. С. 53, 109–112 и др.
[183] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 226. Л. 33–34.
[184] Документ был направлен на имя Н.А. Булганина, который, в свою очередь, написал карандашом: «Предлагаю обсудить в ПБ – на четверке».
[185] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 229. Л. 135.

ВОСР[186]. Кроме того, есть основания считать, что когда во второй половине 1960-х гг. Суслов закрепился в Президиуме (с 1966 г. – Политбюро) и перестал участвовать в непосредственном составлении призывов, он в целом продолжал курировать государственные праздники. Как ответственный за вопросы идеологии и культуры он наверняка был одним из главных авторов правок, которые Президиум ЦК КПСС регулярно вносил в проекты призывов[187]. Также именно Суслов еще с первых послевоенных лет выступал на торжественных заседаниях по случаю государственных праздников, юбилеев В.И. Ленина и других подобных мероприятиях. Р. А. Медведев и Д. А. Ермаков, написавшие одну из первых биографий Суслова, утверждали, что исторической датой, «одновременно итоговой и сулящей перспективы», в жизни будущего «серого кардинала» стало 21 января 1948 г., когда он читал доклад по случаю очередной годовщины со дня смерти В. И. Ленина[188]. Это было первое публичное выступление Суслова на аудиторию такого уровня: в зале Большого театра присутствовало все руководство страны, включая И. В. Сталина. Вероятно, с того самого момента и на десятилетия вперед жизнь и политическая карьера Михаила Андреевича стали связаны с подобными торжественными мероприятиями, тем более, как отмечают Медведев и Ермаков, большая часть идеологической работы в 1960–1970-е годы сосредоточивалась вокруг юбилеев и праздников[189].

Возвращаясь к теме призывов ЦК КПСС, отметим, что после публикации в центральных газетах эти тексты перепечатывались во всех прочих, включая местные, и служили идеологической основой для проведения очередного Первомая и годовщин Октября во всех уголках страны: ими украшались города, их писали на транспарантах и они же становились лейтмотивами праздничной агитационной работы. На этом участие «центра» в деле подготовки торжеств

[186] Там же. Д. 235. Л. 10.
[187] Там же. Д. 266. Л. 22.
[188] Медведев Р.А., Ермаков Д.А. «Серый кардинал». М. А. Суслов: политический портрет. М., 1992. С. 101.
[189] Там же. С. 176.

ограничивалось, непосредственную подготовку на местах вели местные руководители[190].

Нормативной единицей низового уровня являлись постановления бюро обкома и горкома КПСС Ленинграда (формально эти документы являлись скорее «решениями» – они оформлялись отдельными пунктами в протоколах заседаний соответствующих бюро). Обычно их готовил заведующий отделом пропаганды и агитации городского комитета, который на партийном уровне и курировал проведение торжеств. В рассматриваемый период этим занимались: П. И. Кузнецов[191] и его заместитель М. А. Абрамова[192] (1950-е), Е. Я. Зазерский[193] (1960-е), В. Г. Захаров[194] (1970-е), Г. И. Баринова[195], Н. О. Ларионов[196] (1980-е).

Именно с подписания этих местных партийных документов город приступал к подготовке торжеств. Содержательно все они состояли из преамбулы, в которой обосновывалась необходимость проведения праздника, и конкретных распоряжений по отдельным инстанциям города: что следует сделать райкомам партии, Управлению культуры, Управлению торговли и т.д. В случае массовых праздников принимались планы подготовки и проведений торжеств (более подробные распоряжения по всем городским структурам) и утверждались составы городских праздничных комиссий (в состав которых всегда включались секретари обкома и горкома КПСС). На уровне партийных органов также утверждался список руководящих работников для выступлений с докладами в дни годовщин В. И. Ленина и майских праздников[197]. В случае крупных юбилеев также распределялись обязанности по ряду публичных мероприятий. Например, план проведения юбилейной годовщины революции в 1967 г. включал в себя перечень

---

[190] Необходимо отметить, что планы демонстраций и военных парадов в Москве утверждались на уровне ЦК КПСС, равно как и речи выступающих, тексты которых заблаговременно присылались на утверждение (См. например: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 258 и др.). Местные планы проведения праздников, в том числе в Ленинграде, насколько нам известно, на утверждение в Москву не посылались. Также руководство государства оповещалось в случае каких-либо происшествий, случавшихся в дни торжеств (См. например: РГАНИ. Ф. 89. Оп. 37. Д. 12. Л. 1 – записка председателя КГБ Ю.В. Андропова о праздновании Первого мая в стране от 5.5.1975 г.).
[191] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 76. Д. 40. Л. 12.
[192] Там же. Д. 51. Л. 4.
[193] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 41. Д. 258. Л. 1.
[194] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 163. Д. 180. Л. 11–12, 42.
[195] Там же. Оп. 249. Д. 35. Л. 5, 26.
[196] Там же. Д. 313. Л. 19.
[197] Там же. Оп. 102. Д. 81. Л. 17–18.

мероприятий, начинавшихся уже 23 октября: митинга по окончанию строительства газопровода (которое, очевидно, приурочивалось к годовщине), встреч иностранных журналистов и гостей, открытия юбилейной сессии Советского комитета защиты мира, объединенного пленума творческих союзов, «Октябрьских чтений», митинга на новой линии метрополитена и других подобных – всего более 40 мероприятий с участием первых лиц города вплоть до 7 ноября[198].

На этом прямое участие высших партийных структур города в организации праздников заканчивалось, далее они осуществляли только контролирующую функцию (заслушивали доклады праздничных комиссий[199]).

Помимо городской (главной) комиссии, создавались и районные. Непосредственную организацию Первомая и годовщин Октября обеспечивали именно они: городская курировала главные мероприятия, проводимые на Дворцовой площади – военные парады, демонстрации и вечерние гуляния, в то время как районные занимались подготовкой колонн демонстрантов, оформлением своих районов, организацией гуляний на районных площадях. Детальное рассмотрение деятельности городских комиссий возможно благодаря стенограммам их заседаний, проходивших в исполкоме Ленинградского городского совета депутатов трудящихся, и отложившихся в его фонде. Приведем обобщенный состав городской комиссии, который в целом оставался неизменным на протяжении 1950–1980-х гг.: представители ленинградских горкома и обкома КПСС, начальники различных городских управлений: культуры, милиции, торговли и т.д., представители Ленинградского военного округа, председательствовал обычно глава исполкома Ленгорсовета, а со второй половины 1960-х гг. нередко его заместитель.

Исходя из утвержденного плана, члены комиссии обсуждали ход подготовки к празднику, возникавшие в связи с этим проблемы, а иногда вносили изменения в сам план. Судя по стенограмме заседания майской праздничной

[198] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 42. Д. 1716. Л. 1–6.
[199] Там же. Оп. 37. Д. 1183. Л. 2.

комиссии 1953 года, план проведения торжеств вообще составлялся по ходу заседания этой комиссии[200], тогда как ко второй половине 1950-х–начале 1960-х гг. комиссия начинала с обсуждения и внесения правок в уже существующий подготовленный план, одобренный бюро городского и (или) областного комитета КПСС. Праздничные комиссии, как правило, собирались в Ленгорисполкоме и, как следует из формуляра документов, оформлялись как совещание у председателя исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся[201].

Подготовка велась начальниками основных управлений исполкома и их заместителями. Секретари райкомов и депутаты райсоветов могли вызываться на заседания в случае необходимости. Так, при подготовке к 7 ноября 1954 г. на заседании городской комиссии непосредственно присутствовали главы лишь трех районных комиссий: Октябрьской, Смольнинской и Калининской[202]. Представители главной праздничной комиссии накануне торжества совершали объезд районов и «принимали» готовность[203].

При подобной многоступенчатой организационной структуре (постановления и контроль партийных властей – деятельность городских комиссий – деятельность районных комиссий), а также учитывая широкое разнообразие проводимых мероприятий (СМИ, оформление, торговля, военные парады, охрана порядка и т.д.), успешная подготовка празднования могла быть обеспечена только четким взаимодействием между начальниками различных инстанций. Вопрос координации работы соответствующих городских структур при подготовке массовых праздников в начале 1950-х гг. еще не был четко регламентирован. Поскольку задействовалось большое число исполнителей из разных служб города, для эффективной организации торжества должен был сложиться определенный управленческий и бюрократический канон. Этот процесс хоть и тяжело поддается реконструкции, но все же может быть описан на основе имеющихся делопроизводственных источников.

---

[200] Там же. Оп. 25. Д. 2251. Л. 4.
[201] Там же. Л. 1.
[202] Там же. Д. 2594. Л. 1.
[203] Там же. Д. 2251. Л. 24.

Приведем характерный пример. На заседании октябрьской комиссии 23 октября 1954 г., представитель Управления культуры Макаров отмечал: «На прошлом заседании комиссии нам поручили разработать мероприятия по оформлению города, ибо в каждом отдельном районе имеются художники, имеются Октябрьские районные комиссии. Но эту работу мы еще не координировали. Было предложено вменить это в обязанность Ленгороформления. Дело в том, что это организация производственная, которая занимается изготовлением реклам и одновременно ей поручается оформление трех объектов: городского исполкома, Смольного и Дворцовой площади. Мы предлагаем постоянную комиссию, которая занималась бы просмотром и подбором всех эскизов для оформления всего города…»[204]. Как можно понять из приведенной цитаты, даже в таком важном деле как внешнее оформление города, в те годы еще не было четкого управленческого алгоритма, как правильно организовывать это дело. Перекладывание этой ответственности на районы приводило к тому, что не было единого стиля, а также, ввиду ограниченности средств, не имелось возможности обеспечить и достаточное качество украшений. В предполагаемую комиссию, по мнению Макарова, должны были войти представители Управления архитектуры, Управления культуры, а также Ленинградского отделения союза художников и художественного фонда[205]. Председатель комиссии Н. Н. Пшеницын эту инициативу поддержал, однако следы «художественной» комиссии теряются, и, судя по стенограммам следующих заседаний, она будет создана лишь в середине 1960-х гг. Оформление обеспечивали сами районы своими силами (в основном за счет предприятий[206]), а Ленгороформление (позже – «театрально-художественно-производственный комбинат») занималось только наиболее важными объектами – Дворцовой площадью, зданием Смольного и некоторыми центральными улицами. Единственное «новшество», которое все же было введено в 1954 г.: Ленгороформление выделяло по 1 человеку на каждый район, которые должны

[204] Там же. Д. 2594. Л. 3.
[205] Там же. Л. 4.
[206] Там же. Л. 14.

были «помочь разобраться в том или другом оформлении»[207]. Проблема сохранилась и в 1960-е годы. Так, в сентябре 1963 г. на заседании городской комиссии обсуждался вопрос о создании методического совета для оказания помощи в оформлении районам, в который должны были войти архитекторы и художники, всего около тридцати человек[208]. Согласно плану подготовки и проведения 7 ноября 1963 г., для помощи райкомам КПСС в оформлении колонн демонстрантов созывался специальный художественный совет[209].

Представители районов посещали городскую комиссию по приглашению[210] и обычно не входили в ее состав на постоянной основе. Городская комиссия в свою очередь занималась только наиболее важными объектами города в части оформления (наряду с Невским и Литейным проспектом, Дворцовой площадью в 1960 г. к ним предлагалось добавить Пушкинскую площадь и площадь Мира, но предложение не было поддержано[211]). В конце концов был утвержден порядок, согласно которому праздничным оформлением занимались районные комиссии (за свой счет), а от городской комиссии назначались ответственные работники, осуществлявшие контролирующую функцию[212].

В начале 1960-х гг. проявилась тенденция к большей централизации в регулировании массовых торжеств. Планы проведения праздников стали утверждаться исключительно бюро Ленинградского обкома КПСС, хотя до этого чаще этим занималось бюро горкома. Более пристальному централизованному контролю стали подвергаться отдельные элементы праздника. Например, как следует из материалов октябрьской городской комиссии 1960 г., репертуар концертной части торжественного заседания теперь принимался не в рабочем порядке, а утверждался самой комиссией: художественные и эстрадные организации города представляли несколько номеров, в том числе на выбор комиссии[213]. Кроме этого, на уровне главной праздничной комиссии стали

[207] Там же. Л. 17.
[208] Там же. Оп. 42. Д. 177. Л. 11.
[209] Там же. Л. 4.
[210] Там же. Оп. 37а. Д. 7. Л. 13.
[211] Там же.
[212] Там же. Оп. 37. Д. 1186. Л. 5.
[213] Там же. Оп. 37а. Д. 7. Л. 24.

утверждаться и планы народных гуляний на площадях[214], тогда как ранее этим занималось Управление культуры. Детальным рассмотрением этих планов занимались партийные органы, и лишь после их согласования они передавались на утверждение[215].

В то же время сохранившиеся стенограммы заседаний уже с 1963 г. перестали содержать выступления докладчиков по тем или иным вопросам, фиксировались лишь прения и вопросы[216]. Эти источники с середины 1960-х гг. перестают быть информативными и, к сожалению, не позволяют в полной реконструировать подготовку торжеств на высшем городском уровне в период «развитого социализма» и позднее. Так, стенограмма городской комиссии по проведению 50-й годовщины Октября отражает лишь общие установки в подготовке к юбилею, в своем докладе заместитель главы исполкома Ленгорсовета затрагивал в основном лишь хозяйственные вопросы (например, «борьбу с шумами», «расселение подвалов» и пр.), при этом отдельные части его выступления были пропущены с указанием темы («зачитывает» то-то и т.д.)[217]. Кроме того, после проведения крупного юбилея 50-летия Советской власти в 1967 г., городские праздничные комиссии или стали собираться нерегулярно, или их заседания перестали фиксироваться. В целом можно констатировать, что в 1970-е гг. участие праздничных комиссий в подготовке торжеств несколько снизилось: отсутствие стенограмм за большинство годов, а также их качественное изменение (обнаруженные стенограммы обладают меньшей детальностью, фиксируют меньшее количество встреч и т.п.), позволяют говорить о большей формальности и меньшей включенности комиссии в организацию праздников. Возможно, это свидетельствует о том, что часть организационных задач была делегирована появившейся на рубеже 1960–1970-х гг. новой структуре – Отделу массовых праздников Управления культуры Ленгорисполкома, а, возможно, об отлаженности механизма подготовки торжеств, который в общих чертах

[214] Там же. Л. 29.
[215] Там же. Оп. 37. Д. 1183. Л. 33.
[216] Там же. Оп. 42. Д. 177. Л. 10–13.
[217] Там же. Д. 1256. Л. 1–11.

повторялся из года в год (к тому же в условиях слабой ротации кадров не было необходимости вводить новых членов комиссии в курс дела). Отметим лишь, что контролирующая функция в любом случае оставалась за членами комиссий, которые в 1970–1980-е гг. продолжали назначаться постановлениями Ленинградского обкома КПСС.

В качестве ориентира при подготовке торжеств обычно использовали праздники прошлых лет (именно так и функционирует традиция), кроме того, образцом нередко служили столичные торжества. Оглядка на практику празднеств в Москве, по нашим наблюдениям, была постоянной. Равнение на столицу должно было отражать и соблюдение иерархии, и стремление соответствовать «столичному» уровню организации праздника. Этот факт нашел четкое отражение как в документах праздничных комиссий, так и в информационном сопровождении праздника: в праздничных радиопередачах читались панегирики в честь Москвы, обязательным было «прямое включение» с Красной площади.

Желание равняться «на центр» встречается в стенограммах комиссий, начиная с 1950 года со стабильной периодичностью. Очевидно, что такая практика существовала и раньше. Вероятно, речь шла все же не о насаждении «московского стандарта» сверху, а о вошедшей в норму практике. Так, на заседании комиссии в апреле 1953 г. обсуждалось: «По имеющимся сведениям, в Москве демонстрация и парад будут кратковременными, и центр тяжести переносится на гулянья», – на что секретарь Ленинградского обкома КПСС Н. Д. Казьмин отвечал, что «если в Москве так, то и мы перестроимся»[218].

Традиции же обеспечивали сохранение не только формата и содержания торжеств, но и особенности их организации. Это находило отражение, прежде всего, в планах проведения праздников, которые, хоть и менялись, но весьма незначительно, в целом сохраняя порядок предыдущего года. На сложившуюся «традицию» ссылались и при распределении контролирующей функции: «Обычно членов Октябрьской комиссии раскрепляли по отдельным районам. Предлагается

[218] Там же. Оп. 25. Д. 2251. Л. 6–7.

такой порядок сохранить и в настоящее время»[219]. На заседании 27 марта 1956 г. председатель первомайской комиссии Н. И. Смирнов говорил: «На первом организационном заседании комиссии мы должны посмотреть, что делается по отделам, которые должны выполнить работы по опыту прошлых лет»[220]. И если с организационной точки зрения это вполне объяснимо (зачем выдумывать какой-то новый порядок подготовки торжества, если предыдущий был вполне удачным?), то, относительно содержания праздников, подобное «копирование» предыдущих планов приводило к однообразию. Как отмечал один из членов праздничной комиссии 1961 г., «у нас на каждом празднике повторяются одни и те же вещи, это становится не празднично»[221]. Власти осознавали проблему и пытались ее решить, но среди прочих сложных вопросов она занимала далеко не первое место. Несмотря на более или менее утвердившийся организационный канон, подготовка к массовым торжествам постоянно сопровождалась одними и теми же сложностями. Вплоть до 1970-х гг. наиболее острым был вопрос финансирования.

Финансирование праздников. Вопрос финансового обеспечения торжеств в исследуемый период регулировался постановлениями Совета Министров СССР. Первые послевоенные праздники финансировались весьма скромно, так, постановление Совета Министров СССР от 27 октября 1946 г. предписывало всем предприятиям и учреждениям при проведении празднования 29-й годовщины Октября ограничиться «необходимым минимумом» и руководствоваться постановлением 1938 г.[222]

Однако, поскольку страна еще остро переживала последствия войны и требовала большого объема ресурсов для восстановления, 1948 г. Совмин принял постановление «О ликвидации излишеств и сокращении расходов на проведение празднования 1 мая 1948 года», которое устанавливало предельный уровень

[219] Там же. Оп. 25. Д. 2594. Л. 17.
[220] Там же. Оп. 37. Д. 418. Л. 1.
[221] Там же. Оп. 41. Д. 258. Л. 20.
[222] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 221. Л. 5.

расходов[223]. Им же руководствовались при проведении Первомая и годовщин ВОСР вплоть до мая 1950 г., когда в связи со снижением оптовых и государственных розничных цен, Министерство финансов рекомендовало вновь сократить траты на праздники на 25%[224]. Предложение было принято, и новым постановлением Совета Министров СССР от 28 апреля 1950 г. определялся максимальный размер расходов на празднование грядущего Первомая, включая оформление колонн демонстрантов, украшение зданий, проведение торжественных заседаний и прочие мероприятия. Этот размер зависел в первую очередь от числа рабочих и служащих. Если число рабочих превышало 10 тыс. человек, можно было потратить не более 7,5 тыс. рублей; если их было от 5 до 10 тыс. – не более 3,75 тыс. рублей; если от 1,5 до 5 тыс. – не более 1,5 тыс. рублей; если от 0,5 до 1 тыс. – не более 750 рублей; если до 500 человек – не более 300 рублей[225]. Для работников учреждений и организаций суммы были скромнее: при численности свыше 1 тыс. человек – не более 750 рублей; от 500 до 1 тыс. – не более 560 рублей; от 200 до 500 человек – не более 400 рублей, а если меньше – не более 150 рублей[226]. В сентябре 1950 г. министр финансов сообщал в Президиум Совмина СССР, что всего на проведение Первомая 1950 г. было потрачено около 14 млн[227].

Утвержденный порядок трат сохранялся на протяжении нескольких последующих лет вплоть до 1957 г. В мае 1952 г. были внесены некоторые уточнения, определяющие источники финансирования: для предприятий средства можно было брать только из фонда директора, а при отсутствии такового–– за счет экономии общезаводских расходов, а также из средств фабрично-заводских комитетов; для учреждений и организаций – за счет имеющейся экономии по смете административно-хозяйственных расходов[228].

---

[223] ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 80. Д. 2398. Л. 2.
[224] Там же.
[225] Там же. Л. 9.
[226] Там же.
[227] Там же. Д. 2443. Л. 3.
[228] Там же. Оп. 86. Д. 2269. Л. 7.

Юбилей революции в 1957 г. требовал совершенно иных трат, однако вместо увеличения расходов, они, напротив, были сокращены. Совет Министров СССР принял новое постановление 10 октября 1957 г., в котором объем финансирования, как и прежде, определялся в зависимости от численности работников[229]. Для предприятия с числом работающих: свыше 10 тыс. человек – не более 6 тыс. рублей (ранее 7,5 тыс.); от 5 до 10 тыс. человек – не более 3 тыс. рублей (ранее 3,75 тыс.); от 1,5 до 5 тысяч – не более 1,2 тыс. рублей (ранее 1,5 тыс.); от 500 до 1,5 тыс. человек – не более 600 рублей (ранее 750); до 500 человек – не более 240 рублей (ранее 300). Для учреждений и организаций с числом работающих: свыше 1 тыс. челок – не более 600 рублей (ранее 750); от 500 до 1 тыс. человек – не более 450 рублей (ранее 560); от 200 до 500 человек – не более 320 рублей (ранее 400); до 200 человек – не более 120 рублей (ранее 150). Сокращение расходов (в среднем на 20%) на проведение 40-летия Октября, вероятно, компенсировалось тем, что к юбилею готовились заблаговременно и местные исполкомы заранее планировали и утверждали праздничные сметы.

В 1967 г. был принят новый порядок финансирования. В документе, направленном совместно Госпланом, Министерством финансов и Госбанком СССР в Совет Министров, предлагалось установить лимиты не только по предприятиям и организациям, но и по городам и населенным пунктам (также в зависимости от численности)[230]. 14 мая 1967 г. Совет Министров СССР принял постановление «О расходовании средств на проведение празднования 50-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции», устанавливавшее предельные суммы расходов на украшение городов и других населенных пунктов, проведение торжественных собраний и прочих праздничных мероприятий:

А) для предприятий с числом работающих:

Свыше 10 тысяч человек – не более 1200 рублей

От 5 до 10 тысяч человек – не более 600 рублей

[229] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 237. Л. 1.
[230] ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 101. Д. 100. Л. 1.

От 1,5 до 5 тысяч человек – не более 240 рублей

От 500 до 1,5 тысяч человек – не более 120 рублей

До 500 человек – не более 50 рублей;

Б) для учреждений и организаций с числом работающих:

Свыше 1 тысячи человек – не более 120 рублей

От 500 до 1 тысячи человек – не более 90 рублей

От 200 до 500 человек – не более 65 рублей

До 200 человек – не более 30 рублей[231].

Для населенных пунктов также определялись лимиты, конкретные суммы предельных расходов устанавливались Советами Министров союзных республик в зависимости от численности населения в городе, за исключением Москвы и Ленинграда, для которых суммы расходов на эти цели определялись их исполкомами[232]. Это ставило старую и действовавшую столицы в исключительное положение и позволяло финансировать праздники в большем, чем все иные города, объеме.

Источники финансирования для городов и иных населенных пунктов изыскивались за счет средств соответствующих бюджетов; по предприятиям и хозяйственных организациям, переведенным на новые условия планирования и экономического стимулирования – за счет фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства; по всем остальным – за счет фонда предприятия, а при его отсутствии – за счет экономии общезаводских средств; по сметным учреждениям и организациям – за счет экономии по смете административно-управленческих расходов[233]. Общий расход, по расчетам Минфина, Госплана и Госбанка, на празднование 50-летия Октября должен был составить 50 млн. рублей[234].

Порядок финансирования празднования следующей круглой годовщины революции в 1977 г. в целом повторял рассмотренный выше, за некоторыми

---

[231] Там же. Л. 9.
[232] Там же. Л. 10.
[233] Там же. Л. 10.
[234] Там же. Л. 1.

исключениями. Для объединений, предприятий и хозяйственных организаций суммы должны были изыскиваться в пределах общей годовой суммы средств, выделенных для наглядной агитации и проведения праздничных мероприятий. Эта сумма, согласно постановлению Совмина СССР от 9 июня 1975 г., устанавливалась в следующем объеме в зависимости от числа работающих:

До 500 человек – не более 750 рублей в год

От 500 до 1000 человек – не более 1250 рублей в год

От 1000 до 5000 человек – не более 2700 рублей в год

От 5000 до 10000 человек – не более 5500 рублей в год

От 10000 до 25000 человек – не более 11000 рублей в год

Свыше 25000 человек – не более 16000 рублей в год.[235]

Также в раздел об источниках финансирования была добавлена информация о возможности использования фонда директора и других аналогичных фондов. Появилось о отдельное положение о совхозах: где был полный хозрасчет – средства на празднования можно было брать из фонда социально-культурных мероприятий и строительства, а где его не было – из фонда материального поощрения и социально-культурных мероприятий[236].

Объективно оценить объем средств, которые в СССР тратились на проведение массовых праздников, в рамках данного диссертационного исследования не представляется возможным. Однако можно сравнить предельные праздничные траты крупных предприятий (более 10 тыс. рабочих) со средней заработной платой тех же лет. В 1950 г. – лимит расходов составлял 7500 рублей при средней зарплате в 646 рублей[237], т.е. – на проведение торжества крупный завод расходовал около 11,6 средних заработных плат по стране; в 1957 г. – 6000 рублей при средней зарплате в 711 р. (данные 1955 г.[238]) – около 8,4 заработных плат (учитывая ежегодный рост средней зарплаты, цифра соотношения должна

[235] Там же. Оп. 111. Д. 64. Л. 15
[236] Там же. Л. 16.
[237] Статистическая таблица ЦСУ СССР «Среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства СССР в 1940, 1945, 1950–1955 гг. // Советская жизнь. 1945–1953 / сост. Е.Ю. Зубкова и др. М., 2003. С. 501.
[238] Там же.

быть еще меньше); в 1967 г. – 1200 рублей при средней зарплате в 104,7 р.[239] – около 11, 5 заработных плат. Поскольку с 1975 г. финансирование определялось не на один праздник, а на все в течение календарного года, то расчет более относителен. Допуская, что в год проходило два крупных массовых праздника (1 мая и 7 ноября), а также несколько менее значимых (Новый Год, 8 марта, 23 февраля), можно предположить, что на одно массовое торжество должно было тратиться до четверти всей суммы – значит, предприятие с числом рабочих от 10 до 25 тыс. могло потратить около 2750 рублей, что при средней зарплате в 145,8 рублей[240] составляет около 18,9 зарплат.

Осознавая относительность приведенных расчетов, мы считаем возможным отметить две тенденции. Во-первых, сокращение расходов на торжества во второй половине 1950-х гг., что также подтверждается Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О наведении порядка в праздновании юбилеев» от 12 декабря 1958 г.[241], которое в целях экономии средств ограничивало перечень отмечаемых юбилейных дат различных предприятий и учреждений. Во-вторых, значительный рост расходов на праздники в середине 1970-х гг.: крупный завод тратил 18,9 средних зарплат в 1975 г. против 11,6 в 1950 г. (а если вести расчет исходя из численности рабочих свыше 25 тыс. человек, то размер возможных трат на торжества в 1975 г. будет еще больше).

Кроме того, приведенные выше расчеты отчасти подтверждаются и документами праздничных комиссий Ленинграда. На рубеже 1950–1960-х гг. вопрос выделения средств регулярно вызывал бурное обсуждение. Исполком распределял деньги по двум группам: на общегородские мероприятия и для районов. В наиболее уязвимом положении оказывались районные комиссии, которым предназначались совсем небольшие суммы (в 1960 г. – в среднем от 4 до 6 тыс. руб. на район[242]), а объем предстоящих работ был значительным. За редким

---

[239] Сведения о среднемесячной заработной плате за период с 1960 года по июнь 1997 года. Государственный комитет Российской Федерации по статистике. Письмо от 21 августа 1997 года N ВС-1-21/1945. АО «Кодекс». Электронный ресурс. URL: https://docs.cntd.ru/document/901818727 (дата обращения 24.01.2026)
[240] Там же.
[241] Собрание постановлений правительства СССР за 1958 г. № 1-20. М., 1958. С. 554–556.
[242] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 37а. Д. 7. Л. 9.

исключением, основная финансовая нагрузка ложилась на плечи самих районных комиссий (исполкомов райсоветов). Председатель исполкома Ленгорсовета Н. И. Смирнов говорил на заседании первомайской комиссии 1956 г.: «На большие средства не рассчитывайте. Будет прошлогодний объем…», «…Денег пока у нас нет и размах неясен»[243].

Достаточно ярко проблема финансирования раскрывается на примере одного из обсуждений подготовки к Первомаю в 1957 г., приведем отрывок из стенограммы: «В районах выделены знаменосцы, но знамена плохие, особенно в Октябрьском, Дзержинском, Куйбышевском, Московском. Безответственно отнеслись <…> Дано указание, отпустили материал и необходимые средства и должны были привести знамена в порядок. Не надо пускать эти районы на демонстрацию с рваными знаменами, особенно Октябрьский район. /Голос: денег только 6 т.р./. Надо было прийти и сказать, что нужно сделать новые знамена и шесты. Есть предложение с этими знаменами не пускать. Шейте где хотите, а с этими знаменами не пускать на демонстрацию…»[244].

Рассчитывали изыскать деньги из фондов, выделенных к празднованию 250-летия Ленинграда, но, как отмечалось, «новое знамя стоит 20 тыс. руб., а нам отпустили на все празднование 250-летия 25 тыс. руб.»[245]. Выход из этой ситуации, как это зачастую бывало, ложился на предприятия и самих участников демонстраций: «16 организаций района готовы купить знамена в результате работы райкома и изыскали средства, но не успели к 1 Мая, т.к. нет материала для знамен»[246].

По всей видимости, расчёт трат на ежегодные праздники не закладывался в городской бюджет отдельным пунктом, поэтому нередки были случаи, когда изыскивать средства приходилось путем перераспределения расходов. Например, в 1960 г. позитивные последствия имел инцидент со сбитым американским самолетом-разведчиком U-2, из-за которого часть неизрасходованных денег,

[243] Там же. Оп. 37. Д. 418. Л. 2.
[244] Там же. Д. 622. Л. 2.
[245] Там же. Л. 3.
[246] Там же.

отпущенных на подготовку города к приезду Эйзенхауэра, были потрачены на празднование 43 годовщины Октября (всего на городское оформление имелось около 300 тыс. руб.)[247]. Обычно же до 1961 г. на массовые праздники выделялось 200 тыс. руб., 150 из которых шло Управлению культуры на общегородские мероприятия, а 50 – районам города[248].

Рассмотрим подробнее смету расходов на ноябрьские праздники 1960 года. В соответствии с распоряжением Совета Министров РСФСР от 14 октября 1960 г. № 6427-р, исполкомам райсоветов разрешалось оплачивать подготовку к празднику средствами районного бюджета (всего 81 тыс. руб., согласно смете – в среднем по 4 тысячи рублей на район, за исключением Куйбышевского, которому было выделено 12 тыс.)[249]. Дополнительно районы получали от Горфинотдела 96 тыс. рублей (по 8 тыс. на район в среднем), эти деньги поручалось взять из фонда, рассчитанного на капитальный ремонт административных зданий[250]. Для организации городского празднования из местного бюджета выделялось: 103 тыс. руб. – Управлению культуры, и 16 тыс. руб. – Общему отделу на организационные расходы[251]. Управление культуры также получало 20 тыс. руб. сверх указанной суммы для изготовления портретов и другого оборудования через театрально-художественно-производственный комбинат (эти средства также изымались из фонда капитального ремонта административных зданий)[252]. Из 103 тыс. руб., выданных Управлению из городского бюджета: 38 тыс. шло на украшение города, 35 тыс. – на аренду Театра оперы и балета им С.М. Кирова, 18 тыс. – на проведение народных гуляний, 5 тыс. – на оплату исполнителей, 3 тыс. – на оформление сцены, 2,5 тыс. – на прокат цветов, 1 тыс. – на изготовление программ и 0,5 тыс. – на радиоусиление[253]. Среди «организационных расходов» наибольшие траты пришлись на изготовление пригласительных билетов (4,5 тыс. руб.) и радиофикацию Дворцовой площади (3 тыс. руб.), также в резерве

[247] Там же. Оп. 37а. Д. 7. Л. 9–10.
[248] Там же. Оп. 37. Д. 1183. Л. 13.
[249] Там же. Оп. 37а. Д. 7. Л. 34–36.
[250] Там же. Л. 35.
[251] Там же. Л. 34.
[252] Там же. Л. 35.
[253] Там же. Л. 37.

секретаря исполкома Ленгорсовета оставалось 4 тысячи на непредвиденные расходы[254]. Всего на празднование 43-й годовщины Октября было потрачено более 300 тыс. рублей.

К концу 1970-х гг. наметилось увеличение финансирования ленинградских торжеств. Так, в 1979 г. на организацию Дня памяти Ленина и Первомая было выделено 156, 3 тыс. руб., из которых: Главному управлению культуры – 58,3 тыс. руб., в том числе для оплаты внештатных работников 4 тыс. руб., Комитету по физической культуре и спорту – 98 тыс. руб. (88 тыс. из которых должны были пойти на покупку новой формы для физкультурников[255]). Это вполне коррелирует с приведенным выше утверждением о значительном улучшении финансирования торжеств в рамках всего СССР с середины 1970-х гг.

Данных о 1980-х гг., к сожалению, в нашем распоряжении не имеется, однако можно отметить, что в перестроечные годы, особенно в самом конце 1980-х гг. траты на массовые праздники в Ленинграде (как, вероятно, и по все стране) были сильно сокращены. Так, постановление Ленинградского обкома КПСС о праздновании 1 и 9 мая 1989 г. предписывало «исключить помпезность, монументальность элементов оформления, дорогостоящие украшения… максимально увеличить количество ручного оформления»[256]. В условиях непростой экономической ситуации советское руководство вынуждено было сократить затраты на проведение праздников.

Таким образом, финансирование массовых торжеств 1 мая и 7 ноября в рассматриваемый период пережило определенную эволюцию. В 1950-е – сер. 1960-х гг. на проведение торжеств выделялись весьма скромные суммы, и если организаторы главного городского гуляния могли рассчитывать на достаточные средства для проведения основных мероприятий, то районам города во многом приходилось обходиться своими силами. Деньги зачастую выделяли из фондов, предназначенных на ремонт зданий, при этом в документах источники финансирования объяснялись так: «Расходы произвести за счет превышения

[254] Там же. Л. 38.
[255] Там же. Д. 28. Л. 21-24.
[256] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 249. Д. 35. Л. 6.

доходов над расходами по бюджету города Ленинграда…»[257]. В середине 1970-х гг. финансирование праздников заметно улучшилось, и предприятия могли расходовать на подготовку большие суммы, чем раньше. Свою роль в этом играло и то, что объем трат на общегородские мероприятия в Ленинграде устанавливался городским исполкомом (и, наверняка, утверждался на самом высоком уровне), не ограничиваясь пределами, которые определялись постановлениями Совета Министров СССР для других городов. Это позволяло проводить ленинградские массовые торжества на качественно ином уровне, чем во всех городах СССР (за исключением Москвы), делая их более качественными, зрелищными и красочными. С наступлением перестройки и обострением экономических проблем во второй половине 1980-х гг. ситуация изменилась, и государство больше не могло поддерживать высокий уровень финансирования и проводить торжества с прежним размахом.

Организационные проблемы. Помимо проблем управления и финансирования существовали и менее важные, иногда даже курьёзные проблемы, которые, однако, требовали серьёзного административного регулирования. В октябре 1960 г. на заседании праздничной комиссии обсуждался вопрос жалоб от жильцов домов, которым закрывали окна плакатами и лозунгами: «…каждый год встречаем большие неприятности…», «…как только мы начинаем оформление, так сразу же к вам поступает поток жалоб об жильцов»[258]. Выход из ситуации было предложено искать в расширении возможностей использования световых лозунгов. Но помогло ли это? Поскольку члены праздничной комиссии откровенно говорили о многолетней практике существования этой проблемы и о ее массовости, нетрудно предположить, что для некоторых ленинградцев праздники оборачивались отсутствием естественного освещения (соответственно большими тратами на оплату электроэнергии), невозможностью наблюдать за шествием из своих окон. Естественно, это приводило к раздражению и написанию жалоб: «Они просто

[257] ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 37а. Д. 7. Л. 34.
[258] Там же. Л. 8.

возмущаются, что во время праздников их окна обычно закрываются, и они не видят света»[259]. Проблема размещения портретов на окнах в комической форме описана в воспоминаниях исследователя визуальной среды М. Черейского[260]. Накануне ноябрьских праздников 1964 г. его бабушка, жившая в квартире на Аптекарском переулке (напротив улицы Халтурина, по которой проходили демонстранты) заставила разбитое окно портретом Н. С. Хрущева, за несколько недель до этого снятого с должности Первого секретаря ЦК КПСС. В скором времени в ее квартиру постучался милиционер в компании двух сотрудников «в штатском», однако выяснив, что никакой поддержки «волюнтаризма» и политической подоплеки в этом деле не было, незваные гости удалились (взамен их через несколько часов пришел вызванный с выходного стекольщик). Повышенная бдительность в дни торжеств объяснялась не только идеологическими установками, но и действительной необходимостью обеспечения безопасности граждан: Управление милиции регулярно докладывало партийному руководству о случавшихся в дни праздников преступлениях (например, в сводках за первые дни мая 1954 г. встречаются упоминания о случаях краж, поножовщины, драк[261] и т.д.).

Охрана правопорядка во время празднований, таким образом, была одной из насущных проблем. Управление милиции города должно было обеспечивать шествие колонн, а также размещение гостей на Дворцовой площади у трибун (причем дежурство на площади было организовано и накануне праздника – бывали случаи, когда задерживались граждане, пытавшиеся пройти ночью мимо трибун[262]). В стенограмме одного из заседаний первомайской комиссии 1953 г. встречается упоминание о том, что существовали специальные «планы», утверждаемые начальником Управления (в 1953 г. – генералом Г. А. Богдановым), проводились также инструктажи милиционеров, шла серьезная подготовка «по

[259] Там же. Оп. 37. Д. 1183. Л. 12.
[260] Черейский М. Дракон с гарниром... С. 162–169.
[261] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 66. Д. 153.
[262] Там же. Оп. 61. Д. 249. Л. 72.

всем вопросам»[263]. Милиционеры, таким образом, становились «особыми» участниками праздничных мероприятий, исполнявшими специфические функции: помимо обеспечения безопасности, они осуществляли контроль за тем, в каком направлении и порядке должны идти ленинградцы во время демонстраций, осуществляли «оцепление» колонн (см. **приложение № 2**).

Также задействовались и другие городские службы. На местах сбора районных колонн и по ходу их шествия организовывалась медицинская помощь. В особом режиме работал и общественный транспорт: с 9 часов 30 минут его движение прекращалось по всем маршрутам движения колонн[264].

Курированием ряда «праздничных» вопросов занимались и военные: помимо подготовки парада и выступлений армейской самодеятельности, в сферу их полномочий входила организация салюта. Для его проведения министр обороны выпускал специальный приказ[265], а также требовалось получение специальной шифровки (в частности об этом упоминалось на заседании первомайской комиссии 1956 г.[266]). Однако наибольшие трудности заключались в другом.

В ноябре 1952 г. салют был организован на острове Голодай, в городе его совершенно не было видно и смысл его проведения терялся[267]. Глава Ленинградского военного округа (с сентября 1949 г. – по май 1953 г.) А. А. Лучинский докладывал: «В Ленинграде более удобно проводить с Петропавловской крепости, откуда наименее влияет на коммунальные убытки в виде стекол и т.д. Опыт показал, что стекла от арт. салюта не летят и фонари не бьются, но получается стечение народа. Был салют в день похорон И. В. Сталина, в день Советской армии, и ничего не случилось, никто не бежал на лед. Политическое значение салюта теряется, если вынести за город. Настаиваю, чтобы салют утвердили проводить с Петропавловской крепости»[268]. Противники

[263] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 25. Д. 2251. Л. 11.
[264] Там же.
[265] Ломакин А.В. Государственные праздники и память... С. 86.
[266] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 37. Д. 418. Л. 2.
[267] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 25. Д. 2251. Л. 3.
[268] Там же.

данной точки зрения беспокоились за безопасность граждан, как отмечал председатель Ленсовета П. Ф. Ладанов: «Мы не гарантированы, что от большого наплыва народу могут полететь парапеты и пострадать мосты»[269]. В итоге комиссия приняла решение рассредоточить салют в разных частях города[270]. Озабоченность техническим состоянием набережных и мостов, стремление избежать любых происшествий несколько ограничивали возможности свободного гуляния. Кроме того, как вспоминал телеведущий Юрий Сенкевич, когда их, курсантов ленинградской Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова, водили на репетиции парада на Дворцовую площадь в середине 1950-х гг. по Литейному мосту, раздавалась команда шагать не в ногу, чтобы не вызвать резонанса и обрушения конструкций[271].

Несмотря на «политическое» значение салюта, его эффектность и пока еще непривычность для большинства граждан, власти все же старались избегать максимального охвата населения. Подобная ситуация сохранялась до середины 1960-х гг. В мае 1960 г. был организован один главный фейерверк у Петропавловской крепости и пять дополнительных в разных районах города[272] (очевидно, с целью рассредоточить зрителей). В ноябре 1960 г. комендант города А. П. Филиппов специально просил включить гидромониторы только в дни праздника, но не раньше: «Обычно перед салютом бывает слишком большое скопление людей, а если мы это эффектное мероприятие включим заранее, то людей будет еще больше, а это не безопасно, так как здесь мост и набережная»[273]. Технические несовершенства в оборудовании набережных заставляли ограничивать приток ленинградцев на главное городское гуляние: потенциальная возможность трагедии и омрачения праздника перевешивала прочие доводы.

Таким образом, период накануне и в течение праздника являлся временем мобилизации местных органов власти. Городские службы, приходящие в эти дни в «особый режим» работы, необходимо было координировать и контролировать.

---

[269] Там же.
[270] Там же. Л. 23.
[271] Сенкевич Ю.А. Путешествие длинною в жизнь. С. 21.
[272] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 37. Д. 1186. Л. 11.
[273] Там же. Д. 1183. Л. 38.

Эту важную и сложную работу брали на себя праздничные комиссии – создаваемые для подготовки и проведения торжеств специфические временные собрания представителей власти, состоявшие из начальников самых разных городских управлений. Формат «комиссий» обычно использовался либо для решения чрезвычайных вопросов, либо в тех случаях, когда необходимо было присутствие представителей различных ведомств. Казалось бы, их проведение можно было вменить органам управления культурой (что будет частично осуществлено в 1970–1980-е гг.), однако специфика советских государственных праздников 1950–1960-х гг., видимо, не позволяла это осуществить: процесс подготовки торжеств требовал координации различных управлений города, да и охват населения был действительно всеобщим. Такой способ организации имел преимущества: широта перечня задействованных лиц и социальных институтов (коллективы предприятий и учреждений, партийные и советские органы власти, СМИ и т.д.) придавала празднованию всеобъемлющий характер. С другой стороны, он же порождал и недостатки: координация действий была крайне сложна и требовала значительных финансовых и административных ресурсов.

1.3. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТДЕЛА МАССОВЫХ ПРАЗДНИКОВ

В 1960-е гг. наметилось изменение привычной организации торжеств. Главной причиной этому было переосмысление массовых праздников, проходившее в рамках деятельности Всероссийского театрального общества (ВТО). В январе 1960 г. по инициативе активного члена ВТО Б. Н. Глан была создана Лаборатория массовых праздников и зрелищ[274]. Необходимость удовлетворения современных эстетических требований зрителей, желание отойти от клише и однообразия, а также видение перспективы изучения и обобщения опыта массовых театрализованных праздников 1920-х гг. привели к развертыванию Лабораторией широкой работы по поиску новых форм массового праздника. Своя секция этой Лаборатории появилась и в Ленинграде, первым руководителем стал известный режиссер Н. В. Петров. Формально главной целью

[274] Слесарь Е. Указ. соч. С. 27.

творческих поисков была подготовка к 50-летию Октябрьской революции, все прочие художественные опыты до главного юбилея 1967 г. становились как бы «репетицией к главному празднику»[275].

Под влиянием Лаборатории в 1964 г. было принято решение о проведении Всесоюзного фестиваля театрализованных представлений и праздников[276], в последующие годы также регулярно проводились подобные конкурсы, смотры, семинары и т.д. Например, в 1969 г. проходил фестиваль театрализованных праздников, посвященных 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, в рамках которого осуществлялся смотр садов и парков культуры и отдыха (в состав городской комиссии Ленинграда входил председатель секции массовых театрализованных праздников Ленинградского отделения ВТО – известный режиссер и балетмейстер А. Е. Обрант[277]). Подобные мероприятия должны были вывести подготовку праздников на новый уровень, решить проблему вовлеченности населения в празднования, сделать их эстетически и идеологически современными. Праздничная сфера, таким образом, вновь возвращалась в ведение театралов, как это было в первые годы Советской власти.

В духе этой тенденции изменился и порядок подготовки праздников в Ленинграде. 19 августа 1969 г. заместитель начальника Главного управления культуры исполкома Ленгорсовета А. Мухин сообщал Министерству культуры РСФСР: «В настоящее время назрела необходимость создания отдела, который будет систематически разрабатывать, руководить и осуществлять постановку традиционных ленинградских праздников и внедрять новые праздники»[278]. Появление нового подразделения обосновывалось двумя причинами. Во-первых, ростом числа проводимых праздников: «Так, если в 1966 г. состоялось 10 историко-революционных, трудовых, спортивных, детских праздников и праздников искусств, то в 1968 – уже 35»[279]. Отметим, что увеличение общего числа торжеств происходило в первую очередь за счет увеличения

[275] Там же. С. 29.
[276] Там же. С. 122.
[277] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-105. Оп. 2-1. Д. 304. Л. 133.
[278] Там же. Д. 319. Л. 112.
[279] Там же. Л. 111.

театрализованных праздников в парках культуры и отдыха, а также за счет появления «фирменных» ленинградских фестивалей: «Белые ночи», «Алые паруса», «Зимние звезды» и т.п. Также отмечалось, что само дело подготовки приняло постоянный и систематический характер. Во-вторых, создание специального отдела должно было решить проблему с кадрами: «Вся огромная и трудоемкая работа по подготовке и проведению общегородских праздников ведется силами нештатного аппарата, путем привлечения в разовом порядке по договорам специалистов из различных учреждений других ведомств и организаций, что приводит к большой текучести творческих и административных работников»[280].

Одним из инициаторов создания в Ленинграде отдела, занимающегося централизованной организацией общегородских праздничных мероприятий, был С. В. Якобсон. На заседании секции массовых представлений Ленинградского отделения ВТО 3 декабря 1969 г. он говорил: «В городе много учреждений и организаций, которые ведают массовыми праздниками. Пытались ли Вы объединить их все единым календарем, чтобы все знали что, где, когда будет происходить. Такого календаря нет, хотя ставился об этом вопрос неоднократно. Может быть, новому отделу это будет под силу?»[281]. Предложение сперва встретило возражение присутствующих: город очень большой, и каждая организация занималась проведением праздников по своим индивидуальным планам, а создание единого плана могло стать формальностью ввиду невозможности контролировать и координировать работу. Однако Якобсон продолжал отстаивать свою позицию: «Я с этим сталкиваюсь много лет и каждый раз – это камень преткновения в решении всех задач, нужно создавать отдельные комиссии по отдельным праздникам. Я говорил по этому вопросу в горкоме и обкоме – как же быть? Вот, например, ГАИ: профсоюзы проводят праздник, связанный со всеми учреждениями, нужно обеспечить питание, транспорт и т.д. Или проводится спартакиада – в городе мобилизуются все учреждения,

[280] Там же. Л. 112.
[281] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-381. Оп. 1. Д. 636. Л. 16.

обслуживающие эту спартакиаду. Но на каждый отдельный случай создаются отдельные комиссии. Когда мы советовались по этим вопросам в прошлом году с Александровым[282], он ходил в руководство. Мне кажется, что гораздо проще горкому принять одно решение – кто за что отвечает, т.е. у нас будут основные планы, которые облегчат работу, дадут возможность спокойно проводить наши мероприятия, потому что многое будет совпадать»[283]. По замыслу Якобсона, централизация в организации праздников должна была помочь избежать накладок (когда, например, транспорт или хор требовались сразу на двух мероприятиях, проходящих параллельно) и помочь в координации обслуживания праздников: «Предположим, будет 12-15 крупных общегородских мероприятия, вы входите в горком, обком, там принимаются соответствующие решения, составляется единый план, этим облегчается их организация. Кстати сказать, в этом решении может быть записано – кто будет готовить эти праздники. Тогда все придет в норму <…> Может быть Вам удастся добиться решения этого вопроса, в обкоме Вас поддержат»[284]. Участник обсуждения Я. С. Ливантовский, к которому, видимо, была обращена последняя фраза, ответил, что теперь ему идея Якобсона стала понятнее и что подобный план может быть реализован.

Вскоре просьба заместителя начальника Главного управления культуры А. Мухина о создании нового отдела была удовлетворена, и в 1969 г. на базе «Ленконцерта» по рекомендации Министерства культуры РСФСР был создан Отдел массовых театрализованных праздников и представлений[285]. Отдел функционировал при Главном управлении культуры исполкома Ленгорсовета и брал на себя функции по организации всех крупных общегородских мероприятий[286]. Наряду с фестивалями и негосударственными праздниками, отдел стал заниматься организацией главных городских торжеств, проходивших 7 ноября, 1 и 9 мая[287].

---

[282] Вероятно, имелся в виду член Ленинградского горкома КПСС Г.П. Александров, возглавлявший на рубеже 1950–1960-х гг. отдел науки, школ и культуры, с сер. 1960-х гг. – член Ленинградского обкома КПСС.
[283] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-381. Оп. 1. Д. 636. Л. 17–18.
[284] Там же.
[285] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-778. Оп. 1. Д. 6. Л. 97.
[286] Там же. Л. 1.
[287] Там же. Л. 97.

Структура и задачи Отдела. Названия Отдела с течением времени менялись, в документах встречались следующие варианты: «Отдел театрализованных праздников, представлений и фестивалей», «Отдел массовых и театрализованных представлений», «Отдел массовых праздников, представлений и фестивалей», «Отдел массовых праздников, театрализованных представлений и фестивалей» и др. Здесь и далее, для удобства, он будет именоваться «Отделом массовых праздников» или просто «Отделом».

Согласно упоминаниям в приказах Главного управления культуры исполкома Ленгорсовета за 1970 г., первым главой Отдела можно считать И. Г. Эткинда[288]. Скорее всего под этими инициалами скрывается Исаак Григорьевич Эткинд (1923–1974) – театральный администратор, брат известного филолога, выступавшего в защиту И. А. Бродского, Ефима Григорьевича Эткинда, а также искусствоведа Марка Григорьевича Эткинда[289]. После начала преследования Е. Г. Эткинда оба брата подверглись гонениям и умерли от болезней сердца (дату смерти И. Г. Эткинда подтверждает отсутствие его упоминания в документах Управления культуры после 1974 г.).

Первоначально штат Отдела должен был насчитывать 10 человек: начальник, главный режиссер, главный редактор, главный художник, два режиссера, два администратора, заведующий постановочной частью, старший бутафор-реквизитор[290]. Перечень должностей показывает, что структура Отдела определялась задачей минимального привлечения работников со стороны. В таком формате он мог самостоятельно осуществлять всю подготовку театрализованной части праздников, в том числе и художественную. Оставалось лишь привлечение артистов-исполнителей из Ленконцерта. Однако, если с точки зрения художественной составляющей новая структура выглядела самодостаточно, то большая организационная работа требовала постоянного контакта с различными управлениями исполкома Ленгорсовета. Ввиду этого Отдел был подключен к спецсвязи АТС: в 1970 г. начальник Главного управления

[288] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-105. Оп. 2-2. Д. 359. Л. 187.
[289] Ефим Григорьевич Эткинд: материалы к библиографии / сост. П. Л. Вахтина и М. Д. Яснов. СПб., 1999.
[290] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-105. Оп. 2-1. Д. 319. Л. 112.

культуры города А. Витоль направил соответствующий запрос начальнику АТС Смольного, обосновывая просьбу тем, что организация мероприятий «требует постоянной прямой связи с руководителями ленинградских учреждений и организаций, а также с работниками аппарата ОК КПСС, ГК КПСС и исполкомов Городского и Областного Советов депутатов трудящихся»[291].

Задачи и цели отдела, периодически корректируемые, отражались в отчетах о его работе. Так, в одном из наиболее ранних доступных отчетов (за 1973 г.) говорилось: «Практически все, наиболее значимые праздники, представления, фестивали общегородского и республиканского значения проводились при активном и непосредственном участии сотрудников отдела. Афиша праздников города чутко и оперативно откликается на все стороны жизни многомиллионного города, знаменательные даты в жизни советских людей. Все слои населения охвачены праздничной "индустрией". Есть свои праздники у молодежи и школьников – "Зимние звезды" и "Алые паруса", "Первый звонок" и Слеты студенческих строительных отрядов; у работников села – смотры художественной самодеятельности и праздник, получивший в этом году путевку в жизнь "Мастера искусств - труженикам села"; у воинов Ленинградского Военного Округа и Военно-Морской базы – День Военно-Морского флага, День Победы, День Советской Армии; для всех тружеников города – многочисленные фестивали и праздники»[292].

В этом отрывке наглядно прослеживается первостепенная задача всестороннего охвата населения советскими праздниками, которая раскрывается в «индивидуализации» – каждому слою населения (каждой профессии) – свои торжества. Любопытно, что День Победы в данном случае значится как праздник для военных, а не для всего населения. Другая тенденция связана с профессионализацией самих торжеств, неслучайно автором отчета использовано выражение «праздничная «индустрия». Сам факт создания Отдела говорит о том же: на рубеже 1960–1970-х гг. организация праздников становится не делом всего

[291] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-778. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
[292] Там же. Д. 5. Л. 102.

общества, а задачей для профессионалов. Подобная «профессионализация», вероятно, была ответом на те же вызовы, которые обсуждались еще в начале 1960-х гг. Лабораторией массовых праздников и зрелищ: снижение праздничной вовлеченности населения, недостатки праздничной пропаганды, необходимость новых средств для удовлетворения эстетических требований современных зрителей.

По этому пути развивалась деятельность Отдела и далее, когда его руководителем стал заслуженный артист РСФСР, известный ленинградский диктор и режиссер Сергей Иванович Тулупников. Согласно биографической справке из энциклопедии «Журналистика Кольского края. XX век», он был назначен начальником-художественным руководителем в 1972 г. и пробыл им до 1983 г.[293], затем продолжил работу в Отделе режиссером-постановщиком. Однако в документах Главного управления культуры исполкома Ленгорсовета от 10 октября 1973 г. руководителем Отдела все еще значился И. Г. Эткинд[294]. Очевидно, С. И. Тулупников все же был назначен на должность в конце 1973 г. – 1974 г.

Развитие художественной составляющей массовых праздников оставалось неразрывно связанным с выполнением актуальных политических задач. Так, в отчете Отдела за первую полностью отработанную пятилетку 1971–1975 гг. говорилось: «В основу творческой деятельности отдела легли исторические решения XXIV съезда КПСС в области культурного строительства и идеологической работы, проводимой партией и правительством. В крупнейших по своей политической значимости концертах и массовых представлениях основополагающей явилась тема претворения в жизнь решений XXIV съезда КПСС и величественной программы созидания – девятого пятилетнего плана развития народного хозяйства»[295]. Там же речь шла и о дальнейшем совершенствовании форм и методов проведения народных гуляний на площадях и

[293] Как Сергей Тулупников спас первую передачу Мурманского телевидения. К 90-летию со дня рождения известного диктора. Сетевое издание Информационное агентство «Би-порт». Электронный ресурс. URL: https://b-port.com/news/117735 (дата обращения 24.01.2026).
[294] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-105. Оп. 2-4. Д. 778. Л. 73.
[295] Там же. Ф. Р-778. Оп. 1. Д. 5. Л. 114.

улицах города в дни всенародных торжеств 7 и 8 ноября, 1 мая, 9 мая[296]. С одной стороны, праздники по-прежнему использовались «инструментально», для пропаганды актуальных внутриполитических задач, решений съездов и т.д. Неслучайно в отчетах Отдела нередко указывалось, что «на большинстве мероприятий присутствовал член Политбюро ЦК КПСС, Первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романов»[297]. С другой стороны, очевидно, стояла задача сделать праздники более привлекательными для населения, для чего Отдел шел по намеченному в начале 1960-х гг. пути – театрализации.

В ходе подготовки массовых государственных праздников – Первомая, Дня Победы и годовщин революции, Отдел отвечал за проведение концертов для участников главного торжественного заседания, за шествие головной колонны демонстрации на Дворцовой площади и организацию там же народных гуляний. Перечисленные элементы праздника в 1970–1980-е гг. все чаще наполнялись элементами инсценировок. Даже привычные концерты в БКЗ «Октябрьский» иногда позиционировались как театрализации: так, в 1977 г. готовилось полноценное «праздничное представление» (директор постановочной группы – Н. Л. Нарицин, главный режиссер – И. П. Владимиров), которое должно было стать «творческим подарком» ленинградцам и гостям города к 60-летию Великого Октября[298]. В том же юбилейном году прохождение головной колонны на ноябрьских праздниках было организовано как «театрализованное шествие»[299]. Отдел массовых праздников отвечал за сценарий и подготовку этого представления, за художественное оформление и декорирование колонны демонстрантов и сопутствующих элементов типа инсталляций на автомобилях. Возможно, что театрализация уже устоявшихся элементов торжеств, таких как концерты и прохождения колонн, виделась сотрудникам Отдела решением проблем, обозначенных в отчете 1976 г. Руководство Отдела признавало: «Нам еще не удалось во многих случаях отойти от трафарета и шаблона. Это относится

[296] Там же. Л. 115.
[297] Там же. Л. 9.
[298] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-778. Оп. 1. Д. 33. Л. 16.
[299] Там же. Д. 5. Л. 101.

прежде всего к мероприятиям проводимым совместно с БКЗ “Октябрьский”. Наличие в режиссерско-постановочных группах хотя и опытных, но одних и тех же работников зала, выделяемых его дирекцией, мало способствуют творческому решению проблемы. Мы надеемся в ближайшем будущем укрепить деловые, по-настоящему творческие отношения со всеми службами БКЗ “Октябрьский”, тем более что задачи у нас общие»[300].

В дальнейшем театрализованными становились почти все элементы торжеств, которые готовил Отдел. На рубеже 1970–1980 гг. режиссурой театрализованных шествий головных колонн во время массовых праздников занимался А. Ф. Гринштейн[301]. Большую роль в них, как и прежде, играли физкультурники. Так, например, в шествии головной колонны 1 мая 1981 г. принимали участие «более 2000 спортсменов, 1000 учащихся ПТУ, ветераны партии, войны и труда, пионеры и школьники, воины Ленинградского гарнизона и Военно-Морской базы, сводный духовой оркестр ЛВО»[302]. Появилась потребность в режиссуре и народных гуляний, которые обычно организовывались в более свободной форме. Так, 7 ноября 1982 г. гуляния на Дворцовой режиссировал сам начальник Отдела С. И. Тулупников[303].

В неюбилейные годы, когда центрального празднования Дня Победы с парадом не было, Отдел принимал участие в подготовке прохождения по городу колонны ветеранов Великой Отечественной войны и сводного духового оркестра ЛВО, как было, например, 9 мая 1979 года[304].

Постепенно Отдел стал получать дополнительную нагрузку в виде оформления Дворцовой площади и издания печатной продукции к торжествам. Так, например, в 1981 г. Отдел выпустил 250 сводных афиш, посвященных 1 мая, столько же – ко Дню Победы[305]. Во втором полугодии 1982 г. было отпечатано 200 афиш «65-я годовщина Великого Октября», 300 афиш «Народные гуляния», 6

[300] Там же. Л. 141.
[301] Там же. Л. 83.
[302] Там же. Л. 48.
[303] Там же. Л. 6.
[304] Там же. Л. 83.
[305] Там же. Л. 48.

тыс. буклетов, 4,5 тыс. пригласительных билетов, 19 тыс. программ и их обложек[306] и т.д.

Кроме постоянного усложнения организационных задач, Отдел сталкивался и с иными проблемами, прежде всего – с расширением перечня мероприятий, которые ему поручались. Так, в отчете за 1973 г. говорилось: «Праздники, приуроченные к датам красного календаря, по-прежнему являются частью общей работы отдела. Как правило, ко всем значительным праздникам выпускаются специальные значки и плакаты. Конечно, в работе отдела есть и негативные моменты. Не все сценарные задумки полностью воплощаются в жизнь. Порой не отвечают высоким требованиям творческие работники, привлекаемые к выполнению сценарно-постановочной работы. Не всегда четко налажена связь с театрами и творческими организациями и не полностью используются их внутренние возможности. Надо отметить еще и то, что увеличение общего числа мероприятий, проводимых отделом, неизбежно влечет за собой сокращение времени на подготовку и это не может не отразиться на их качестве. Нужно, видимо, идти по пути углубления содержания имеющихся праздников, а не расширять их количественный состав»[307]. Действительно, в 1973 г. были проведены 17 праздников, из которых только 6 относились к официальным: годовщина со дня рождения В.И. Ленина, гуляния на Первомай, День Победы, День ВМФ, концерт к 7 ноября и гуляния 7 ноября[308]. В дальнейшем тенденция увеличения числа мероприятий, проводимых Отделом, только закреплялась, несмотря на жалобы организаторов.

Так, в отчете Отдела для партийного собрания 8 июня 1976 г. отмечалось: «К сожалению, продолжают иметь место случаи, когда отдел вынужден подключаться к проведению не входящих в его план мероприятий, таких как 250-летие Академии наук СССР, Концерт в Большом концертном зале “Октябрьский” лауреатов II-го смотра-конкурса молодых исполнителей, прием коллектива Большого театра Союза ССР и т.д. и т.п. Это создает некоторую нервозность,

[306] Там же. Л. 8.
[307] Там же. Л. 103.
[308] Там же.

снижает качество и эффективность проводимых мероприятий. Если учесть, что ряд этих, вновь появляющихся мероприятий, не отвечает главному направлению отдела массовых праздников, представлений и фестивалей, а в истекшем году, их процент составил 35% от общего количества запланированных, то станет ясным, что комментарий к этому не требуется»[309]. Последняя фраза была вычеркнула составителем текста, однако описанная в ней ситуация действительно не требует комментариев: Отдел был вынужден заниматься всеми городскими мероприятиями, а не только массовыми праздниками. В том же документе были сформулированы основные направления в работе Отдела, правда, в итоговый вариант отчета этот текст не вошел: «В отделе в соответствии с его перспективным планом, четко обозначились три основные направления или категории-мероприятий: 1. Спецмероприятия, 2. Массовые политические мероприятия, 3. Коммерческие мероприятия»[310]. Массовые политические мероприятия, как нетрудно заметить, указаны вторым пунктом, что говорит о смещении акцентов в работе Отдела: проведение ежегодных массовых государственных праздников, видимо, теперь не являлось первоочередной задачей.

Перегрузка растущим с каждым годом числом праздничных мероприятий потребовала изменений в структуре отдела. Так, согласно материалам к комплексному плану творческого, экономического и социального развития Ленконцерта на 1976–1980 гг. по Отделу массовых праздников, кадровый состав изменился следующим образом. В 1974–1975 гг. были сокращены две должности: режиссер-постановщик и ассистент режиссера. Вместо них были введены должности режиссера-организатора и редактора. Это внесло и определенные изменения в специфику работы отдела: отмечалось, что введение новых должностей усилило организационную и административную сторону в период подготовки и проведения мероприятий. Однако, ввиду «большого объема работ и важности поставленных задач на десятую пятилетку» руководство Отдела

[309] Там же. Л. 141–142.
[310] Там же. Л. 141.

ходатайствовало о пересмотре штатного расписания и просило вернуть должность режиссера-постановщика, так как Отдел без него обходиться не мог и был вынужден приглашать сторонних режиссеров на договорных условиях[311].

Привлечение приглашенных работников вызывало ряд проблем. В отчете 1976 г. отмечалось: «Определенную работу провели мы по расширению авторского актива. К работе по созданию сценариев и их постановке привлекаются ведущие драматурги и режиссеры нашего города. Не все здесь у нас шло гладко: потерпел фиаско один из молодых режиссеров-постановщиков по время подготовки праздника “Мастера искусств – труженикам села”. И, лишь применив оперативные меры, нам удалось спасти положение. Однако несмотря на это, привлечение новых имен к созданию театрализованных праздников позволило внести творческий поиск, интересные идейно-художественные и режиссерские находки»[312].

Всего же на рубеже 1975–1976 гг. в Отделе массовых праздников работало одиннадцать человек, включая начальника – художественного руководителя. Творческая мастерская состояла из трех групп: режиссерская группа – 3 человека (включая инспектора отдела), постановочная часть – 4 человека, группа редакторов – 3 человека[313]. В сравнении с первоначальной номенклатурой Отдела, из списка должностей исчезли должности художника и реквизитора. Важен и возрастной состав работников в указанные годы: абсолютное большинство сотрудников отдела были в возрасте от 25 до 40 лет[314]. Руководство отмечало, что в центре внимания по-прежнему стоял вопрос о кадрах: «В десятой пятилетке в соответствии с повышением идейно-художественного уровня проводимых мероприятий с новой остротой встает вопрос о подготовке высококвалифицированных специалистов. С этой целью сотрудники отдела будут направляться на курсы, лекции, семинары»[315].

---

[311] Там же. Л. 113.
[312] Там же. Л. 141.
[313] Там же. Л. 113.
[314] Там же. Л. 141.
[315] Там же. Л. 113.

В связи с довольно молодым составом творческого коллектива, а также с привлечением сценаристов и режиссеров по договору, возникал вопрос об идеологической работе внутри Отдела. В отчете от 8 июня 1976 г. содержалась соответствующая информационная сводка: в Отделе проводились регулярные лекции и политинформации, работники подписывались на партийную и комсомольскую печать, а также принимали повышенные социалистические обязательства. Указанные меры, как отмечал составитель отчета, способствовали сплочению коллектива, а также «оздоровлению производственного климата»[316]. В этом же разделе отчета описывалась ситуация, когда «по разным причинам пришлось расстаться с тремя сотрудниками»[317] – очевидно, речь шла об идеологических «промахах», допущенных при подготовке праздников. Вероятно, на повышение уровня идейности мероприятий было направлено создание в Отделе партийной группы из четырех человек, однако просуществовала она недолго, поскольку в ней осталось лишь два человека[318]. Наличие фрагмента об идеологической работе в отчете позволяет сделать вывод, что Отдел был раскритикован за слабую политическую работу. Однако в условиях необходимости постоянного привлечения творческих работников со стороны вряд ли ситуация могла складываться как-то иначе. Кадровая проблема, равно как и перегрузка новыми мероприятиями, «перешли в наследство» следующему руководителю.

В 1983 г. новым главой Отдела стал прежний главный редактор – Владимир Петрович Возненко, проработавший на должности до распада СССР[319]. В период его руководства перечень проводимых мероприятий еще более расширился. Так, например, во втором полугодии 1986 г. Отдел готовил, помимо прочего: концерт на встрече избирателей Московского района с депутатом Верховного Совета СССР Л. Н. Зайковым; концерт для участников заседания, посвященного вручению Ордена Ленина заводу им. А. А. Жданова; праздник музыки в г.

[316] Там же. Л. 139.
[317] Там же. Л. 139.
[318] Там же. Л. 139–140.
[319] Там же. Л. 2; Д. 21. Л. 52, 102.

Выборг; городской праздник «Здравствуй, Новый Год!» и ряд других[320]. Наблюдалась отчетливая «инфляция», как самих праздников, так и размывание границ работы Отдела.

Ситуация ухудшалась и с начавшейся после 1967 г. «юбилееманией». Многие организации, появившиеся в первые годы советской власти, получали право отметить свое пятидесятилетие (постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1958 г. «О наведении порядка в праздновании юбилеев» разрешало проведение юбилеев, исключительно кратных 50). Вплоть до перестройки различные юбилеи отмечались практически непрерывно. В 1970 г. проходили масштабные торжества по случаю столетнего юбилея В.И. Ленина, в 1972 г. довольно пышно праздновались 50-летие образования СССР и 50-летие пионерии, в 1974 г. – 50-летие переименования Петрограда в Ленинград и 250-летие Академии наук СССР и т.д. Подготовка празднования этих юбилеев также поручалось Отделу. Так, в насыщенный «круглыми датами» 1982 г. (60-летие пионерии, 65-я годовщина Октября, 60-летие образования СССР и др.) за организацию этих и других торжеств сотрудники были награждены грамотами обкома ВЛКСМ, двоим было присвоено «звание Лауреатов Ленинградской областной комсомольской организации», четверо, включая главу Отдела С. И. Тулупникова и главного редактора В. П. Возненко, получили благодарность Министра культуры РСФСР[321]. «Юбилееманию» и многочисленные фестивали 1970–1980-х гг., на наш взгляд, только усилили «инфляцию» праздника, сама его идея как «особого дня» оказалась фактически дискредитированной бесконечными празднованиями.

Во второй половине 1980-х гг. руководство Отдела, видимо, смирившись с ситуацией, в своих отчетах вопрос о сокращении перечня проводимых мероприятий больше не ставило. Да и решение кадрового вопроса все же нашлось, пусть и весьма специфическое. В отчете 1987 г. говорилось: «Во всех мероприятиях, проведенных Отделом в первом полугодии, продолжала

[320] Там же. Д. 5. Л. 4.
[321] Там же. Л. 9.

совершенствоваться режиссерская, постановочная и административная практика студентов ЛГИТМИК им. Н. К. Черкасова и ЛГИК им. Н. К. Крупской. Все сотрудники отдела выполнили свои личные творческие планы. Интенсивное освоение смежных профессий является спецификой работы коллектива. На сегодняшний день каждый сотрудник Отдела помимо своей основной специальности, по мере необходимости, может выполнять функции администратора, редактора, ассистента режиссера, вплоть до реквизитора, костюмера и монтировщика декораций»[322]. Вместо расширения номенклатуры Отдела и введения новых должностей произошло расширение рабочих функций сотрудников. Едва ли это могло способствовать улучшению качества проводимых мероприятий, особенно в условиях постоянного увеличения их числа.

Удалась ли цель сделать праздники более привлекательными для населения, ради воплощения которой и создавался Отдел? Не «праздниками для народа», а подлинно «народными празднествами» называли участники обсуждения проведенные ими в первом полугодии 1987 года мероприятия, также указывалось, что ленинградцы на мероприятиях, подготовленных Отделом, были «не только зрителями, но и активными участниками»[323]. Однако уменьшение численности празднующих, согласно имеющейся статистике, говорит об обратном. Тенденция к развитию театральной составляющей торжеств, по всей видимости, вызывала как раз обратный эффект: театр не предполагает активного участия зрителей.

В конце 1980-х гг. Отдел стал функционировать отдельно от Управления культуры Ленгорисполкома и был переименован в «Ленинградский государственный творческий центр (ЛГТЦ) массовых праздников и фестивалей»[324] (обретение самостоятельности, видимо, произошло в 1988–1989 гг.). Намек на реорганизацию Отдела содержался еще в отчете 1987 г.: «Увеличившиеся объемы проведенных общегородских праздников и реальная перспектива их роста уже в 1987 году требует расширения работы Отдела, перестройки его структуры, создание Дирекции по проведению общегородских

[322] Там же. Л. 2.
[323] Там же. Л. 1.
[324] Там же. Д. 21. Л. 52.

массовых праздников, т.е. органа, способного решать все идейно-художественные, творческие и организационные задачи с уменьшением расходования нештатного фонда на привлечение сторонних специалистов, а в дальнейшем перехода на хозрасчет, полную самоокупаемость и получение финансовой прибыли»[325].

С переходом на самоокупаемость, очевидно, был связан вопрос финансирования, ставший крайне острым в 1990–1991 гг. На заседании худсовета Отдела в январе 1991 г. один из работников отмечал, что предстоящий год будет сложным в финансовом плане, так как «идет война законов СССР и РСФСР». Ни союзные, ни республиканские власти не оказались заинтересованы в проведении праздников на прежнем высоком уровне, да и реальных возможностей (прежде всего – финансовых) для этого стало действительно меньше. Отмечалось, что ЛГТЦ выгоднее работать по законам РСФСР, но нет ясности с отчислением в бюджет и фонды социального страхования: «По поводу выполнения перспективного творческого плана – исполком отказывает в финансировании мероприятий. Положение с бюджетом плохое, и на этом основании заключать договора нет возможности»[326]. Таким образом, тяжелое экономическое положение, в котором оказалось государство, напрямую отражалось на проведении государственных праздников.

В эти же годы работа Отдела еще больше отошла от изначальной цели: в условиях внутриполитического кризиса 1990 г. не были проведены даже мероприятия в честь годовщины революции, поскольку «исполком Ленсовета отказал в финансировании»[327]. Зато план работы был перевыполнен, в частности, за счет организации таких праздников как «Мисс Пассаж», «Танцевальная фиеста», «Александро-Невская битва», «Черная и белая магия» Л. Гершмана и др. Ряд мероприятий был проведен на коммерческой основе, в том числе организация выступлений зарубежных исполнителей: итальянской группы из г. Кори, клоуна

[325] Там же. Д. 5. Л. 2.
[326] Там же. Д. 21. Л. 52.
[327] Там же.

Ф. Богнера из ФРГ, «Французского театра»[328]. При этом руководство Отдела отмечало, что «творчески это было интересно, хотя экономически невыгодно», «пришлось проводить за счет других мероприятий центра»[329].

На заседании художественного совета Отдела в начале 1991 г. обсуждался творческий план на наступивший год. В выступлении В. П. Возненко отмечалось, что празднование 121-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина под вопросом, поскольку «ОК КПСС и Ленсовет не решили вопрос финансирования», «1 и 9 мая – должны состояться, но не ясен вопрос с финансированием», про годовщины революции речи вообще не шло, однако по поводу «Дня рождения города» на Петровской набережной – была «уверенность в проведении 100%»[330]. На том же заседании прозвучало предложение при планировании работы на год учитывать и религиозные праздники[331]. Право определять праздничный репертуар, таким образом, оставалось за теми, кто мог позволить себе заплатить за их проведение.

В соответствии с реалиями общественно-политической жизни 1991 г. празднование 7 ноября на Дворцовой площади не состоялось. Более чем семидесятилетняя традиция была нарушена. Вместо этого на главной площади Ленинграда был организован праздник «Виват, Санкт-Петербург», посвященный возвращению городу его исторического имени[332]. За организацию торжественной церемонии, праздничного концерта и других мероприятий, тринадцать работников Отдела получили достаточно высокие премии, в том числе руководитель В. П. Возненко – 21400 р.[333] На последнем в 1991 году собрании трудового коллектива Ленинградского государственного творческого центра праздников и фестивалей 25 декабря 1991 г., в повестке дня значился лишь один пункт – о выплате премий по итогам уходящего года. Среди проведенных за 1991 г. мероприятий не значилось ни годовщины со дня рождения В. И. Ленина, ни 1 мая, ни 7 ноября, ни даже 9 мая (хотя было проведено мероприятие,

[328] Там же.
[329] Там же.
[330] Там же. Л. 53.
[331] Там же.
[332] Там же. Л. 65.
[333] Там же. Л. 65.

посвященное 47-й годовщине полного снятия блокады Ленинграда). Вместо традиционных торжеств, бывших «всенародных праздников», были проведены, в частности: торжественное открытие чемпионата Европы по латино-американским бальным танцам, съемка фильма «Америка-России» (посвященного 215-й годовщине со Дня провозглашения независимости США), презентация телемоста «Санкт-Петербург-Москва “Телебиржа-91”»[334]. На смену прежним ценностям, таким как коммунистическая идея, Победа, Октябрьская революция, выражавшимся в праздниках 1 мая, 9 мая, 7 ноября, пришли: латино-американские бальные танцы, День независимости США, презентация «Телебиржи».

После распада СССР Ленинградский государственный творческий центр праздников и фестивалей (слово массовый пропало из названия в документах конца 1991 г.) продолжил деятельность как «Санкт-Петербургский государственный центр праздников и фестивалей»[335].

Таким образом, возникновение Отдела на рубеже 1960–1970-х гг. изменило привычный порядок подготовки массовых праздников, и, можно сказать, завершило процесс институционализации торжеств. Отныне вопросами подготовки головных колонн демонстрантов, театрализаций, вечерних гуляний, а также художественного оформления и выпуска сопутствующей печатной продукции, то есть организацией «центрального праздника» в Ленинграде на постоянной основе занимался Отдел массовых праздников. Возможно, именно этим можно объяснить снижение включенности городских первомайских и ноябрьских комиссий в процесс организации массовых праздников (отметим, что планы общегородских мероприятий 1 мая и 7 ноября по-прежнему принимались обкомом КПСС, а за городскими праздничными комиссиями оставалась контролирующая функция). Подготовка к массовым празднествам проходила по утвержденным планам, которые в целом мало менялись из года в год, к тому же в

[334] Там же. Л. 67.

[335] Там же. Л. 102; В 2004 г. его прежний директор В. П. Возненко зарегистрировал некоммерческое партнерство «Санкт-Петербургский творческий центр праздников и фестивалей», которое прекратило свою деятельность в 2010 году по решению налоговой службы как брошенное (по данным Единого государственного реестра юридических лиц).

период «застоя», ввиду кадровой стабильности, исчезла необходимость объяснять ответственным лицам порядок подготовки к торжеству, поскольку все и так все знали по опыту прошлых лет. Главы управлений знали, что они должны делать, районы также по-прежнему осуществляли подготовку на местах самостоятельно, вся вариативная часть праздника теперь сводилась к тому, что придумает Отдел.

«Индивидуализация» и «профессионализация» праздников, как главные тенденции, отмеченные в работе Отдела в 1970–1980-е гг., стали источником его основных проблем: размывания сферы деятельности и нехватки кадров. Ни при одном из трех руководителей Отдела указанные проблемы так и не удалось решить. Ситуация осложнялась еще и процессом, который мы обозначили как «инфляция» праздников: непрерывный рост числа праздничных мероприятий влек за собой снижение ценности праздника вообще, и, в частности, главных торжеств – 1 мая, 9 мая и 7 ноября. Это же служило причиной и невозможности сконцентрировать усилия на совершенствовании творческого содержания главных праздников: сотрудники Отдела вынуждены были отвлекаться на проведение десятков других мероприятий. С точки зрения подхода к форме праздников, с началом деятельности Отдела четко прослеживается тенденция к театрализации торжеств – внедрению в привычные составляющие (шествие колонн, концерты, народные гуляния) элементов театральных инсценировок. Оказавшись в ведении театралов, массовый праздник, на наш взгляд, утратил те «демократические» составляющие, которые еще существовали в 1950–1960-е гг.: менее профессиональные, менее отточенные и отрепетированные, праздники тех лет предполагали то, что можно назвать «народотворчеством», – то есть наличие свободы и самоорганизации в праздничном действе (несмотря на достаточно жесткое регулятивное воздействие праздничных комиссий). Проведенный анализ показал, что с точки зрения организации массовые торжества 1970–1980-х гг., несмотря на утверждения работников Отдела в обратном, становились скорее зрелищем, чем полем для активного участия населения.

ГЛАВА 2. ПРОВЕДЕНИЕ МАССОВЫХ ПРАЗДНИКОВ В ЛЕНИНГРАДЕ 1945–1991 ГГ.

2.1. ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

2.1.1 ИНФОРМАЦИОННОЕ ОСВЕЩЕНИЕ ПРАЗДНИКОВ

Периодическая печать. «В отношении печати остановки не будет. Надо освещать жизнь заводов, строительство города, показать лучших людей…»[336], – говорил председатель исполкома Ленгорсовета Н. И. Смирнов на заседании первомайской комиссии 1956 г. В этой цитате проявляются все главные принципы предпраздничной и праздничной организации работы СМИ: непрерывный выпуск материалов к празднику, трансляция успехов и достижений. Обычно освещение подготовки начиналось за две-три недели до самого торжества, необходимо было обеспечить заблаговременное информационное сопровождение праздника[337]. В местных газетах также сообщалось о порядке движения транспорта в праздничные дни, о торговле и прочих мероприятиях[338]. Публиковался также план проведения демонстрации[339], а по прошествии праздника – достаточно подробный отчет о ней[340].

Традиционной была публикация в газетах «Правда» и «Известия» так называемых «призывов ЦК КПСС», которые потом перекочевывали в местные газеты и подводились под местную специфику. Призывы представляли собой что-то среднее между лозунгами, здравицами, поздравлениями и пожеланиями, которыми руководство страны приветствовало приближающиеся Первомай и годовщины революции. Их тематическое наполнение поддается анализу. Первыми почти всегда шли здравицы в честь праздника: «Да здравствует…» (N-я годовщина революции, День международной солидарности трудящихся и т.д.). Следующие призывы шли тематическими блоками, порядок которых в разные годы менялся.

---

[336] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 37. Д. 418. Л. 6.
[337] Там же. Д. 1183. Л. 3.
[338] Там же. Оп. 46. Д. 349. Л. 8.
[339] Там же. Оп. 29. Д. 565. Л. 9.
[340] См. Вечерний Ленинград 1945–1990 гг. за 1–2 мая и 7–9 ноября.

Среди первых обычно печатался блок, обращенный к международной общественности и иностранным государствам, туда входили призывы о мире во всем мире, о дружбе социалистических стран, об отношениях с капиталистическими странами. Например, среди призывов к 36-й годовщине ВОСР в 1953 г. был следующий: «Да здравствует дружба народов Англии, Соединенных Штатов Америки и Советского Союза в их борьбе за предотвращение войны и обеспечение прочного мира во всем мире!»[341]. Потом шли обращения к советским воинам и трудящимся (самый большой раздел, поскольку после «обобщенных» призывов о выполнении плана и т.п. шли «персональные» – по отраслям народного хозяйства). Далее следовали здравицы и пожелания профсоюзам, советским женщинам, комсомольцам, молодежи, коммунистам, советскому народу в целом, партии. Завершались поздравления обобщающими лозунгами: «Под знаменем Ленина-Сталина, под руководством Коммунистической партии – вперед, к торжеству коммунизма!» в 1953 г.[342], «Да здравствует коммунизм, утверждающий на земле Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье всех народов!» в 1961 г.[343], или «Да здравствует великое революционное учение Маркса – Энгельса – Ленина!» в 1987 г.[344]

В целом подобный порядок призывов и обращений оставался неизменным на протяжении всего изученного периода (за некоторыми исключениями: с конца 1960-х гг. «международный блок» призывов стал размещаться ближе к концу, а не в начале). Также, как справедливо замечают исследователи А. Д. Попов и Н. Ю. Пивоваров, количество призывов не было постоянным, в период с середины 1950-х по середину 1960-х гг. наблюдалась тенденция к их увеличению за счет «персональных» обращений к работникам разных сфер[345].

Кроме того, с течением времени несколько смещались акценты. Призывы 1952 г. отличались детальным обращением к представителям отдельных отраслей

[341] Правда. 1953. 25 октября.
[342] Правда. 1953. 25 октября.
[343] Правда. 1961. 16 октября.
[344] Правда. 1987. 11 октября.
[345] Попов А.Д., Пивоваров Н.Ю. Демонстрация дискурсивной власти: высшее партийное руководство СССР и организация празднования 1 мая и 7 ноября (1950–1960-е годы). С. 68, 70.

промышленности и сельского хозяйства, а также к военнослужащим разных родов войск[346]. В призывах 1962 г. больше внимания уделялось внешней политике (обращения к отдельным странам, с горячими приветами, поддержкой или же с осуждением, достигали рекордных почти 40% от общего числа: пункты с 5 по 46 включительно – из 103[347]). В 1972 и 1982 гг. более акцентированно звучали призывы о научно-техническом прогрессе, экономике[348]. С наступлением перестройки произошло резкое уменьшение числа призывов, вместо персональных «обращений» к отдельным профессиям и странам стали публиковаться более обобщенные лозунги (в 1987 г. призывов было всего 36[349], для сравнения: в 1982 г. – 85[350]).

Также несколько изменялись и даты выхода первомайских и октябрьских призывов в печать: в 1953 г. – 22 апреля и 25 октября, в 1956 г. – 19 апреля и 25 октября, в 1961 г. – 9 апреля и 16 октября, в 1964 г. – 14 апреля и 18 октября, и все последующие примерно в эти же даты. Заметна тенденция к более ранней публикации призывов (в 1961 г., возможно, выпуск мог быть начат раньше из-за готовившегося полета Ю. А. Гагарина в апреле и XXII съезда КПСС в октябре). Также чуть раньше обычного публиковались и призывы в юбилейные годы. Это позволяло начать подготовку на местах и украшение города несколько раньше. Поскольку местные газеты в основном повторяли материалы центральных, в них соответствующие публикации осуществлялись на несколько дней позже.

Радио. Подготовку к торжеству осуществляли не только печатные СМИ, но и радио. Праздничные репортажи ведут свою традицию с середины 1920-х гг., и, как отмечает Е. В. Барышева, именно «радиотрансляции праздничных демонстраций трудящихся в 1920–1930-е годы были наиболее распространенной формой воздействия на общественное сознание»[351]. Не только в день торжества, но и накануне радио уже включалось в «праздничный» режим. Начальнику отдела

[346] Правда. 1952. 30 октября.
[347] Правда. 1962. 14 октября.
[348] Правда. 1972. 15 октября; 1982. 17 октября.
[349] Правда. 1987. 11 октября.
[350] Правда. 1982. 17 октября.
[351] Барышева Е.В. «В Веселом грохоте…». С. 150.

радиоинформации Ленинграда поручалось «организовать политические, литературные и музыкальные радиопередачи», а также «выступления у микрофона новаторов производства, инженеров, деятелей науки и техники» (в дни годовщин ВОСР – также участников тех событий)[352]. Развитие техники сделало возможным постепенное внедрение в праздничные мероприятия звукового сопровождения через репродукторы, а также трансляцию радиорепортажей с места событий в режиме «реального времени» уже в 1930-е годы[353]. В послевоенном Ленинграде уличная радиосеть включалась только в праздничные дни или в дни проведения субботников[354]. Это позволяло почувствовать свою причастность к всеобщему торжеству тем людям, кто по каким-либо причинам не смог участвовать в демонстрации. Также это облегчало понимание того, что происходило на главной действующей площадке – Дворцовой площади – тем, кто находился не в первых рядах.

В целом порядок организации праздничной радиотрансляции соответствовал описанию, данному на заседании ноябрьской комиссии 1950 г.: «На Дворцовой площади имеется студия, через которую будем транслировать часть из Москвы, часть с Дворцовой площади и будем «подмешивать» репертуаром из главной студии… Передача будет производиться на всем протяжении демонстрации»[355].

Известный ленинградский журналист В. М. Бузинов в своей книге о Дворцовой площади уточняет детали проведения праздничных радиопередач, в подготовке которых он принимал активное участие на протяжении 20 лет (1970–1980-е гг.). Согласно его воспоминаниям, студия Ленинградского радио, в которой работали дикторы, освещавшие майские и ноябрьские торжества, располагалась в небольшом помещении на первом этаже справа от центральных ворот Зимнего дворца[356]. Вместе с дикторами и журналистами там находились звукорежиссеры, звукооператоры, музыкальный редактор и режиссер, который

[352] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 87. Д. 183. Л. 82.
[353] Барышева Е.В. «В веселом грохоте…». С. 153–154.
[354] Эфир на фоне эпохи: очерки истории Ленинградского – Петербургского радио и телевидения. СПб., 2013. С. 57.
[355] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 29. Д. 565. Л. 9.
[356] Бузинов В. М. Дворцовая площадь. Неформальный путеводитель. М., 2005. С. 224.

старался синхронизировать репортаж с происходящим на площади[357]. На Дворцовую творческую бригаду привозили ранним утром, поскольку нужно было успеть до того, как место праздника будет оцеплено милицией[358].

Используя материалы фонда телерадиовещания Ленинграда (отдел радиоинформации Управления культуры Леноблисполкома), в котором сохранились сценарии и партитуры радиотрансляций, можно узнать не только о проведении официальной части торжества, но и доподлинно установить, что слышали ленинградцы во время шествий.

Тексты радиотрансляций составлялись заранее, поскольку они подлежали проверке редакторами и цензорами из Главлита (их печати сохранились на листах документов 1950–1960-х гг.). В. М. Бузинов упоминает, что в 1970–1980-е гг. сценарии передач уже не носили на утверждение в обком КПСС[359], однако текст подробно вычитывался председателем телерадиокомитета, который «впивался в него, оставляя на полях рукописи великое количество таинственных значков и непонятных словечек»[360]. В монографии, посвященной ленинградскому радио, отмечалось, что импровизация в эфире не допускалась, передачи должны были соответствовать заранее разработанному и утвержденному сценарию, воспроизводились лишь утвержденные и завизированные тексты[361]. В то же время, дикторы, по свидетельствам Бузинова, иногда отступали от написанного. Он приводит комичный случай, произошедший с народным артистом Р. А. Широких: «Иногда его тянуло на импровизации. Все мы тогда пробовали произносить “площадные речи”, имея в руках текст, но как бы не заглядывая в него. Но “народный” однажды вообще отбросил написанный мною маленький листок с “оживляжем” в сторону, махнул на меня рукой – дескать, успокойся, – и в хмурый ноябрьский день заявил в микрофон, что вот опять, как уже было не раз на его веку, в майский праздник над площадью собрались снеговые тучи…»[362].

---

[357] Там же. С. 227.
[358] Там же. С. 228.
[359] Там же. С. 226.
[360] Там же. С. 226.
[361] Эфир на фоне эпохи… С. 128.
[362] Бузинов В. М. Указ. соч. С. 228.

В подготовке текстов принимали активное участие известные ленинградские литераторы. Так, в разные годы стихи и публицистику для праздничных радиотрансляций писали такие авторы как: А. А. Прокофьев, А. Н. Чепуров, Н. Д. Новоселов, Г. А. Некрасов, В. Н. Кузнецов, Н. А. Щербаков, Л. И. Хаустов, Л. Г. Барбас[363] и др.

По содержанию радиорепортажи в основе своей носили характер (псевдо)документальный: дикторы озвучивали происходящие на площади события, описывали внешний вид шествующих колонн и отмечали производственные успехи демонстрантов, передавали информацию об отдельных гражданах, принимающих участие в празднике, делали «включения» из столицы. В промежутках между элементами действа они также озвучивали праздничные стихи, передавали братские приветы другим городам и странам. Идеологическое наполнение этих праздничных речей было крайне насыщенным, отточенным усилиями редакторов и цензоров. Приведем лишь один пример, из текста ноябрьского репортажа 1953 г. В оригинальный текст («36 лет назад рабочие, матросы и солдаты в этот день штурмовым натиском взяли Зимний дворец»), было внесено дополнение и теперь текст звучал так: «36 лет назад рабочие, матросы и солдаты, руководимые коммунистической партией, в этот день штурмовым натиском…»[364]. Весь текст испещрен подобными пометами, приписками и вычеркиванием лишнего, что еще раз показывает, насколько даже таким, казалось бы, незначительным деталям придавалось большое пропагандистское значение.

Для послевоенного Ленинграда проблемным был вопрос о том, как технически обеспечить звуковую трансляцию праздника. В 1950-е гг. вопрос о ее налаживании поднимался неоднократно. В апреле 1956 г. комендант города Н. З. Сухоребров пытался добиться записи сводного оркестра на ленту, чтобы в случае ветреной погоды не повторилась ситуация мая 1955 г., когда колонны

[363] Ломакин А. В. От Ильича до кумача: поэтическое оформление советских праздников в эфире Ленинградского радио 1950–1970-х гг. // Петербургский исторический журнал. 2025. № 3. С. 218.
[364] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 2-3. Д. 4528. Л. 2.

демонстрантов не слышали оркестр[365]. Он предлагал «озвучить площадь» и установить репродукторы (при этом участие живого оркестра предполагалось сохранить – «будут чередоваться»[366]). Технически такая затея была в новинку, как объяснял специалист из отдела радиофикации: «Не представляю, как это будет организовано. Все репродукторы работают, включены в городскую сеть, по которым передается музыка. Часть репродукторов придется отключить. Будет ли это целесообразно…»[367]. В конце концов было решено ликвидировать асинхронность трансляции и обеспечить одновременную передачу звука. По всей вероятности, сделать это не удалось, поскольку спустя год, накануне Первомая 1957 г., этот вопрос был снова поднят: «Записать на пленку можно, но воспроизвести не могут, нужно специально оборудовать радиоузел…»[368].Тем не менее, можно констатировать, что к 1957 г. Дворцовая площадь и набережная («от памятника Петру до Летнего сада») были радиофицированы[369], а суть проблемы теперь сводилась к возможности переключения официальной трансляции на записи военного оркестра, когда это могло понадобиться. Периодически выявлялись и иные технические проблемы, например, на заседании городской ноябрьской комиссии 1971 г. поднимался вопрос о том, что кабель, проложенный между Александровской колонной и студией, повредился и мог пострадать звук[370].

В 1970–1980-е гг. более острым стал вопрос о том, как поддерживать трансляции на высоком идеологическом уровне, делая при этом их интересными. Возможно, именно поэтому в 1970-е гг. распространение получил формат интервью: корреспонденты беседовали с передовиками производства, Героями Социалистического Труда, старыми большевиками. Преподносились подобные включения как «прямой эфир», однако, поскольку тексты составлялись и утверждались заранее, звучали записанные заранее пленки. В конце 1970-х–1980-

[365] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 37. Д. 418. Л. 6.
[366] Там же.
[367] Там же. Л. 7.
[368] Там же. Д. 622. Л. 1.
[369] Там же. Л. 2.
[370] Там же. Оп. 46. Д. 349. Л. 2.

е гг. к ним добавились также беседы с демонстрантами: рабочими, молодежью, детьми – «обычными» людьми. В. М. Бузинов вспоминал, что в текстах радиопередач оставляли несколько «белых пятен» под репортажи с трибун и с места сбора демонстрантов, которые предстояло «закрыть» уже во время демонстрации[371]. Записи разговоров с передовиками, учеными и писателями преподносились как беседы с приглашенным в студию Зимнего дворца, а также как репортажи из праздничных колонн, гостевых трибун и мест сбора демонстрантов[372]. Должно быть, это помогало делать праздничные трансляции более живыми и интересными.

Телевидение. Телевидение, получившее в Стране Советов активное развитие с конца 1940-х гг., также было задействовано для обеспечения репрезентации торжеств. Первая послевоенная пробная телепередача в Ленинграде состоялась 5 ноября 1947 г.[373], а уже 7 ноября 1947 г. возобновил свою работу Ленинградский телецентр, причем на новом оборудовании «на 441 строку», что в то время было самым высоким стандартом строчного разложения в Европе[374]. В 1949 г. был осуществлен переход на стандарт в 625 строк и 1 мая состоялся телевизионный репортаж с праздничной Дворцовой площади, в ходе которого впервые в истории отечественного телевидения были применены ПТС (передвижные телевизионные станции)[375], а также передача велась непосредственно с площади[376].

В отличие от радиотрансляции, когда слушатели были вынуждены верить диктору на слово, теперь описания торжественного строя «красочно оформленных колонн» должны были подкрепляться соответствующей картинкой на экране. В ноябрьской радиотрансляции 1972 г. говорилось: «Хлопочут у камер кино- и телеоператоры. Сегодняшние торжества будут запечатлены для истории. А мы с вами станем живыми свидетелями событий. Военный парад и

[371] Бузинов В. М. Указ. соч. С. 226.
[372] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-3. Д. 306. Л. 23.
[373] Эфир на фоне эпохи… С. 50.
[374] Там же. С. 17.
[375] Там же. С. 50.
[376] Вечерний Ленинград. 1949. 2 мая.

демонстрацию трудящиеся будет показывать по второй программе Ленинградское телевидение. Наш радиорепортаж передается по городской и областной трансляционным сетям, а также через радиостанции на волнах 266,9 и 375 метров»[377].

К сожалению, в отличие от текстов радиопередач, сценарии телевизионных репортажей, а также пленки с записями ленинградских демонстраций (за редкими исключениями в виде оцифрованных и размещенных в сети Интернет) не являются доступными для исследования. Однако некоторые детали о работе ленинградского телевидения в дни праздников можно обнаружить в источниках личного происхождения.

В. М. Бузинов вспоминал, что на заседаниях телерадиокомитета председатель регулярно ругал работников телевидения больше, чем работников радио: «“Значимость их труда в деле просвещения и воспитания народных масс”, ценилась несравнимо выше, чем “значимость” радийцев. Ведь в конечном счете, по мнению нашего руководства, именно от того, что они изобразят на экране, и зависело общее впечатление от прошедшего праздника»[378]. В 1970-е гг., когда телевизоры появились во многих семьях, ленинградцы, как и жители других городов Советского Союза, могли наблюдать демонстрации и парады, не покидая собственных квартир. С одной стороны, это в некоторой степени снижало ценность личного участия в праздничном действе, поскольку все можно было посмотреть, никуда не выходя, тем более что по телевидению видно было гораздо лучше. А, с другой стороны, это создавало некоторый параллельный «идеальный» праздник – так как в эфир попадали лишь избранные, наиболее удачные кадры, создающие впечатление всеобщей радости, ликования и одобрения политики партии.

Однако, как отмечал В. М. Бузинов: «“изображать” год от года становилось все труднее… И только великое искусство играть крупными и дальними планами, находить необычные ракурсы, брать интервью, что называется “с улыбкой и

[377] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-3. Д. 306. Л. 22.
[378] Бузинов В. М. Указ. соч. С. 227.

цветами", помогало коллегам с Чапыгина держаться на плаву»[379]. Он же вспоминал, что когда демонстрации стали проходить более тихо и молчаливо, была предпринята попытка записать фонограмму с криками «ура!», звучанием оркестров и шумом толпы, однако «профанацию сию отклонили», тем более что два «прекрасных звукорежиссера – Михаил Куделин и Виктор Новиков – блестяще умели и без всяких дополнительных фонограмм делать площадь "звучащей"»[380].

Музыка и праздничный репертуар. Во время праздников и их трансляций, конечно, играла музыка. Репертуар обычно заранее утверждался в Управлении культуры Ленгорисполкома[381]. Например, 7 ноября 1953 г. на Дворцовой площади звучали широко известные и популярные композиции И. О. Дунаевского, Н. В. Богословского, Б. А. Мокроусова, а также классическая (Чайковский, Штраус) и народная музыка[382]. В 1970-е звучали песни Ю. М. Зарицкого «Я партии рядовой», В. Е. Баснера «Идет рабочий класс», В. А. Маклакова «Выборгская сторона», И. О. Дунаевского «Эх, хорошо!», а также песни «За Невскою заставою», «Адмиралтейский наш завод», «Здравствуй, Кировский завод», «Россия – отчизна моя», «С нами поет вся страна», «Мы – молодой рабочий класс»[383] и др.

Традиционно звучали разнообразные гимны, но все же главным жанром праздничной советской музыки был марш. Например, «Марш новаторов» и «Марш турбостроителей» звучали 7 ноября 1966 г.[384]; «Весна», «В знак дружбы» и «Молодежный» – 1 мая 1972 г[385]; «И новь продолжается бой» – исполнялся на торжественном концерте 6 ноября 1975 г.[386]), а «Марш энтузиастов» – во время вечернего гуляния 1 мая 1982 г.[387] и т.д. Популярной была «Песня о встречном», в

[379] Там же.
[380] Там же.
[381] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 53. Л. 1.
[382] Там же. Л. 3.
[383] Там же. Ф. Р-293. Оп. 7-3. Д. 305. Л. 8–10.
[384] Там же. Оп. 6-2. Д. 302. Л. 132.
[385] Там же. Оп. 7-3. Д. 305. Л. 8.
[386] Там же. Ф. Р-778. Оп. 1. Д. 22. Л. 19.
[387] Там же. Д. 71. Л. 12.

одной из праздничных радиотрансляций диктор говорил о ней: «Музыкальную палитру наших праздников трудно представить без этой песни»[388].

Песни и музыка должны были быть ритмичными, оптимистичными, с легко запоминающимся текстом. Участвовавший в одном из праздничных концертов в БКЗ «Октябрьский» В. П. Соловьев-Седой говорил в своем выступлении: «Каждый из нас мечтает написать такую песню, чтобы ее пел весь народ»[389].

Отличительной чертой советских массовых праздников была и живая музыка, в первую очередь – оркестры. В ноябрьской трансляции 1985 г. диктор говорил: «Так всегда бывает в праздник: многие из предприятий идут на демонстрацию со своими духовыми оркестрами»[390]. Далее он беседовал с членами оркестра «Ленинградского Металлического завода», и один из них – В. С. Журавский отмечал: «Я считаю, что как поется – “Нам песня строить и жить помогает”. Без песни никуда... Мы начинаем играть перед началом демонстрации». На территории завода этот оркестр играл в праздничный день песни, вальсы, танцы. Также он отмечал, что как бы ни были популярны ансамбли, оркестр имел свой колорит и красоту, и потому ни одно серьезное мероприятие ни проходило без его сопровождения: «Духовой оркестр и предназначен играть на улице, а где играет оркестр, естественно, всегда собирается народ, сразу дети начинают обступать, все улыбаются, у всех чувствуется как-то настроение поднимается: “Сыграйте еще, сыграйте еще!”. Оркестр всегда идет впереди»[391].

Кроме того, музыка должны была выполнять идеологическую функцию. Внимание при этом уделялось не только текстам песен, но и разнообразным нюансам, включая порядок исполнения композиций. Например, в сталинский период торжества нередко начинались с песен о вожде, так, вечернее гуляние 1 мая 1949 г. открывалось «Песнью о Сталине» М. И. Блантера[392]. Важно было и то, на какой композиции закончить. На заседании октябрьской комиссии 1960 г.

[388] Там же. Ф. Р-293. Оп. 7-5. Д. 1481. Л. 30.
[389] Там же. Ф. Р-778. Оп. 1. Д. 22. Л. 41.
[390] Там же. Ф. Р-293. Оп. 7-5. Д. 1801. Л. 125.
[391] Там же. Л. 125–126.
[392] Там же. Ф. Р-277. Оп. 1. Д. 995. Л. 45.

обсуждался вопрос о музыкальном сопровождении по окончании демонстрации. Первоначальная задумка завершить гимном встретила возражения: «…не совсем удобно исполнять гимн, когда на площади уже почти никого нет», – поэтому было решено включить торжественный марш[393]. Властей заботило идеологически правильное использование государственных символов государства, не допускающее даже намека на двусмысленность.

С конца 1950-х гг. традиционной ленинградской праздничной композицией стал «Гимн Великому городу» Р. М. Глиэра (первоначально финал оперы «Медный всадник» 1949 г.), слова к которому, вероятно[394], были написаны в 1957 г. известным ленинградским бардом Александром Городницким. Этот гимн, наряду с «Праздничной увертюрой» Д. Д. Шостаковича и «Поэмой о Ленине» В. П. Чистякова, составителями сценарного плана народных гуляний 7 ноября 1966 г. на Дворцовой был назван в числе произведений, «создающих праздничное настроение»[395]. Во время вечерних гуляний обязательно включалась и танцевальная музыка: разнообразные вальсы, польки, переплясы[396]. В 1970–1980-е гг. звучало больше эстрадной и популярной музыки, песен из кинофильмов. Например, 1 мая 1979 г. на эстрадах Дворцовой площади звучали: «Что тебе снится, крейсер Аврора» В. Я. Шаинского, «Песня о правде» (из кинофильма «Как закалялась сталь») И. Н. Шамо, «Любовь, комсомол, весна» А. М. Пахмутовой[397].

Контроль праздничных комиссий распространялся не только на праздничные репертуары музыкальных коллективов и разнообразных культурных учреждений, но и на телевизионную программу. На заседании первомайской комиссии 1960 г. впервые прозвучала мысль о необходимости обратить внимание на телевидение: главная задача виделась в том, чтобы сделать телепрограмму «более содержательной и интересной»[398]. На заседании первомайской комиссии

---

[393] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 37а. Д. 7. Л. 4.
[394] По его собственным словам (См. Александр Городницкий: поэты песенок не любят. ТАСС. 20.03.2018. Электронный ресурс. URL: https://tass.ru/interviews/5044443 (дата обращения : 24.08. 2025)); однако в песенном сборнике 1980 г. авторство значится за участниками хора Дома культуры профтехобразования (См. Молодые голоса. Из репертуара студенческих хоров Ленинграда / сост. П. Левандо. Л., 1980. С. 5.).
[395] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-105. Оп. 2-1. Д. 112. Л. 1.
[396] Там же. Оп. 1. Д. 53. Л. 3, 4, 8.
[397] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-778. Оп. 1. Д. 54. Л. 8–10.
[398] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 37. Д. 1183. Л. 3–4.

1961 г. также обсуждалась необходимость «посмотреть программу телевидения в предпраздничные и праздничные дни»[399]. Любой культурный досуг накануне красных дат, даже такой «домашний» как просмотр телевизора вечерами, должен был стать «особенным» и настраивать зрителей на нужное настроение.

По нашим наблюдениям, праздничному репертуару в целом стало уделяться значительно больше внимания начиная с 1960 года (см., например, репертуар городского праздничного концерта к 7 ноября 1960 г.[400]), тогда как до этого подобные вопросы решались в рабочем порядке. Через призму усиления роли идеологии в начале 1960-х гг. можно толковать и тот факт, что на октябрьской комиссии 1960 г. было предложено предварительно подготовить тексты песен, отпечатать их большим тиражом и разослать на предприятия, чтобы будущие демонстранты знали, что именно нужно петь[401]. В 1961 г. руководителям районных комиссий поручалось также обеспечить хоровое пение во время шествия[402]. Вероятно, это стало одной из разовых акций, так как в стенограммах заседаний праздничных комиссий и планах проведения торжеств более поздних лет подобное уже не встречалось. Однако в каждом празднике участвовали затейники и привлекалась массовка, возможно, что именно они зачинали согласованные «сверху» песни.

Таким образом, заблаговременное «вхождение» в праздник, обеспечиваемое СМИ, усиливало ощущение ожидания торжества, его предвкушение. Трансляция успехов и достижений, выполнения социалистических обязательств, взятых к красной дате, интенсивность информационного сопровождения создавали впечатление всеобщей радостной встречи очередного праздника. На это же была нацелена телевизионная и радиопрограмма, которая накануне торжеств расширялась за счет специальных выпусков передач, что позволяло праздничной пропаганде входить и в домашний досуг.

---

[399] Там же. Оп. 41. Д. 258. Л. 16.
[400] Там же. Оп. 37а. Д. 7. Л. 24–28.
[401] Там же. Д. 7. Л. 5.
[402] Там же. Оп. 41. Д. 258. Л. 10.

2.1.2. ПЕРЕМЕНЫ ВО ВНЕШНЕМ ОБЛИКЕ ГОРОДА

Ремонтные работы. Значительная часть подготовки к праздникам приходилась на приведение города в порядок. Поскольку массовые торжества проводились в межсезонье (к началу мая обычно уже устанавливалась сухая погода, а к концу октября мог выпадать первый снег), вопрос стоял крайне остро. Властям было чрезвычайно важно, чтобы город выглядел опрятно, празднично, чтобы он был убранным.

Накануне Первомая 1956 г. представитель Управления милиции И. В. Соловьев жаловался: «Вторым вопросом стоит приведение в порядок дворов. Мы нажимаем, но дело в деньгах, домохозяйства не имеют средств на вывозку. В отношении работы снеготаялок – домохозяйства жалуются, что Ленгаз не дает газ…»[403]. Также милиции давалось распоряжение «заставить все стекла вымыть»[404]: вероятно, сотрудники органов правопорядка должны были обойти жителей домов, окна которых выходили на магистраль по ходу движения колонн и «попросить» их не портить праздничный вид улиц грязными окнами. В случае дождя давались распоряжения «своевременно привести в порядок площадь щетками или метлами от грязи и воды»[405]. Данный вопрос, вероятно, решался каждый год «в ручном режиме»: так, при подготовке 64-й годовщины Октября в 1971 г. секретарь горкома КПСС Ю. И. Заварухин отмечал, что председатели райисполкомов и райкомов партии ослабили внимание к чистоте, и в администрации стали получать жалобы от приезжих[406]. Было отдано соответствующее распоряжение о помывке тротуаров, проходных, вывесок, водосточных труд и об уборке листьев, а также об организации районных субботников. Председатель Ленгорисполкома А. А. Сизов призывал: «Надо привлечь всех, чтобы город был чистый. Он вообще всегда должен быть чистым, а праздник должен послужить толчком»[407]. Для достижения этой цели иногда проводились специальные «смотры чистоты», как, например, в 1966–1967 гг.:

[403] Там же. Оп. 37. Д. 418. Л. 4.
[404] Там же. Оп. 25. Д. 2251. Л. 24.
[405] Там же. Оп. 37. Д. 622. Л. 6.
[406] Там же. Оп. 46. Д. 349. Л. 6.
[407] Там же.

когда в течение года для приведения города в «образцовое состояние к 50-летию Советской власти» была организована целая кампания с привлечением общественности, начальников управления, телевизионной агитацией[408].

Помимо «борьбы» с погодными явлениями, большое внимание уделялось материально-техническому состоянию городских зданий и объектов. «Что у нас получается. Хорошие лозунги, а висят они на косых заборах. Идет демонстрация, а по дорогам не пройти…»[409], – говорилось на одном из заседаний праздничной комиссии. По Управлению по делам строительства и архитектуры давались распоряжения проверить все «фасадные улицы», обратить внимание на малую архитектуру: навесы, заборы и откосы[410].

Особое внимание отводилось учреждениям торговли: «…чтобы привели в порядок витрины, вымыли стекла, привели в порядок прилавки»[411]. А, например, к юбилею Октября 1977 г. организовывался капитальный ремонт 32 продовольственных и 18 промтоварных магазинов[412].

К празднику ремонтировали не только дороги, скверы и фасады домов – «лицо» города, праздник мобилизовал коммунальные службы на проверку всех главных городских объектов. Показателен следующий пример. В октябре 1954 г. именно на заседании праздничной комиссии прозвучало распоряжение: «Нужно, кроме того, провести проверку ангела, который держится на двух заклепках вместо четырех»[413]. Очевидно, что речь шла об ангеле, украшающем вершину Александрийской колонны – одном из главных символов города, воспетом еще А. С. Пушкиным.

А в 1977 г. именно в рамках подготовки к юбилею революции отдавалось распоряжение провести реставрацию памятников: В. И. Ленину у Смольного, Финляндского вокзала, на Чкаловском проспекте и других местах; В. Володарскому у моста его имени; а также Н. К. Крупской, М. В. Фрунзе,

---

[408] Там же. Оп. 42. Д. 1256. Л. 25.
[409] Там же. Оп. 25. Д. 2594. Л. 16.
[410] Там же. Оп. 37. Д. 418. Л. 4.
[411] Там же. Л. 5.
[412] Там же. Ф. Р-7082. Оп. 3. Д. 923. Л. 49.
[413] Там же. Ф. Р-7384. Оп. 25. Д. 2594. Л. 5.

Ф. Э. Дзержинскому, В. И. Чапаеву, И. В. Бабушкину и другим советским героям[414]. Ничего удивительного, что бывали случаи, когда на заседаниях праздничных комиссий представители районов города вместо денег на оформление просили средства на капитальный ремонт зданий исполкомов (в чем им, впрочем, отказывали)[415]. Складывалась ситуация, когда подготовка к празднику становилась одной из немногих возможностей быстро изыскать деньги на решение самых насущных проблем городского хозяйства.

Праздничное оформление города. Наряду с приведением «в порядок» основных дорог города, фасадов домов, садов и парков, необходимо было также украсить город к празднику. Окончательную «приемку» оформления организаторы осуществляли накануне празднования, за 1-2 дня до торжества. При этом эскизы утверждались за несколько недель, например, в плане подготовки 7 ноября 1963 г. заведующий идеологическим отделом горкома КПСС Ю. П. Смирнов и секретарь Ленгорсовета Н. Д. Христофоров должны были утвердить варианты оформления до 10 октября 1963 г[416].

Главные магистрали и площади города (в Ленинграде – безусловно, Невский проспект и Дворцовая площадь) традиционно украшались изображениями вождей. Портреты В. И. Ленина и И. В. Сталина (в 1954 г. его портреты еще занимали важное место в праздничном оформлении города[417]) размещались на фасадах жилых домов, вокзалах (Московском), в составе барельефов (Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин) украшали административные здания (например, городской исполком[418]). Однако после смерти Сталина число его портретов в праздничном антураже сильно уменьшилось, что не осталось незамеченным горожанами. Один из современников вспоминал, что уже в 1953 г. «четырехликий портрет Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин был вдруг заменен двуликим: Маркс-Ленин»[419]. В 1953 г. даже предпринималась попытка отказаться

[414] Там же. Ф. Р-7082. Оп. 3. Д. 923. Л. 60–61.
[415] Там же. Ф. Р-7384. Оп. 37а. Д. 7. Л. 9.
[416] Там же. Оп. 42. Д. 177. Л. 2.
[417] Там же. Оп. 25. Д. 2594. Л. 12.
[418] Там же.
[419] Ломакин А.В. Портреты на фоне эпохи… С. 180.

от использования любых портретов на праздники в целом. 9 мая 1953 г. Президиум ЦК КПСС поручал Секретариату подготовить проект постановления об оформлении колонн демонстрантов и зданий предприятий, в котором среди прочего должен был найти отражение следующий пункт: «отказаться от оформления портретами колонн демонстрантов, а также зданий предприятий, учреждений и организаций в дни государственных праздников»[420]. Кроме того, предлагалось отменить практику провозглашения с правительственной трибуны призывов, обращенных к демонстрантам[421]. Однако уже 12 июля того же года это постановление было отменено[422], видимо, коллективное руководство побоялось проводить столь серьезные перемены, которые, очевидно, били в первую очередь по Сталину, чьи портреты всегда доминировали в праздничном оформлении.

Окончательно исчезновение портретов Сталина из праздничного украшения Ленинграда относится к 1956 г. В последующие годы на здании Зимнего дворца зачастую размещался барельеф, где был только профиль Ленина[423]. Кроме того, использовались и гигантские панно, изображавшие Ленина в полный рост в высоту всего ансамбля Дворцовой площади (**приложение № 3**). Портреты Владимира Ильича также украшали угол здания Адмиралтейства[424], а на здании Главного штаба регулярно размещались изображения членов Президиума ЦК КПСС[425]. Десятки портретов находились также на других площадях города и по пути следования праздничных колонн[426].

Поскольку портреты размещались на открытом воздухе и подвергались воздействию дождей, ветров, холода и т.д. – они крайне быстро приходили в негодность. Вопросы «качества» портретов поднимались ежегодно, в стенограммах праздничных комиссий неоднократно фиксировалось негодование представителей ленинградских властей, испытывавших «стыд» за состояние изображений вождей. То же касалось и других «украшений»: в 1960 г.

---

[420] РГАНИ. Ф. 3 Оп. 22. Д. 229. Л. 1.
[421] Там же.
[422] Там же. Л. 2.
[423] ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1АР-118. Ед. хр. 162180.
[424] Там же. Оп. 1АР-47. Ед. хр. 78359.
[425] Там же. Оп. 1АР-37. Ед. хр. 59133.
[426] Ломакин А.В. Портреты на фоне эпохи… С. 180.

октябрьская комиссия запретила вывешивать флаги на Невском проспекте в том случае, если не найдется возможности заменить их на новые[427]. Власти поручали даже проследить, чтобы флажки и плакаты не задергивались ветром[428]. Тогда же шло и массовое обновление знамен и плакатов[429]. Отмечался и «колоссальный» объем работы по замене портретов[430].

В конце 1950-х годов дважды в дни праздников на Марсовом поле запускали огромный парящий по воздуху (на аэростате) портрет Ильича, однако оба раза изображение ветром «рвало на куски»[431], поэтому к 7 ноября 1960 г. было поручено создать новый портрет для открытия демонстрации и продумать, как избежать его порчи в процессе использования (был изучен опыт москвичей – там портрет запускался в небо на специальной гибкой сетке, которую, однако, изготовить не успевали)[432]. Отдельным вопросом стоял контроль за тем, чьи портреты выносятся на демонстрацию: городская комиссия призывала обратить особое внимание на изменения в составе Президиума ЦК КПСС, чтобы не вынесли никого «лишнего»[433]. Если в начале 1950-х годов главным было хоть как-то украсить город, то со временем становилось важным именно качество праздничного оформления, что, как кажется, может свидетельствовать об общем и довольно значительном улучшении бюджета Ленинграда.

Нехватку материалов и производственных возможностей для создания украшений должно было решить привлечение общественности. Показательно следующее высказывание председателя Ленгорисполкома Н. И. Смирнова: «А мы так смотрим, пусть райсовет решает, а нам на все оформление дали 200 тыс., много ли получат районы… Военных надо потрясти. Ведь каждые детские ясли и каждый детский сад и детский дом могут написать лозунг и никаких затрат не

[427] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 37а. Д. 7. Л. 11.
[428] Там же. Л. 12.
[429] Там же. Л. 14.
[430] Там же. Оп. 37. Д. 1183. Л. 10.
[431] Там же. Оп. 37а. Д. 7. Л. 14.
[431] Там же. Оп. 37. Д. 1183. Л. 35.
[432] Там же. Оп. 37а. Д. 7. Л. 14.
[432] Там же. Оп. 37. Д. 1183. Л. 35.
[433] Там же. Оп. 37а. Д. 7. Л. 14.
[433] Там же. Оп. 37. Д. 1183. Л. 19.

потребуется /Я имею в виду по материальным возможностям детского сада/. А такой завод, как Кировский, Электросила, им. Сталина, что они, не могут украсить? Они это сделать могут и будет хорошее оформление района. Если не потревожить их, значит, будет беднота»[434].

Полнее всего и красочнее украшался Невский проспект, а наиболее «проблемным» был Суворовский проспект, оформление которого из года в год вызывало нарекание[435]. Вероятно, это было связано с тем, что Суворовский выходит к Смольному. Поскольку проспект был одним из самых протяженных в городе, изготовление украшений для него требовало значительных средств. Наибольшее же внимание уделялось главной площадке праздника – Дворцовой площади. Так описывалось ее первомайское оформление в радиотрансляции 1972 г.: «Как и всегда в такие торжественные дни, она в строгом праздничном убранстве. По всей дуге фасада здания Главного штаба – алые стяги, призывы. На высоких флагштоках у сквера Зимнего дворца – макеты орденов, которыми награжден наш славный город. На фасаде Дворца Герб СССР и флаги всех союзных республик. Над трибунами – портреты членов Политбюро ЦК КПСС. А слева от нас, в конце площади – знакомая и полюбившаяся всем ленинградцам композиция: улыбающийся Ильич, он как бы встречает рабочую демонстрацию…»[436].

Использовались также и плакаты, причем, поскольку каждое празднование должно было отражать актуальные задачи коммунистического строительства, их было необходимо часто обновлять. Для их выпуска в Ленинграде привлекалось местное отделение Союза художников[437].

Помимо использования флажков, панно, барельефов традиционным было вывешивание лозунгов, причем город был полон ими как накануне праздника, так и в сам торжественный день – ни одна колона демонстрантов не обходилась без транспаранта. При этом, как отмечалось в плане проведения 38-й годовщины

---

[434] Там же. Д. 1186. Л. 9.
[435] Там же. Оп. 25. Д. 2594. Л. 12; Оп. 37а. Д. 7. Л. 13.
[436] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-3. Д. 305. Л. 29.
[437] ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 37. Д. 1183. Л. 8.

Октября 1955 г., все политические призывы следовало писать только на материале красного цвета[438]. Как правило, в основу лозунгов ложились Призывы ЦК КПСС, публиковавшиеся в центральных газетах. Весной 1953 г. ленинградские власти не решились даже не элементарную «подгонку» лозунга под местную специфику и распорядились просто-напросто расклеить по городу 50 тыс. отпечатанных призывов ЦК КПСС[439]. Перечень утверждаемых лозунгов хоть и менялся ежегодно, но в основном был схож. Проанализировав их тематическое наполнение в разные годы, взяв за основу лозунги 1956 г., мы предлагаем следующую классификацию.

Первую группу составляли «партийные» лозунги и призывы. В 1956 г. предлагалась следующая тематика[440]: «Все силы на выполнение решения XX съезда КПСС» (Большой проспект В. О.), «Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза – великая вдохновляющая и руководящая сила советского народа в борьбе за построение коммунизма» (пл. Восстания), «Под знаменем ленинизма, под руководством Коммунистической партии – вперед, к победе коммунизма» (пл. им. Ленина), «Исторические решения XX съезда КПСС – боевая программа борьбы советского народа за новые победы строительства коммунизма» (Измайловский проспект), «КПСС – направляющая и руководящая сила советского общества» (пр. Огородникова), директивы XX съезда по развитию промышленности, сельского хозяйства, торговли и т.д. (в разных частях города) и т.д.

Вторую группу лозунгов и призывов можно назвать «международной», относящейся к внешнеполитическим задачам СССР. В 1956 г. была утверждена следующая тематика для лозунгов[441]: «Советский Союз в борьбе за сохранение и упрочение мира» (Набережная лейтенанта Шмидта), «Борьба народов за мир» (пр. Стачек), «Борьба СССР за мир и безопасность народов» (пр. Карла Маркса).

---

[438] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 87. Д. 183. Л. 74.
[439] ЦГА СПб. Ф. Р-7484. Оп. 25. Д. 2251. Л. 4.
[440] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 92. Д. 210. Л. 30–33.
[441] Там же.

Третья группа связана с хозяйственной тематикой. В 1956 г. такие лозунги должны были быть посвящены следующим темам: «Развитие промышленности в 6-й пятилетке», «Развитие пищевой промышленности в 6-й пятилетке», «Железнодорожный и городской транспорт в 6-й пятилетке» (пр. Энгельса), «Борьба за повышение производительности труда и улучшение качества продукции» (пр. Карла Маркса), «Итоги выполнения пятого пятилетнего плана предприятиями Ленинского района» (пр. Газа).

К четвертой группе, «внутриполитической», мы отнесли тематику лозунгов и призывов, связанных с развитием образования, науки и техники, строительством коммунизма, благополучием граждан. В 1956 г. темами таких лозунгов были[442]: «Советская наука на службе народа» (Университетская наб.), «Развитие науки в 6-й пятилетке и творческое содружество» (Лесной пр.), «Нерушимая дружба народов СССР» (Большой проспект Петроградской стороны), «Рост материального благосостояния трудящихся» (Суворовский пр.), «Трудящиеся Ленинграда в борьбе за осуществление программы постепенного перехода от социализма к коммунизму» (пр. Стачек), «Нерушимая дружба народов СССР» (Литейный пр.).

В последнюю группу отнесены лозунги общей тематики: «Да здравствует N-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции», «Да здравствует 1 мая – день международной солидарности трудящихся», «Да здравствует великий советский народ – строитель коммунизма», «Да здравствует марксизм-ленинизм» и т.д. Эти призывы оставались практически неизменными.

Тематика лозунгов и призывов 1956 г. сохранялась и в 1957 (как в ноябрьские, так и в майские[443] дни), и в целом в последующие годы (см. например, **приложения № 4, № 5**). Кроме украшения праздничными лозунгами фасадов зданий, они также использовались в оформлении колонн демонстрантов (см. **приложения № 6, № 7**).

---

[442] Там же.
[443] Там же. Оп. 102. Д. 81. Л. 13–16.

Несложно заметить, что размещение каждого отдельного лозунга на конкретной улице зачастую осуществлялось по «профессиональному» признаку: проспект Энгельса, как крупная дорожная артерия города, был связан с городским (прежде всего трамвайным) и железнодорожным транспортом; проспект Газа (ныне Старо-Петергофский проспект) из-за обилия промышленных предприятий и прежде всего находящегося неподалеку Кировского завода связывался с выполнением пятилетних планов; Университетская набережная, на который размещался главный корпус Ленинградского государственного университета – с развитием советской науки и техники и т.д.

В ноябрьские праздники 1960 г. использовались лозунги, которые можно считать уникальными: «Ленинград – бастион социалистического государства» (размещался в Московском районе) и «Ленинград – колыбель великого Октября» (площадь Восстания)[444]. Подобные лозунги, адресованные городу, являлись прецедентными (возможно, их появление связано с рассмотренным ранее обновлением праздничной атрибутики в 1960 г.).

На заседании праздничной ноябрьской комиссии 12 октября 1971 г. обсуждалось, что в городе запаздывали с размещением лозунгов, председатель Ленгорисполкома А. А. Сизов просил руководство районов сформулировать и заготовить тексты, при этом особое внимание обращалось на то, «чтобы не было ничего линялого»[445].

Ответственных за оформление локаций определяли заранее, общий контроль, согласно приложению к плану празднования 7 ноября 1977 г., осуществляли райисполкомы и Главное архитектурно-планировочное управление (ГлавАПУ)[446]. Так, оформлением Дворцовой площади, а также Восстания, Диктатуры, Революции, Светлановской, Новоизмайловской, Ленина, Победы и площади у Концертного зала занимались: ЛенЗНИИЭП[447], Худфонд РСФСР, Метропроект, Промстройпроект и др. Марсово поле и здание Смольного

[444] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 37а. Д. 7. Л. 22.
[445] Там же. Оп. 46. Д. 349. Л. 5.
[446] Там же. Ф. Р-7082. Оп. 3. Д. 923. Л. 45.
[447] Ленинградский зональный научно-исследовательский и проектный институт типового и экспериментального проектирования.

оформляли ЛВХПУ им. Мухиной и ЛенНИИпроект[448] и т.д. Краевед Л.Я. Лурье отмечал, что праздничным украшением города также занимался Комбинат декоративно-прикладного искусства Ленинградской организации Художественного фонда РСФСР[449]. В оформлении Первомая 1976 г. принимал участие также Театральный комбинат при Управлении культуры Леноблисполкома, получивший заказ на изготовление 53 флагов для оформления города[450]. Разумеется, в оформлении своих зданий принимали участия творческие группы отдельных производств, организаций, разнообразные кружки в образовательных учреждениях и т.д.

Особую атмосферу праздника должно было создавать освещение города гирляндами и иллюминацией. Гирлянды вывешивали в форме различных фигур, а также лозунгов. Так, в 1960 г. в дни ноябрьских торжеств Литейный проспект был украшен световым лозунгом «Мир – КПСС – Мир», произведенным комбинатом Газосвет, а на протяжении всего проспекта весели гирлянды, изготовленные Ленэнерго[451]. В 1970–1980 гг., когда вывески и названиях многих магазинов Невского стали иллюминированными, в праздничные вечера проспект буквально светился (**приложения № 8, № 9**).

Монтажом иллюминации, особенно на таких оживленных магистралях как Невский проспект, занималось Трамвайно-троллейбусное управление (поскольку установка гирлянд была связана с электрическими проводами общественного транспорта), для этих работ обычно привлекались аварийные бригады[452] (см. **приложение № 10**).

К юбилею революции в 1967 г. художники разработали специальное оформление фонарей на Невском проспекте: «На фонарные столбы надеваются цилиндрические ажурные каркасы, которые обтягиваются по спирали красными полотнищами и подсвечиваются изнутри гирляндами электрических лампочек»[453]

---

[448] ЦГА СПб. Ф. Р-7082. Оп. 3. Д. 923. Л. 45.
[449] Лурье Л. Я., Лурье С. Л. Ленинград Довлатова: исторический путеводитель. СПб, 2016. С. 175.
[450] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-105. Оп. 4-1. Д. 21. Л. 108.
[451] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 37. Д. 1183. Л. 27.
[452] Там же. Л. 29.
[453] Праздничный наряд Ленинграда: из опыта художественно-политического оформления // Сост.: Л. Н. Царев, Н. М. Быков. Л., 1981. С.17.

(см. **приложение № 9**). Тогда же на стенах Петропавловской крепости были зажжены пятьдесят факелов, «символизирующих пройденные годы нашей истории»[454].

Праздничная иллюминация охватывала не только главные улицы и площади города, сиять яркими огнями должны были и корабли, стоявшие в акватории Невы у Дворцовой набережной и стрелки Васильевского острова. Накануне двух главных праздников (30 апреля и 6 ноября соответственно) – красиво оформленные и иллюминированные корабли должны были уже стоять на своем месте[455] и, дожидаясь начала военно-морского парада, радовать своим видом ленинградцев. С начала 1960-х гг. украшались также и прогулочные катера и теплоходы, которые в дни майских праздников осуществляли катание ленинградцев по Неве[456]. В 1963 г. начальнику Северо-Западного речного пароходства поручалось иллюминировать и организовать для катаний не менее 25 прогулочных катеров и теплоходов и в ходе ноябрьских праздников[457].

Также призывами, лозунгами и иллюминацией украшались «трамвайные поезда». Так, в ноябрьские праздники 1956 г. по городу курсировало двадцать таких трамваев[458], в майские 1957 г. – пятьдесят[459]. Праздничное оформление общественного и прогулочного водного транспорта стало традиционным и сохранялось вплоть до конца 1980-х гг.[460]

Для праздничного освещения в вечернее время хорошо подходили прожектора, однако с 1954 г. этот вопрос стал проблемным: как сообщалось в ходе одного из заседаний октябрьской комиссии, правительство запретило использование прожекторов еще 22 мая 1954 г., поэтому необходимо было запросить разрешение Генерального штаба[461]. Вплоть до начала 1960-х гг. их было практически не достать. Однако эскизы оформления Дворцовой площади

---

[454] Там же.
[455] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 92. Д. 210. Л. 20; Оп. 102. Д. 81. Л. 5.
[456] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 41. Д. 258. Л. 5.
[457] Там же. Оп. 42. Д. 177. Л. 4.
[458] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 92. Д. 210. Л. 24.
[459] Там же. Оп. 102. Д. 81. Л. 7.
[460] Там же. Оп. 249. Д. 35. Л. 24.
[461] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 25. Д. 2594. Л. 2.

составлялись все же с учетом возможности «светового оформления Зимнего дворца с Невы, с использованием гидромониторов и с подсветкой воды прожекторами», которые планировалось одолжить у Ленинградского военного округа[462]. В последующие годы, запрет, вероятно, был снят, так как этот вопрос более не поднимался.

В начале 1960-х гг. ленинградцы могли видеть еще одну модную новинку: на пляже у Петропавловской крепости устраивался световой фонтан, который представлял собой организованную в «течение полутора часов водяную завесу из подсвеченных струй»[463].

Упомянутое крупное обновление праздничных декораций 1960 г. касалось не только внешнего вида демонстрации, но и городского оформления в целом. Курирующий идеологическую работу секретарь горкома КПСС Ю. А. Лавриков призывал «произвести просто маленькую революцию: отойти от твердо установившихся канонов и творчески подумать – как-бы нам обновить оформление районов и по содержанию и по форме»[464]. Решить проблему творчески должны были помочь художественные учебные заведения города. К примеру, эскизы оформления от студентов училища им. Мухиной были рассмотрены в горкоме и обкоме КПСС и признаны очень удачными[465]. Очевидно, масштабных перемен все же не произошло, так как через полгода на заседании первомайской комиссии 1961 г. этот же вопрос был снова поставлен: «У нас на каждом празднике повторяются одни и те же вещи, это становится не празднично»[466]. Ответных реплик от членов комиссии не последовало, однако в 1962 г. в Доме политического просвещения Ленинградского обкома КПСС была создана специальная школа, в которой готовили художников-оформителей наглядной агитации[467]. Она работала на общественных началах, в ее деятельности принимало активное участие правление Ленинградского отделения Союза

[462] Там же. Оп. 37а. Д. 7. Л. 10.
[463] Там же. Оп. 41. Д. 258. Л. 5.
[464] Там же. Оп. 37. Д. 1183. Л. 11.
[465] Там же.
[466] Там же. Оп. 41. Д. 258. Л. 20.
[467] Праздничный наряд Ленинграда... С. 25.

художников РСФСР, а среди преподавателей были не только художники, но и искусствоведы и педагоги художественных училищ[468]. В 1966 г. на заседании ноябрьской комиссии обсуждалась идея создания генерального плана праздничного оформления Ленинграда, однако, как отмечал заведующий отделом пропаганды и агитации горкома КПСС И.В. Рощин, было решено не сковывать инициативу районов в этом отношении: «Вы продолжайте работать в этом направлении, а когда будут рассмотрены эскизные проекты группой специалистов, тогда будет смысл просмотреть и ваши работы, и тогда же будет решено – что оставить, а что исключить»[469].

Подходящим поводом для масштабных работ по обновлению и созданию нового художественного оформления, а также видимо, и принятия генерального плана, стал 50-летний юбилей Октября. Используя в качестве примера материалы о праздничном оформлении Ленинграда первых послереволюционных лет, четырнадцать творческих коллективов города разработали для всех районов единые комплексные планы художественно-политического оформления[470]. Макеты наиболее удачных работ были представлены на первой Всесоюзной выставке лучших образцов наглядной агитации на ВДНХ СССР в 1975 г[471]. В числе новаторских была идея установки информационных тумб, подобных тем, что размещались в революционном Петрограде 1917 г.: «Оклеенные различными политическими изданиями 1917 г., тумбы привлекали внимание ленинградцев и гостей нашего города, они помогали людям отчетливее ощутить пульс тех исторических дней, которые, по образному выражению Джона Рида, потрясли мир»[472]. Журналист Марк Лабок вспоминал о праздничном украшении города 1967 г.: «Еще весной того юбилейного года жители Питера увидели круглые афишные тумбы, какие были в революционном 1917 году, а на них – первые декреты Советского Правительства, листовки, обращения, напечатанные по старому правописанию с буквою «Ъ» на конце слова. Это новшество создавало

[468] Там же.
[469] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 42. Д. 1256. Л. 14.
[470] Праздничный наряд Ленинграда... С. 12
[471] Там же.
[472] Там же. С. 17.

атмосферу особого ожидания Юбилея»[473]. Как это выглядело, можно увидеть в приложениях (**приложение № 11**) Также на площадях и центральных улицах районов были размещены разнообразные инсталляции, световые фигуры, панно и т.п. праздничное оформление. Например, на Театральной площади была установлена высокая композиция размером в несколько этажей, изображающая штыки советской власти, пронзающие осколки царской символики (**приложение № 12**).

Также в дни 50-летия Октября, было принято решение вернуть крейсер «Аврора» на место его «исторической стоянки» – к Николаевскому мосту, где он находился в октябрьские дни 1917 г[474]. Марк Лабок вспоминал, что 1 ноября 1967 г., после того как легендарный крейсер перевели на указанное место, в Неву вошли корабли Балтийского флота и растянулись от Васильевского острова до Смольного: «Эта территория Невы и стала гигантской сценической площадкой. Набережные вдоль реки были красочно и изобразительно оформлены и ярко иллюминированы – дело рук большого отряда ленинградских художников, архитекторов и осветителей. За всю историю Отечества ни город, ни страна ни разу не видели такого красочного оформления: вечером все здания вдоль Невы, озаренные скрытым подсветом, выглядели еще краше и торжественнее»[475].

Оценивая проведение годовщины ВОСР в 1967 г., Марк Лабок писал: «Что говорить, умели в Советском Союзе проводить массовые празднества с высоким размахом, но о том, как это было в Ленинграде в тот юбилейный год, хочется подчеркнуть особо, ибо, на мой взгляд, это был небывалый пик Празднества, после которого все в жизни страны пошло уже вниз, по крайней мере в Питере…»[476].

Широко праздновался и юбилей 1977 г., однако особенных новшеств ни в праздничную хореографию, ни в оформление он, видимо, не привнес.

---

[473] Лабок М. Как это было в 1967 году – в год полувекового юбилея Октября! // Ленправда. Информационно-аналитическое интернет-издание. Электронный ресурс. URL: https://www.lenpravda.ru/blog/3809 (дата обращения 24.08.2025).
[474] Там же.
[475] Там же.
[476] Там же.

Использовались те же афишные тумбы, портреты Ленина, «монументальные» лозунги[477]. Однако, по сравнению с предыдущим юбилеем, шире стали использоваться модульные конструкции, позволявшие изменять текст (например, для актуализации лозунга) без полного демонтажа (см. **приложение № 13**).

На рубеже 1970–1980-х гг. вопрос украшения города стал решаться более централизованно: была разработана генеральная схема комплексного художественного оформления города, стали разрабатываться тематические планы художественно-политического оформления районов и предприятий к праздникам, а во многих райкомах города были созданы соответствующие методические кабинеты[478]. Также стоит отметить, что планы оформления каждого района заранее обсуждались комиссией, состоявшей из работников обкома и горкома КПСС Ленинграда, а также главного художника города[479]. Разнообразное оформление, а также иллюминация теперь украшали город не только в праздничные дни, но и в будние. Вероятно, это несколько снижало их ценность в глазах горожан и тот эффект, который они были призваны производить на зрителей.

Составители книги «Праздничный наряд Ленинграда» 1981 г., ссылаясь на доклад первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романова на одном из пленумов, достаточно четко прописывают цели праздничного оформления: «Требования, предъявляемые к наглядной агитации, независимо от того, где она размещена – в заводском цехе или на городской магистрали, во Дворце культуры или в колонне праздничной демонстрации, остаются неизменными. Важнейшее из них в том, чтобы содержание транспарантов, стендов, панно, выставок отражало задачи хозяйственного и культурного строительства. Первостепенное значение здесь имеет разъяснение политики партии, направленной на повышение материального благосостояния и культурного уровня советского народа. Речь идет о том, чтобы донести до сознания каждого человека смысл подлинно научного, комплексного подхода к экономическому развитию нашей страны,

[477] Праздничный наряд Ленинграда… С. 82, 84, 91.
[478] Там же. С. 22-23.
[479] Там же. С. 24.

помочь трудящимся определить конкретное место в общенародной борьбе за выполнение планов партии»[480]. А среди профессиональных задач они называли: достижение грамотного соотношения монументального и оперативного (имеется ввиду возможность быстро актуализировать элемент оформления), а также общее повышение уровня идейно-художественного оформления и наглядной агитации[481].

Начавшаяся перестройка несколько изменила эти задачи. В плане подготовки Первомая 1989 г. содержались следующие указания: «Исключить помпезность, монументальность элементов оформления, дорогостоящие украшения, отдавать предпочтение простым по форме, отвечающим духу времени по содержанию плакатам и лозунгам, максимально увеличить количество ручного оформления»[482]. Подобные указания можно считать беспрецедентными, однако вызваны они были, скорее всего, не идеологическими соображениями, а экономической ситуацией. Тем более, что еще недавно, в 1987 г. во время первомайской демонстрации портрет самого М. С. Горбачева и других членов Политбюро несли вслед за портретом Ленина, ставя в один ряд основателя советского государства и политиков, провозглашавших возврат к его курсу (**приложение № 14**). Кроме того, отдельный огромный портрет Горбачева провозили на грузовике (**приложение № 15**).

Однако в 1989–1990-е гг., когда социально-экономическая обстановка в стране стала уже критической, следовать прежним тропам в оформлении было уже невозможно. «Известия» так описывали ленинградский Первомай 1989 г.: «Стремление к откровенному диалогу, отказ от показухи парадности – эти чувства объединили ленинградцев в их первомайском марше. Мы не увидели здесь традиционных громоздких и помпезных макетов на грузовиках, ликующих рапортов о новых трудовых свершениях. Но от этого праздник не стал будничней…»[483]. В ноябре того же года «Известия» писали: «Скромней, чем

[480] Там же. С. 20.
[481] Там же. С. 27–29.
[482] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 249. Д. 35. Л. 6.
[483] Известия. 1989. 1 мая.

прежде, выглядит оформление колонн. Сегодня неуместны крикливые лозунги, клятвенные заверения в новых трудовых победах…»[484]. Однако вскоре скромность оформления превратилась в его отсутствие и внешний вид города в праздники стал мало отличаться от его вида в другие дни. «Никогда еще, пожалуй, за всю послевоенную историю город накануне Октябрьских праздников не выглядел столь скромно и буднично. Привычного кумачового наряда лишены Невский проспект, Дворцовая площадь, Мариинский и Таврический дворцы и даже крейсер “Аврора”...», – писали «Известия» о годовщине Октября 1990 г.[485] В последний проведенный в Ленинграде массовый праздник – Первомай 1991 г. – лишились кумачового наряда и набережные Невы, и, как отмечал корреспондент, «вообще с утра Первого Мая город словно бы притих и вымер, не было привычной празднику суматохи и оживления»[486].

Отказ от праздничного оформления и постепенное «угасание» массовых праздников стали лишь одним из следствий того кризиса, который охватил страну на рубеже 1980–1990-х гг. Скульптуры и портреты основоположников марксизма-ленинизма, идеологически насыщенные лозунги, отчеты о достижениях и успехах слишком контрастировали с реальностью и текущим положением дел, которые все больше выходили из под контроля советской (и прежде всего партийной) власти.

2.1.3. ОРГАНИЗАЦИЯ ТОРГОВЛИ В ДНИ ТОРЖЕСТВ

Помимо наведения «внешнего порядка» и праздничного оформления, нужно было создать и благоприятный моральный климат, улучшить «порядок внутренний». Традиционным способом для этого служила предпраздничная и праздничная торговля. В 1950-е гг. в условиях дефицита товаров широкого потребления и ряда продуктов (таких как рыба, фрукты, колбасы) власти города распоряжались завезти в магазины все необходимое.

---

[484] Известия. 1990. 7 ноября.
[485] Известия. 1990. 7 ноября.
[486] Известия. 1991. 1 мая.

На дни праздников торговля организовывалась по «повышенному» или «праздничному» ассортименту[487], чтобы граждане забыли несколько неприглядные реалии и хотя бы на короткий период ощутили себя в государстве всеобщего «изобилия».

Именно тема «изобилия» стала одним из ключевых лейтмотивов массовых праздников 1953 г. Страна, формально завершившая послевоенное восстановление к 1950 г., на деле еще переживала большие хозяйственные трудности. Так, при подготовке к 7 ноября 1950 г. отмечалось, что в среде рабочих имелось недовольство тем, что даже к празднику невозможно купить муку[488]. Также проблемы были с приобретением огурцов, дрожжей, сливочного масла (руководство города даже обращалось к высшему руководству страны с просьбой взять 60% масла из фонда 4 квартала, однако «т. Микоян отказал»)[489]. Решить проблему предлагалось использованием маргарина, и повышенными продажами того, что уже имелось в наличии. Городские власти очень хорошо осознавали потребность сделать все возможное для удовлетворения потребительского спроса; так, председатель Ленсовета П. Ф. Ладанов говорил: «Трудящиеся будут отдыхать, и работники торговли должны обеспечить потребности трудящихся. Надо дать настоящий отдых трудящимся, чтобы было без особых происшествий, чтобы классовый враг не мог приложить свои руки»[490]. Кто именно имелся в виду под классовым врагом в государстве «победившего социализма», остается загадкой.

Характерно, что в 1953 году, году «всеобщего изобилия», было отдано распоряжение увеличить подачу газа населению в предпраздничные дни, при этом подчеркивалось «политическое значение» вопроса. Одним из главных политических лозунгов празднования 1 мая в 1953 г. было выполнение решений XIX съезда КПСС, а в центр внимания выносилась «забота партии и

[487] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 25. Д. 2251. Л. 15.
[488] Там же. Оп. 29. Д. 565. Л. 10.
[489] Там же. Л. 11–12.
[490] Там же.

правительства о трудящемся человека»[491]. Секретарь Ленинградского обкома КПСС Н. Д. Казьмин на заседании первомайской комиссии 1953 г. предлагал всерьез задуматься, «что значит забота о трудящемся человеке»: «За неделю во все магазины завезти достаточное количество продуктов, чтобы не было нареканий трудящихся. Это вопрос политики... Нужно обеспечить трудящихся газом в предпраздничные дни. Для этого сейчас сделать запас газа. Мы не можем допускать, чтобы перед 1 мая не было газа… Это вопрос политики и его надо продумать. Это есть забота о трудящемся человеке. Нельзя допускать, чтобы возмущались нашими порядками»[492]. В результате в дни праздников 1953 года подача газа увеличилась более чем в два раза в сравнении с обычными днями (9-10 куб. метров на человека против 4 куб. метров)[493].

Особенное внимание приковывает к себе последнее приведенное Казьминым предложение: вероятно, после смерти И. В. Сталина политической задачей было показать народу, что партия продолжает его курс «заботы о трудящихся», нельзя было допустить противопоставления старых «порядков» и новых. Праздник, таким образом, становился еще и временем повышенного внимания к населению (или, во всяком случае, временем активного создания такой видимости). Отметим, что наиболее ярко идеологема заботы Сталина о трудящихся проявлялась в ежегодном снижении цен. Этот вопрос хорошо освещен в статье Е. С. Гениной и М. М. Колязимовой[494]. В нашем случае налицо продолжение этой же традиции: «Нужно учесть снижение цен соответствующими лозунгами, заботу партии и правительства о трудящихся, строжайшее соблюдение законности. Эти лозунги должны найти отражение в первомайских призывах», – говорил Н. Д. Казьмин на упомянутом собрании[495]. В первые месяцы после смерти Сталина властям было важно избегать любого недовольства населения, высокоперсонифицированные представления народа о власти подталкивали

[491] Там же. Оп. 25. Д. 2251. Л. 4–5.
[492] Там же.
[493] Там же. Л. 16.
[494] Генина Е.С., Колязимова М.М. Идеологические кампании в СССР 1946–1953 гг., связанные с образом И. В. Сталина (по материалам Кемеровской области) // Вестник КемГУ. 2014. № 3 (59). С. 146.
[495] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 25. Д. 2251. Л. 5.

партийную элиту легитимировать свое положение через выстраивание связи с прежними «порядками». Подходящим способом для трансляции этого был первый после-сталинский крупный праздник – 1 мая 1953 г.

«Всеобщее изобилие» рисковало раствориться на фоне неприглядной послевоенной реальности, поэтому особое значение придавалось внешнему облику магазинов. По словам того же Н. Д. Казьмина, их следовало привести в порядок, «чтобы витрины были в порядке, чтобы не стояли голые мальчишки с хлебом запыленные и грязные»[496]. Требовалось обратить особое внимание и на сотрудников торговли: «Нужно… чтобы все были хорошо и чисто одеты»[497]. К юбилею 1967 г. планировалось обеспечить всех продавцов и работников магазинов «форменной одеждой»[498]. А для работников мелкорозничной торговой сети Домом моделей даже специально разрабатывалась новая униформа[499].

В 1955 г. было издано распоряжение об обеспечении в период с 4 по 7 ноября отпуска электроэнергии для освещения торговых точек сверх установленной нормы[500] в целях обеспечения более презентабельного вида. Дополнительному освещению уделяли внимание и при подготовке к 7 ноября 1967 г.[501] К праздникам готовили также рынки, колхозные павильоны и ряды, палатки государственной и кооперативной торговли[502]. Особое внимание уделялось их санитарно-техническому состоянию. Витрины столовых и буфетов также должны были принять «праздничный» вид, менялось и наружное украшение.

Подобная озабоченность внешним видом торговых точек сохранялась и в 1960–1970-е гг. Городские власти подчеркивали принципиальность этого вопроса и просили обратить особое внимание представителей районных комиссий на яркое и красочное оформление витрин[503] (пример «изобилующей товарами»

[496] Там же.
[497] Там же. Л. 24.
[498] Там же. Ф. Р-7082. Оп. 3. Д. 407. Л. 17.
[499] Там же. Л. 20.
[500] Там же. Ф. Р-7384. Оп. 37. Д. 68. Л. 24.
[501] Там же. Ф. Р-7082. Оп. 3. Д. 407. Л. 19.
[502] Там же. Ф. Р-7384. Оп. 37. Д. 68. Л. 24.
[503] Там же. Д. 1183. Л. 4.

витрины – см. **приложение № 16**). К юбилею революции 1967 г. планировалось заменить все старое оформление витрин, не соответствующее «современным требованиям», и установить электро-газосветные вывески и рекламные установки[504]. Кроме того, в юбилейный год торговая реклама в целом значительно усиливалась. Например, в план предпраздничных мероприятий по Управлению торговли города входило: установление дополнительных празднично оформленных товарных витрин на вокзалах, станциях метро, а аэропортах и местах отдыха трудящихся; выпуск новых телевизионных рекламных роликов и радиопередач, и даже съемка короткометражного фильма о развитии торговли в Ленинграде за последние годы[505]. Праздники трудящихся должны были также проводиться на фоне «изобилия», пусть и внешнего.

Праздничный ассортимент. Особым спросом пользовались цветы. К Первомаю 1953 г. в город было завезено большое количество нарциссов, в продаже также имелись тюльпаны и «цветы приколки» (по плану, 200 тыс. штук срезанных – по цене от 30 до 40 коп.[506], а также 60 тыс. живых и 60-70 тыс. приколок[507]). Поскольку предложение не могло полностью перекрыть высокий спрос, в традицию вошло изготовление искусственных цветов, силами актива Домов культуры, клубов, кружков «умелые руки»[508], предполагалось привлечение комсомола и пионерии[509]. Та же практика сохранилась в 1960-е гг.[510] Иногда торговля живыми цветами ограничивалась и по причине заморозков, которые периодически выпадали на ноябрьские торжества: так, в 1950 г. на улицах продавали только искусственные цветы, а в магазинах – живые[511]. Иногда для украшения колонн накануне торжества в течение 2-3 дней часть работников предприятий освобождалась от выполнения трудовых обязанностей для их изготовления (причем бумага зачастую не выделялась городом – ее приходилось

[504] Там же. Ф. Р-7082. Оп. 3. Д. 407. Л. 17.
[505] Там же. Л. 54.
[506] Там же. Ф. Р-7384. Оп. 25. Д. 2251. Л. 13.
[507] Там же. Л. 23.
[508] Там же. Д. 2594. Л. 4.
[509] Там же. Л. 5.
[510] Там же. Оп. 41. Д. 258. Л. 16.
[511] Там же. Оп. 29. Д. 565. Л. 14.

«просить»)[512]. В октябре 1953 г. пришлось использовать не цветную бумагу (ввиду дефицита), а обычную, покрашенную краской[513]. Как выглядели подобные бумажные цветы-приколки, можно увидеть в приложениях (см. **приложение № 17**).

В 1953 г. Управление торговли обязывалось обеспечивать большой ассортимент мелкой розничной торговли (прежде всего выпечки), увеличить продажу вин, яиц, муки и круп; наиболее «трудные позиции», такие как рыба, овощи и фрукты также планировалось выставить на продажу в достаточном количестве (план по фруктам, к примеру, рассчитывалось покрыть за счет использования запаса яблок), молочных же продуктов явно не хватало[514]. Насколько «праздничным» являлся озвученный магазинный ассортимент, вопрос весьма спорный, ясно лишь, что для праздничной торговли в 1953 г. гораздо важнее было наличие товаров, а не их широкое разнообразие. Для сравнения: в 1960 г. первомайская комиссия поручала разработать вопрос о том, сколько колбас дать к празднику и каких они должны быть сортов[515]. К ноябрю 1967 г., когда общая экономическая ситуация стала заметно лучше, городское Управление торговли в праздничный ассортимент включало в основном привычные товары, но в праздничном оформлении (специальные коробки и пакеты), дополнительно увеличивая продажу лишь таких товаров как: огурцы, фрукты, фруктовые консервы, грибы соленые и маринованные, желатин, кофе и чай, специи, сахар, торты и пирожные, мороженное, мука и дрожжи, виноградные вина, коньяки, шампанское[516].

Для организации предпраздничной торговли на бюро исполкома Ленгорсовета принимались соответствующие решения. Рассмотрим одно из них. В 1955 г. к ноябрьским праздникам в Ленинград завезли: мяса и птицы 13000 тонн, рыбы 5000 тонн, сельдей 1500 тонн, рыбных консервов 2100 туб, сахара

[512] Там же. Оп. 25. Д. 2594. Л. 11.
[513] Там же. Л. 15.
[514] Там же.
[515] Там же. Оп. 37. Д. 1186. Л. 3.
[516] ЦГА СПб. Ф. Р-7082. Оп. 3. Д. 407. Л. 171–173.

22000 тонн, сыра жирного 550 тонн, молочных консервов 490 туб[517]. Однако любопытны не столько абсолютные цифры, сколько соотношение к фондам всего квартала по тем товарам, которые должны были поступить в торговую сеть. Управление торговли предписывало «сдать торгующим организациям до 7 ноября 1955 года продовольственные товары в следующих размерах от фондов IV квартала (в процентах):

мяса, колбасных изделий, маргарина, масла растительного, сахара, кондитерских изделий, дрожжей – 43

рыбы, чая, водки и водочных изделий, вина – 44

масла животного, консервов мясных, овощных и фруктовых – 42

сыра, консервов рыбных, макаронных изделий – 41

яиц, консервов молочных – 40»[518].

Почти половина продуктовых запасов самых востребованных категорий, рассчитанных на три месяца, поступала в магазины Ленинграда в октябре накануне праздника.

Примечателен и ассортимент, который исполком обязывал поставить в магазины 1-6 ноября. Так, в предпраздничную неделю в торговые точки Ленинграда должны были поступить:

1) не менее 1460 тонн колбасных изделий (полукопченых колбас – не менее 210 тонн, твердокопченых – не менее 40 тонн, копченостей – 200 тонн, сосисок и сарделек не менее 360 тонн),
2) значительное количество рыбы (филе - не менее 400 тонн, копченой – не менее 550 тонн, балычных изделий из красной рыбы – не менее 85 тонн, балычка из морского окуня – не менее 50 тонн, сельдей копченых – не менее 250 тонн, консервов рыбных – частика, красной рыбы в томате – 700 туб, шпрот – 300 туб, сардин, анчоусов, рольмопс – не менее 55 туб; рыбной кулинарии – до 7 тонн в день),

[517] Там же. Ф. Р-7384. Оп. 37. Д. 68. Л. 19.
[518] Там же.

3) кондитерские изделия (торты и пирожные с кремом – не менее 8 тонн ежедневно)[519].

Что касается фруктов, то здесь цифры несколько скромнее: «мандаринов 4 вагона, орехов 100 тонн, гранатов – 50 тонн, хурмы – 50 тонн», однако к этому стоит добавить 100 тонн варенья из ягод, 100 конфитюра из клубники и прочего варенья-джема 20 тонн[520].

Также до 7 ноября Ленжиркомбинат должен был обеспечить выработку майонеза в количестве не менее 65 тонн[521]. Мода на майонезные салаты, без которых сегодня вряд ли может обходиться хоть один праздничный стол, росла постепенно, производство знаменитого соуса в 1950-е гг. сложно назвать массовым.

Определялся также ассортимент и количество вин и кондитерских изделий, поступавших в торговые точки в предпраздничную неделю[522].

Отдельно отметим распоряжение того же года о повышенном объеме поставок в магазины алкоголя (до 7 ноября в магазины должны были завезти не менее 361 тыс. декалитров водки) и полном обеспечении водочными изделиями в расфасовке по 0,25 литра[523]. Последнее вызывает особый интерес, так как «стандартный» объем бутылки водки был 0,5 литра, знаменитая «пол-литра» (воспетая позже В. С. Высоцким). То есть повышенный выпуск «чекушек» (0,25 литра) был напрямую связан с праздником: небольшую бутылку было удобно прятать в карман, да и чтобы «напиться», требовалось не одна, а несколько бутылок. Власть хорошо осознавала потребности населения в увеселительных напитках в дни торжеств и старалась не столько сократить продажу горячительного, сколько урегулировать ее и придать потреблению более «культурный» вид.

Помимо удовлетворения потребительского спроса (пусть временного и наверняка неполного) исполком также распоряжался: повысить качество

[519] Там же. Л. 20–21.
[520] Там же. Л. 21-22.
[521] Там же.
[522] Там же. Л. 36–38.
[523] Там же.

отпускаемой продукции и установить дополнительный контроль за этим качеством, расширить ассортимент, обеспечить бесперебойную поставку (для чего время работы сбытовых баз, экспедиций промышленных предприятий и холодильников по отпуску товаров торгующим организациям в предпраздничную неделю продлевалось до 22 часов, включая воскресения)[524]. Также магазины могли оставлять заявки на поставку товаров, «расфасованных в специальной упаковке и праздничном оформлении»[525].

Исполком Ленгорсовета обязывал управляющих торговыми базами сдать до 7 ноября 1955 г. для продажи населению товаров в улучшенном ассортименте в следующем размере от фонда на квартал: табачные изделия – 43%; хлопчатобумажные, шелковые, шерстяные ткани – 42%; парфюмерно-косметические товары – 41%; льняные ткани, кожаная и резиновая обувь, трикотаж, швейные, чулочно-носочные, тюле-гардинные и штучно-гардинные изделия, кожаная и текстильная галантерея, мыло хозяйственное – 40%[526].

Ситуация аналогична торговле продовольственными товарами – почти половина фондов квартала расходовалась во время предпраздничной торговли.

Развертывание предпраздничной торговли в Ленинграде было приметой не только 1950-х гг. Она сохранялась и в куда более «сытые» 1960-е гг. Так, к 7 ноября 1967 г. к празднику также увеличивались поставки и ассортимент ряда товаров[527]. К красной дате завозили овощи (импортные и отечественные огурцы и томаты); разнообразные консервы; бакалейные товары (в том числе 800 тонн сахара в юбилейном оформлении, расфасованный в стеклянные и жестяные банки чай – 15 тонн); кондитерские изделия (1200 тонн в специальном юбилейном оформлении). С 4 по 8 ноября предприятия хлебопекарной промышленности должны были выпускать по 160 тонн тортов и пирожных – по 32 тонны в день (против 22 тонн в непраздничные дни 1967 г. и 8 тонн в праздничные дни 1955 г.). Также была организована продажа пшеничной муки высшего сорта во всех

[524] Там же.
[525] Там же.
[526] Там же. Л. 22.
[527] Там же. Ф. Р-7082. Оп. 3. Д. 407. Л. 173–176.

районах города из расчета по 2 килограмма на человека и дрожжей по 50 граммов на семью. В широком ассортименте планировалась продажа алкоголя (вин, коньяка, шампанского) в количества 550 тысяч декалитров (против 361 тысячи декалитров в 1955 г.) или 50% от фонда IV квартала 1967 г.[528]

Также к пятидесятилетнему юбилею Октября в магазины поступало на 60% больше обычного трикотажных изделий, среди которых были и импортные товары: женские костюмы и платья из Франции, Австрии, Италии, Англии; мужские пуловеры из Бельгии, мужские нейлоновые сорочки из Финляндии, «изделия из объемной пряжи» из Японии[529]. В два раза больше обычного уровня поступило кожаной обуви (на сумму 30,7 млн. руб. против 15,7 млн. руб.), обещался большой завоз импортной обуви из Англии, Франции, Италии, Западного Берлина, Бельгии, Голландии, Швейцарии и Австрии (на сумму 19,7 млн. руб.)[530]. В «улучшенном качестве» Главное управление швейной промышленности Ленинграда должно было поставить: костюмов и брюк мужских на 1,5 млн. руб., плащей на 2 млн. руб., сорочек мужских на 600 тыс. руб.[531] В «широком ассортименте и улучшенном качестве» обеспечивалась и поставки мебели (на 1 млн. 750 тыс. руб.)[532].

Как своеобразный подарок населению к 50-летию Октября можно расценивать принятое Советом Министров СССР 17 сентября 1966 г. постановление «О расширении ассортимента и улучшении качества товаров народного потребления и о выпуске к 50-летию Советской власти новых товаров и сувениров для продажи населению»[533]. 30 декабря 1966 г. ЦК КПСС и Совета Министров СССР приняли уже совместное постановление «О максимальном использовании имеющихся резервов и местных возможностей для увеличения производства товаров народного потребления». Министерство торговли отчитывалось в мае 1967 г.: «За четыре месяца 1967 года изыскано для продажи

[528] Там же. Л. 161.
[529] Там же. Л. 171.
[530] Там же. Л. 175.
[531] Там же.
[532] Там же. Л. 176.
[533] ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 101. Д. 368. Л. 14.

населению дополнительно товаров народного потребления /с учетом сокращения фондов/ на сумму 2,8 млрд. рублей, в том числе швейных изделий на 400 млн. рублей, трикотажных и чулочно-носочных изделий на 584 млн. рублей, кожаной обуви на 366 млн. рублей…»[534] и т.д. Кроме того, на 1967 г. планировалось открытие 3,2 тысяч новых магазинов, продающих товары «по прогрессивным методам», в том числе к юбилею Советской власти – 900 магазинов, а в Ленинграде в декабре 1966 и январе 1967 гг. уже заработали два крупнейших в стране магазина самообслуживания, названные министром торговли СССР А. И. Струевым «образцом для дальнейшего развития такой сети»[535].

Также к юбилею Октября обеспечивался выпуск новых товаров и товаров повышенного качества, которые уже к 1 декабря 1966 г. должны были быть представлены для показа на ВДНХ. Министерство общего машиностроения, например, запустило производство шестиместных лодок с подвесным мотором, холодильников «Кедр» КС-160[536], электробритв «Харков-5», также в юбилейном оформлении должны были выйти телевизоры «Восход» и «Березка», магниторадиолы «Романтика», холодильники «Бирюса», стиральные машины и др.[537] А Министерство оборонной промышленности отчитывалось о запуске в серийное производство 95 видов новых товаров, среди которых значились такие известные образцы советской техники, как: фотоаппараты «Сокол»[538] и «Горизонт», мотоциклы «Иж-Юпитер-2» и «Восход»[539]. Было выпущено также большое число разнообразных памятных подарков, например, Ленинградский завод художественного стекла разработал новую серию сувениров с изображением исторических мест г. Москвы[540]. Вообще каждая отрасль промышленности, задействованная в производстве товаров народного потребления, готовила к юбилею новую продукцию, улучшала старую. Даже

[534] Там же. Л. 11.
[535] Там же. Л. 15.
[536] Вероятно, в документе ошибка и имелся ввиду холодильник «Кодры» модели КШ-160.
[537] ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 101. Д. 369. Л. 42.
[538] Выпускался Ленинградским оптико-механическим объединением (ЛОМО), обладал передовой конструкцией и по техническим характеристикам превосходил многие лучшие зарубежные аналоги.
[539] ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 101. Д. 369. Л. 46.
[540] Там же. Л. 41.

производство хлебобулочных менялось перед большим праздником, разрабатывались новые сорта изделий «повышенной питательной ценности, на выработку которых рецептурами предусмотрен более высокий расход сахара, жира…»[541]. Жизнь становилась слаще, в буквальном смысле.

Ленинградцы уже накануне праздника могли ощутить существенное улучшение торговли, поэтому общественное настроение к торжественной дате должно было меняться в лучшую сторону. Однако расширенным ассортиментом пользовались не только покупатели: проверка готовности торговой сети города к юбилею Октября 1977 г. показала, что в сравнении с соответствующим периодом прошлого года увеличилось число жалоб покупателей на обмер и обвес[542]. Вероятно, некоторые продавцы решались воспользоваться повышенными поставками и наплывом покупателей. Кроме того, почти половина жалоб (44,5%) поступала на грубость и невнимательность продавцов[543].

В сами же дни гуляний в садах и парках организовывалась продажа кваса, пирожных и пирожков, леденцов, яблок, фруктовых вод, мороженого. Осуществлялась разносная и развозная торговля бутербродами, булочками, сосисками, котлетами, кондитерскими изделиями, фруктами, пивом, безалкогольными напитками и табачными изделиями[544] (см. например, торговлю «с машины» – **приложение № 18**). В юбилейном 1967 г. торговали также специально изготовленной к 50-летию Октября продукцией: сувенирами, значками с бантами, надувными шарами и пр.[545] Передвижная торговая сеть размещалась в местах сбора и движения демонстрантов, а также в местах гуляний[546]. Вот как об этом вспоминает местный житель 1931 г.р.: «Ну там вдоль [улиц] стояли столы со всякими бутербродами, фруктами, водой газированной, там что еще, лимонадами, ну пиво. <…> То есть, в праздничные дни улицы тоже превращались в такой что ли, как бы сказать, ну ресторан, будем так, грубо

[541] Там же. Л. 55.
[542] ЦГА СПб. Ф. Р-7082. Оп. 3. Д. 923. Л. 80.
[543] Там же.
[544] Там же. Ф. Р-7384. Оп. 37. Д. 68. Л. 24.
[545] Там же. Ф. Р-7082. Оп. 3. Д. 407. Л. 172.
[546] Там же. Ф. Р-7384. Оп. 37. Д. 68. Л. 24.

говоря. Да. По многим улицам, центральным я имею в виду, вот Большой проспект на Васильевском, Большой проспект на Петроградской там и еще несколько улиц у нас превр[ащались]… там, где шли демонстрации…»[547]. Востребованность в мобильной торговле снижалась год от года: если к 7 ноября 1950 г. было подготовлено более 4000 лотков и автомашин[548], то в юбилейном 1967 г. для подобной разъездной торговли организовывалось 60 автомашин и 2000 единиц мелкорозничной торговли (ларьков и палаток)[549]. В начале 1950-х гг. с помощью таких форм организации торговли, вероятно, старались обеспечить удовлетворение потребительского спроса, которое к 1970-м гг. уже покрывалось за счет стационарных магазинов и лучшей в целом обеспеченности товарами повседневного спроса. Однако передвижные ларьки со всевозможной «мелочевкой» и закусками устанавливалась в местах проведения торжеств и в 1970-е, и в 1980-е гг., например, 1 мая 1989 г.[550]

Специальная торговля организовывалась для гостей трибун. Радиожурналист В. М. Бузинов вспоминал, что по окончании праздничных радиорепортажей они вместе с творческой бригадой «спускались в сторону буфетов покупать те самые остатки, которые почему-то принято считать сладкими». Ассортимент, остававшийся к концу праздника, был не очень разнообразен: «дефицитные коробки с зефиром для дома, для семьи были давно уже отпущены гостям праздника[551], пиво заканчивалось, и, ухватив по несколько вожделенных бутербродов с твердокопченой колбасой, мы удалялись по известным нам адресам…»[552]. В условиях дефицита посещение праздника в качестве почетного гостя, таким образом, было еще и возможностью приобрести редкие товары, прежде всего продовольственные.

Для гостей трибун также организовывалась торговля алкоголем. Например, в 1953 г. на трибунах на Дворцовой площади продавалось разливное пиво, а также

---

[547] Байбурин А.К., Пиир А.М. Счастье по праздникам. С. 252.
[548] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 29. Д. 565. Л. 10.
[549] Там же. Ф. Р-7082. Оп. 3. Д. 407. Л. 172.
[550] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 249. Д. 35. Л. 24.
[551] Имеются ввиду гости трибун.
[552] Бузинов В.М. Указ. соч.С. 229.

шампанское[553]. В то же время, в период проведения демонстраций продажа водки ежегодно запрещалась[554]. В отличие от приглашенных на трибуны гостей рядовые граждане должны были озаботиться покупкой горячительных напитков заранее. Особо изобретательные даже придумывали разные приспособления. Современник тех лет, вспоминая своего знакомого, рассказывал: «Он углубил [внутренний] карман этого пальто и в него вставлял нечто вроде грелки или резинового сосуда двухлитровой емкости, который заканчивался пробкой и шлангом. А шланг – он прокалывал [пальто] и проводил сюда под воротник. Сюда вот, как у космонавтов, да? Поэтому нажимал – и выпивал»[555].

Внимание уделялось и разнообразным деталям. Так, к ноябрьским юбилейным торжествам 1967 г. планировалось выпустить 2 млн. печатных вкладышей с поздравительным текстом, а также праздничную рекламную упаковку (бумагу, пакеты, коробки)[556]. Была разработана даже специальная липкая лента с надписью «Поздравляем с праздником»[557]. А к ноябрю 1977 г. обеспечивался выпуск 500 тыс. штук рекламно-поздравительных вкладышей, 100 тыс. шт. подарочных коробок, 1 млн. шт. полиэтиленовых пакетов[558].

Очень широко разворачивалась торговля флажками, лентами и бантами, а также воздушными шарами[559]. В ассортимент подобной продукции середины 1950-х годов также входили: шелковые пионерские галстуки, комсомольские и пионерские значки, шары со свистом, цветная бумага, предметы «карнавального обихода» – полумаски, конфетти, серпантин, мелкие игрушки[560]. Для детей организовывалась продажа подарков и «праздничных пакетов»[561]. Разумеется, эти товары в основном были красного цвета, который продолжал доминировать в праздничной колористике. «Алый цвет – это цвет революции. В нем отблеск костров той далекой октябрьской ночи, когда рушился старый мир. В нем – кровь

[553] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 25. Д. 2251. Л. 22.
[554] См., например: ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 41. Д. 258. Л. 16.
[555] Байбурин А.К., Пиир А.М. Указ. соч. С. 245.
[556] ЦГА СПб. Ф. Р-7082. Оп. 3. Д. 407. Л. 17.
[557] Там же. Л. 170.
[558] Там же. Д. 923. Л. 6.
[559] Там же. Ф. Р-7384. Оп. 41. Д. 258. Л. 3.
[560] Там же. Оп. 37. Д. 68. Л. 23.
[561] Там же. Л. 24.

борцов за лучшее будущее России. В нем – ярость повергших фашизм солдат Великой Отечественной. В нем – жар сегодняшнего мирного труда», – говорилось в одной из праздничных радиотрансляций[562].

В дни праздников всегда также разворачивалась широкая книжная торговля. В 1961 г. в плане подготовки очередной годовщины революции вопрос о развертывании широкой книжной торговли стоял отдельным пунктом[563]. Масштабная торговля книгами организовывалась и в 1977 г.: Главному управлению торговли предписывалось перевыполнить план книжной торговли на 400 тыс. рублей[564]. Развёртывание книжной торговли в праздничные дни значилось и в плане проведения Первомая 1989 г.[565]

Точные объемы праздничной торговли установить сложно (и в рамках данного исследования – не столь необходимо), важна тенденция. По данным Управления торговли, доходы от праздничной торговли весной 1953 г. составляли: 26 апреля – 56 млн руб., 29 апреля – около 75 млн, 30 апреля – около 100 млн руб., в то время как товарооборот в течение всего апреля оценивался в 1.600 млн руб.[566] По мере приближения к красной дате ленинградцы тратили все больше средств на покупки, что стало возможным благодаря увеличению предложения. В тексте ноябрьской радиотрансляции 1953 г. содержалась фраза, описывающая объемы торговли непосредственно в дни праздников: «Только в праздничные дни ленинградцы купили здесь, на Невском, на миллионы рублей различных товаров и продуктов» (однако, редактор/цензор ее вычеркнул)[567]. В 1977 г. отраслевые управления торговли должны были вовлечь в товарооборот дополнительных ресурсов на 25 млн. руб. и перевыполнить план к 7 ноября на 50 млн. руб.[568] О масштабах торговли может свидетельствовать и организация дополнительных мест реализации и увеличение числа продавцов. Так, в справке о подготовке торговой сети к 7 ноября 1967 г. говорилось, что в предпраздничные

[562] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-5. Д. 1481. Л. 18.
[563] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 119. Д. 96. Л. 219.
[564] ЦГА СПб. Ф. Р-7082. Оп. 3. Д. 923. Л. 50.
[565] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 249. Д. 35. Л. 24.
[566] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 25. Д. 2251. Л. 22.
[567] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 2-3. Д. 4528. Л. 32.
[568] ЦГА СПб. Ф. Р-7082. Оп. 3. Д. 923. Л. 3.

дни будет дополнительно организовано 3500 рабочих мест продавцов и 900 касс, а также с 20 октября по 6 ноября для работы в магазинах планировалось направить 2000 учащихся профессиональных училищ и курсовых комбинатов[569]. А в 1977 г. для продажи одних только сувениров и подарочных наборов планировалось организовать 1200 дополнительных рабочих мест[570].

Кроме того, Главное управление торговли стало заботиться не только об увеличении и качестве ассортимента, но также и об удобстве покупателей. Так, накануне юбилея Октября в 1977 г. «в целях создания больших удобств и экономии времени покупателей на приобретение товаров» дополнительно организовывалось 230 столов заказов (в том числе на промышленных предприятиях – 80), а также обеспечивалась доставка на дом покупателям молока и хлеба (13 тыс. тонн и 500 тонн соответственно)[571].

Специфической формой советской распределительной системы можно считать «праздничные заказы». Так, журналист Е. М. Рубин вспоминал, что работники газеты «Советский спорт» к 1 мая, 7 ноября и Новому году могли получить кабачковую и баклажанную икру, мясные и рыбные деликатесы[572]. Впечатлением от приобретения подобных товаров делился его коллега Радчук, которому удалось получить спецзаказ на мясокомбинате им. Микояна: «Утром Седьмого ноября мы с сыном решили на завтрак попробовать по сосиске, – рассказывал он. – И не могли остановиться. Ничего вкуснее я в жизни не ел. Позвонил знакомому, который устроил мне поход на комбинат, и он объяснил: оказывается, эти сосиски и колбасу делают из хорошего мяса и не добавляют всякой дряни. Идут эти продукты в кремлевскую столовую, в стол заказов при Доме правительства и в буфеты для членов коллегий министерств. Срок хранения – две недели. Вышел срок – и непроданное развозят по определенным магазинам. Так что случайно и простому люду эта райская пища может перепасть»[573]. Рубин упоминает, что для получения этих «жалких подачек», которые «кидал

[569] Там же. Д. 407. Л. 170.
[570] Там же. Д. 923. Л. 5.
[571] Там же. Л. 6.
[572] Рубин Е. Пан или пропал! М., 2014. С. 74, 288.
[573] Там же. С. 288.

Всесоюзный спорткомитет», нужно было заблаговременно записаться у секретарши и, как правило, записывался весь коллектив[574].

В справке о подготовке торговой сети Ленинграда к юбилею революции 1967 г. говорилось, что к празднику были организованы дополнительно столы заказов: до 500 в продовольственных магазинах, а также до 300 – на промышленных предприятиях, стройках и учреждениях[575]. Также в ноябре 1967 г. производилась торговля подарочными наборами парфюмерии, галантереи, культтоваров, принимались предварительные заказы на подарки с доставкой на дом[576]. Всего же горожанам предназначалось до 500 тыс. подарочных промышленных товаров. А к юбилею революции 1977 г. Городское управление торговли должно было выполнить 6,4 млн. заказов на продовольственные товары, скомплектовать 450 тыс. детских подарков и 550 тыс. наборов к праздничному столу[577].

Относительная сытость и обилие товаров, которые были приметой массовых праздников на протяжении всего послевоенного времени, с наступлением перестройки перестали быть таковыми. Последняя официально отмечаемая годовщина Октября проходила в условиях начинающегося голода. Журналист Д. П. Губин вспоминал: «7 ноября 1990 года, когда напряжение между демократами и коммунистами высекало искры, дважды депутат, председатель комиссии Ленсовета по продовольствию Марина Салье вышла на Дворцовую площадь во главе колонны демократических сил под транспарантом “Позор коммунистическим палачам!” – точно не помню, но смысл такой. Это был первый день в Ленинграде, когда ребенок сказал мне: “Хочу булку!” – а мне было нечего ответить, поскольку все булочные города были отчаянно пусты»[578].

Подводя итоги, отметим, что развертывание праздничной торговли накануне и в дни торжеств нужно признать очень эффективной идеей, способной

---

[574] Там же. С. 288-289.
[575] ЦГА СПб. Ф. Р-7082. Оп. 3. Д. 407. Л. 171.
[576] Там же. Л. 181.
[577] Там же. Д. 923. Л. 6.
[578] Общественная жизнь Ленинграда в годы перестройки. 1985–1991: сб. материалов / сост. О. Н. Ансберг, А. Д. Марголис. СПб., 2009. С. 383.

не только увеличить лояльность населения к власти, но и создать условия для искреннего праздничного настроения. Ведь праздник – это время, когда можно забыть о бытовых заботах. И если в конце 1940-х–начале 1950-х гг. большое значение придавалось обеспечению населения самыми базовыми продуктами (мукой, крупами, овощами, мясом), то уже к концу 1950-х гг. ленинградские власти решали, каких сортов колбасу поставить в магазины к празднику, что свидетельствовало о значительном улучшении экономического положения города. Значимость предпраздничной торговли подтверждает и тот факт, что до половины фондов квартала поставлялись в торговые точки именно к дням массовых торжеств. Праздничное время должно было стать временем общественного консенсуса, и местные власти старались избегать любого недовольства. Успешность праздничной коммуникации, таким образом, во многом зависела от того, насколько сыто пройдет праздник. Во второй половине 1960-х–1970-е гг. значение праздничной торговли, вероятно, было уже не столь значительным, поскольку общий уровень жизни заметно вырос. Можно допустить, что это несколько снижало ожидание праздника гражданами, однако государство старалось поддерживать материальные ожидания населения, обеспечивая выпуск новых товаров народного потребления.

2.2. ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ТОРЖЕСТВА

2.2.1. ВОЕННЫЕ И ФИЗКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАДЫ

Морской парад на Неве и военный парад на Дворцовой площади являлись традиционными для массовых торжеств в Ленинграде послевоенного периода. В 1970-е гг. закрепилась традиция открытия празднования годовщин Октября церемонией на крейсере «Аврора»[579]. Согласно плану радиотрансляции 7 ноября 1972 г., церемония на «Авроре» и включение с нее даже предваряло «Слово об Октябре» и вводную часть праздника[580]. Так было и в 1982 г., когда первый

[579] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-3. Д. 306. Л. 26.
[580] Там же. Л. 3–4.

секретарь Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романов в сопровождении членов обкома и горкома КПСС, а также командующих ВМФ спускались с «Авроры» на катера «Альбатрос» и «Ленинград» для обхода кораблей на Неве[581]. После проведения морского парада шел военный, с него начиналось основное празднование и лишь потом – сама демонстрация. М. Черейский вспоминал, что они с друзьями-мальчишками специально заранее выходили из дома, чтобы полюбоваться маршем военных, стекающихся из своих частей рано утром к Дворцовой площади[582].

Принимал парад, как правило, командующий войсками Ленинградского военного округа. Открывалось это действо объездом построенных войск, после чего следовало прохождение слушателей различных академий (связи, военно-транспортной им. Кагановича, инженерной, военно-морской им. Крылова и т.д.)[583], курсантов училищ, суворовцев[584]. Затем следовали представители разных родов войск, а также военная техника (прежде всего, «легкая», например, зенитные орудия[585]). Авиация и танки использовались далеко не всегда, в 1959 г. и в 1960 г. специально оговаривалось, что в Первомайских торжествах они участия не принимают[586]. С 1969 г. военные парады на Красной площади перестали проводиться на Первомай, что было, вероятно, частью курса так называемой «разрядки»[587]. Естественно, что первомайские военные парады были отменены в Ленинграде и в других городах (см. описание 1 мая 1969 г. в «Известиях»[588]). Это решение было оформлено постановлением ЦК КПСС от 3 апреля 1969 г., а для его разъяснения населению заведующие отделами пропаганды и административных органов ЦК КПСС В. И. Степаков и Н. И. Савинкин предлагали опубликовать в «Красной звезде» интервью с

[581] Там же. Оп. 7-5. Д. 1481. Л. 16.
[582] Черейский М. Указ. соч. С. 162.
[583] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 2-3. Д. 4528. Л. 9–10.
[584] Там же. Оп. 5-1. Д. 73. Л. 18.
[585] Там же. Оп. 2-3. Д. 4528. Л. 16.
[586] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 37. Д. 1186. Л. 1.
[587] Нечипорук Д. М. «Московский Первомай – это рутина»: освещение американской прессой празднования 1 мая как ритуального действия (1965-1985 гг.) // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2020. № 2. С. 48.
[588] Известия. 1969. 1 мая.

министром обороны А. А. Гречко, в котором тот обосновывал решение тем, что, во-первых, праздник международный, а, во-вторых, время, затрачиваемое на подготовку парада, можно использовать для планомерной боевой и политической подготовки[589]. Таким образом, военные парады с 1969 г. проводились лишь 7 ноября, а также 9 мая 1985 и 1990 гг. – в честь юбилеев Победы.

В рассматриваемый период они уже не были длительными. Согласно партитуре 1 мая 1958 г., продолжительность парада составляла около 30 минут, и, что важно, он начинался только после проведения парада на Красной площади в Москве, откуда велись постоянные репортажи и производились «включения»[590].

М. Черейский писал в мемуарах о своих ярких впечатлениях от ленинградских парадов войск: «Это было красивое, запоминающееся зрелище, и я на всю жизнь сохранил некоторую слабость к подобным военным церемониям»; также он отмечал, что «особенно хороши были первомайские парады», поскольку в случае теплой погоды служащие переходили на летнюю форму одежды и участники надевали мундиры, многие из которых были украшены орденами и медалями[591]. Кроме эстетического воздействия на зрителей, военные парады должны были также продемонстрировать гражданам обороноспособность страны, вызвать у них чувство защищенности, гордости. Не случайно Черейский упоминает медали и ордена, как явную отсылку к Великой Отечественной войне, – до 1965 года, когда День Победы стал выходным, его функции, как нам кажется, частично распространялись на Первомай. К этой же мысли нас подводит и включение салюта в праздничный канон в послевоенное время.

Проведение артиллерийских салютов находилось в ведении военных, и в 1950–1960-е гг. это касалось лишь столицы СССР – Москвы, столиц союзных республик, а также городов-героев: Ленинграда, Сталинграда (с 1961 г. – Волгограда), Севастополя, Одессы[592]. Праздничные салюты первоначально имели мемориальное значение, отсылая к залпам, прозвучавшим в честь освобождения

[589] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 228. Л. 33–34.
[590] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 5-1. Д. 73. Л. 115.
[591] Черейский М. Указ. соч. С. 163.
[592] Известия. 1958. 1 мая.

Орла и Белгорода 5 августа 1943 г.[593] Особое значение праздничный салют приобрел именно в 1950-е гг., став неизменным элементом массовых торжеств. Причем связь салютов с Великой Отечественной войной вполне отчетливо проговаривалась, так, корреспондент «Известий» сообщал о завершении Первомая 1954 г.: «Вечером Ленинград засверкал многочисленными огнями, засветились ожерельями лампочек силуэты кораблей на Неве. Люди заполнили набережные, площади, мосты. Из-под стен Петропавловской крепости поднялся в небо огромный огненный букет, осыпая Неву багряными, золотыми, зелеными лепестками. Праздничный салют! Такими салютами мы отмечали ратные победы. Нынче он знаменует наши победы в мирном созидательном труде, в строительстве коммунизма»[594].

К проведению салютов в Ленинграде привлекались курсанты местных военных учебных заведений, в частности Ленинградского высшего зенитного артиллерийского командного училища. В год 50-летия СССР на вопрос корреспондента о том, что нужно, чтобы быть участником праздничного салюта, один из курсантов отвечал: «Производить салют в городе – колыбели революции Ленинграде – большая честь. Курсанты должны обладать большой выдержкой, отлично знать материальную часть, уметь в любую минуту исправить то или иное повреждение»[595]. В репортаже отмечалось, что такая возможность предоставлялась тем, кто учился на «хорошо» и «отлично».

В середине 1960-х гг. к проведению салютов, вероятно, стали привлекать и гражданских лиц, так как в феврале 1967 г. начальник Управления культуры Ленгорисполкома А. Витоль выпустил приказ, разрешавший подготовку демонстраторов фейерверков и организацию соответствующего семинара для их подготовки[596]. В 1971 г., когда появилась техническая возможность, было решено проводить салюты и в пригородах Ленинграда – в Пушкине, Сестрорецке и

[593] Ломакин А. В. Государственные праздники и память... С. 85-86.
[594] Известия. 1954. 4 мая.
[595] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-3. Д. 306. Л. 41.
[596] Там же. Ф. Р-105. Оп. 2-1. Д. 150. Л. 38.

Колпино[597]. Примерно в это же время салют стал приметой не только государственных праздников: в Ленинграде, например, его устраивали и во время проведения «Алых парусов»[598]. Исключительность салюта, таким образом, постепенно утрачивала свое значение.

Военные принимали участие не только в проведении парада. Также они организовывали линии прохождения демонстрации и патрулировали улицы. Например, наряд патрулей в 250 человек обязан был дежурить до 3 ночи 1 мая 1956 г.[599] При этом отмечалось, что обычно патрулировался в основном Невский проспект, а не окраины, где случались драки[600]. Во время демонстрации в помощь милиции также привлекалось большое число солдат, например, в мае 1960 г. – до 5 тыс. человек[601]. В 1950-е гг. во время массовых гуляний традиционным было использование военных оркестров (в мае 1953 – 10 таких оркестров работали на разных площадках города[602]).

Физкультурные парады. После прохождения военных проводилась демонстрация, которую зачастую в числе первых открывали физкультурники.

Их шествие обычно начиналось сразу после прохождения колонны городских знаменосцев и служило ярким началом демонстрации. Оно представляло собой чередующиеся сольные номера спортсменов, а также движущиеся колонны, на ходу демонстрировавшие физические упражнения. Особый акцент делался на красочном оформлении и костюмах, а также на слаженности действий. Физкультурники проходили по маршруту демонстрации, в Ленинграде – часть их шла через Невский проспект, а часть выходила на Дворцовую площадь через Александровский сад. Организаторы просили предоставить в распоряжение всю площадь, чтобы построить ряды по 40 человек для проведения выступления[603].

---

[597] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 46. Д. 349. Л. 7.
[598] ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1АР-103. Ед. хр.144684.
[599] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 37. Д. 418. Л. 3.
[600] Там же. Д. 1186. Л. 11.
[601] Там же.
[602] Там же. Оп. 25. Д. 2251. Л. 12.
[603] Там же. Оп. 37. Д. 418. Л. 5.

Среди первых номеров обычно ставились наиболее яркие. Также, в начале 1950-х гг. именно физкультурники несли портреты И.В. Сталина и В.И. Ленина[604] (позже скульптурная фигура Ленина стала открывать праздник, а уже за ней следовали знаменосцы – см., например, **приложение № 19**).

Помимо гимнастических упражнений, со второй половины 1950-х гг. физкультурный парад включал в себя различные трюки с использованием техники: «Причудливые сигарообразные автомашины на большой скорости ворвались на площадь. Это гоночные автомобили. И их водители представляют сегодня многотысячный коллектив любителей автомобильного и мотоциклетного спорта…», «Вот, на одном из мотоциклов вдруг возникла целая живая пирамида…», – докладывал диктор в репортаже с Дворцовой площади 1 мая 1958 г.[605] (см. аналогичное построение – **приложение № 20**).

Участниками этого шествия становились как профессиональные спортсмены, так и любители. В 1953 г. в основном это были студенты, и не только лесгафтовцы, но и учащиеся техникума трудовых резервов, техникума физкультуры, института им. Ленина, педагогического института им. Герцена, университета им. Жданова[606]. Наравне с ними участие принимали дети (80 детей с вольными упражнениями от Дворца пионеров и 400 девочек «в красивой школьной форме» от Отдела народного образования[607]). К концу же 1950-х гг. основную массу физкультурников стали составлять члены различных спортивных обществ («Труд» «Трудовые резервы», «Спартак»), профессиональные спортсмены, студенты Института физической культуры им. Лесгафта, члены различных кружков любителей спорта и т.д.

Подготовка к празднеству начиналась за несколько недель. Помимо тренировок и репетиций на подготовительном этапе крайне важно было определиться с внешним видом физкультурников – от этого фактора во многом зависело общее впечатление от их шествия. Регулярно возникала проблема с

[604] Там же. Оп. 25. Д. 2251. Л. 3.
[605] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 5-1. Д. 73. Л. 37.
[606] ЦГА СПб. Ф. Р-4765. Оп. 2. Д. 211. Л. 2–3.
[607] Там же.

изготовлением специальной формы: поскольку шествие должно было выглядеть красочно и ярко (в отличие от Сталинских парадов – когда физкультурники транслировали монолитность и единство – в том числе в форме одежды[608]), то необходимые костюмы, как правило, нужно было шить на заказ, что всегда было дорого. В 1953 г. районы должны были закупить для физкультурников футболки по 19 руб. за штуку, а на «низ» каждому рекомендовалось надеть свои темные брюки[609]. В 1960 г. на заседании первомайской комиссии отмечалось, что для изготовления спортивной формы необходим лимит в 1200 тыс. руб., и что нужные средства заложены в фонде, однако потратить их было невозможно («футболистов наших разденем»[610]). В мае 1960 г. в качестве формы для физкультурников предусматривались трикотажно-бумажные лыжные костюмы с начесом[611]. На следующий год городские власти обсуждали проблему с выделением 4 тонн пряжи для пошива костюмов[612]. Как видно, подход к этому вопросу менялся, разнообразие формы было следствием не только финансовых трудностей, но объяснялось и желанием разнообразить физкультурные парады, избежать повторения одного и того же из года в год.

Поскольку физкультурники в основной массе собирались у точки старта за 2-3 часа до начала шествия, Управление торговли города должно было организовать для них питание и горячий чай, «только без спиртного»[613]. По мере увеличения численности физкультурников возможность обеспечивать постановки полноценных номеров (раздевалки, горячий чай для всех и т.п.) значительно снижалась. Если к ноябрьским праздникам 1953 г. готовилось 1350 физкультурников (при этом одни лишь номера легкой атлетики занимали 25 минут)[614], в ноябре 1955 г. должны были участвовать 4000 человек[615], то 1 мая

[608] Барышева Е.В. «В веселом грохоте…». С. 109.
[609] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 25. Д. 2251. Л. 9–10.
[610] Там же. Оп. 37. Д. 1186. Л. 12.
[611] Там же.
[612] Там же. Оп. 41. Д. 258. Л. 17.
[613] Там же. Оп. 25. Д. 2251. Л. 6.
[614] Там же. Ф. Р-4765. Оп. 2. Д. 211. Л. 5.
[615] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 87. Д. 183. Л. 69.

1956 г. колонна физкультурников насчитывала 10 тыс. человек[616]. Такое же число их было в мае 1960 г.[617]

Тенденция к увеличению численности физкультурников парадоксальным образом связана с другой тенденцией – постепенным снижением их роли в праздниках. Если в 1930-е–1940-е, да и в начале 1950-х гг. спортивные представления – это «гвоздь программы» каждого массового торжества, то к концу 1950-х гг. они перестали занимать в нем центральное место. На совещании октябрьской праздничной комиссии в 1960 г. на вопрос об отсутствии в плане торжества парада физкультурников был дан ответ, что существует договоренность с горкомом КПСС проводить такие парады только весной[618]. Так, парады физкультурников в Ленинграде, за редкими исключениями[619], стали проводиться только на Первомай (в отличие от Москвы, где они были постоянны и 7 ноября). Очевидно, что данное решение было связано с погодными условиями, потому как промозглая ноябрьская погода совершенно не располагала к выступлениям в легких костюмах. Если на протяжении 1930-х–1950-х гг. здоровьем физкультурников пренебрегали ради идеологического эффекта, то с 1960-х гг. отношение к физкультурным парадам становилось более рациональным. Судя по фотографиям 1970-1980-х гг., выступления менялись и качественно: в эти годы уже не демонстрировали гимнастические пирамиды, сложные фигуры и упражнения, вместо этого были простые действия с разноцветными флагами (см. **приложение № 21**).

Также было сокращено и время проведения физкультурных шествий. Если в 1953 г. изначально выступление планировалось на 2 часа 30 минут[620] (однако, скорее всего, было значительно урезано по желанию городских властей), то в 1961 г. речь шла о 30 минутах[621], а при обсуждении плана проведения парада 1

---

[616] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 37. Д. 418. Л. 5.
[617] Там же. Д. 1186. Л. 13.
[618] Там же. Оп. 37а. Д. 7. Л. 2.
[619] Видимо, изредка физкультурные парады все же включались в программу ноябрьских демонстраций: в начале демонстрации 1982 г. диктор радиопередачи рассказывал о спортсменах в желто-синих и ярко-голубых костюмах с красными флагами, которые складывались в две огромные цифры «65» и «60» на фоне панорамы знамен. См.: ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-5. Д. 1481. Л. 68.
[620] ЦГА СПб. Ф. Р-4765. Оп. 2. Д. 211. Л. 4.
[621] Там же. Ф. Р-7384. Оп. 41. Д. 258. Л. 19.

мая 1962 г. звучало мнение, что и этого слишком много: «Физкультурники просят минут 30 с лишним. В комиссии было мнение – минут 15, максимум – 20»[622]. Таким образом, число физкультурников увеличивалось, а время их шествия уменьшалось. Это противоречие можно объяснить качественными изменениями физкульт-парада: из полноценного длительного выступления спортсменов, он превращался в прохождение по площади (такое же, как и прохождение военных или производственных коллективов), с одним лишь отличием – физкультурники демонстрировали простые упражнения на ходу. На этом примере наглядно видна тенденция к «массовизации» физкультуры (наиболее яркое развитие это получило в 1960-е–1970-е гг., когда сдача норм ГТО стала повсеместной и всеохватывающей). Каждый советский человек должен был быть физкультурником (и многие действительно были), поэтому физкультурные парады теряли то значение, которое имели в 1930-е гг.

На рубеже 1970–1980-х гг. значение физкультурных парадов, видимо, стало снижаться еще больше. Численность физкультурников в эти годы заметно уменьшилась: 1 мая 1982 г. в демонстрации участвовало около 2 тыс. спортсменов[623], 1 мая 1983 – около 900 человек[624], 1 мая 1984 – 1100 человек[625]. А с наступлением перестройки физкультурные парады и вовсе стали уходить в прошлое, 1 мая 1989 г., насколько можно судить, ленинградский Первомай впервые прошел без выступления физкультурников[626].

2.2.2. ДЕМОНСТРАЦИИ ТРУДЯЩИХСЯ

Порядок участия. Шествие демонстрантов традиционно организовывалось по районам, а внутри них – по колоннам от предприятий и учреждений (см., например, **приложения № 22, № 23**). Районы проходили в порядке очередей, закрепленных в планах демонстрации. (см., например, порядок 7 ноября 1963 г. – **приложение № 24**). Порядок прохождения, вероятно, обусловливался

[622] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 119. Д. 192. Л. 15.
[623] Вечерний Ленинград. 1982. 1 мая.
[624] Вечерний Ленинград. 1983. 1 мая.
[625] Вечерний Ленинград. 1984. 1 мая.
[626] Вечерний Ленинград. 1989. 2 мая.

промышленным значением: начинали шествие наиболее важные – заводские – районы: Выборгский, Кировский, Московский и некоторые другие, а во вторую очередь шли Ленинский, Фрунзенский, Куйбышевский и т.д.

Представители района строились по предприятиям, учреждениям и учебным заведениям, при этом соблюдая порядок цехов, отделов, курсов. В 1955 г. ширина колонны составляла 10 человек, прохождение было организовано в следующем порядке: 1) руководство района, плакат района, головной оркестр, районный отряд знаменосцев (12 рядов по 8 знамен, на каждое из которых по три человека – знаменосец и два ассистента), передовые предприятия и за ними остальные предприятия, учреждения, ВУЗы[627]. От каждой организации назначался ответственный и его заместители, а по флангам – звеньевые; все они должны были носить отличительную нарукавную повязку красного цвета[628]. В подобной строгости и четкости организации колонн невооруженным взглядом можно заметить аллюзии на военное построение. Демонстранты должны были выражать идею единения советского общества, поэтому вопросу их организованности уделялось особое внимание. На одном из заседаний праздничных комиссий организаторы призывали обращать на это особое внимание, «чтобы можно было видеть район, а не неорганизованную публику»[629].

Шествие обычно возглавлялось знаменосцами. Они несли не только знамя города, но и его награды, среди которых, например, в ноябре 1972 г. были: лента города-героя, лента ордена Ленина, символ второго ордена Ленина, лента ордена Октябрьской революции, лента ордена Боевого Красного Знамени, лента медали «За оборону Ленинграда»[630].

Нередко вместе со знаменосцами шествовали старые большевики (так было, например, в ноябрьской демонстрации 1963 г[631].), особенно после отмены физкультурных парадов на ноябрьских демонстрациях. Также иногда первыми шли Герои Социалистического Труда, так, согласно плану празднования 1 мая

[627] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 87. Д. 183. Л. 74–75.
[628] Там же.
[629] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 37. Д. 622. Л. 5.
[630] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-3. Д. 306. Л. 86–87.
[631] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 42. Д. 177. Л. 1.

1965 г., демонстрация должна была начинаться именно шествием их колонны[632]. В 1970–1980-е гг., сразу после знаменосцев, в числе первых шли учащиеся ПТУ[633].

Также шествие головной колонны нередко предварялось проездом автомобилей с разнообразными фигурами, портретами и т.п. Неизменное место в открытии праздников занимал образ Ленина. В 1960 г. ноябрьская демонстрация открывалась городским отрядом знаменосцев во главе со скульптурной фигурой В. И. Ленина на броневике в обрамлении знамен с портретами членами президиума ЦК КПСС[634]. За ними следовали работники предприятий, получивших звания коллектива коммунистического труда (что, вероятно, было связно с развернувшейся в 1959–1960 гг. кампанией социалистического соревнования за это почетное звание), далее следовали районные колонны. В мае 1961 г. к скульптуре Ленина на броневике добавился парящий по воздуху портрет вождя с подсветкой[635], размещенный на аэростате[636]. «Ленин на броневике» использовался и в последующие годы (см. **приложение № 19)**.

Одно из описаний ноябрьской демонстрации 1972 г. позволяет отчетливо визуализировать начало праздника: «Сейчас здесь, на площади, наступают самые волнующие минуты. Со стороны сада имени Горького по направлению к трибунам движется знаменитый ленинский броневик. На нем – фигура Ильича. Точь-в-точь такая же, как на площади у Финляндского вокзала. Все это на фоне массы людей, знамен и цветов. Будто ожила страница истории, когда вождь пролетариата, навсегда вернувшийся в Россию, провозгласил свой пламенный лозунг: “Да здравствует социалистическая революция!”... За броневиком едут мотоциклы. На них – стяги с барельефами Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Владимира Ильича Ленина... На специальной платформе – Государственный Герб СССР в окружении флагов 15-ти союзных республик».

---

[632] Там же. Д. 833. Л. 4, 13.
[633] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-5. Д. 1480. Л. 23.
[634] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 37а. Д. 7. Л. 19.
[635] Там же. Оп. 41. Д. 258. Л. 5.
[636] Там же. Л. 14.

А, например, 1 мая 1982 г. первой ехала машина с огромным лозунгом «Пусть вечно реет ленинское знамя!», потом автомобили с портретами: В. И. Ленина, К. Маркса, Ф. Энгельса, Л. И. Брежнева[637]. В том же году головная колонна была не одна, а несколько, они входили на площадь с трех сторон – с Невского, с Адмиралтейского проспекта и с Дворцового моста (всего полторы тысячи человек)[638]. А для проведения Первомая 1984 г. даже была начерчена схема прохождения головной и последующих колонн (см. **приложение № 25**).

Прохождение головной колонны должно было быть торжественным, а также символизировать успехи и достижения города и его жителей. Именно поэтому в ее составе проходили герои, ветераны, передовики. Вынос знамен и наград города впереди основной массы демонстрантов подчеркивал важность служения общему делу, первенство коллективных успехов перед индивидуальными.

Однако на рубеже 1970–1980-х гг. в прохождение головных колонн все чаще включались элементы театрализации и само оно стало преподноситься как «театрализованное шествие-представление», в котором участвовали также и спортсмены, учащиеся ПТУ, пионеры и школьники[639]. Должно быть, это несколько снижало «градус» идейности в угоду зрелищности, что говорит о продолжении отмеченной выше тенденции к демократизации массовых праздников.

Организованность демонстрации. Шествие колонн демонстрантов было подвержено строгому порядку, чтобы колонну нельзя было ни покинуть, ни примкнуть к ней посторонним. Именно поэтому привлекались работники милиции и военнослужащие в качестве своеобразного конвоя. Этот факт мог вызывать у некоторых людей недовольство, несколько омрачая атмосферу всеобщего единения. По всей видимости, при обеспечении правопорядка использовались также служебные собаки (поскольку в мае 1961 г. отдельно

[637] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-5. Д. 1480. Л. 21.
[638] Там же. Л. 23.
[639] Там же. Ф. Р-778. Оп. 1. Д. 5. Л. 48.

оговорено было решение их не выводить[640]). Подобная строгость оборачивалась трудностями не только для шествующих вне колонн ленинградцев, но и для самих участников демонстрации. В апреле 1953 г. праздничная комиссия даже обсуждала вопрос об изготовлении специальных пропусков для физкультурников – так как милиция зачастую их задерживала и не давала пройти к месту сбора[641]. В 1960 г. ставился вопрос о снятии на Невском проспекте части милицейских ограничений, которые мешали демонстрантам присоединиться к своим колоннам[642]. Достаточно строгое регламентирование и «всенародное празднование» тяжело уживались друг с другом. Ввиду ограниченной численности сотрудникам правопорядка обеспечить весь маршрут движения не всегда было по силам (отряды милиции были расставлены до Фонтанки[643]). Да и сложно представить, чтобы более чем 100-тысячное шествие можно было строго регулировать (см. **приложение № 26**).

Но для городских властей было важно обеспечить строгий «порядок». Помимо соображений безопасности, логика организаторов заключалась, видимо, в том, что дать людям свободу в движении означало нарушить иллюзию идеально организованного единения, руководимого партией, которое и должна была символизировать демонстрация. Сокрушаясь по поводу невозможности соблюдения этой иллюзии, глава исполкома Ленгорсовета Н. И. Смирнов возмущался: «Получается, что в праздничные дни организованного порядка нет, и власти в городе нет…»[644]. Тем не менее, попытки организовать «заслоны» и «коридоры» от непрошеной публики предпринимались регулярно. На военный манер пытались сорганизовать и самих шествующих: однако фланговые и линейные, которые должны были контролировать порядок прохождения района, не справлялись со своими функциями[645].

---

[640] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 41. Д. 258. Л. 19.
[641] Там же. Оп. 25. Д. 2251. Л. 6.
[642] Там же. Оп. 37. Д. 1183. Л. 8.
[643] Там же. Д. 622. Л. 4.
[644] Там же.
[645] Там же. Оп. 25. Д. 2594. Л. 16.

Властям приходилось капитулировать в своем желании обеспечения железной дисциплины в ряде вопросов. «Будет молодежь, они хотят посмотреть руководителей и задерживаются около трибуны, а толкать их в спину: “проходи” – не можем, ведь это демонстрация, а не марш-парад…», – оправдывался один из милицейских начальников И. В. Соловьев[646].

Также Управление милиции при участии войск, курсантов училищ и школ обеспечивало охрану правопорядка и во время самой демонстрации, и после нее, включая народные гуляния и дежурства на улицах. В 1950 г. для этого было задействовано 10 тыс. человек[647]. Начальник Управления милиции Соловьев сообщал: «Праздничная зона будет оцеплена… На улицах будут поставлены 300 машин и живая сила милиции. На всю ночь 7-го будет выставлен усиленный наряд, особенно в районе площади. На Дворцовой площ[ади] будет 800 чел. милиции… Во всех районах будут наши товарищи, независимо от любой организации, на торжественных собраниях. В места подозрительного проявления посылаем милицию и сотрудников в штатском»[648]. Охрана общественного порядка была особенно важна в достаточно неспокойные 1950-е гг., когда сохранялся общий высокий уровень преступности.

Кроме того, милиция следила за тем, чтобы не происходило идеологических «диверсий», провожала домой пьяных[649], которые могли испортить впечатление от праздника и т.п. В перестроечные годы, когда монополия властей на идеологическое содержание праздников пошатнулась, особо оговаривалось, что необходимо принимать меры по предупреждению попыток «экстремистски настроенных групп использовать демонстрацию в антиобщественных целях»[650]. В условиях социальной напряженности участие в позднеперестроечных демонстрациях альтернативных колонн (Ленинградского народного фронта и других «демократических» сил) повышало опасность открытого конфликта, однако каких-либо серьезных прецедентов, видимо, все-таки не случалось.

---

[646] Там же. Оп. 37. Д. 622. Л. 5.
[647] Там же. Оп. 29. Д. 565. Л. 5.
[648] Там же. Л. 6.
[649] Байбурин А.К., Пиир А.М. Указ. соч. С. 253.
[650] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 249. Д. 35. Л. 7.

Последний проведенный советский Первомай в Ленинграде 1991 г. и вовсе проходил без милиции. «Известия» писали: «В Ленинграде в отличие от предыдущих первомайских праздников на сей раз горожане не встретили на Невском проспекте и других центральных магистралях привычных заграждений и милицейских кордонов...»[651]. И масштаб торжеств был уже не тот, и, вероятно, местные власти хотели продемонстрировать свою демократичность.

Внешний вид демонстрации. Для оформления колонн разрешалось использовать все цвета, кроме черного, коричневого и желтого[652] (очевидно, чтобы не было даже намека на цвет нацистов – «коричневорубашечников», и черно-желтые имперские флаги России и Германии). Также запрещалось сшивание разноцветных материалов для оформления[653].

Акценты в тематическом оформлении демонстрации зачастую были связаны с определенной основной темой. В 1953 г., как отмечалось выше, таковой была идея «изобилия». А в 1960 г. одной из центральных «тематик» годовщины Октября стала тема «борьбы советского народа и коммунистической партии за мир»[654]. Это нашло отражение и в оформлении. Как говорилось на одном из заседаний праздничной комиссии, «надо по типу Москвы взять машины и оформить их, предположим, глобусом и макетом, как представитель африканского материка рвет цепь, ну и что-то подобное…»[655]. Похожие декорации использовалось и во все последующие годы, включая перестроечные (см. **приложения № 27, № 28, № 29**).

В оформлении колонн демонстрантов традиционно использовались лозунги, транспаранты, портреты, знамена и т.д. «Над головами людей тысячи разноцветных шаров, уже распустившиеся ветви деревьев, цветы, флаги. И лозунги, лозунги, лозунги…», – так описывалась первомайская демонстрация 1972 г. в радиотрансляции праздника[656]. Несмотря на то что колонны

---

[651] Известия. 1991. 2 мая.
[652] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 87. Д. 183. Л. 74.
[653] Там же.
[654] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 37а. Д. 7. Л. 10.
[655] Там же. Оп. 37. Д. 1183. Л. 9.
[656] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-3. Д. 305. Л. 38.

демонстрантов должны были отражать единение, в 1950-е гг. поощрялась и идея разнообразия (разнообразия в единении). Предлагались идеи, как украсить и разнообразить оформление колонн. Например, при подготовке к годовщине революции в 1960 г. было предложено изготовить каждому району макеты, которые «говорили бы о характере продукции, выпускаемой тем или иным предприятием»[657], то есть наглядно отразить «специализацию» районов. Отметим, что до этого, в середине 1950-х гг., впереди колонн несли «четко и хорошо художественно-исполненные плакаты с наименованием предприятий, учреждений и учебных заведений»[658].

Даже когда денег на оформление выделялось достаточно, районные комиссии встречались с трудностями. Так, к началу 1960-х гг. в оформлении помимо кумача, миткаля, майи и других дешевых тканей использовались, пусть и в небольших количествах, шелк и бархат, которые было крайне трудно достать[659]. Можно говорить о том, что до масштабной замены праздничных декораций в 1960 г., колонны украшались всем, чем придется. Это красноречиво подтверждает следующий комичный эпизод, произошедший на заседании октябрьской комиссии 1960 года. Призывая районы города обратить самое пристальное внимание на знамена, заведующий идеологическим отделом горкома КПСС Ю. А. Лавриков утвердил их приемку на самом высоком уровне: «Мы будем… принимать эти знамена, и если будут такие знамена как в прошлый раз: “Все на борьбу с Деникиным” или им подобные, то мы будем эти знамена отбирать и привлекать к ответственности за то, что выпустили их…»[660].

Высокое символическое значение и пафос, связанные со знаменами и портретами вождей, натыкались на чисто прозаическую проблему: после окончания демонстрации их нужно было куда-то девать, а возвращаться через весь город в родной район, да еще с «палкой» в руках, имели желание далеко не все. Ленинградский журналист В. И. Тюев в дневниках отмечал, что на некоторых

[657] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 37а. Д. 7. Л. 6.
[658] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 87. Д. 183. Л. 74.
[659] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 37. Д. 1186. Л. 8.
[660] Там же. Д. 1183. Л. 10.

предприятиях давали отгулы или платили деньги за то, что работники несли транспаранты и портреты, а также обеспечивали их сохранность (поскольку нередко после демонстрации их выкидывали)[661]. Но нужно отдать должное ленинградским властям, для решения этой проблемы, согласно плану ноябрьской демонстрации 1956 г., была организована подача машин под знамена[662]. Теперь празднующие могли легко и легально избавиться от лишнего «груза», и продолжить праздник уже по своему собственному маршруту.

В 1960-1980-е гг. для оформления, а также, вероятно, и для дальнейшей погрузки знамен, стали использоваться грузовики. Они возглавляли колонны районов, а также отдельных предприятий, провозя их наименования; на них размещались разнообразные макеты и инфографики (см. **приложения № 28, № 29**). Один из оформителей колонны объединения «Электросила» Н. И. Прохоров так описывал ее внешний вид в радиотрансляции 7 ноября 1982 г.: «Оформление многотысячной колонны электросиловцев разнообразно и красочно. Имеются две тематические машины. Одна, которая уже давно выводится на демонстрацию, показывает гидрогенератор, а на красном полотнище, которое обрамляет гидрогенератор, показывается то, что достигли электросиловцы… Большое внимание уделяется также, чтобы колонна имела большое эмоциональное воздействие: много цветов, воздушных шаров, флажков, которые придают колонне праздничный, торжественный вид»[663]. Казалось бы, рецепт удачного украшения прост: отразить специализацию своей организации или района, активно использовать цветы, флажки и прочие атрибуты праздника. Однако сохранившиеся в коллекции альбомов и наглядно-агитационных документов ленинградских партийных организаций, любопытные фотодокументы с комментариями профессионала-оформителя показывают, что существовало немало тонкостей. Так, среди проблем он отмечает в подписи к одной из фотографий 1980-х гг.: «Обычная картина – шары закрывают все. Это общая

[661] Тюев В.И. Указ. соч. С. 146.
[662] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 92. Д. 210. Л. 26.
[663] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-5. Д. 1481. Л. 83–84.

тенденция как следствие несрежиссированности»[664]. В качестве решения он предлагает обратить внимание на разную скорость движения колонн, а также высоту размещения тех или иных украшений, развитие «второго яруса демонстрации»[665]. Среди прочих неудач он отмечает неправильное масштабирование в оформлении (на фотографии изображен макет жилых домов в колонне одного из строительных мероприятий), «тяжесть» и «глухость» объема некоторых используемых конструкций, слишком темные цвета и неаккуратные склейки конструкций (видны швы)[666]. Также он говорит о том, что нельзя использовать ленинградские пейзажи в качестве фона (на макете размещалась большая коллективная фотография, видимо, передовиков, приклеенная на изображение Дворцовой набережной), поскольку «это очень напоминает альбомы “В память о…”»[667]. В праздник, как уже отмечалось выше, нельзя было допускать даже малейшей двусмысленности. Зрителям полагалось видеть успехи и достижения, буйство красок и украшений, при этом важно было сохранить информативность и понятность, чтобы было видно – представители какого района и организации идут и о каких конкретно трудовых победах отчитываются.

Число участников и длительность демонстрации. Решение вопроса о численности участников демонстраций довольно проблематично, поскольку точный учет почти никогда не велся, и встречающиеся в архивных документах цифры, на наш взгляд, оценочны и приблизительны. К этому стоит добавить и тот факт, что помимо демонстрантов, в празднике участвовали и горожане, вышедшие на улицу «в частном порядке». Тем не менее, по имеющимся цифрам можно отметить некоторые тенденции.

В справке от 21 апреля 1953 г., адресованной секретарю горкома КПСС Н. Г. Игнатову, председатель исполкома Ленгорсовета П. Ф. Ладанов приводил цифры участия населения в ноябрьской демонстрации 1952 г.: всего 772 тыс.

---

[664] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-9388. Оп. 1. Д. 89. Л. 1 об.
[665] Там же. Л. 1 об., 6 об.
[666] Там же. Л. 2, 2 об., 7 об., 9 об.
[667] Там же. Л. 13, 13 об.

человек[668]. В том же архивном деле находятся два доклада Ладанова, в которых он сообщал, что «целесообразно» вывести на первомайскую демонстрацию 1953 г. по 10 тыс. от каждого района (т.е. всего около 150 тыс. чел.) – в первом докладе[669], либо по 15 тыс. от каждого района (около 225 тыс. чел.) – во втором[670]. Какой вариант в итоге был утвержден, неизвестно (в «Последних известиях» говорилось о 350 тыс.[671]), однако налицо заметное сокращение числа демонстрантов. Миллионные шествия, характерные для 1930-х гг., уходили в прошлое (по статистике ОГПУ, которую приводит Е. В. Барышева, 7 ноября 1934 г. в ленинградской демонстрации участвовало 1,5 млн. чел.[672]).

В последующие годы в Ленинграде установилось относительно постоянное число участников демонстраций – около 10 тыс. человек от каждого района. Так было и в мае 1957 г., когда утверждённое число составляло по 10–12 тыс. человек, но при этом отмечалось, что на практике от отдельных районов могло выйти и 18 тысяч[673]. На заседании ноябрьской праздничной комиссии 1963 г. предлагалось определить количество демонстрантов в зависимости от численности населения в каждом районе[674], однако неизвестно, было ли принято это предложение.

В любом случае общее количество демонстрантов составляло не более полумиллиона (а более вероятно – около 150–200 тыс.), что в несколько раз ниже в сравнении со сталинским периодом. Как кажется, главная цель уменьшения числа демонстрантов состояла в сокращении длительности официальной части праздника. Утомительность шествий, доходивших в сталинские времена до шести часов[675], была очевидна и для властей. Перемены в этой сфере не заставили себя долго ждать, с сокращением численности участников – сократилось и время их прохождения. Так, Первомай 1953 г. начинался в 10:00 парадом войск, затем следовало шествие физкультурников и районных колонн, вся демонстрация, по

[668] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 64. Д. 257. Л. 5.
[669] Там же. Л. 4.
[670] Там же. Л. 5.
[671] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 2-3. Д. 4616. Л. 7.
[672] Барышева Е.В. «В веселом грохоте…». С. 189.
[673] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 37. Д. 622. Л. 4–5.
[674] Там же. Оп. 42. Д. 177. Л. 11.
[675] Барышева Е.В. Советский государственный праздник... С. 309.

пожеланию бюро горкома КПСС Ленинграда, должна была закончиться уже к 13:30, «чтобы дать возможность трудящимся отдохнуть»[676].

В первой половине 1960-х гг. средняя численность ленинградских демонстрантов, по данным газет, составляла около 400 тыс. чел[677]. Эти цифры выглядят вполне реалистичными (в соотношении с ростом численности населения города), однако могут быть несколько завышены.

Со второй половины 1960-х гг. соответствующие данные перестали публиковаться в центральных газетах. Можно предположить, что это было связано с продолжением тенденции на снижение численности демонстрантов. В то время как местные газеты, например, «Вечерний Ленинград», в заметках о проведенных демонстрациях на Дворцовой, писали о численности, сопоставимой со сталинским периодом, вероятно, сильно ее завышая. Единственным более или менее достоверным и имеющимся в нашем распоряжении источником являются отчеты Отдела массовых праздников. Однако в них оценивалось, как правило, не число демонстрантов, а общее число посетивших праздник в целом и вечерние гуляния, или, как в 1980-е – число зрителей шествия театрализованного шествия головной колонны (т.е. гостей трибун, число которых всегда было более-менее стабильно и составляло около 10 тыс. чел.[678], для которых изготавливались специальные пропуска). Сопоставление данных о численности демонстрантов из разных источников позволяет выявить два существенных отклонения. Первое – заметное сокращение численности с весны 1953 г., о котором говорилось выше и которое мы связываем с «демократизацией» массовых праздников. Второе – изменение формата оценки участвующих и соответствующей численности на рубеже 1970–1980-х гг.: от оценки в «миллионы» посетивших праздники 1970-х гг.[679] Отдел массовых праздников перешел к тысячам зрителей шествия головной колонны и десяткам тысяч участников вечерних гуляний. Налицо более адекватная форма оценивания и, видимо, более соответствующая

[676] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 25. Д. 2251. Л. 8.
[677] Вечерний Ленинград. 1963. 3 мая; 1964. 9 ноября; 1965. 3 мая.
[678] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-778. Оп. 1. Д. 5. Л. 120.
[679] Там же. Л. 107.

действительности оценка. Цифры 1970-х гг., вероятно, значительно завышены, да и как можно было посчитать «побывавших на улицах города в течение дня», остается вопросом. Оба отклонения, таким образом, говорят об одной и той же тенденции – общем снижении числа вовлеченных в массовые праздники, которое к середине 1980-х гг., вероятно, достигло минимума. В. М. Бузинов, наблюдавший ленинградские демонстрации своими глазами из радиостудии на Дворцовой площади, писал: «Малочисленными и серенькими текли через Дворцовую последние предперестроечные демонстрации»[680].

Однако в пропаганде, как и прежде, подчеркивался всеохватывающий характер праздника и его массовость. Об этом тропе праздничной пропаганды подробнее речь пойдет в третьей главе, здесь приведем лишь один пример. В тексте радиотрансляции 1982 г. редактор исправил одну из, казалось бы, малозначительных фраз: «Из многих районов города пролегли сюда маршруты первомайскую колонн» – было написано изначально; «Из всех районов города…» – стало после правки[681].

В перестроечные годы в СМИ уже не скрывали того, что в празднике участвовали не все. Так, 2 мая 1989 г. «Известия» писали о ленинградском Первомае: «Немногочисленной выглядела колонна одного из крупных в городе районов Кировского. Все трудовые коллективы Нарвской заставы, ее жители решили провести свою манифестацию на месте первой петербургской маевки. Здесь и состоялся митинг. Затем центр праздника переместился на площадь Стачек, где десятки тысяч людей приняли участие в карнавальном театрализованном действе…»[682]. Массовый праздник стал дробиться на локальные. В Первомай 1990 г. уже не Дворцовая площадь являлась центром праздника – после дебатов в Ленсовете было принято решение проводить манифестации по районам. Корреспондент «Известий» В. Невельский писал: «Немало изобретательности пришлось проявить районным властям, чтобы скрасить непривычную для горожан будничность Дня международной

[680] Бузинов В.М. Указ. соч. С. 227.
[681] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-5. Д. 1480. Л. 20.
[682] Известия. 1989. 2 мая.

солидарности трудящихся. Во всех районах города прошли народные гулянья. А центром Первомая стала, по сути, Нарвская застава»[683]. Дебаты шли и относительно вопроса о том, проводить ли ноябрьскую демонстрацию 1990 г. Решение было принято положительное, однако последняя официально проведенная годовщина ВОСР на Дворцовой прошла противоречиво. «Собираясь принять участие в октябрьской демонстрации, ленинградцы должны были сделать определенный политический выбор. Большая часть горожан – а таких, согласно социологическому опросу, было 38 процентов – примкнула к четырем колоннам, сформированным по инициативе обкома КПСС, Леноблсовпрофа, обкома ВЛКСМ и совета ветеранов войны и труда. Демонстранты прошли определенными заранее маршрутами и вышли на Дворцовую площадь, где состоялся массовый митинг», – писали «Известия»[684]. Число колонн, как видно из приведенной цитаты, таким образом было снижено в 4–5 раз (ранее колоны формировались по районам), очевидно, была невысокой и численность участников – всего чуть более трети жителей. К тому же после официальной демонстрации на площади была проведена «альтернативная», в которой участвовали участники «демократических сил».

Последний проведенный в Ленинграде Первомай (1991 г.) был отмечен очень скромно: «Не полощутся кумачовые полотна на невских набережных. И вообще с утра Первого Мая город словно бы притих и вымер, не было привычной празднику суматохи и оживления. Только к одиннадцати часам на Дворцовую площадь подошли колонны манифестантов из нескольких районов города: Выборгского, Кировского, Дзержинского, Приморского...»[685]. Массовые праздники, таким образом, проходили тот же путь, что и страна, и на закате существования СССР переживали те же проблемы: разобщенность, дезорганизацию, отторжение коммунистической идеологии (которая была их существенной и органической частью).

---

[683] Известия. 1990. 1 мая.
[684] Известия. 1990. 7 ноября.
[685] Известия. 1991. 2 мая.

Шествия и карнавалы. Е. В. Барышева в своей книге приводит цитату 1930-х гг., которая в афористичной форме показывает два идейных подхода к демонстрации: что демонстрировать – единство или многообразие[686]? Если в 1930-х гг. подход к массовым праздникам строился обычно на идее единства (первостепенную важность в праздничной хореографии составляли строгость и синхронность движения, обычно одноцветная форма для физкультурников и т.п.), то после 1953 года, как показывают наши наблюдения, росла тенденция к демонстрированию многообразия. Включение в колонны баянистов, плясунов, затейников, а также обеспечение песенного репертуара для шествующих естественным образом нарушало монолитность строя. Образно говоря, колонны демонстрантов должны были смотреться теперь не как строй военных, а как участники карнавала, поющие и танцующие на ходу.

О нетипичных формах праздничного действа, таких как шествия и карнавалы, стоит сказать подробнее. Они были популярны в 1920-е гг., когда праздничный канон только формировался. В коллективной монографии 1926 г. под названием «Внешний быт массового праздника» можно встретить описание множества подобных театрализаций или карнавальных элементов ленинградских демонстраций того времени. Например, описание «Комеди малодецкой про Петрушку Советского», поставленной Единым Художественным Кружком Ленинградского Политехнического Института. Состав действующих лиц весь подобран к «текущему моменту»: Дед Пахом, Красноармеец, Уркварт, пан, эсдек, помещик Фош, Усас, и, наконец, сам Петрушка. Вся «Комедь» разбита на 4 этюда и концовку («Из разговоров с друзьями», «Кузькина мать», «Помни о Доброхиме», «Помни о МОПРе» и концовка). Каждый эпизод анонсировался специальным плакатом. Среди аксессуаров: 3 маски противогаза, винтовка, палка, сабля, крест и розги; эффекты; дым (удушливые газы) и выстрелы; аккомпанемент – гармоника; костюмы и грим. Описанная «Комедь» была поставлена несколько раз в виде фургонного действия во время демонстрации[687].

---

[686] Барышева Е.В. «В веселом грохоте…». С. 109.
[687] Извеков Н.П. 1 мая 1925 г // Внешний быт массового праздника. С. 121–122.

Кроме подобных мини-спектаклей, по ходу шествия также нередко разыгрывались отдельные мизансцены, «живые картины», иногда шествующие просто были наряжены в костюм какого-либо персонажа и должны были общаться с публикой. Часто акценты делались на комедийной составляющей, поэтому среди главных карнавальных персонажей были враги советской власти: попы, «буржуи», «Капитал», антисоветские политические деятели и т.д. Как правило, подобные инсценировки разыгрывались на движущихся повозках или машинах. Иногда действие разворачивалось и за пределами машины, как бы в двух планах, так, в одной из инсценировок один герой–рабочий помещался в доме, построенном на авто, а герой, изображавший «буржуя», бежал сзади автомобиля[688]. В ноябрьской праздничной радиотрансляции 1982 г. диктор рассказывал: «Мы помним и красного командира на горячем коне, и молодых физкультурниц в чуть мешковатых костюмах, и установленную на платформе допотопного грузовика карикатурную фигуру капиталиста из папье-маше, по цилиндру которого бьет молот освободившегося от цепей пролетария... Помним мы и Петроград, превратившийся в огромную сценическую площадку революционной мистерии…»[689]. Широко используемые в 1920-е гг. карнавальные элементы, фактически воплощающие смеховую составляющую празднеств, были сведены на нет и практически не использовались до середины 1960-х гг.

Возрождение традиции имело несколько воплощений: во-первых, в творческих поисках идей встречи юбилея Октября 1967 г. одной из секций Всероссийского театрального общества; во-вторых, в «новых» праздниках, тематических праздниках и фестивалях (спортивных, школьных, театральных и т.п.).

Для подготовки к полувековому юбилею Октября в 1960 г. начала свою работу Лаборатория массовых праздников и зрелищ ВТО. Изучая и обобщая опыт лучших праздников и представлений прошлых лет, в том числе легендарной

[688] Авдеев А.Д. Октябрь 1924 года // Внешний быт массового праздника. С. 101.
[689] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-5. Д. 1481. Л. 83–84.

постановки Н. Н. Евреинова [690], эта лаборатория ставила целью теоретическое осмысление советских торжеств[691]. Ленинградскую секцию возглавлял известный режиссер Н. В. Петров. Первая попытка возродить карнавалы была осуществлена в ходе подготовки пятидесятилетнего юбилея революции, когда в 1964 г. был объявлен Всесоюзный фестиваль театрализованных праздников под названием «Навстречу великому 50-летию»[692]. Победителями стали две постановки: московская и ленинградская – гуляние «Космический карнавал», поставленное С. В. Якобсоном в ЦПКиО им. С. М. Кирова на Елагином острове 25 июня 1964 г.[693] Опыт, полученный в ходе этой постановки, лег в основу будущего ноябрьского карнавала 1967 г.

Согласно плану подготовки и проведения 50-летия Октября, «общегородское праздничное карнавальное шествие» было назначено на 15:00 8 ноября[694] (у Е. А. Слесаря временем начала значится 16:00[695]). Идея переноса шествия на следующий после основного торжества день была компромиссом, на который пошел С. В. Якобсон, потому что, как справедливо отмечает Слесарь, «вписать элементы карнавала в титульные торжества означало бы сбить их героический регистр»[696]. Идея шествия заключалась в следующем: более ста украшенных в стиле повозок-пенджент машин двигались через весь город от стадиона им. Кирова к Дворцовой площади и Петропавловской крепости. Процессия состояла из пяти колонн, каждая из которых отражала свою мысль: первая открывала шествие и оповещала о начале праздника, вторая была посвящена событиям 1917 г. и Гражданской войны, третья отражала успехи Советского государства в годы коллективизации и индустриализации, четвертая рассказывала о тяжелых и героических годах Великой Отечественной войны,

---

[690] «Штурм Зимнего» – постановка режиссера Н.Н. Евреинова, проведенная в 3-ю годовщину революции 7 ноября 1920 г. Была одной из самых масштабных праздничных постановок СССР того времени: в качестве сценической площадки использовалась Дворцовая площадь, в массовке было задействованы несколько тысяч ленинградцев.
[691] Слесарь Е.А. Указ. соч. С. 29.
[692] Там же. С. 122.
[693] Там же. С. 123.
[694] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 42. Д. 1716. Л. 6.
[695] Слесарь Е.А. Указ. соч. С. 207.
[696] Там же. С. 207.

последняя – о современности[697]. Актеры, наряженные в соответствующие показываемому времени костюмы, разыгрывали сценки (например, в финале картины «Кого мы били» на штыки винтовок нанизывались фигуры врагов советского государства, в том числе интервентов, нэпманов и др.), пели революционные песни, на машинах размещались исторические лозунги, призывы и т.п. При этом «негативные фигуры» были характерны исключительно для прошлого: «постепенно игровое пространство освобождалось от вражеского присутствия, становясь местом, очищенным от любых форм антагонизма и несогласия»[698]. Символический перечень советских героев завершался теми, кому еще предстояло стать таковыми – детьми.

Проведенный карнавал, несмотря на очевидный успех идеи и положительные отзывы, не стал образцом для воспроизведения в последующие годы. Сатирическая составляющая, присущая карнавалу, тем не менее, воплощалась в последующие юбилеи Октября в отдельных элементах вечерних гуляний: например, в 1987 г. гуляния 7 ноября на Дворцовой начинались с театрализованной части, где среди прочего были и цирковые выступления, и номера известного клоуна Полунина, а также «сатирпарад»[699].

Также, возможно, именно карнавал вдохновил организаторов на использование более «демократичных» форм массового праздника – таких как шествия. Так, в Ленинграде, после «возвращения» Дня Победы в 1965 г., сложилась традиция прохождения ветеранов по городу 9 мая. В справке начальнику Управления культуры С. И. Тулупников так описывал праздник Победы 1975 г.: «Тысячи ленинградцев горячими аплодисментами наградили ветеранов Великой Отечественной войны, которые вместе с оркестром Ленинградского гарнизона прошли по Невскому проспекту… Шествие закончилось на Дворцовой площади, где состоялся большой праздничный концерт для воинов-ветеранов войны и ленинградцев»[700]. Подобные шествия

[697] Там же. С. 207-220.
[698] Там же. С. 221.
[699] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-778. Оп. 1. Д. 114. Л. 7.
[700] Там же. Д. 5. Л. 19.

организовывались регулярно, в отличие от военных парадов. Как это выглядело в 1989 г., можно увидеть в приложениях (**приложение № 30**).

Кроме того, в 1970–1980-е гг. увеличилось число профессиональных и спортивных праздников, разнообразных фестивалей, многие из которых включали в себя и карнавальные элементы. Например, в ходе встречи Олимпиады-80 в Ленинграде был организован праздник с проездом кортежей и эстафетой олимпийского огня[701], частью городской новогодней программы 1987 г. было театрализованное представление на Невском проспекте «Проводы 1986 года»[702] и т.п. Кроме того, как театрализованные стали позиционироваться и традиционные праздничные концерты в БКЗ «Октябрьский», и прохождения головных колонн демонстрантов на 1 мая и 7 ноября. Однако карнавальные элементы в приведенных примерах представлены весьма фрагментарно, вероятно, власти все же опасались таких форм гуляний, которые было сложно контролировать, к тому же и их идейность вызывала вопросы. Это вполне осознавалось и организаторами праздников. Так, о причинах переноса «Алых парусов» с набережной Невы на ленинградские стадионы С. И. Тулупников писал: «Известный положительный опыт организации этого театрализованного массового мероприятия имел и отрицательные явления, среди которых наиболее неблагоприятное связано с моментами стихийного превращения традиционного праздника выпускников школ и ПТУ в общегородское гуляние молодежи»[703].

Участие детей. Отношение к участию детей в праздниках менялось год от году. В первое послевоенное время их вовлеченность поощрялась, они были важной частью и парада физкультурников, как отмечалось на заседании комиссии по организации физкультурного шествия: «Дети украшают любой праздник»[704]. В то же время участие детей младшего возраста в демонстрации воспрещалось, участвовать могли только школьники, начиная с 8 класса[705]. Исключение

[701] Ломакин А.В. Ленинград встречает Олимпиаду-80. Справка Отдела массовых праздников о мероприятиях Олимпиады, проводимых в Ленинграде (к 45 летию XXII летних Олимпийских игр) // Информация–Коммуникация–Общество. 2025. Т. 1. С. 248.
[702] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-778. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.
[703] Там же. Л. 162.
[704] ЦГА СПб. Ф. Р-4765. Оп. 2. Д. 211. Л. 4.
[705] Там же. Ф. Р-7384. Оп. 25. Д. 2251. Л. 6.

составляли сводные колонны пионеров, открывавшие демонстрации наравне с физкультурниками[706]. Вопрос участия детей обычно не обсуждался, в 1950–1960-е гг., вероятно, школьники почти не принимали организованного участия в демонстрации (например, со своими классами и школой), за редкими исключениями. Так, в 1956 г. на 1 мая предлагалось организовать колонны десятиклассников для шествия вместе со своим районом[707]. В 1960 г. было решено вовсе не выводить школьников на годовщины ВОСР, учитывая неудачный опыт ввиду плохой погоды[708]. Однако в 1971 г., при обсуждении подготовки ноябрьского праздника упоминалось, что прохождение школьников уже стало традицией и в 1971 г. школьники пойдут колоннами вместе со своими районами[709]. Тогда же было решено, что пройдет и сводная колонна учащихся. Вероятно, во второй половине 1960-х гг. участие школьников стало постоянным.

В 1970-е гг., когда получил распространение формат «включений» из колонн демонстрантов, корреспонденты ленинградского радио нередко беседовали и с детьми. Так, тема детства наглядно отражена в тематической рубрике Первомая 1982 г., которую автор Б. Марков назвал «Им шагать в завтра». Диктор рассказывал: «Вглядываясь в праздничные колонны, невольно обращаешь внимание, как много сегодня на Дворцовой детей, как много здесь неподдельно восторженных, восхищенных и светлых ребячьих лиц. Многие из ребят, может быть, сегодня впервые приобщились к весеннему и всеобщему торжеству взрослых, чтобы в памяти своей унести на многие годы вперед светлое впечатление о вечном Первомае…»[710]. В этом отрывке прослеживается важная функция праздника – функция социализации. Первое присутствие на торжестве выступает в качестве приобщения к миру взрослых, притом что сам праздник – Первомай – называется «вечным».

Очевидно, дети даже в большей степени, чем взрослые, включались в предпраздничную подготовку. Каждая школа готовилась к массовому празднику

[706] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 87. Д. 183. Л. 75.
[707] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 37. Д. 418. Л. 6.
[708] Там же. Д. 1183. Л. 8.
[709] Там же. Оп. 46. Д. 349. Л. 3.
[710] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-5. Д. 1480. Л. 78.

по собственному плану, включавшему детские утренники и вечера, проводимые при помощи старшеклассников, главным образом – комсомольцев; в классах мастерили разнообразные поделки, учили стихи и песни, готовили концерты. Существовали и свои детские мобилизационные кампании. Так, ленинградскими пионерами, участниками экспедиции «Мое Отечество – СССР», к 1 мая 1972 г. было создано более пятисот музеев и уголков боевой славы в школах, заработано более двадцати тысяч рублей для передачи на строительство Дворца пионеров на Чукотке. Среди успехов пионеров Ленинграда называлось и рождение движения «Пионерстрой», которое вскоре распространилось на весь Советский Союз[711].

В 1950-е гг. детские мероприятия иногда проводились и в сам день торжества: утренники и следовавшие за ними до 9 часов вечера массовые мероприятия шли фактически непрерывно[712]. Тогда же организовывались и централизованные детские вечера: они проводились в городском Дворце пионеров и каждом районном Доме пионера и школьника (по 3-4 мероприятия в течение дня). Разрабатывались и мероприятия для общего городского детского гуляния (например, в ноябре 1954 г. – в Таврическом саду[713], однако традиция, видимо, не закрепилась). Максимально занять детей в эти дни было важной проблемой, городские власти отмечали: «Нужно, чтобы меньше детей было вечером на улицах»[714]. С родителями велись беседы о том, чтобы малолетних не отпускали из дома поздно вечером. Причина стремления властей фактически исключить детей из всенародного гуляния понятна: «Бывали случаи, когда детей 8-10 дет подбирали в пьяном виде»; решение проблемы также было вполне ожидаемым: «У нас большая армия учителей и ее нужно использовать»[715].

Более активное включение детей в торжества в 1960–1980-е гг., на наш взгляд, отражает ту эволюцию, которую прошли советские массовые праздники: из преимущественно «политических» мероприятий они становились

[711] Там же. Оп. 7-3. Д. 305. Л. 93.
[712] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 25. Д. 2594. Л. 6.
[713] Там же.
[714] Там же. Л. 7.
[715] Там же.

традиционными, а одной из сущностных черт традиций является необходимость их передачи следующим поколениям.

2.2.3. НАРОДНЫЕ ГУЛЯНИЯ

Праздничные дни никогда не ограничивались торжественным собранием и демонстрацией, вторая половина дня всегда была в более или менее свободном распоряжении граждан. В мемуарах М. Черейского целая глава посвящена воспоминаниям о том, как в дни массовых праздников к ним в квартиру, находившуюся неподалеку от Дворцовой площади, приходили на «привал» друзья отца по военному училищу, а потом и коллеги матери – после парада и демонстрации соответственно: «Часам к двенадцати дня собиралось человек до двадцати, веселились и даже танцевали под патефон, а позже под электропроигрыватель. Бывало, что засиживались до вечера, мило беседовали и заводили новые знакомства: по меньшей мере, еще одна инженерно-редакторская чета впервые познакомилась, очутившись рядышком на нашем серо-коричневом диване»[716]. Сама атмосфера праздника располагала к неформальному общению и веселью.

Представители власти достаточно четко разделяли «официальную» и «неофициальную» части праздника: когда на заседании первомайской комиссии 1961 г. было озвучено предложение о выступлении хора в начале демонстрации, оно было встречено возражением: «Это революционный праздник и мне кажется, что этого не надо делать, это не простое гуляние…»[717]. Однако в 1970–1980-е гг. выступление артистов, в том числе хора, в начале демонстрации стало привычным делом.

Народные гуляния являлись традиционным окончанием праздничных дней 1 мая и 7 ноября. Они проходили на нескольких крупных площадях в разных районах города, в Ленинграде это обычно были Дворцовая площадь (главная площадка), а также площадь у Кировского райсовета, площадь у бывших

[716] Черейский М. Указ. соч. С. 166.
[717] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 41. Д. 258. Л. 13.

Московских ворот, площадь у дворца культуры им. Кирова (так было в мае 1957 г.[718]) и некоторые другие. Празднества организовывались по заранее утвержденному сценарию. Однако вновь возникала уже обозначенная проблема однообразия: «До сих пор народные гуляния на площадях города не были тематическими и носили однообразный характер», – отмечал С. В. Якобсон, привлеченный к организации гуляний в октябре 1960 г.[719] Основой вечерних гуляний являлись выступления коллективов самодеятельности, музыкантов и затейников, профессиональных артистов.

М. Рольф определял самодеятельность, как неотъемлемую часть советской праздничной системы[720]. Существовала традиция привлечения к участию в гуляниях местных артистов, однако возникала и проблема оплаты их труда. В 1953 г. «финансовые органы категорически запретили брать артистов филармонии, так как на эти мероприятия они тратить деньги не могут», – сообщал первомайской комиссии представитель отдела культпросветработы[721]. Достать необходимые 20 тыс. рублей для выплат артистам (отдел намеревался пригласить для выступления в том числе «звезду» сталинского кино Николая Черкасова) рассчитывали через Коммунальный банк[722]. Проблема решалась, если привлекали не профессионалов, а участников творческих кружков различных организаций. На районных площадях именно они составляли основу культурной программы. Для гуляний в садах и парках на майские праздники 1953 г. дома культуры выделили около 1 тыс. человек для самодеятельности, однако отмечалось, что 2 мая на них особо полагаться не стоило, так как они тоже «захотят отдохнуть»[723]. В итоге центральное гуляние на Дворцовой площади была организовано на трех сценах: на одной выступали профессиональные артисты, на остальных – самодеятельные[724]. Начальник Управления культуры В. А. Колобашкин говорил

[718] Там же. Оп. 37. Д. 622. Л. 7.
[719] Там же. Д. 1183. Л. 14.
[720] Рольф М. Указ. соч. С. 83.
[721] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 25. Д. 2251. Л. 11.
[722] Там же. Л. 12.
[723] Там же. Л. 12–13.
[724] Там же. Л. 20.

по поводу народных гуляний 1 мая 1956 г.: «Это традиционные гулянья и будут проведены в зависимости от финансирования»[725].

На рубеже 1950–1960-х гг., как было отмечено выше, организация народных гуляний стала более централизованной, и ее планы стали утверждаться на уровне городской комиссии, что позволяет реконструировать и эту, «неофициальную» часть праздника. Так что же городские власти готовили для развлечения ленинградцев? Рассмотрим на примере главного гуляния на Дворцовой площади 7 ноября 1960 г.[726]

На ярко освещенной военными прожекторами площади устанавливались три эстрады: две ярко оформленные у Александровской колонны и Главного штаба (для выступления артистов) и одна маленькая – для танцев – у арки. На фронтоне здания, напротив Государственного архива, был натянут широкий экран, на котором с 9 вечера показывали фильмы: кинодокументы о пребывании Н. С. Хрущева на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, документальные киноочерки о спортивных состязаниях на XVII олимпийских играх в Риме, киножурналы о событиях в Конго и фильм «Освобожденная Африка». Само же гуляние открывалось в семь часов вечера выступлением сводного духового оркестра Ленинградского военного округа, между исполнением маршей (играли «Гимн великому городу» Глиэра, «Славься» Глинки и др.) чтецы декларировали стихи советских поэтов. После этого начинались танцы, и центры гуляний смещались к эстрадам, на которых были организованы мини-концерты. Во время праздника на площади дежурила милиция, работали пункты торговли. Примечательно, что выступали и спортсмены (студенты института физической культуры им. П. Ф. Лесгафта), что наглядно показывает, как изменилась роль физкультурников в массовых мероприятиях: если раньше они открывали ноябрьские демонстрации и транслировали важный идеологический посыл, то теперь в небольшом количестве во время вечернего гуляния они выполняли

[725] Там же. Оп. 37. Д. 418. Л. 1.
[726] Там же. Оп. 37а. Д. 7. Л. 29–30.

развлекательную функцию. Завершать гуляние должен был праздничный салют (**приложение № 31**).

Подобный сценарий в целом сохранялся и в последующие годы, меняясь лишь незначительно. Например, 1 мая 1979 г. использовались лишь две эстрады, причем тематически номера на них не сильно отличались: артисты пели популярные и народные песни, проводили игры и веселые соревнования, читали стихи[727].

Гуляния устраивались и на районных площадках, в ноябре 1960 г. – это площадь у Московского райсовета[728] и Кировская площадь[729]. По сравнению с главным городским праздником они, конечно, были меньшего масштаба, однако имели и свои «изюминки». Так, например, в Кировском районе 7 ноября 1960 г. выступали артисты Госцирка[730]. С течением времени количество площадок увеличивалось. Так, 7 ноября 1976 г. народные гуляния проходили также в Московском парке Победы и у кинотеатра «Комсомольский», организовывались и гуляния «второго дня» – 8 ноября на площадях у кинотеатров «Максим» и «Слава»[731]. Менее массовые гуляния проводились во многих районах города. В 1970-е гг. иногда возникали затруднения с проведением гуляний в районе новостроек, так как не хватало денег на оплату артистов[732] (вероятно, новые районы не успевали включить в заранее утвержденные сметы расходов на празднования). В целом же, районные гуляния отличались большей ролью художественной самодеятельности, массовыми играми, танцами, коллективным исполнением песен.

С появлением Отдела массовых праздников на рубеже 1960–1970-х гг. именно он стал отвечать за организацию вечерних гуляний на Дворцовой площади. Модель проведения, в целом оставалась прежней – привлекались коллективы художественной самодеятельности, артисты Ленконцерта, сводный

[727] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-778. Оп. 1. Д. 54. Л. 8–10.
[728] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 37а. Д. 7. Л. 31.
[729] Там же. Л. 32.
[730] Там же.
[731] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-778. Оп. 1. Д. 33. Л. 9.
[732] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 46. Д. 349. Л. 7–8.

духовой оркестр ЛВО[733]. В числе коллективов, выступавших на гуляниях в конце 1970-х гг., чаще были уже не военные, а штатные сотрудники разных домов культуры. Так, 1 мая 1979 г. на Дворцовой выступали артисты и массовики ДК работников связи, ДК им. Ленсовета, ДК «Невский» и Выборгского ДК[734]. Однако, вероятно, менялся общий художественный уровень этих мероприятий, поскольку их организацией стали заниматься профессиональные режиссеры-постановщики (например, в 1981 г. – А. Ф. Гринштейн[735]).

Праздничный досуг. Большое внимание организаторы праздников уделяли и «выходу» из праздника – разнообразному досугу во все выходные дни. Распространённой практикой был выезд за город: «1-го, 2-го, 3-го народ поедет в пригород», – отмечал Н. Д. Казьмин[736]. Также к праздникам весной открывались парки и сады, правда, зачастую лишь на несколько дней, потом закрывались на просушку. В связи с этим даже такое, казалось бы, простое дело, как размещение ларьков с пирожками в парках оказывалось проблематичным: один из руководителей Управления торговли Макаров сетовал: «Нельзя открыть торговую сеть на день, а потом закрыть»[737].

В продолжение гуляний, на второй день праздника, обычно устраивались различные культурные мероприятия. В кино и театрах демонстрировали лучшие фильмы и постановки. Так, только в майские праздники 1953 г. было поставлено 80 спектаклей по утвержденному заранее репертуару[738]. В преддверии Дня Победы особое внимание уделялось проведению спектаклей на военную тематику, например, в 1967 г. шли «Ленинградская симфония», «Дым Отечества», «Судьба человека»[739] и др. Организовывалась и работа кинопередвижек: «И там, у Кировского этого, Дворца культуры, тоже кино шло на улице. И здесь шло кино на улице. И во многих местах Васильевского острова, а по городу тем более. <…> Показывали “Чапаева” … какие тогда фильмы были… “Девушка с характером”,

[733] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-778. Оп. 1. Д. 5. Л. 48.
[734] Там же. Д. 54. Л. 13.
[735] Там же. Д. 5. Л. 48.
[736] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 25. Д. 2251. Л. 15.
[737] Там же. Л. 13.
[738] Там же. Л. 14.
[739] Театральный Ленинград. 1967. № 19. С. 3.

там еще. Ну я уж забыл. Ну вот те фильмы, патриотические… В праздники на некоторых улицах выезжали грузовые машины, на них был экран, и на них проектировалось кино, показывали. На машинах, не только на стенах…»[740], – вспоминал один из информантов (мужчина, 1931 г.р.), опрошенных А. К. Байбуриным и А. М. Пиир.

Городские власти старались организовать свободное время ленинградцев, создавая возможности для культурного досуга. Обсуждая подготовку открытия стадионов города к 1 мая 1953 г., председатель праздничной комиссии П. Ф. Ладанов четко обозначил позицию по этому вопросу: «Трудящиеся отдыхают 3 дня и нужно все эти дни заполнить»[741].

Частью праздничного досуга становились также спортивные мероприятия, организованные, как правило, на открытом воздухе. В 1954 г. 8 ноября ленинградцы могли посетить большой спортивный праздник на Зимнем стадионе, в котором участвовали лучшие спортсмены города, мастера спорта по гимнастике и легкой атлетике[742]. В мае 1956 г. планировалось провести выступления мастеров спорта, а также организовать футбольные матчи 1 и 2 мая[743]. Так, 2 мая на стадионе им. Кирова «Зенит» играл против тбилисского «Динамо»[744]. Спортивные праздники на Зимнем стадионе, в спортзалах и бассейнах организовывались и 8 ноября 1961 г.[745] В ноября 1963 г. Н. Н. Афанасьеву, председателю Совета Союза спортивных обществ и организаций Ленинграда, поручалось организовать подобные спортивные мероприятия на Зимнем стадионе, спортклубе ЛВО и других площадках, причем и 7, и 8 ноября[746]. Однако наиболее насыщенными спортивными событиями были первые дни мая, когда по традиции открывался летний сезон[747]. Например, в 1977 г. 2 мая на стадионе им. Кирова проходил матч

[740] Байбурин А.К. Пиир А.М. Указ. соч. С. 252.
[741] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 25. Д. 2251. Л. 10.
[742] Там же. Д. 2594. Л. 5–6.
[743] Там же. Оп. 37. Д. 418. Л. 5.
[744] Советский спорт. 1956. 5 мая.
[745] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 119. Д. 96. Л. 219.
[746] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 42. Д. 177. Л. 3.
[747] Советский спорт. 1977. 4 мая.

«Зенит» – «Крылья Советов» (посетило 40 тыс. зрителей), а 3 мая проводились соревнования гребцов в память Николая Баленкова[748].

Накануне Дня Победы в Ленинграде также традиционно организовывалось проведение «звездной эстафеты». Впервые организованная в 1946 г., эта эстафета носила такое название ввиду того, что ее маршруты пролегали по улицам, по которым бойцы 30-го гвардейского корпуса возвращались в Ленинград летом 1945 г.[749]: берущие начало из-за Невской, Нарвской и Московской застав три маршрута сходились на Дворцовой площади, образуя как бы форму звезды[750]. В 1965 г., согласно плану праздничных мероприятий Дня Победы, эстафета проходила по пяти маршрутам, точки старта находились у Нарвских ворот, у Московского райсовета, у фабрики им. Ногина, у стадиона им. С. М. Кирова и на Пионерской улице (точное место в плане не обозначено)[751]. Ставшая традиционной еще в советское время, проводимая ежегодно даже в 1948–1964 гг., когда 9 мая не был выходным днем, эта эстафета стала одним из символов празднования Дня Победы в Ленинграде и проводится по сей день[752].

С начала 1960-х гг. стало обращаться больше внимания на развитие детского праздничного досуга: например, накануне и после дней торжеств стали организовываться «киноутренники»[753]. Создавая более разнообразные возможности для проведения культурного досуга, власти, с одной стороны, пытались отвлечь население от проявлений девиантного поведения (прежде всего пьянства), а с другой стороны, способствовали «растягиванию» границ праздничного. Не только «вхождение» в праздник было продолжительным, но и «выход» из него не осуществлялся одномоментно по окончании народных гуляний.

---

[748] Советский спорт. 1977. 4 мая.
[749] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 42. Д. 833. Л. 19.
[750] Советский спорт. 1957. 7 мая.
[751] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 42. Д. 833. Л. 35.
[752] Беглов: в этом году Звездная эстафета посвящается 80-летию Великой Победы // Вечерний Санкт-Петербург. 2025. 1 мая. URL: https://vecherka-spb.ru/2025/05/01/beglov-v-etom-godu-zvezdnaya-estafeta-posvyashchaetsya-80letiyu-velikoi-pobedi (дата обращения 10.06.2025).
[753] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 41. Д. 258. Л. 16–17.

Какое место в массовых праздниках занимало народное гуляние? Очевидно, что идеологически оно было не так насыщено как официальная утренняя часть. На одном из заседаний городской октябрьской комиссии 1960 г. поднимался вопрос о целесообразности некоторых элементов этой части праздника: «Зачем, например, надо тратить деньги для того, чтобы печатать листовки, а потом ехать и разбрасывать их по ветру? Зачем нужна какая-то бродячая музыка, которая что-то играет, а люди проедут мимо этой музыки, и у них ничего в голове не останется? Зачем вот такие надуманные, никому ненужные мероприятия, которые, однако, стоят больших денег»[754]. На что председатель комиссии Н. Д. Христофоров ответил: «По листовкам с песнями – это, товарищи, жизненно необходимые вещи. Это нужно сделать, иначе у нас будут петь что надо и что не надо, потом, некоторые знают слова песен, а некоторые не знают…»[755]. Под «бродячей музыкой», очевидно, имелись в виду «музыкальные машины», транслирующие советские песни (см. **приложение № 32**). Как мы видим, важно было не ограничить развлечение, а проконтролировать его.

Народные гуляния придавали красным датам действительно всеобщий характер, поскольку несколько «разбавляли» политическую составляющую праздника, наиболее концентрировано выраженную в демонстрации. Симбиоз официального и неофициального позволял и сохранить идеологическое наполнение торжеств, и сделать праздник действительно привлекательным для людей. При этом развлекательная функция, роль которой постепенно росла год от году, инициировалась самой властью, а не вопреки ей. Главным, конечно, был вопрос контроля. Переломным здесь можно считать, как мы выяснили, рубеж 1950-х–1960-х гг. Показательна следующая фраза, сказанная на одном из заседаний октябрьской комиссии 1959 г.: «В отличие от прошлых лет принципы организации гулянья должны исходить из необходимости максимального охвата пришедших на праздник посетителей всеми доступными видами зрелищ и

[754] Там же. Оп. 37. Д. 1183. Л. 15.
[755] Там же. Л. 16.

развлечения в условиях площади»[756]. Радость и веселье рядовых граждан в красные дни календаря, таким образом, были в известной степени самоценны для властей, главное, чтобы веселье не перетекало в крамолу и тем более противоправную деятельность.

Наконец, в праздничные дни городская топография совершенно менялась: проезжие улицы становились пешеходными, гуляния выносились на свежий воздух и т.д. Для организаторов это приводило к возникновению ряда чисто бытовых сложностей: артистам, выступавшим на площадях, необходимо было где-то переодеваться, гуляющим необходимо было утолять голод, жажду, и прочие элементарные нужды, и т.д. – все это требовало временной «перестройки» городского пространства. Но для самих празднующих подобные перемены в топографии города были важным маркером исключительности этих дней, их непохожести с буднями.

Таким образом, несмотря на сохранение главных элементов праздничного распорядка, массовые торжества в после-сталинский период стали заметно отличаться от того, какими они были в предшествующие десятилетия. Прежде всего, официальная часть существенно сократилась по продолжительности, уменьшалось и число самих демонстрантов. Также снижалась роль физкультурников и их парадов, они переставали быть тем, чем были во времена И. В. Сталина: визитной карточкой советского праздника, «гвоздем программы». В конце 1960-х гг. на майские торжества перестали проводиться военные парады, что также свидетельствовало о демократизации и демилитаризации советских праздников. Массовый праздник в целом становился менее формальным и строгим, и если в 1930-е гг. доминирующей в его проведении была идея демонстрации единства, то в исследуемый период ее заместили идея демонстрации «единения в многообразии» и идея праздника для народа.

Торжества становились более демократичными. Наиболее ярко об этом свидетельствует «расширение» заключительного элемента празднования – народных гуляний. С конца 1950-х гг. власти прикладывали все больше сил к их

[756] Там же. Оп. 37а. Д. 6. Л. 16.

организации, и они становились более продуманными и насыщенными. Сам факт разработки их сценариев на уровне главной городской праздничной комиссии свидетельствует о признании за ними роли, по важности сопоставимой с ролью демонстрации. Массовые праздники, таким образом, становились не только государственными, но и народными: не было никакой нужды насаждать их, как в 1920-х–начале 1930-х гг. За государством, конечно, сохранялась монополия на их организацию и проведение, но и это положение ставилось под вопрос. Возможно, именно поэтому в 1950-е–начале 1960-х гг. особое внимание власти уделяли не вопросу привлечения как можно большего числа людей к торжествам, а вопросу контроля над поведением празднующих. Отсюда ежегодные обсуждения вопроса о продаже спиртного в красные дни календаря и сокрушения представителей милиции о том, что невозможно сдержать празднующую толпу и соблюсти четкое и стройное шествие колон, отсюда и создание специальных песенников – чтобы гуляющие исполняли только одобренные партией композиции. Парадоксально, но празднующие рисковали пошатнуть монополию государства на праздник. Это отчасти подтверждается наблюдением Ф. К. Ярмолича, отмечавшего стремление к большей самостоятельности и активности населения в идеологических мероприятиях конца 1950-х гг.[757] Однако это противоречие, несмотря на всю его принципиальность и важность, всё же не вредило ни коммуникативной, ни социализирующей, ни идеологической функции торжеств, активно используемых государством.

Попытка возродить карнавалы и шествия, пришедшаяся на вторую половину 1960-х–начало 1970-х гг., реализуемая, видимо, с целью привлечения большего количества населения к празднованию и изменения формата (со «зрителя» на «участника»), не увенчалась успехом. Вместо этого в 1970-е гг. произошла фактическая консервация устоявшегося формата – парад, демонстрация, вечернее гуляние. Тем не менее, можно констатировать увеличение роли развлекательной, досуговой функций торжеств.

---

[757] Ярмолич Ф.К. Ленинградец в политическом пространстве 1950-х–начале 1960-х гг. // Вестник ТГУ. 2017. № 4 (168). С. 139.

Отдельно остановимся на наблюдении, которое кажется важным для понимания эволюции роли массовых праздников в жизни граждан. В первые послевоенные десятилетия дни торжеств были днями, которые резко контрастировали с буднями прежде всего за счет стабилизации продовольственной ситуации, праздничного ассортимента, наведения образцового порядка и чистоты в городе, красочного оформления и иллюминации, насыщенности досуговых программ и т.п. Все это стало терять свою ценность, когда уровень жизни вырос, и многие вещи, которые были доступны лишь в праздничные дни, стали повседневностью. К тому же многие элементы массовых праздников стали использоваться и в другие, менее значимые торжества, особенно сильно это стало заметно в 1970-е гг., когда жизнь ленинградцев (как, вероятно, и жителей других городов) стала более насыщенной разнообразными спортивными, школьными и прочими праздниками. «Инфляция праздников», которую мы отмечали в первой главе, касалась не только расширения их перечня, но и включения отдельных элементов Первомая и годовщин ВОСР в другие торжества (например, проведение салюта перестало быть уникальной чертой исключительно главных праздников). Свою роль в процессе уменьшения ценности массового праздника, вероятно, играло и телевидение, сделавшее возможным участие в нем (в качестве зрителя) без личного посещения. Рост уровня жизни и технический прогресс, таким образом, лишали массовый праздник его некоторых уникальных черт. Мы убеждены, однако, что вплоть до конца 1980-х гг. главные советские торжества продолжали быть самоценными для большинства граждан ввиду живого общения, веселья, коллективности участия, а также и соблюдения традиции, о прочном закреплении которой в изучаемые годы не приходится сомневаться.

В перестроечные годы организация массовых советских праздников, как торжеств, организуемых государством, стала испытывать те же проблемы, что и само государство, прежде всего – экономические и идеологические. Системный кризис, охвативший страну в конце 1980-х гг., не мог не сказаться на проведении торжеств: исчезали привычные их элементы – парады физкультурников,

праздничное украшение, даже само проведение общегородских мероприятий в дни 1 мая и 7 ноября ставилось под вопрос и вызывало острые дискуссии. Дезорганизация стала логичным результатом разрушения тех идейных основ и скреп, которые составляли основу массовых праздников: социального единства, общности ценностей, веры в светлое коммунистическое будущее.

ГЛАВА 3. ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ ТОРЖЕСТВ. СЕМИОСФЕРА МАССОВОГО ПРАЗДНИКА

Массовый советский праздник являлся феноменом, крайне насыщенным разнообразными прямыми и непрямыми сообщениями: посредством музыки и песен, флагов и транспарантов, лозунгов и призывов, зрелищ и публикаций в СМИ и т.д. Каждый из перечисленных элементов существовал и в повседневной жизни, однако в праздничном контексте несколько изменялось их привычное восприятие. Помещенные в праздничное пространство, они наполнялись дополнительным символическим значением, и их привычные функции расширялись (например, музыка могла задавать ритм шествия, а ее коллективное одномоментное прослушивание увеличивало уровень эмоционального воздействия и т.д.). Кроме этого, праздник имел и свои особые ритуально-символические действия, которые в обычной жизни в советском обществе почти не практиковались, например, демонстрации. Также для советских праздников было характерно обильное информационное сопровождение: призывы ЦК КПСС, лозунги, радиорепортажи, статьи в газетах, выступления советских лидеров на торжественных заседаниях и т.д. Праздничная пропаганда была тесно сплетена с советской символикой, используемой на торжествах, а в привычные идеологические нарративы вплеталась праздничная повестка.

В центре внимания в данной главе – символическая политика и пропаганда, осуществляемые в рамках праздника и реализуемые в его элементах как вербально, так и невербально. Осуществляется попытка установить наиболее устойчивые «сообщения», которые передавались посредством праздников, а также выяснить некоторые закономерности и правила, по которым эти «сообщения» транслировались. Исследование корпуса подобных праздничных «текстов» показало, что объемный массив праздничной пропаганды целесообразно рассматривать разделенным на две группы, которым и посвящены разделы этой главы. Так, в первой рассматриваются наиболее постоянные нарративы, знаки и символы праздничной пропаганды, которые можно также

отнести к стержневым «сюжетам» советской идеологии: Ленин, Октябрь, Партия. Во второй группе рассматриваются более изменчивые нарративы, связанные с актуальной политической пропагандой, текущими внутриполитическими и внешнеполитическими задачами.

Проведение семиотического и дискурсивного анализа праздничной пропаганды потребовало уточнения некоторых понятий. Основное внимание при изучении идеологического содержания торжеств обращено на то, что можно обозначить как «праздничный текст» (сообщение, транслируемое в контексте проведения массовых праздников). При этом в качестве «текста» может рассматриваться не только письменный или звучащий текст, но и визуальное сопровождение и элементы праздничного действа. Р. Барт отмечал, что «как только зрительный образ начинает нечто значить[758], он сам становится письмом», в этом смысле под «языком» или «словом» (высказыванием, сообщением) может подразумеваться «любая значимая единица»: «даже вещи могут стать речью, если они что-нибудь значат»[759]. Также некоторые сложные или «многослойные» праздничные сообщения могут и должны рассматриваться как «мифы». Р. Барт определял «миф» как «вторичную семиологическую систему»[760]. В этом смысле, например, прохождение демонстрантов (которое само по себе символично, т.к. его коннотативное содержание гораздо шире прямого денотативного считывания) в контексте праздника обретает дополнительное значение: демонстранты проходят перед трибуной гостей (среди которых центральное место занимают представители «властей» различного уровня), тем самым (вос)создавая миф, отражающий структуру взаимоотношений власти и общества в Советском Союзе. Этот миф отражался и в ряде распространенных мифологем – лексических единиц знакового характера, выступающих как репрезентанты свернутого текста мифологического содержания[761], таких как: «народ и партия едины», «партия –

[758] Имеется в виду – значить сверх непосредственного значения, в терминах Р. Барта – сверх означающего. В этом смысле портрет Ленина, выносимый на демонстрацию, сообщает не только и не столько то, что кто-то несет изображение некого мужчины, а подразумевает узнавание вождя, отсылает к его биографии, революционной истории, основанию советского государства и десяткам других нарративов.
[759] Барт Р. Мифологии. М., 2008. С. 267.
[760] Там же. С. 271.
[761] Коновалова Н.И. Мифологема как свернутый сакральный Текст // Политическая лингвистика. 2013. № 4.

наш рулевой», «партия – ум, честь и совесть нашей эпохи» и др. При изучении советского общества, в котором мифологическое и идеологическое сплетены очень тесно, разграничение понятий «мифологема» и «идеологема» (языковая или речевая единица, нагруженная идеологическими/политическими смыслами[762]) провести очень сложно. Однако термин «идеологема» подразумевает более подвижные и изменчивые формулировки, поэтому он будет использоваться в основном при рассмотрении актуальных сюжетов праздничной пропаганды.

3.1 ЛЕНИН. ОКТЯБРЬ. ПАРТИЯ. СТЕРЖНЕВЫЕ СЮЖЕТЫ СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ПРАЗДНИЧНОЙ ПРОПАГАНДЕ

3.1.1. В. И. ЛЕНИН

Культ Ленина. Фигура Владимира Ильича Ленина являлась одной из центральных в праздничной пропагандистской повестке, что вполне соответствовало центральному месту Ленина в советской идеологии в целом.

Культ В. И. Ленина начал складываться еще при жизни вождя[763], а после его смерти 21 января 1924 г. стал обретать более или менее завершенный вид. На вечере кремлевских курсантов 28 января 1924 г. И. В. Сталин произнес речь[764], в которой уже были сформулированы некоторые нарративы и мифологемы, чуть позже легшие в основу официального канона (образа) Ленина и определившие его публичную репрезентацию. Среди них наиболее важные: безоговорочное лидерство Ленина среди других руководителей коммунистической партии («руководитель высшего типа»); афористичность и точность ленинского языка («только Ленин умел писать о самых запутанных вещах так просто и ясно, сжато и смело, – когда каждая фраза не говорит, а стреляет»); простота, скромность и человечность при общем величии; всесильность ленинской логики; оптимизм; принципиальность (в случае уверенности в своей правоте умение пойти против

[762] Вепрева И.Т., Шадрина Т.А. Идеологема и мифологема: интерпретация терминов // Научные труды профессоров Уральского института экономики, управления и права. Екатеринбург, 2006. Вып. 3. С. 124.
[763] Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб., 1999. С. 66.
[764] Сталин И.В. Сочинения. Т. 6. М., 1947. С. 52–64.

мнения большинства); вера в массы; гениальность (выражающаяся в умении предвидеть). Позже к этому добавились нарративы, связанные с огромной трудоспособностью Ленина, кипучей энергией, организованностью, непритязательностью, харизмой, внушавшей окружающим чувство почти религиозного благоговения. Появились и устойчивые сюжеты, в которых перечисленные черты отражаются наиболее ярко: «Ленин в подполье», «Ленин и дети», «Ленин в Смольном», «Ленин на субботнике», «Ленин на броневике» и др. Также в 1920-е–1930-е гг. родились каноны поэтических образов Ленина (например, «Владимир Ильич Ленин», «Разговор с товарищем Лениным» и другие стихи В. В. Маяковского), визуальных изображений вождя, как портретных (картины И. И. Бродского и В. А. Серова), так и пластических (памятник Ленину у Финляндского вокзала С. А. Евсеева, памятники С. Д. Меркурова и др.), кинематографических («Октябрь» С. М. Эйзенштейна, «Ленин в Октябре» М. И. Ромма и др.), появился и канон «детской Ленинианы».

Миф о Ленине реализовывался не только в толковании отдельных его поступков и черт характера, но и в сакрализации его фигуры, как на вербальном уровне (мифологема «Ленин жив» и ее вариации), так и в физическом (гробница вождя в Мавзолее). «Бессмертие» Ленина (уподоблявшее его богам) обеспечивало его безграничный авторитет в любых вопросах, и служило для будущих правителей обоснованием их легитимности[765]. Мифологема В. В. Маяковского «Партия и Ленин — близнецы-братья» обосновывала перенос этой сакральности на всю компартию (или шире – на Советскую власть вообще). На «продолжателей дела Ленина», как именовали себя последующие вожди, падала часть священного ореола вождя, и потому в качестве беспроигрышного идеологического обоснования для достижения любой цели выступало апеллирование к Ильичу. В иерархической системе советской идеологии культ Ленина (как и культ Октября) занимал центральное значение. Только обращение к фигуре Ленина позволило Н. С. Хрущеву начать десталинизацию: «Ленин — единственный авторитет, обладавший достаточным могуществом для

[765] Почепцов Г.Г. Семиотика. М., 2002. С. 260–261.

низвержения тирана из стали»[766]. В атеистическом советском обществе, с его в целом светским мировоззрением, в образе Ильича воплощались сакральные мифологемы, характерные для многих культур: о создателе, о высшем авторитете, о бессмертии, о непогрешимости, о выборе единственно верного пути.

Варианты «присутствия» Ильича на праздниках при этом были крайне разнообразны: письменные и устные цитирования; портреты на зданиях города и в руках демонстрантов; изображения на значках и открытках; ростовые скульптуры, провозимые на машинах; памятники на центральных площадях районов, на которых проходили гуляния; множественные отсылки на авторитет и фигуру Ленина в смежных праздничных нарративах. Наконец, само название города также отсылало к образу вождя, и когда это значение необходимо было усилить, использовалась синонимичная синтагма – «город Ленина».

Ленин – Сталин – другие вожди. В классическом исследовании, посвящённом культу Ленина и многообразию его форм, Н. Тумаркин пишет: «К 1934 г. идеализированный образ Ленина занял почетное место в истории, исполняя роль священного предка, тогда как культ Сталина выдвинулся в советском политическом ритуале на передний план»[767]. И. В. Сталин позиционировался не только как главный ученик и продолжатель дела Ленина, но и как сопоставимая по значимости фигура (в отличие от последующих вождей). Это находило отражение в том числе в таких устойчивых выражениях как «Партия Ленина-Сталина», «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина – вперед, к победе коммунизма!» и др., которые включались в праздничные тексты, в том числе и Призывы ЦК КПСС к очередной годовщине Октября[768].

Ленинский миф при И. В. Сталине служил обоснованием мифа сталинского, или, как афористично отмечала Н. Тумаркин: «Мертвый Ленин служил подножием живому Сталину»[769]. Это положение бесспорно для периода, предшествующего Великой Отечественной войне, а в ходе и после нее у Сталина

---

[766] Тумаркин Н. Указ. соч. С. 228.
[767] Там же. С. 225.
[768] См. например: Правда. 1952. 30 октября.
[769] Тумаркин Н. Указ. соч. С. 228.

появилась возможность для создания собственного мифа, не связанного с Ильичом. Речь идет о роли Сталина в Великой Отечественной войне и нарративе о «Сталине-победителе». Одним из его наиболее ярких лингвистических выражений является лозунг: «За Родину! За Сталина!», появившийся, однако, еще в предвоенные годы[770]. И хотя насчет распространенности использования этого лозунга бойцами Красной Армии идут споры, отрицать огромную роль Сталина в победе в Великой Отечественной войне не представляется возможным. Сталин имел полное основание позиционировать себя как правителя, приведшего страну к победе, и этот нарратив активно использовался в пропаганде. Сталин вполне мог претендовать на главенствующую роль в обновленном идеологическом нарративе. По словам Н. Тумаркин, «в годы войны ритуальные выражения ленинского культа были сведены до минимума, так как страна мобилизовала всю свою энергию на противодействие ужасам оккупации»[771]. Олицетворением этого противодействия являлся, безусловно, Сталин. По окончании же войны необходимо было как-то совместить ленинский и сталинский мифологические нарративы, найти их грамотное соответствие и перераспределить роли в государственном саморепрезентирующем нарративе. И, видимо, попытки смещения акцентов все же предпринимались. Так, в праздничном выпуске «Известий» от 7 ноября 1946 г. передовицу украшал большой портрет И. В. Сталина; на фотографии с торжественного заседания можно увидеть, что президиум был украшен также одинарным портретом генералиссимуса, тогда как В. И. Ленин был «представлен» куда меньшего размера бюстом в глубине сцены, о наличии которого можно догадаться лишь из текста, а не по самой фотографии[772]. Большую часть номера заняла речь А. А. Жданова на торжественном заседании в Москве, и речь эта начиналась вовсе не с исторической ретроспективы о 1917 г., ее открывал блок текста под заголовком «Первый послевоенный год», центральное место отводилось Победе и новому миропорядку, а заканчивалась она словами: «Да здравствует наш вождь, ведущий

[770] Правда. 1938. 1 сентября.
[771] Тумаркин Н. Указ. соч. С. 227.
[772] Известия. 1946. 7 ноября.

нас вперед к новым успехам Советской Родины, к полной победе коммунизма в нашей стране, товарищ Сталин!»[773]. Ленин в этой речи упоминался всего несколько раз, да и то всегда «в паре» со Сталиным.

В программах концертов праздничных вечеров рубежа 1940–1950-х гг. произведения, посвященные Сталину, шли также впереди номеров о Ленине, например, концерт на торжественном заседании в Ленинграде 6 ноября 1950 г. начинался с Кантаты о Сталине А. В. Александрова, затем следовали «Заздравная товарищу Сталину» А. Г. Арутиняна, фрагмент оперы «Москва-Пекин» В. И. Мурадели и лишь потом отрывок из поэмы В. В. Маяковского о Ленине[774].

Однако новая иерархия вождей не закрепилась. Возможно, дело было в изменении отношения Сталина к Победе, в 1947 г. даже сам праздник был фактически отменен (лишен статуса выходного дня), что затруднило закрепление нового мифологического нарратива. В праздничных текстах последующих лет Иосиф Виссарионович снова позиционировался в первую очередь как продолжатель дела Ильича и его главный ученик. В обращении старых большевиков к И.В. Сталину в праздничном номере «Известий» 7 ноября 1947 г.[775], представляющем собой длинную здравицу с перечислением заслуг Сталина в исторической ретроспективе, вождь, как и прежде, представал ближайшим соратником Ленина во всех великих делах: создание большевистской партии, свершение революции, руководство страной в первые послереволюционные годы, развитие марксистской теории – все это осуществлялось обоими вождями. Среди главных «единоличных» достижений Сталина после 1924 г. называются: индустриализация, принятие конституции, укрепление обороноспособности, избавление от внутренних врагов, всемирно-историческая Победа в Великой Отечественной войне и др. Таким образом, нарратив о Сталине – победителе не столько становился самостоятельным, сколько служил подтверждением нарратива о Сталине – продолжателе дела

[773] Известия. 1946. 7 ноября.
[774] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 29. Д. 565. Л. 20.
[775] Известия. 1947. 7 ноября. Л. 5.

Ленина. Победа стала возможной благодаря тому, что Сталин следовал ленинскому курсу.

Все последующие годы в праздничных нарративах Сталин почти всегда фигурировал вместе с Лениным, что, безусловно, не только служило его легитимации, но распространяло сакральность Ильича и на него.

Последующие вожди были лишены такой важной опоры для собственной легитимации, ни один из них не ставил свой портрет рядом с портретом Ленина, да попросту и не мог использовать тропы и приемы, используемые Сталиным. Вместо этого происходила реконструкция нарратива о Ленина и его фактическая консервация. Так, при Н. С. Хрущеве ленинский нарратив «очищался» от присутствия Сталина. На символическом уровне это выражалось в исчезновении портретов Сталина из праздничного оформления[776], а также в пересмотре формулировок праздничных призывов ЦК КПСС (таких как «Да здравствует партия Ленина-Сталина!»), из которых исчезло имя последнего.

При этом сам образ Ленина и его устоявшиеся в предыдущие годы трактовки практически не подвергались пересмотру. К первому «круглому» юбилею Ленина, выпавшему на разгар «оттепели» в 1960 г., отдельной брошюрой вышел «Рекомендательный список репертуара для драматических, чтецких, вокально-хоровых коллективов художественной самодеятельности г. Ленинграда к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина». Помимо перечня произведений в нем содержались общие рекомендации, среди которых есть несколько вызывающих отдельный интерес. В частности, говорилось: «Совершенно естественно, что перед драматическими коллективами города нельзя ставить задачу – создание спектаклей с образом В. И. Ленина. Однако руководителям драматических коллективов необходимо использовать возможность постановки отдельных сцен из пьес, относящихся к деятельности В. И. Ленина, даже если в этих сценах непосредственно отсутствует образ В. И. Ленина»[777]. Поскольку Ленин для Советского государства являлся не только главным историческим персонажем,

[776] Ломакин А.В. Портреты на фоне эпохи… С. 180.
[777] ЦГА СПб. Ф. Р-4900. Оп. 3. Д. 782. Л. 15.

вождем и отцом-основателем, но и важным символом, то возможности для свободного использования его образа были сильно ограничены и вряд ли могли решаться на местном уровне. Создавалась парадоксальная ситуация, когда пьесы о Ленине лучше было ставить без появления на сцене самого Ленина.

Управление культуры рекомендовало также «ознаменовать ленинские дни выпуском идейно и художественно полноценных спектаклей на современную тему»[778]. В этом случае логика более явная – любой идеологически «правильный» спектакль должен был показать, что страна верно идет по ленинскому пути, добилась значительных успехов и т.д. Обращаясь к эстрадным деятелям, составители брошюры снова, в этот раз более прозрачно, рекомендовали «не ограничивать репертуар хоровых, оркестровых, коллективов или чтецов и вокалистов только произведениями, посвященными В. И. Ленину и Партии, хотя эта тема должна стать основной и ведущей в праздничных концертах»[779]. Помимо раскрытия темы современности не менее важно было сделать так, чтобы людям было интересно, чтобы идеологическая подоплека не вытесняла собой зрелищность. Именно поэтому отдельно отмечалось, что «концерт должен быть праздничным, ярким. Он должен вдохновлять зрителей»[780].

Анализ текстов рекомендованных произведений может стать темой отдельного исследования, мы же ограничимся лишь несколькими интересующими нас аспектами. Прежде всего отметим продолжение «десталинизации» праздников. Так, список песен для хоровых коллективов включал в себя «Святое Ленинское знамя» А. В. Александрова и «Дороженьку» В. Г. Захарова. К обеим песням были сделаны примечания, по поводу первой: «Можно исполнять при условии небольшой корректуры текста», по поводу второй: «Внести поправку в 4-й куплет текста». Несложно догадаться, что в обоих случаях речь шла о вычеркивании упоминания об И. В. Сталине.

«Возврат к ленинским нормам» служил обоснованием политики десталинизации. Схема «пророк – главный ученик» заменялась на «пророк –

[778] Там же.
[779] Там же. Л. 16.
[780] Там же.

последователи», в которой в качестве последних представала партия во главе с первым, а потом и генеральным секретарем. В идеологическом смысле теперь важнее было не дополнять «ленинский курс», а умение грамотно его истолковывать, ссылаясь на деятельность, речи и идеи великого вождя. Поэтому в праздничных нарративах Ленин окончательно закрепляется как один единственный отец-основатель, пророк, указавший путь. На уровне символики подтверждением этому можно считать то, что в праздничном оформлении центральных площадей ни один из пришедших на смену Сталину руководителей страны не размещал свое изображение рядом с портретом Ленина. Закрепился канон, согласно которому портрет Ленина мог быть рядом только с портретами Маркса и Энгельса, а портреты генеральных секретарей теперь размещались среди портретов членов ЦК. Конечно, и Н. С. Хрущев, и Л. И. Брежнев, и последующие лидеры партии апеллировали к авторитету вождя, однако ни один из них не пытался войти в «пантеон», и, как правило, в праздничных нарративах они представали лишь вождями на уровне ЦК.

Ленин – человек и символ. Установив, что в идеологическом поле фигура Ленина к середине 1950-х годов закрепилась в качестве центрального священного символа, одного единственного вождя, отца-основателя и пророка, рассмотрим конкретные проявления репрезентации фигуры Ленина в праздничных текстах. Центральное внимание будет уделено проблеме разграничения «исторического» и «символического». Как отмечал Р. Барт, «миф лишает предмет, о котором он повествует, всякой историчности»: «История в мифе испаряется, играя роль некоей идеальной прислуги: она все заранее приготовляет, приносит, раскладывает и тихо исчезает, когда приходит хозяин, которому остается лишь наслаждаться, не спрашивая, откуда взялась вся эта красота»[781].

Анализ символического наполнения мифа о Ленине в праздничных нарративах возможен благодаря текстам радиотрансляций. Имя вождя неизменно использовалось в праздничных стихах, которые были важной частью радиопередач, посвященных Первомаю и годовщинам революции. Без него не

[781] Барт Р. Указ. соч. С. 314-315.

обходились и публицистические тексты, читавшиеся во время военного парада или прохождения колонн демонстрантов.

Большинство подобных текстов транслировало уже устоявшиеся каноны описания Ильича. В связи с этим нередко подчеркивалось его всеобщая узнаваемость и, кроме того, родственное отношение к нему каждого советского гражданина. Так, в первомайской трансляции 1956 г. диктор говорил: «Великий Ленин! В народе его называют сердечно, по-душевному: “Наш Ильич”» [782].

Сердечное отношение советских граждан к вождю распространялось не только на его имя, но и на изображение. 1 мая 1957 г. диктор комментировал начало демонстрации таким образом:

«На фоне алых знамен – большой портрет Владимира Ильича Ленина. Знакомое, дорогое лицо Ильича» [783].

Подобные пассажи, конечно, были направлены на воспитание определенного отношения к фигуре вождя, но в какой-то степени они воспроизводили уже существующую социокультурную норму, согласно которой В. И. Ленин воспринимался как отец нации, человек, близкий всем и каждому, «самый человечный человек».

Главной характеристикой вождя оказывалось его бессмертие. В той же первомайской трансляции 1957 г., прохождение головной колонны с портретом Ильича сопровождалось следующим стихом:

«Он, как живой, глядит с портрета.
Нам так черты его родны!
Он дышит вновь балтийским ветром,
Бодрящим воздухом весны.
Такой лучатся теплотою
Глаза с прищуром молодым!..
Здесь слово ленинское в массы
Летело, зажигая их,

[782] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 4. Д. 137. Л. 35.
[783] Там же. Д. 401. Л. 32.

Здесь навсегда с рабочим классом
Связал он помысли свои,
Здесь перед бурей грозовою
Он с непокрытой головой,
С призывно поднятой рукою
Стоял на башне броневой.
Он с нами был повсюду рядом,
Мы с ним мужали и росли.
Через бои, через блокаду
мы этот образ пронесли.
Он в первомайский праздник с нами
На площадь славную идет...
Великий Ленин!
Он, как знамя,
Нас к новым подвигам зовет!»[784].

Характеристики Ильича в данном отрывке в целом соответствуют устоявшемуся канону: он бессмертен («как живой», «дышит»), его слово отзывается в народе («зажигает массы»), он близок народу (в данном случае персонифицированному как рабочий класс). Восприятие вождя при этом прописано заранее, его черты дороги и родны. При этом элементы биографии живого Ильича перемешиваются с его символическими выражениями, портрет как бы оживает за счет использования «оживляющих» визуальных образов («глаза с прищуром молодым», «он с непокрытой головой с призывно поднятой рукою стоял на башне броневой»). Однако посыл стиха не в воспроизведении каких-либо элементов биографии вождя, не в исторических экскурсах, главную мысль резюмируют заключительные строки: Ленин – это знамя, зовущее к новым подвигам.

Историческое содержание в подобных стихах иногда даже и не требовалось, достаточно было лишь указания на него. Например, в ноябрьских стихах 1966 г.:

[784] Там же.

«…Вижу: гордостью полнятся взоры,

Вижу символы наших побед:

В вечность врезанный

Контур «Авроры»,

У Невы –

Ильича силуэт...»[785].

В данном отрывке символизация многократно усилена, речь идет не об «историческом» Ленине, и даже не о его изображении, достаточно упомянуть об их контуре и силуэте (причем, очевидно, силуэте памятника Ленину) и нужный нарратив должен был считаться слушателем автоматически.

Чем дальше советское общество отходило от времени, в котором жил Ленин, тем более символическими становились отсылки к его фигуре. Так, на «первомайских встречах» 1982 г. звучала запись речи народного артиста СССР К. Ю. Лаврова, в предисловии к которой диктор предлагал вспомнить «только об одной – зато самой главной его роли – Владимира Ильича Ленина» (из спектакля «Перечитывая заново» на сцене Академического Большого драматического театра им. Горького)[786]. Ленин в праздничных нарративах мог воплощаться почти как угодно: как портрет, как памятник, как силуэт, как роль. Тиражирование символических воплощений вождя оказывалось важнее хоть какого-то более или менее обстоятельного рассказа. Количество подменяло качество. Во время празднования Первомая 1982 г. диктор подчеркивал: «На каждой демонстрации Ленин – в центре весеннего половодья флагов, транспарантов, цветов»[787]. А рассказывая о проезде машины с большим портретом Ильича в начале демонстрации 7 ноября 1985 г., диктор отмечал: «Улыбаясь, приветливо смотрит он на ликующую, расцвеченную яркими красками площадь…»[788]. Тем самым создавалось впечатление одобрения происходящего на площади Ильичом, его постоянно присутствия.

---

[785] Там же. Оп. 6-2. Д. 302. Л. 6.
[786] Там же. Оп. 7-5. Д. 1480. Л. 74.
[787] Там же. Л. 31.
[788] Там же. Д. 1801. Л. 56.

Однако, возвращаясь к приведенной в начале этого раздела цитате Р. Барта, укажем, что миф может полноценно функционировать лишь в опоре на «историю» (пусть даже используя ее как некую «рамку»). Для составителей праздничных нарративов в Ленинграде подобной «исторической рамкой» оказывался сам город.

Город Ленина. Для подчеркивания историчности о рассказываемом составители праздничных текстов нередко прибегали к обозначению стойкой связи Ленина и Ленинграда, поэтому часто в газетах и по радио в дни тожеств город именовался «городом Ленина». Говорилось и о том, что «ленинградцы ровняют свой шаг по Ленину»[789].

«Историчность» Ленина, как некоторая аргументация его символического значения, обосновывалась существованием так называемых ленинских мест. Выступая на торжественном заседании в Ленинграде в честь 50-летия Октября Л. И. Брежнев отмечал: «Здесь все напоминает о незабываемых событиях тех исторических дней, о деятельности нашего учителя и вождя Владимира Ильича Ленина»[790]. При этом внимание уделялось не только известным локациям и памятникам, связанным с Лениным. В 1970–1980-е гг. нередки были нарративы, в которых «историческими» могли становиться какие угодно места. Например, в сценарии радиотрансляции 7 ноября 1972 г. была рубрика «По ленинскому маршруту», в которой содержался репортаж из колонны Выборгского района о тех предприятиях, мимо которых проезжал В. И. Ленин в день Октябрьского вооруженного восстания[791]. А 7 ноября 1985 г. в радиотрансляции звучал репортаж из праздничной колонны прядильно-ткацкой фабрики «Октябрьская», и корреспондент не преминул упомянуть, что праздничное шествие колонна начала от здания Дома культура имени Первого мая, на фасаде которого располагалась мраморная доска со словами «Здесь начал свою работу шестой съезд РСДРП (большевиков), нацеливший партию на вооруженное восстание, на

[789] Там же. Д. 1480. Л. 33.
[790] Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 2. М., 1970. С. 147.
[791] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-3. Д. 306. Л. 6.

социалистическую революцию…»[792]. Подобная «историзация» повседневных городских мест была очень характерна для праздничной пропаганды, всему вокруг придавалось особое значение. Топография города накрепко связывалась с деятельностью вождя:

«Все, – куда не кинешь взора,
Здесь живет его судьбой
Смольный, Зимний и «Аврора»,
Красный стяг над головой»[793].

При этом наибольшее внимание уделялось, конечно, исторически значимым местам, связанным с Лениным и Октябрем. Их перечень, как правило, ограничивался Авророй, Смольным, Марсовым полем и Дворцовой площадью. Например, во время радиотрансляции 1 мая 1982 г. дикторы вспоминали события 1917 г. и отмечали особое место главной площади Ленинграда. При этом в самом Зимнем, признавал диктор, Ленин бывал всего один раз, когда был приглашен в качестве свидетеля по делу «провокатора Малиновского» во время расследования преступлений царских министров[794]. Зато в том же рассказе особенно отмечалась роль Ленина в деле защиты города от наступления войск Керенского и Краснова. А 7 ноября 1983 г. дикторы вспоминали, что с ночь с 27 на 28 октября Ленин руководил подготовкой разгрома контрреволюционного мятежа из здания в восточной части площади, где тогда размещался штаб Петроградского военного округа[795].

«Оживал» в праздничных радио-текстах и сам город. В первомайских стихах 1957 г. одним из центральных стал сюжет, связанный с празднованием 250-летия Ленинграда, и сердцем города оказывалось сердце Ленина, бьющееся и вечное:

«…Жить тебе, петь и славиться,
Радоваться, расти.

[792] Там же. Оп. 7-5. Д. 1801. Л. 71.
[793] Там же. Оп. 4. Д. 401. Л. 55.
[794] Там же. Оп. 7-5. Д. 1480. Л. 31.
[795] Там же. Д. 1589. Л. 16.

В завтра глядеть уверенно,

Видеть, что впереди.

Вечное сердце Ленина

Бьется в твоей груди»[796].

Довольно примечательно, что этот юбилей города связывался прежде всего с именем Ленина, а не с именем его основателя – Петра I. Город при таком подходе был обязан своим существованием Ленину, а всей предыдущей истории как будто не существовало.

Выделяется по концентрации мифологем следующий стих-посвящение («Городу Ленина» Л. Поповой), включенный в радиотрансляцию 7 ноября 1957 г.:

«Я помню день:

мы подошли в волненьи

К огням высокого броневика.

Он плыл в толпе,

и поднялась над нею

Рука великого большевика.

Здесь на ветру знамена развевались...

Растил Ильич бессмертный свой отряд,

Вставали выборжцы,

путиловцы вставали,

Шли в бой за новый мир,

за Ленинград.

Здесь счастья нашего,

здесь всех побед начало,

Здесь гордой нашей юности полет,

Впервые здесь пронесся в небе Чкалов,

И Киров звал к дерзаниям народ.

И не забыть нам грозных дней блокады, –

Ведь мы забыть не в праве ничего, –

[796] Там же. Оп. 4. Д. 401. Л. 13.

Непревзойденный подвиг Ленинграда
Встает как высшей правды торжество!
И в этот день сорокалетья гордый,
В наш праздник, что пройдет через века,
Какое счастье быть с тобой, наш город,
Где в коммунизм ведет с броневика
Рука великого большевика»[797].

Сильное эмоциональное воздействие обеспечивается первой же фразой «Я помню день…»: рассказчик выступает в роли очевидца, подчеркивая историчность описываемого, рассказ ведется от первого лица, что усиливает уровень доверия к нему. Однако дальнейшее повествование не продолжает «реалистическую» линию, вместо этого перечисляются важные символы города и символические вехи в его истории. Сложное совмещение историчности и подчеркнутого символизма отчётливо прослеживаются в анахронизме: выборжцы и путиловцы идут в бой «за новый мир, за Ленинград», тогда как в 1917 г. город еще назывался Петроград. Образ Ленина в этом примере усиливается и раскрывается через использование синекдохи («вождь» заменяется частью вождя – его рукой), что еще больше подчеркивает условность описываемого. Рука – это жест-символ, объединяющий вождя и народ, метафора направляющей силы партии. Реальные исторические персонажи упоминаются лишь в контексте их символической роли, выражающейся в героизме: авиационные достижения Чкалова, руководство города Кировым (героический ореол которого априорно обеспечен фактом его гибели «на посту»). При этом оба героя стали таковыми еще в 1930-е гг. Любопытно, что повествование, при общей условности, построено хронологически, подчеркивая ряд важнейших для города событий: революция – индустриализация (фигуры Чкалова и Кирова безусловно к ней отсылают) – блокада – день празднования (который «пройдет через века» – т.е. уходя в светлое будущее).

[797] Там же. Д. 404. Л. 87.

Этот пример, как и большинство других, раскрывает важный прием, характерный для праздничной пропаганды: внешне насыщенные «историческими» элементами и отсылками праздничные тексты на деле являются выражением символических ценностей. Используя исторический контекст в качестве «опоры», они практически не содержат документальной информации, как правило, не сообщают ничего «исторического», сама история используется сугубо инструментально, для усиления воздействия и подчеркивания достоверности излагаемой информации. Зато стихотворение с высоким революционном пафосом рассказывает о решающей битве под руководством «великого большевика» за «новый мир». Выступление Ленина с броневика превращается в момент «рождения» нового мира («счастья нашего... начало»). Реальная история (хаос 1917 года) заменяется упорядоченным нарративом: Ильич «растил отряд», народ «шел в бой» – здесь нет места стихийности. Утопическая цель, ради которой совершаются подвиги – это коммунизм. Финал стиха создает кольцевую композицию: броневик и рука Ленина указывают путь в будущее. Главная роль Ленинграда в этом стихе – сакральное место (свидетель) метафизических событий сотворения нового мира.

Современники Ленина. Другим излюбленным тропом в праздничной пропаганде были рассказы о людях, видевших Ленина. Шествие «старых большевиков» нередко начинало ленинградские демонстрации, также их приглашали на торжественные вечера, на трибуны в качестве гостей праздника, особое место им отводилось и в праздничных радиорепортажах. Так, во время празднования Первомая 1972 г., когда проходил Кировский район (впереди которого ехал трактор «Кировец»), во время прямого включения корреспондент беседовал с коммунистом «ленинского призыва» Константином Яковлевичем Яковлевым, участвовавшим в майской демонстрации 1924 года и ведшим первый трактор завода «Фордзон» тогда на площадь[798]. А, например, 7 ноября 1982 г. во время праздничного цикла репортажей «Революция в сердце моем…» звучал рассказ о старой большевичке Елене Александровне Гиляровой, куда была

[798] Там же. Л. 55–56.

включена пленка с ее рассказом о том, как она видела Ленина на Втором съезде Советов, делегатом которого была избрана[799].

Рассмотрим один из праздничных стихов, звучавших во время празднования 40-летия революции:

«Пламенеют знамена, как птицы паря.

Впереди ветераны идут Октября.

Впереди те, кто Ленина видел живым,

Кто, поверив ему, устремился за ним.

Эта вера покрепче гранита была,

Перед ней отступала и таяла мгла.

Ни блокады, ни пули сломить не могли –

За великую правду товарищи шли…»[800].

Главной характеристикой ветеранов революции оказывается то, что они видели Ленина живым, а кроме этого – вера в него, позволяющая преодолевать любые беды. Сакральность фигуры Ленина в данном случае раскрывается аналогично религиозным сюжетам, а ветеранов можно сравнить если не с апостолами, то с первыми последователями Христа, тем более что Ленин предстает носителем и выразителем «великой правды». Это выражение достаточно неопределенно, оставляет пространство для заполнения своими смыслами для каждого слушающего, и то же время намекает на объективность, поскольку правда всегда побеждает. Близка к религиозной и метафора о рассеивании мглы. В то же время обращает внимание фактическое отсутствие информации о самом Октябре, о конкретной деятельности ветеранов революции. Октябрь предстает не как реальное событие, а как символическое, а потому и не требует никаких исторических примет.

Ни один из крупных юбилеев Октября или самого Ленина (включая столетие в 1970 году) не стал поводом для серьезного пересмотра личности вождя или идей. Скорее напротив, чем дальше, тем более символической становилась

[799] Там же. Оп. 7-5. Д. 1481. Л. 22.
[800] Там же. Оп. 4. Д. 404. Л. 39.

его фигура, что позволяло, в зависимости от ситуации, использовать ее для обоснования совершенно различных целей. При Сталине – Ленин являлся основой его легитимности, в последующем – авторитет Ленина обеспечивал легитимность партии. Перенос празднования ленинского дня со дня смерти на день рождения вождя в этом смысле очень показателен: при Сталине – Ленин предстает как гениальный человек и Иосиф Виссарионович помнит его живым, при последующих партийных лидерах – «вечно живой» Ленин скорее символическая фигура. Также обращение к Ленину использовалось для обоснования корректировки курса страны и партии во времена перемен – в частности в период «оттепели», когда Н. С. Хрущев провозглашал «возврат к Ленинским нормам» и использовал его в качестве инструмента десталинизации. В период «застоя» образ Ленина, в целом не меняясь качественно, подвергся формализации: бесконечное цитирование в речах, тиражирование одних и тех же клише превращали обращение к нему в формальность, лишенную глубокого содержания. Попытки М. С. Горбачева преодолеть эту закостенелость и «переоткрыть», обновить образ Ленина за счет гласности успеха не принесли: в официальной государственной идеологии роль Ленина просто не успели переосмыслить, а для неофициальной общественной мысли важнее оказались статьи в желтых газетах и труды авторов с сомнительной репутацией. Однако о том, насколько прочное место он занимал в системе ценностей советского человека, говорит тот факт, что даже в перестройку, когда, в условиях гласности, стали печататься критические заметки о вожде, в праздничной пропаганде он занимал прежние позиции: люди несли его портреты, а всесоюзным центром праздников оставалась Красная площадь с незадрапированным Мавзолеем.

3.1.2. ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Октябрьскую революцию можно считать краеугольным камнем советской идеологии. Соответствующий миф плотно вошел в мировоззрение советских граждан, что сделало в их глазах Октябрь 1917 года центральным событием в

истории человечества. Проведенный Б. А. Грушиным анализ опросов общественного мнения периода «оттепели» показал, что выбор подавляющим большинством советских граждан событий ВОСР как главных в мировой истории XX века (опрос «На Марс – с чем?»), был бесспорным, без каких-либо сомнений[801]. В период зрелости уже вступили люди, рожденные после революции, и для них праздник Октября был также чем-то привычным. Наконец, день 7 ноября получил общенациональный статус после событий 1941 г., когда прямиком с парада на Красной площади полки отправлялись на защиту Родины. Поэтому поддерживать память об Октябре 1917 г. было важно и для властей, и, как мы убеждены, для населения. Восприятие тех событий связывалось главным образом не с самой революцией, а с началом новой эпохи, в «продолжении» которой живут современники. «Октябрь» стал одним из ключевых сюжетов советской идеологии, семиотическим ядром, к которому привязывались все иные столпы советской пропаганды («мифы») и прочие, менее значимые нарративы. По значимости (как мощный символ-сюжет) он не уступал «Ленину», а, возможно, даже был и более значим.

В праздничной пропаганде Октябрь также занимал одно из центральных мест, причем не только в главный советский праздник – годовщину революции, но и во время Первомая и прочих торжеств. С Октябрем был связан костяк ритуально-символического содержания массовых праздников: демонстрация отсылала к революционным процессиям и забастовкам 1917 года; транспаранты и лозунги с рапортом об успехах или здравицами в адрес партии – к протестным транспарантам и лозунгам 1917 г.; само шествие к Дворцовой площади и прохождение по ней – к штурму Зимнего. Праздничный день 7 ноября в известной степени повторял 25 октября 1917 года, только в «перевернутом» виде, проигрывал его из года в год, формируя идеологически правильное представление о тех событиях и о значении Октября.

[801] Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я «Эпоха Хрущева». М., 2001. С. 430.

Октябрь как неизбежная новая эра. Обратимся к текстам праздничных радиотрансляций. Октябрьская революция предстает в них не только как государство-образующее событие («Самый большой праздник пришел на нашу землю. Советская Родина вступает в 50-й год своего существования. Октябрь!»[802]), но как событие вселенского масштаба, буквально перевернувшее историю. Так, в одной из трансляций она называется автором «исполинским локомотивом небывалой мощи и сказочной силы», утверждается, что «Великий Октябрь открыл новую эру в истории человечества – эру революционного обновления мира, эру социализма и коммунизма»[803]. Онтологическим событием Октябрь предстает в праздничном стихотворении М. Исаковского: «Он был и есть начало всех начал»[804]. Идея нового летоисчисления, хоть и не прижилась, все-таки регулярно находила свое отражение в аудиальной праздничной пропаганде: «Октябрь – это точка отсчета новой Социалистической эры. Это начало великих преобразований, великих свершений, великой стройки» (7 ноября 1982 г.)[805]. Новая эра подразумевает начало «с чистого листа», что как бы обосновывало необходимость великих свершений и созидания, только теперь уже по истинно верному пути. Все это отсылает к классическому мифологическому сюжету (характерному для разных народов и, видимо, архетипичному) о сотворении мира. В советской системе координат подобным событием оказывалась именно Октябрьская революция.

В годы перестройки Октябрь стал позиционироваться как время «великих перемен» (этой фразы в тексте радиорепортажа изначально не было, она была добавлена редактором ручкой)[806]. В любом случае Октябрь преподносился как явление, исторически обусловленное и неизбежное, навсегда изменившее ход истории.

Провозглашение Октября началом новой эры в праздничной пропаганде не нуждалось в обосновании, оно должно было восприниматься как что-то само

[802] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 6-2. Д. 302. Л. 5.
[803] Там же. Оп. 7-3. Д. 306. Л. 18–19.
[804] Там же. Оп. 7-5. Д. 1481. Л. 20.
[805] Там же. Л. 9.
[806] Там же. Д. 1801. Л. 16.

собой разумеющееся. Акценты делались на другом, например – на эмоциях. Так, в трансляции 7 ноября 1966 г. диктор говорил как бы от своего имени: «Волнение охватывает, когда пытаешься представить грозную осеннюю ночь 17-го года в пламени солдатских костров перед Смольным, в железной поступи рабочих отрядов, в напряженной работе Ильича, в штурме Зимнего дворца здесь, на этой площади. Ветер с Невы полетел над землей с победной вестью: родился новый мир труда и свободы, свершилась Великая социалистическая революция»[807]. В данном примере обращают на себя внимание не только яркие образы, которые заставляют работать воображение и испытывать волнение вместе с рассказчиком, здесь на победу революции отзывается сама природа – ветер революции с Невы разлетается по всему миру. Мысль о неизбежности и предрешенности Октября нередко выражалась посредством природных метафор. Природа органична, ее законы не подвластны человеку, ее механизмы предопределены. Подобные характеристики переносились и на революцию.

Нередко Октябрь ассоциировался со светом. Например, в стихе из радиотрансляции 49-й годовщины революции:

«И видят все, как за морями,
Упав на землю, словно свет,
Из искры разгорелись в пламя
Надежд, свободы и побед.
В своем стремлении прекрасном,
Во мгле лучисты и остры,
Они летят, они не гаснут...
Горят октябрьские костры!»[808]

Октябрь предстает в данном случае как источник света, призванный рассеять тьму. Классическая бинарная оппозиция (свет – тьма) отсылает и к весьма конкретным вещам (например, газете «Искра» и известному крылатому выражению), и к мифологическим сюжету о Прометее. При этом подчеркивался и

[807] Там же. Оп. 6-2. Д. 302. Л. 5.
[808] Там же.

всемирный масштаб событий («и видят все, как за морями…»). Кроме «огненных» метафор иногда использовались и «водные», так в одной из трансляций говорилось об «обновляющих грозах революций»[809].

При таком подходе Октябрь не мог не обрастать сакрально-философскими коннотациями. Так, в трансляции 7 ноября 1982 г. в укороченном виде звучало стихотворение К. Ваншенкина «Октябрь» (1957 г.):

Оставив наше мирное жилье,
В урочный час, в погоду, в непогоду,
Свершаем путешествие свое
К исходному семнадцатому году.
Он с каждым разом в облике ином
Являлся, нашей сделавшись судьбою:
Он в детстве был неясным сладким сном,
Октябрьским красным флагом и стрельбою.
Он в юности отчаянно манил
Соленым ощущением простора,
Отвагою живущих в сердце сил
И ленточкою с надписью «Аврора».
Но все равно он был еще тогда
Лишь праздником, осенним Первомаем.
Летят года... И в зрелые года
Вновь для себя Октябрь мы открываем.
Мы к Октябрю сквозь время подошли,
И ясно нам, его путем идущим,
Что это философия Земли
Сегодня и тем более в грядущем…[810].

В данном стихотворении Октябрь обретает не только сакральный характер, а фактически становится онтологическим феноменом, не просто когда-то

[809] Там же. Оп. 7-3. Д. 306. Л. 18–19.
[810] Там же. Оп. 7-5. Д. 1481. Л. 10.

изменившим мир, а продолжающимся, длящимся, понимание которого может прийти только со временем. При этом весьма показательно, что поверхностное понимание Октября связывается автором именно с наиболее ярким его символом – Авророй. Опущенные редактором строки из стиха тоже об этом: «Не просто экскурсанты в выходной, / Что сквозь стекло глядят на экспонаты, / Опять, в который раз очередной, / Идем туда – под песни и гранаты. / И я с другими рядышком шагал/ Сквозь дождь и снег, в безмолвии и в гаме, / И я Октябрь годами постигал, / Как жизнь, что постигается годами»[811]. Автор говорит о том, что Октябрь не должен быть сведен к своим формальным воплощениям – празднованию («осенний Первомай»), символу («ленточка с надписью “Аврора”»), материальным артефактам («экспонатам»). Проблема, которую хорошо чувствовал поэт, едва ли в полной мере осознавалась идеологическими работниками, во всяком случае в праздничной пропаганде идеи Октября доносились почти всегда именно через формалистские воплощения и метафоры.

Иногда условность транслируемого образа даже не скрывалась. Описание событий 1917 г. порой в буквальном смысле воспроизводилось по фильму С. Эйзенштейна «Ленин в Октябре» (например, 7 ноября юбилейного 1957 г.[812]).

Воспроизведение знакомых и устоявшихся штампов, формальное отношение к осмыслению событий революционного 1917 г. было главным тропом праздничной гражданской лирики.

История и топография Октября. Историческое изложение самих событий 25 октября (по старому стилю) 1917 г. в праздничном контексте преподносилось, как правило, весьма скупо и через одни и те же устоявшиеся тропы и символы, которые, как и в случае с Лениным, связывались прежде всего с Ленинградом и ветеранами.

Особая роль Ленинграда довольно ярко раскрывается в следующих праздничных стихах, звучавших на праздновании 40-летия Октября в 1957 году:

«Ленинград! – наша гордость и слава.

---

[811] Ваншенкин К.Я. Октябрь. Электронный ресурс. URL: https://rupoem.ru/vanshenkin/ostaviv-nashe-mirnoe.aspx (дата обращения: 15.05.2025).
[812] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 4. Д. 404. Л. 7.

Ленинград! – революций оплот.
Здесь Советскую нашу державу
Зачинал победивший народ.
И когда предстают перед взором
Смольный, Ленин, зовущий вперед,
Возвестившая миру "Аврора"
Незакатного солнца восход;
И когда ленинградской блокады
Дни и ночи встают пред тобой,
Знаешь ты, почему Ленинграду
По плечу это званье – Герой.
Он трудом заслужил это право,
Он в сражения шел, как солдат.
Ленинград! – наша гордость и слава,
Ветеран Октября – Ленинград!»[813].

Город предстает не только как историческое пространство, где проходили революции, но как метафизическое место рождения Советской державы, сам акт рождения при этом обозначается как «незакатного солнца восход». Революция обозначается через привычные, знакомые слушателям символы: Смольный, Аврора, Ленин. Высокий гражданский пафос, столь характерный для 1950-х годов, в дальнейшем иногда уступал свое место лиричности.

В стихах Брониславa Кежуна, звучавших 7 ноября 1982 г., основные характеристики Ленинграда описаны весьма тезисно, при этом они как бы объединяют лирический и идеологический подход к теме:

«Вдохновляя сердца поэтов,
Словно шелест Летнего сада,
Величаво летит по свету
Слава нашего Ленинграда.
Это – слава крепкого сплава,

[813] Там же. Л. 43.

Красота его вековая!

Ленинград – это добрая слава,

Боевая и трудовая!

Это – Нашей Армии шлемы

Это – новых дерзаний взлеты,

Это – каменная поэма,

Это – Пулковские высоты!

Это – вольной Невы раздолье

Островов простор бесконечный

Это – тишь на Марсовом поле

Это – Ленина голос вечный!

Ленинград – это чайки вьются

В алых зорях невских заводов

Ленинград – город трех революций

Ленинград – город дружбы народов»[814]

Значение и роль города в этом стихе не сводятся к тому, что он был местом действия великого Ленина во времена великих событий. Используя отсылки к дореволюционной истории («вдохновляя сердца поэтов», «красота его вековая»), пейзажные зарисовки и патетические обороты, автор тем не менее отсылает к важным советским вехам жизни города (страны), среди которых: революция и гражданская война («тишь на Марсовом поле» – месте захоронения жертв революции), Великая Отечественная война («Пулковские высоты»), развитие научно-технического прогресса («новых дерзаний взлеты»). Значение Ленинграда раскрывалось и в том, что он важный промышленный центр («слава крепкого сплава», «невские заводы»), и, конечно, в том, что он город Ленина (его «голос вечный»). Последняя строчка о том, что Ленинград является городом «дружбы народов», видимо, отсылала к туристическому значению города, постоянно растущему в послевоенный период, но все же в ней скорее видится отсылка к

[814] Там же. Оп. 7-5. Д. 1481. Л. 17.

тиражируемой идеологеме: в годы юбилеев образования СССР тема дружбы народов становилась одной из главных в праздничных нарративах.

Октябрьский нарратив зачастую раскрывался через закрепившиеся в массовом сознании исторические образы, среди которых наиболее часто использовались «выстрел Авроры» и «штурм Зимнего». Большое значение отводилось топографии города, особенно его «историческим» местам.

Одним из самых распространенных и тиражируемых был образ легендарного крейсера «Аврора». В радиорепортаже 7 ноября 1972 г. диктор подчеркивал, что крейсер, получивший имя Авроры – утренний зари, стал символом зари новой истории человечества и поэтому родилась традиция начинать праздник на палубе крейсера, «видевшего огненосное рождение и победу Октября»[815]. И до этого ноябрьские праздники нередко открывала именно «Аврора» (например, 7 ноября 1957 г.[816]), однако только со второй половины 1960-х гг. это стало традицией и на ее борту стали устраиваться встречи и короткие митинги. Накануне торжеств на палубе крейсера проводились также встречи и награждения отличившихся[817]. В день праздника на корабль приглашались почетные гости, среди которых были секретари обкома и горкома партии, ветераны, руководители организаций. Глава обкома вместе с командующим парадом поздравляли моряков, в том числе юных нахимовцев[818]. Также «Аврора» была и во главе кораблей Балтийского флота во время военно-морских парадов[819]. Это позволяло поэтам показывать в праздничных стихах преемственность революционных традиций и современных успехов:

«…И кажется в ночную пору:
На силуэты кораблей
Взирает с гордостью “Аврора”,
Как мать на взрослых сыновей…»[820]

[815] Там же. Оп. 7-3. Д. 306. Л. 26.
[816] Там же. Оп. 4. Д. 404. Л. 6.
[817] Там же. Оп. 7-4. Д. 943. Л. 17–18.
[818] Там же.
[819] Там же. Л. 15.
[820] Там же. Оп. 4. Д. 404. Л. 5.

Праздничные дни становились поводом прибытия в Ленинград тысяч туристов, для которых крейсер входил в обязательную программу посещения. Дикторы праздничных радиорепортажей описывали подобные мероприятия так (7 ноября 1977 г.): «”Аврора” – вся в ожидании начала праздничных торжеств. Старый корабль словно помолодел в канун всенародного праздника… В эти дни нескончаем поток гостей со всех уголков нашей Родины, из десятков зарубежных стран к “Авроре”. С глубоким интересом знакомятся люди с историей корабля революции, выстрел бакового орудия которого возвестил 60 лет назад миру о начале новой эры в истории человечества – эры социализма»[821]. Также гости города посещали и Дворцовую площадь, главное место проведения торжеств.

Дворцовая площадь. Зачастую в рассказах о ней использовался эпитет «историческая», выбранное прилагательное подчеркивало значимость этого места в советской истории и отсылало к событиям 1917 г. Сам город выступал и как место, и как герой событий, в которых родилось новое государство. Символизация усиливалась за счет того, что привычное, повседневное пространство, которое ленинградцы могли наблюдать ежедневно, значительно преображалось за счет украшений и размещенных на фасадах зданий портретов. Так, в ноябрьские праздники 1974 г. здание Штаба гвардейского корпуса на Дворцовой площади было украшено огромным панно, изображающим шагающего Ленина в полный рост (чуть выше высоты здания – см. **приложение № 3**) Это создавало эффект присутствия вождя, шествующего вместе с демонстрантами по площади. А, например, 7 ноября 1986 г. это же здание было украшено панно в стиле мозаики с изображением бюста Ленина, под чутким взором которого вечером того же дня площадь стала театральной площадкой, на которой разыгрывались сцены на революционную тематику (см. **приложение № 33**).

Как отмечал Г. Г. Почепцов, «превращение недискретного пространства в дискретное естественным образом порождает символы, даже если их не было в исходном объекте»[822]. Привычный хаотичный поток пешеходов и туристов на

[821] Там же. Оп. 7-4. Д. 943. Л. 17-18.
[822] Почепцов Г.Г. Указ. соч. С. 109.

площади в день праздника заменялся шествием четко очерченных колонн трудящихся, линейными, трибунами, разделяющими площадь на зоны зрителей и участников действа.

В праздничные дни Дворцовая площадь становилась не только центром праздника, ей придавался и сакральный характер как «свидетельнице» Октября и Ленина. В майской трансляции 1958 г. звучал стих Н. Д. Новоселова:

«…Легкий ветерок весенний,

Пламя знамен полощет.

Ленин, великий Ленин

Вышел сейчас на площадь…».

Диктор отмечал: «Машут ему с трибун старые коммунисты»[823]. Приветствие изображений Ленина как живых, и вообще одушевление как прием, можно считать частым тропом праздничной пропаганды. Сама площадь при использовании таких нарративов как бы возвращалась во время 1917 г. Проводилась недвусмысленная параллель событий Октября и событий настоящего: тогда шли бои, теперь советский народ демонстрирует мирные достижения, тогда транспаранты содержали одни лозунги, теперь другие, тогда пролетариат только рвал цепи рабства, теперь он хозяин и победитель и т.д. Фактически демонстрация проигрывала события 1917 г., только в «перевернутом» виде.

В публицистическом радиорепортаже З. К. Устиновой праздничная Дворцовая площадь сравнивалась с «необыкновенно прекрасной книгой», которую с возвышения гостевых трибун можно прочитать: «Лозунги, плакаты, транспаранты особым ярким отчеканенным языком ведут рассказ о сегодняшнем дне»[824]. Среди первых лозунгов рассказчица отмечала следующий: «Новую советскую Конституцию одобряем!». Про нее говорилось, что «народ приял ее всем сердцем и разумом». А про плакат со словами «Коммунистической партии спасибо за заботу!» автор говорила так: «Да и этот лаконичный язык кумача

[823] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 5-1. Д. 73. Л. 33.
[824] Там же. Оп. 7-4. Д. 943. Л. 81.

повествует о глубокой признательности советских людей за все те блага, которые мы получаем год от года щедрее. Это наши новые дома и парки, это новые школы и дома культуры, это облегченный труд людей, это наш богатый духовный мир»[825]. В этом отрывке площадь выступает как место встречи власти и населения, которое, конечно же, благодарит первую за проявленную заботу.

Марсово поле. Более противоречивыми в семиотическом смысле были нарративы о Марсовом поле, которое с первых лет Советской власти было одним из «мест памяти» и связывалось не только с радостными событиями победы революции и рождением нового мира, но и с трауром. Так, в рассказе о Марсовом поле (1 мая 1957 г.) диктор начинает с торжественной, наполненной высоким пафосом речи об этом месте как могиле жертв революции и далее переходит к событиям времен Великой Отечественной войны, повествование при этом стало вестись от первого лица: «Я помню его в дни войны, в дни блокады, изрытое траншеями и окопами, бустерами зенитных пушек, засаженное не тюльпанами астрами, а обыкновенной картошкой»[826]. Рассказ о недавнем прошлом подчеркивал контраст с современностью: «Сейчас это место сосредоточенной тишины, место отдыха, место свиданий»[827]. Испытания прошлого, таким образом, обеспечивали стабильность и счастье настоящего.

Однако использование образа Марсова поля в жизнерадостных праздничных нарративах было сильно ограничено, поскольку это место имело крепкую и, что важно, более недавнюю связь с другим историческим событием – Великой Отечественной войной.

После 1945 г. тема войны вошла в праздничные нарративы, причем не только в Дни Победы 9 мая, но и в другие праздники, особенно массовые – 1 мая и 7 ноября. Блокада для Ленинграда являлась (и является) частным и конкретным выражением Великой Отечественной войны. Трагическим образом это создало Ленинграду собственный «военный нарратив», поскольку опыт пережитого ленинградцами был прецедентен. Однако, ввиду болезненности темы и ее

[825] Там же. Л. 81–82.
[826] Там же. Оп. 4. Д. 401. Л. 92.
[827] Там же.

мрачной эмоциональной окраски, в жизнеутверждающих праздничных текстах она никогда не была основной, и если и освещалась – то в положительном, победном контексте. Периодически в ноябрьских и майских трансляциях встречались те или иные отсылки к Великой Отечественной войне, но, как правило, лишь в смысле сравнения: как сильно изменился город после суровых блокадных лет. Несколько чаще, особенно в 1980-е гг., стали упоминаться ветераны.

Например, в радиотрансляции 7 ноября 1985 г. в рубрике «Парад смотрят ветераны» репортер беседовал с участником Великой Отечественной войны, кавалером девяти боевых орденов Антоном Андреевичем Щербанем[828]. На вопрос журналиста о том, можно ли по параду сделать выводы о готовности бойцов защищать родину, ветеран отвечал, что это возможно и опытному глазу сразу видно, чего стоит солдат и офицер и слажено ли подразделение, и что ему очень приятно смотреть нынешний парад.

Несмотря на то что тема войны так или иначе всегда присутствовала в праздничных нарративах, особенно в 1950-е гг., когда праздник Победы был фактически отменен, она никогда не была основной. Победа представала в праздничной пропаганде лишь в подтверждение правоты идей Октября. История СССР преподносилась через концепцию трех побед: Гражданская война, Великая Отечественная война, трудовые победы современности. Связующим звеном прошлых и будущих побед выступала Коммунистическая партия Советского Союза, которая в радиотрансляциях нередко определялась как «Ум, честь и совесть нашей эпохи»[829].

Возвращаясь к теме использования топоса Марсова поля в праздничных нарративах, отметим, что в 1970 – 1980-е гг. рассказы о нем могли быть и вполне позитивно окрашены. Так, в первомайских стихах В. Н. Кузнецова 1972 г. Марсово поле позиционировалось как яркое символическое место, автор писал, что оно «свидетель высоких атак», знающий, что «пробился из рабства, одержал

[828] Там же. Оп. 7-5. Д. 1801. Л. 50.
[829] Там же. Оп. 7-3. Д. 305. Л. 33.

победу Спартак»[830]. Само поле, как и в случае с Дворцовой площадью, преподносилось как живое существо, свидетель великих событий.

Праздничные нарративы об Октябре в период от 1945 года и до распада СССР в целом не были подвержены качественным переменам, рассмотренные в этом разделе приемы и тропы использовались перманентно, ценность Октября в официальном дискурсе оставалась бесспорной. Однако на волне споров о революции, развернувшихся в годы перестройки в печати и в публичном пространстве, образ Октября не мог не пострадать – свидетельством этого служит сам факт обсуждения в 1990-м г. вопроса о том, стоит ли вообще праздновать 7 ноября в этом году[831]. И хотя празднование все-таки состоялось, оно стало последним официальным празднованием годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции в отечественной истории.

3.1.3. КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи. Нарративы, связанные с Коммунистической партией Советского Союза, в праздничных текстах были не менее постоянны, чем нарративы о Ленине и Октябре. Партия позиционировалась как единственный проводник и толкователь идей, заложенных в годы революции Владимиром Ильичом. За ней закреплялась руководящая и направляющая роль, она же выступала и моральным камертоном, и единственным источником заботы о благе трудового народа. В праздничной пропаганде ей отводилась особая роль, ноябрьские и майские трансляции нередко начинались именно со «Слова о партии».

Партийное руководство занимало самые почетные места на трибунах во время празднования. Сам факт прохождения демонстрантов мимо трибуны, где размещалась властная элита города, уже создавал иллюзию «близости» партии и народа. Ленинградцы практически лицом к лицу встречались с секретарями партийных организаций города, представителями Советов различных уровней.

---

[830] Там же. Л. 100.
[831] Известия. 1990. 7 ноября.

Пропуск на трибуны осуществлялся по пригласительным билетам, а общее число наиболее важных гостей праздника обычно составляло несколько тысяч человек[832]. Среди них были и старые большевики, и иностранные гости. Эффект этой «близости» народа и власти был особенно заметен в 1930-е гг., можно вспомнить знаменитые кинохроники, где И. В. Сталин с трибуны Мавзолея приветствует демонстрантов, радостных от возможности увидеть вождя. В последующем появился лозунг «Народ и партия едины», впервые опубликованный в качестве подзаголовка статьи на первой странице «Известий» вскоре после смерти Сталина – 8 марта 1953[833]. В 1957 г. был выпущен знаменитый плакат с этим лозунгом, и примечательно, что люди на нем изображены в праздничной одежде, с цветами и красными бантами (см. **приложение № 34**).

Партия занимала значимое место и в аудиальном сопровождении торжеств, например, с постоянством исполнялась песня на стихи С. В. Михалкова «Партия – наш рулевой»[834]. Партия в этой песне выступает не только рулевым, «зовущим на подвиги советские народы», но и прямым продолжателем дел Ленина. Во многих нарративах о партии, авторитет последней обосновывался тем, что она наследница дел и идей Ленина.

В трансляции 1 мая 1972 г. звучали стихи Н. П. Федорова: «Вглядитесь, и вы увидите самые дорогие сердцу советского человека слова: Ленин! Партия!

Партия,

Твоим знаменам слава –

Ленинский завет неколебим!

Мы тебя, великая, по праву

Нарекли великим рулевым!»[835]

Партия обеспечивала правильность курса, по которому развивался Советский Союз, принадлежность к ней позиционировалось и как самая большая

---

[832] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 25. Д. 2251. Л. 2.
[833] Известия. 1953. 8 марта.
[834] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 4. Д. 401. Л. 117.
[835] Там же. Оп. 7-3. Д. 305. Л. 33.

ценность для советского гражданина, и как органическая его часть (буквально «пульс партии» становился пульсом каждого). Именно такой предстает партия, в посвященных ей стихах Г. А. Некрасова к 1 мая 1956 г.:

«Все, что мы решаем, – нерушимо.
Выверен ведущий в завтра курс.
И в любом из нас неукротимо
Партии стучит могучий пульс.
<…>
Ей сегодня радость песнопений,
Яркость красок, бьющих через край…
Здравствуй, долгожданный и весенний
Праздник нашей славы – Первомай!»[836]

Также нередко партия называлась учителем и любимым другом каждого советского гражданина:

«Ты – наш учитель, вождь и друг любимый,
Опора верная в труде, в боях.
Родная партия, вовек неразделима
Судьба народа и судьба твоя».[837]

Позиционирование партии в качестве вождя было особенно актуально после смерти И. В. Сталина, поскольку все последующие руководители страны не могли претендовать на эту роль в полной мере. Единоличное лидерство как бы подменялось коллективным. Например, в праздничных лозунгах, утверждённых для украшения Ленинграда 7 ноября 1963 г., Н. С. Хрущев упоминался только в роли одного из многих: «Да здравствует ленинский ЦК КПСС во главе с Н. С. Хрущевым!»[838]. Первое персональное «появление» первого секретаря в лозунгах относится к 1960 году, когда в праздничном оформлении рекомендовалось отметить его выступление на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, «как крупную победу последовательной миролюбивой политики

[836] Там же. Оп. 4. Д. 137. Л. 5.
[837] Там же. Оп. 7-3. Д. 305. Л. 33.
[838] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 42. Д. 177. Л. 8–9.

ЦК КПСС и Советского правительства»[839]. Однако в лозунгах и призывах 1950-1980-х гг. упоминания отдельных личностей никогда не превосходили по количеству лозунги о партии в целом. Мудрость партии связывалась с ее коллективным руководством: «Ее коллективная мудрость указывала точный курс народу, и народ верил своей партии»[840].

Существование и успех Советского Союза связывались именно с существованием и благополучием партии. Например, так об этом говорил диктор в одной из праздничных радиотрансляций: «Это она – великая партия Ленина, ум, честь и совесть нашей эпохи», «источник и залог силы и могущества Советского союза»[841], «сила, слава и гордость советского народа»[842]. Среди ее заслуг назывались руководство страной в дни Октября и в Гражданскую войну, в годы первых пятилеток, в годы Великой Отечественной и послевоенного восстановления. В праздничной пропаганде всячески подчеркивалось, что любые успехи и достижения, как прошлого, так и настоящего, связаны именно с партией. Приведем пример из текста ноябрьского репортажа 1953 г. В оригинальный текст: «… 36 лет назад рабочие, матросы и солдаты в этот день штурмовым натиском взяли Зимний дворец…», была внесена приписка цензора и теперь текст звучал так: «…36 лет назад рабочие, матросы и солдаты, руководимые коммунистической партией, в этот день штурмовым натиском…»[843].

Ее решения, планы указывали светлый путь в будущее, например, решения XXIV съезда партии сравнивались со «светом гигантского маяка, освещающего наши дни»[844]. Партия оказывалась не только источником прошлых побед, но и проводником в «светлое будущее», одной из центральных идеологем 1960–1970-х гг.

Партия – проводник в светлое будущее. Идеи «светлого будущего» и «коммунистического завтра» пронизывали советскую идеологию с самого начала

[839] Там же. Оп. 37а. Д. 7. Л. 20.
[840] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-3. Д. 306. Л. 105.
[841] Там же.
[842] Там же. Л. 106.
[843] Там же. Оп. 2-3. Д. 4528. Л. 2.
[844] Там же. Оп. 7-3. Д. 306. Л. 105.

ее существования, однако наиболее ярко они стали тиражироваться в период «оттепели». Знаменитая фраза Н. С. Хрущева о том, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме, впервые появилась в праздничном оформлении Ленинграда уже в ноябрьские праздники 1961 г.[845] – сразу после XXII съезда.

В идеологическом наполнении массовых торжеств 1960-х гг. заметно значительное влияние принятой на XXII съезде КПСС новой Третьей Программы партии, важной частью которой был «Моральный кодекс строителя коммунизма». С принятием этого документа, а также в связи с техническим прогрессом, важное место в праздничной риторике заняли образы будущего. Они находили отражения как в лозунгах (наиболее ярко в ряде идеологем, связанных со «строительством коммунизма»), так и в отдельных сюжетах, транслируемых в дни торжеств. Например, во время первомайской демонстрации 1958 г. одной из тем, включенных в радиотрансляцию отдельно, была «Техника будущего». Докладывая об успехах ленинградской промышленности, диктор отмечал роль Ленинграда как крупнейшего центра технического прогресса (в качестве подтверждения этому приводился показ изделий местных промпредприятий на Всемирной выставке в Брюсселе)[846]. «Еще совсем недавно создание таких станков было научной фантазией, а сейчас творческие предположения ученых и инженеров воплощаются в жизнь»[847], – говорил диктор. Наступление светлого будущего напрямую связывалось с научно-техническим прогрессом. Подчеркивание непосредственного участия ленинградцев в этом процессе создало ощущение причастности, что, как кажется, было важным и действенным идеологическим инструментом эпохи.

Первомайская тематика оформления улиц и площадей в 1962 г. отчетливо показывает новые направления в транслируемом идеологическом дискурсе. К лозунгу о руководящей и направляющей роли КПСС добавляется «КПСС – вдохновитель и организатор всех побед советского народа в борьбе за

[845] Там же. Оп. 7-1. Д. 96. Л. 222.
[846] Там же. Оп. 5-1. Д. 73. Л. 51.
[847] Там же.

коммунизм», также появляются лозунги «От социалистической государственности к коммунистическому самоуправлению» и «Коммунизм – светлое будущее всего человечества», говорилось и о воспитании коммунистической сознательности у советских людей[848].

Наступление светлого будущего связывалось не только с мудростью партии, но и с тем, что оно было предначертано революцией:

«… С каждым днем
Наша Родина краше.
Широка ты, дорога побед!
Озаряет грядущее наше
Вечный свет,
Революции свет!»[849].

Устойчивость модели будущего обеспечивалась бессмертностью коммунистической идеи. Так, в стихах А. А. Аквилева провозглашалось бессмертье революции:

«В биении сливаются
Бессмертные сердца.
Бессмертье начинается
У Зимнего дворца.
Бессмертье начинается
Под орудийный гром.
Бессмертье начинается
Бессмертным Октябрем…»[850].

Значительная часть идейного наполнения торжеств, направленная на решение насущных политических задач, обосновывалась идеей утопического будущего, которым и должно было закончиться построение коммунизма (см. пример праздничного оформления 1963 г. – **приложение № 35**). Если к 1920-х гг.

[848] Там же. Оп. 7-5. Д. 1481. Л. 74-77.
[849] Там же. Оп. 6-2. Д. 302. Л. 6а.
[850] Там же. Л. 8.

утопический пафос торжеств сошел на нет, поскольку будущее уже наступило[851], то в начале 1960-х гг. образы будущего вновь набирали силу. Неслучайно главными героями эпохи становились «физики и лирики», строители, космонавты, ученые – люди, занятые созданием чего-то принципиально нового, главные проводники будущего. При этом, как отмечает А. А. Фокин, автор увлекательной книги об эпохе 1950–1960-х гг. и образах будущего, сама идея построения коммунизма, закрепленная в Третьей программе партии, была направлена на решение текущих хозяйственных задач[852]. Настоящее и будущее в таком контексте оказывались прочно связаны: трудимся сейчас – чтобы отдыхать потом, строим сейчас – чтобы жить потом, терпим лишения – чтобы в будущем их не знать.

Подобные нарративы сохранялись в 1970-е гг. Так, в одной из праздничных радиотрансляций диктор цитировал выступление Л. И. Брежнева на 15-м съезде профсоюзов: «Мы уверенно и прямо смотрим в будущее. Мы знаем, что сегодняшние трудовые успехи будут завтра еще весомей, еще значительней. Потому что каждый советский человек стремится к тому, чтобы завтра работать лучше, чем сегодня…»[853].

Вера в будущее поддерживалась успехами настоящего. В 1960-е гг. она нередко связывалась с достижениями в покорении космоса, как, например, в стихотворении «Наше время»:

Это мудрой науки
и разума знамя
Мы несем
над просторами
мирной земли.
Так летите земные посланцы
за нами,

[851] Паниотова Т., Романенко М. Навык воображать будущее: утопическое измерение советских революционных празднеств // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 2. С. 589.
[852] Фокин А.А. «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М., 2017. С. 72–73.
[853] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-3. Д. 305. Л. 39.

На Луну и на Марс
Поведем корабли.
Это счастье и мир
всех народов планеты,
Это взлет стратонавтов
в межзвездную высь,
Мы живем,
Ильича выполняя заветы –
Вместе с партией
Строим в труде коммунизм»[854].

Успехи в освоении космоса, наступление нового этапа научно-технической революции, качественное улучшение уровня жизни во второй половине 1960–1970-х гг. создавали впечатление, что будущее уже наступает. Однако характерный для этого времени оптимизм постепенно сходил на нет. Обещание построение коммунизма к 1980 г. не было выполнено. Как отмечает Д. Рейли, к 1980-м гг. «увядание идеологии хрущевского утопизма», наряду с другими социокультурными и экономическими факторами, ускорили разложение коммунистической идеи и приблизили кризис[855].

Несмотря на это, в праздничной пропаганде идея светлого будущего продолжала тиражироваться. Например, в публицистической радио-зарисовке «Слово о партии» Б. Ф. Маркова от 7 ноября 1982 г.: «Коммунистическое будущее широко и мощно вошло в настоящее раскрепощением труда, радостью творчества, неуспокоенностью достигнутым и устремленностью вперед»[856]. Однако общественное восприятие подобных речей становилось все более скептичным. Большую роль в десакрализации партии как олицетворения власти сыграл Л. И. Брежнев, чье время нахождения на посту главы партии стало временем роста иронии и разочарования по отношению к партии и ее руководителям. Д. Рейли приводит воспоминания современников, которым было

[854] Там же. Оп. 4. Д. 404. Л. 98.
[855] Рейли Д. Советские бейби-бумеры... С. 379.
[856] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-5. Д. 1481. Л. 26.

стыдно за власть и страну в это время, отторжение которых вызывал не только стареющий Леонид Ильич, но и его «серое» и «безликое» окружение – Политбюро[857] (элита партии!).

Реформы М. С. Горбачева и начатая им перестройка должны были, в числе прочего, изменить это общественное отношение к партии. Используя, как и Н. С. Хрущев риторику «возврата к ленинским нормам», Михаил Сергеевич пошел дальше и в качестве инструмента «обновления» разрешил публичную критику. Так, в трансляции 7 ноября 1985 г., диктор приводил слова из проекта новой редакции Программы КПСС: «Принадлежность к партии не дает никаких привилегий, а означает лишь более высокую ответственность за все, что делается в стране, за судьбы коммунистического строительства, общественного прогресса»[858]. Поднималась и тема личной ответственности партийцев[859]. А когда речь впервые зашла о гостях трибуны, диктор среди них выделил только представителей лучших трудовых коллективов[860], тогда как обычно подчеркивалось, что праздник смотрят и члены партии. Но преувеличивать критический настрой было бы неверно, тот же репортаж содержал рубрику «Слово верности партии» с беседой диктора и председателя Совета содействия музею Великой Октябрьской Социалистической революции Д. В. Грибакина. Сын известного революционера отмечал, что вся страна видит «новое» и борется за это «новое», при этом, ожидая партийного съезда, призвал «прислушиваться к каждому слову нашей Коммунистической партии»[861].

Однако идеологический кризис, усилившийся в конце 1980-х гг., сопровождался утратой доверия к партии, ее десакрализацией и общим разочарованием в идее построения светлого будущего. Этот сюжет достаточно хорошо описан в научной литературе, поэтому лишь отметим, что в праздничном контексте этот кризис был отмечен появлением на ленинградских первомайских и ноябрьских демонстрациях альтернативных и оппозиционных лозунгов. Так, 7

[857] Рейли Д. Советские бейби-бумеры... С. 336–337.
[858] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-5. Д. 1801. Л. 26
[859] Там же. Л. 26-27.
[860] Там же. Л. 60.
[861] Там же. Л. 97.

ноября 1989 г. демонстранты вышли на Дворцовую площадь с такими лозунгами «Наша цель – общество свободных граждан», «Ударим перестройкой по коммунизму», «Коммунисты, отдайте власть», «Не дадим обЕГОРить крестьян» (вероятно, имелся в виду Егор Кузьмич Лигачев, в 1988–1990 гг. возглавлявший комиссию ЦК КПСС по вопросам аграрной политики), «Демократизация – через многопартийность!»[862] и др. Как видно из этих лозунгов, под «удар» попадали не только отдельные личности, но сама идеологическая основа Советского Союза – коммунистическая идея, и ее главный проводник – КПСС.

Оппозиция использовала устоявшиеся официальные канонические праздничные элементы и лозунги в «перевернутом» виде, переиначивая их на свой лад и наполняя противоположенным содержанием: так, известный лозунг о пролетариях всех стран превратился в «Демократические силы Ленинграда, объединяйтесь!» и в «Пролетарии всех стран, простите»; главный большевистский лозунг 1917 г. предстал в следующем виде: «Земля – крестьянам, совесть – политикам»; также на той демонстрации можно было увидеть портрет партийного деятеля (имеющего визуальное сходство с Л. И. Брежневым), на который был наклеен листок с надписью «Позор КПСС»[863]. Как видно, наибольшей критике подверглись не Ленин и Октябрь, а именно коммунистическая партия, как самое «слабое» место анализируемой в этом разделе триады. Структурный кризис, охвативший всю страну, таким образом, затронул и советские праздники, подорвав монополию КПСС на них и их идеологическое содержание.

Итак, от первых послевоенных лет до кризиса конца 1980-х гг. и распада Советского Союза в 1991 г. центральными идеологическими сюжетами праздничной пропаганды были Ленин, Октябрьская революция и Коммунистическая партия СССР. Эти три ключевых темы составляли стержень советской идеологии и мифологии. В них воплощались сакральные мифологемы о создателе-демиурге (Ленин) и о сотворении мира (Октябрь). Партии отводилась

[862] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-9388. Оп. 1. Д. 93. Л. 5, 6, 20, 23.
[863] Там же. Л. 3, 9, 17, 20.

роль единственного толкователя идей творца, продолжателя, ведущего народ по пути, который указал творец и который был предначертан самим актом сотворения нового мира – по пути к коммунизму, к «светлому будущему». Воплощение этого мифологического нарратива в праздничной практике Ленинграда осуществлялось за счет вербальной и невербальной пропаганды, посредством визуального оформления города и колонн демонстрантов (прежде всего, через лозунги), музыкальных произведений, а также радиотрансляций, в которых эти нарративы озвучивалось наиболее явно. Как показал анализ праздничных текстов, «символическое» и «историческое» в информационном воспроизводстве важных идеологических нарративов в праздничные дни всегда соседствовали и взаимо-дополняли друг друга. При этом доминирующей была все-же «символическая» линия – сам формат массового праздника подразумевает высокую степень условности, в которой наивысшие ценности транслируются прежде всего через знаки и символы, в том числе через мифологемы и идеологемы. История же скорее обслуживала идеологию, поставляя факты и сюжеты, которые потом творчески преобразовывались пропагандистами. В то же время история позволяла преподносить эти сюжеты замаскированными под достоверность, реальность, обосновывая их «объективность» через исторический детерминизм. В случае с нарративами о Ленине и Октябре «историческую достоверность» транслируемым нарративам придавали отсылки к историческим местам, а также привлечение к участию в торжествах ветеранов, «старых большевиков» – свидетелей легендарных событий.

Два центральных мифа работали на взаимное усиление: упоминание Ленина неизбежно вызывало коннотативные ассоциации, связанные с Октябрем, и наоборот; неизбежность Октября (согласно советской идеологии) означала неизбежность Ленина, что придавало его образу ореол пророка. Октябрь с точки зрения его семиотического содержания был событием, аналогичным библейским и мифическим сюжетам, связанным с сотворением мира – началом всех начал, новой точкой отсчета. Отсюда неслучайны и попытка введения нового летоисчисления от 1917 г. (год революции – нулевой год новой эры), и четкое

разделение всей истории на события дореволюционные и послереволюционные. Ленин же выступал в качестве пророка, который своей жизнью и судьбой воплотил Октябрь. Их связь работала как механизм верификации мифа: революция доказывала гениальность вождя и его «избранность», а вождь служил персонификацией революции, ее телесным и интеллектуальным воплощением (отсюда в том числе и отношение к цитатам Ленина, как к священным текстам).

Нарратив о КПСС полностью опирался на эти два стержневых сюжета, поскольку не имел своего собственного устоявшегося мифологического воплощения, вместо него транслировались идеологемы о заботе партии о народе и о том, что партия ведет страну к коммунизму. В условиях экономического и идеологического кризиса второй половины 1980-х гг. вера в заботу партии о населении и в идею о скором построении коммунизма рухнула. А за ней рухнули и вера в непогрешимость, святость Ленина и его идей, убежденность в неизбежности Октябрьской революции и в том, что путь, пройденный Страной Советов, был единственно верным и возможным.

3.2. ОТРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ И АКТУАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА В ПРАЗДНИЧНЫХ НАРРАТИВАХ

Государственные массовые праздники служили подходящим инструментом для трудовой мобилизации населения, публичного оглашения перемен во внутриполитическом курсе, новых идеологических кампаний и т.д. Так, например, концепция «развитого социализма» впервые была озвучена Л. И. Брежневым именно на юбилейном заседании, посвященном 50-летию Октябрьской революции[864]. Но чаще всего актуальная политическая праздничная пропаганда посвящалась следующим темам: единение вокруг центра, обороноспособность страны, внешняя политика, трудовая мобилизация, успехи и достижения советского государства.

Единение вокруг центра, вокруг России. Конкретным олицетворением центра в праздничной пропаганде, как правило, являлась Москва. Стремление

[864] Медведев Р. Политический портрет Л.И. Брежнева. С. 181.

равняться на Москву касалось не только организационных аспектов праздников, отсылки к ключевой роли столицы являлись неотъемлемой частью идеологического содержания праздничной пропаганды. Во-первых, московские парады открывали череду праздничных парадов по всей стране, во-вторых, для синхронизации с Москвой в Ленинград (и скорее всего, в столицы республик) присылались партитуры московских торжеств, в-третьих, в праздничных теле- и радиопередачах, как правило, рассказы о Москве шли в самом начале. Например, в тексте радиотрансляции 7 ноября 1966 г. стихи «О Москве и Кремле» звучали одними из первых, и лишь затем шла речь о празднике вообще. Примечательно, что из текста упомянутой трансляции оказались вычеркнуты следующие слова: «И куда бы ни залетел ветер Октября, в каком бы далеком краю ни замерцали революционные искры, человек знает: их родина – невские берега, город, названный ленинским именем…»[865]. Соседство идеологем о главенстве Москвы и о Ленинграде – родине революции – было конфликтным, поэтому цензор сделал выбор в пользу столицы.

Тезис об исключительной роли Москвы, как правило, либо вообще не опирался на какие-либо аргументы, либо сводился к ее значимости как столицы, откуда мудрое советское руководство ведет страну по пути к коммунизму. Так, например, включение Москвы во время Первомая 1972 г. сопровождалось в том числе такими словами: «Советский человек, какой бы он ни был национальности, чем бы ни занимался – он всегда чутко прислушивается к голосу Москвы, к голосу матери-Родины»[866]. Москва в данном речевом обороте выступает синонимом Родины, что подчеркивает лидерство РСФСР среди других республик. Обычно, по нашим наблюдениям, цензоры и редакторы старались сгладить острые углы национальной темы и избегать излишнего русоцентризма, однако в 1972 г., в преддверии 50-летнего юбилея образования СССР, тезис о главенствующей роли России, видимо, был утвержден на самом высоком уровне, что отразилось в информационном освещении и Первомая, и годовщин Октября.

---

[865] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 6-2. Д. 302. Л. 5.
[866] Там же. Оп. 7-3. Д. 305. Л. 26.

Редакторы в таких условиях были вынуждены вести себя очень осторожно. Например, значительные трудности пришлось испытать редактору тематической рубрики «Родина русская – родина милая» из первомайской трансляции 1972 г. «Русская» была заменена на «советская», однако весь текст, написанный М. Н. Гуренковым, был завязан именно на России и ее исключительной роли, поэтому изначальный замысел обойтись заменой одних прилагательных на другие потерпел неудачу. Редактору пришлось на протяжении всего текста менять «Россию» на «Родину», дополнять ряд «Татария и Чувашия, Якутия и Карелия, Бурятия и Мордовия» Украиной, Грузией и Казахстаном[867], но однозначно решить, о чем же идет речь – об СССР или о РСФСР, редактор, видимо, так и не смог – потому как сравнительные выражения о наибольшей многолюдности и раздольности были убраны, российские регионы оказались перемешаны с советскими республиками, а образование страны датировано 1918 годом.

На ноябрьских торжествах тема была продолжена. Дикторы отмечали лидирующую роль РСФСР среди других республик, подчеркивая ее созидательную роль и помощь. «С первых лет Советской власти Российская федерация оказывает огромную помощь всем советским республикам. И трудящиеся России повседневно и во всем ощущают благотворное влияние сотрудничества со всеми народами страны»[868]. Тогда же звучало стихотворение Максуда Шейхадзе под названием «Россия»:

«Я стихами богат, но для сердца все мало.
Вновь скажу о России, как жизнь, дорогой!
Слово Ленина!
Ты нас вело, окрыляло
И светило во тьме, словно день золотой!
Где дорога к рассвету? – мы русских спросили…
И Союзу народов – начало Россия!
Стали русские братья примером единства,

[867] Там же. Л. 65.
[868] Там же. Д. 306. Л. 50.

В бой вступали народы, у русских учась,

И сегодня живем мы семьёй исполинской,

С величавой Россией – крепка наша связь.

Стал нам светочем разум России высокий,

Он в грядущее нам озаряет дороги,

И на всех языках старшим братом зовется

Славный русский народ, что умеет бороться!

Завещание дедов запомнилось нам:

“Ели русский – твой спутник, дорога – верна!”»[869].

России и русским в данном произведении отводилась роль старшего брата, указавшего дорогу к счастью («рассвет» – выход из тьмы). Россия – и пример для подражания, и обладатель «высокого светоча разума» (вероятно, намек на помощь России в преодолении технической отсталости), и страна-победитель, которая умеет бороться. При этом всем – следование за Россией представлено не только через исторический опыт, оно обосновано отсылкой на авторитеты – слово Ленина, завещание дедов. Подобная риторика не являлась новой в советской пропаганде, она зародилась и укрепилась еще в 1930-е гг., когда на смену мифу о России как тюрьме народов пришла идеологема о России – старшем брате. Однако, по нашим наблюдениям, в 1950–1960-е гг. России не отводилось столько эфирного времени, обычно речь шла все-таки о Союзе в целом, и о советском народе.

Использование этого устойчивого выражения, ставшего распространенным после XXII съезда КПСС и представлявшего национальный вопрос в СССР решенным, должно было сгладить национальные противоречия. Основные черты, связывавшие множество национальностей в один (советский) народ, обозначались следующим образом: «К какой бы национальности ни принадлежал советский человек, он, прежде всего, – сын своего социалистического отечества… Единство целей, совместная самоотверженная борьба за построение коммунизма, руководящая роль партии – вот, что явилось основой возникновения невиданного

[869] Там же. Л. 50–51.

ранее общества, многонационального и единого советского народа»[870]. Исходя из этого, разочарование в идее построения коммунизма и в партии было должно привести и к разобщению народов, что и на самом деле подтвердится в реальной жизни в последние годы перестройки.

Идея о единении народов в праздничном контексте имела и деятельностное воплощение. Накануне праздников нередко устраивались разнообразные национальные выставки и «декады искусств». В праздничной пропаганде подчеркивалось, что связи между представителями разных республик становятся не только «производственными», но и сердечными, и как пример приводились именно литературные декады[871]. Многонациональность проявлялась и в оформлении, так, диктор отмечал «как символическое присутствие… на Дворцовой, посланцев со всех концов страны – флаги республик в руках знаменосцев»[872]. А приметой Первомая 1982 г. диктор назвал автомашины с макетами-картами СССР, на которых красными и синими нитями обозначались связи предприятий или институтов Ленинграда с союзными республиками. Идея задумки – в отражении многообразия и сложности экономических, научных, культурных отношений Ленинграда с городами Союза[873].

Кроме этого, во время военных парадов рядом друг с другом маршировали представители разных национальностей, что также иногда подчеркивалось дикторами. Так, в рассказе об одном из боевых расчетов говорилось: «Тут и сын киргизских степей Шаршел Ахматов, и молодой слесарь молдаванин Албут, и латыш Энгельберс»[874]. В целом, пропагандистам не нужно было сильно стараться, чтобы рассказать о мирном соседстве республик и уникальной многонациональности Советского Союза, потому как межнациональные отношения вплоть до конца 1980-х гг. были относительно стабильными.

Обороноспособность страны. Военные парады, которые еще с 1920-х гг. были одним из постоянных элементов советского массового праздника, сами по

[870] Там же. Л. 122.
[871] Там же. Л. 136.
[872] Там же. Оп. 7-5. Д. 1481. Л. 71.
[873] Там же. Д. 1480. Л. 21.
[874] Там же. Оп. 2-3. Д. 4528. Л. 16.

себе являлись важным высказыванием, обращенным как внутрь страны, так и вовне: советская страна хорошо защищена и готова дать отпор любым агрессорам. Нередко наблюдавшие за парадами иностранные дипломаты и атташе составляли информационные сводки об увиденной технике и делились своими впечатлениями, их мнением интересовалось и советское руководство[875].

Информационное сопровождение военных парадов было завязано на теме превосходства советского оружия, боевой готовности и возможности защищать советскую родину. Тема обороны органично связывала прошлое и настоящее, героика прошлых лет обеспечивала успех нынешний. Например, 1 мая 1957 г. диктор читал следующий текст:

«О боевых годах напоминая,
Храня покоя мирного ключи,
Стволами расчехленными сверкая,
Орудья проплывают.
Тягачи,
Дымя, ревут.
Как наступленья слава,
Уходит гром за площади края.
Твоя навечно поступь величава,
Родная артиллерия моя!
Пусть лучше нас не трогают –
не надо!
Хоть мы себя сумеем защитить.
Умеешь ты не только на парадах –
И по просторам вражеским ходить»[876].

Недавняя победа, с точки зрения автора этого стиха, должна служить напоминанием врагам, чем может обернуться агрессия против СССР.

[875] Невежин В.А. Советская праздничная культура… С. 177, 187-188.
[876] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 4. Д. 401. Л. 29.

Обращение к отдельным родам войск было частым тропом в праздничных радиотрансляциях, особенно в 1950-е гг. Например, марш пехотинцев в 1957 г. сопровождался такими строками:

«За ротою движется рота.

И марши звучат все сильней.

Да здравствует наша пехота –

Царица военных полей!»[877]

В текстах праздничных призывов в позднесталинский период отдельного обращения удостаивались пограничники, тогда как другие «оборонные» призывы были обращены к Советской Армии и Военно-Морскому флоту, а также к советским воинам в целом[878]. В последующие годы в праздничных призывах будут лишь общие обращения, однако «специализация» сохранится в 1950-е гг. в праздничной информационной повестке. Так, в ленинградских радиотрансляциях того времени своих стихов удостаивались моряки Балтийского флота, без участия которых не обходился ни один военный парад в городе. Например, им был посвящен первомайский стих Г.А. Некрасова 1956 г.:

«С дальней Балтики вольный и хлесткий

Ветровой налетает заряд.

Флаги вьются над строем матросским

И, как волны морские, горят.

<…>

Мать-Отчизна,

Ты можешь гордиться,

Сыновей воспитавши таких.

Все твои нерушимы границы

В бесконечных просторах морских!»[879]

Подробное освещение длительных военных парадов на Ленинградском радио было характерно в большей степени для 1950-х – начала 1960-х гг. В 1970-е

[877] Там же. Д. 404. Л. 23.
[878] См. например: Правда. 1952. 30 октября.
[879] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 4. Д. 137. Л. 26.

гг. и сами парады становились короче, и в дикторском сопровождении по радио в меньшей степени использовались прежние приемы. Например, в стихотворении «Идут солдаты Родины» В. Н. Самсонова, написанном к 7 ноября 1972 г., нет никакого деления на рода войск[880].

Тема обороны в этом примере органично вплетена в тему революции, а сами солдаты предстают продолжателями славным революционных традиций. Обращает на себя внимание и формулировка цели, для которой существует армия: хранить мирный труд народа. Подчёркивание миролюбивых устремлений и того, что факта, что советская армия – это армия обороны, а не нападения, было частым тропом как в стихах, так и в публицистических отрывках. Таков первомайский стих Г. А. Некрасова 1956 г.:

«…Нам в светлое завтра открыты дороги
Хотим одного мы: чтоб люди труда
И жить и работать могли без тревоги, –
Пшеницу растить, возводить города
Мы верим всем сердцем, что так это будет.
Затем и стоят по приказу страны
У мощных орудий советские люди –
Солдаты спокойствия и тишины»[881].

Общий посыл этого и тому подобных стихов сводился к тому, что советская армия – это армия мира, и она готова этот мир защищать. Тема «мира» получила активное распространение в праздничных нарративах в 1950-е гг., однако, несмотря на все старания Н. С. Хрущева, после 1962 г. по объективным причинам (Карибский и другие международные кризисы) перестала быть такой актуальной, и в полной мере вернулась в праздничную повестку лишь в 1980-е гг.

В 1970-е гг. нередки были комментарии дикторов о том, что очередной Первомай проходит в сложной международной обстановке: «Бряцают оружием натовские генералы, по-прежнему тлеет опасный очаг войны на Ближнем

[880] Там же. Оп. 7-3. Д. 306. Л. 55.
[881] Там же. Оп. 4. Д. 137. Л. 31.

Востоке, неспокойно в южной Атлантике»[882]. Оплотом мира во всем мире назывался Советский Союз. Дикторы подчеркивали: «Тем весомей и своевременной представляются сегодня те новые мирные предложения, что прозвучали в речи Леонида Ильича Брежнева с трибуны 17-го съезда профсоюзов»[883].

Во время празднования 7 ноября 1983 г. звучала микрофонная запись беседы с председателем Президиума Ленинградского научного центра Академии наук СССР, героем Социалистического труда академиком И. А. Глебовым, одним из подписантов «Обращения ко всем ученым мира» от деятелей науки СССР. Он отмечал, что в этом обращении советские ученые осуществили попытку объединить усилия по предотвращению войны, кроме того, он рассказал и о проходившей Всесоюзной конференции ученых за избавление человечества от угрозы ядерной войны, за разоружение, подчеркивал, что массовое движение сторонников мира набирает новых сторонников[884]. При этом из его речи был вычеркнут блок текста о том, что в этих мероприятиях принимало участие большое число зарубежных ученых. После его выступления звучал следующий стих:

«Голос мира,
Над миром
И днем, и в ночи,
Сокрушая преграды,
Победно звучи!
Не задержат тебя
На границах посты.
Сквозь колючки и рвы
Прорываешься ты…»[885]

[882] Там же. Оп. 7-5. Д. 1480. Л. 15.
[883] Там же.
[884] Там же. Д. 1589. Л. 84–85.
[885] Там же. Л. 86.

В период перестройки, с принятием курса так называемого «нового политического мышления» и осуществлением попытки преодоления холодной войны, стала меняться и риторика в отношении вооруженных сил, все громче стали звучать заявления о необходимости создания безъядерного мира. Например, в качестве одного из центральных сюжетов редактор краткого содержания радиотрансляции 7 ноября 1985 г. называл «миролюбивую политику КПСС» и мирные инициативы, выдвинутые за последнее время[886]. А в публицистическом отрывке, закрывавшем военный парад того же года, диктор говорил: «Да, мы не можем допустить новой мировой войны», – и добавлял, что вооруженные силы располагали всем необходимым, чтобы обуздать агрессора[887]. Подобные пассажи, как и само прохождение техники, должно было вселить в советских граждан убежденность в безопасности страны и послужить предупреждением зарубежных странам. Однако после инцидента с немецким летчиком Матиасом Рустом, беспрепятственно долетевшим до Москвы в конце мая 1987 г., реальная обороноспособность страны стала вызывать сомнение и в кругах высшего руководства страны, и среди обычного населения. Да и происходившие перемены в целом стали несколько контрастировать с прежними праздничными практиками: последний парад с участием военной техники на Красной площади в Москве, как и на Дворцовой в Ленинграде, состоялся 7 ноября 1990 г., после чего традиция была возрождена в постсоветское время лишь на 9 мая.

Внешнеполитическая повестка. «Враги». В изучаемый период в ходе массовых праздников уже не жгли чучел Чемберлена, капиталистов и империалистов, как это было в 1920-е гг. В информационном сопровождении торжеств пропагандисты почти всегда старались избегать любых негативных высказываний, пусть даже по отношению к недружественным странам[888]. Однако образ врага, как правило, неперсонализированного, все же периодически появлялся в праздничных текстах. Так, в публицистическом отрывке «Год юбилейный» (Первомай 1972 г.) известный ленинградский журналист М. Н.

[886] Там же. Д. 1801. Л. 4.
[887] Там же. Л. 53.
[888] Ломакин А.В. «Глазами друзей» ... С. 190–191.

Гуренков, рассказывая о важных вехах в истории Советского государства, вспоминал в том числе и о следующем: «Сколько раз наши враги пытались задушить страну Советов, разрушить союз народов, объединенных в могучем и свободном Советском государстве. Какие только коварные средства они ни изобретали для этого – от экономической блокады до разбойничьего нападения фашистских орд»[889]. Подчеркивалось, что противостояние с врагами имело исторические корни, при этом в обобщенном образе врага считывались и нацисты, и западные капиталисты. В другой трансляции, рассказывая об исторической значимости «Декларации прав народов России», написанной В. И. Лениным, диктор отмечал: «Звериную злобу вызвал этот исторический документ на Западе и за океаном, в высших правительственных кругах колониальных держав. Чудовищные потоки грязной клеветы и бесстыдных измышлений обрушили враги на нашу революцию, на Ленинскую партию…»[890]. Здесь антагонист Советского Союза называется уже более прямо – это Запад, однако уточняется, что не весь, а лишь высшие правительственные круги капиталистических стран.

В праздничных призывах также прослеживается динамика в упоминании «врагов». В 1952 г. встречаются упоминания «империалистических агрессоров», «фашистского гнета клики Тито-Ранковича», неоднократно – «поджигателей новой войны»[891]. «Поджигатели» упоминались и в призывах 1962 г., также встречались «американские империалисты» (в контексте братского привета героическому народу Кубы), однако в целом куда большее внимание уделялось колониалистам (более десятка призывов были обращены к странам, борющимся за независимость)[892]. В 1972 г. внешнеполитический блок призывов размещался уже не в начале общего списка, а во второй половине, а антагонисты были представлены следующим рядом: США и его сателлитами («американский империализм», требованием прекращения войны в Индокитае, Вьетнаме, Лаосе и

[889] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-3. Д. 305. Л. 73–74.
[890] Там же. Д. 306. Л. 46.
[891] Правда. 1952. 30 октября.
[892] Правда. 1962. 14 октября.

др.), Израилем, а также обобщенным «врагами социализма», «фашистами» (и то лишь в контексте «фашистских застенков») и такими бессубъектными понятиями как «империализм», «неоколониализм», «расизм», «рабство», «реакция»[893]. Аналогичный список сохранился в 1982 г., с поправкой на актуальную конъюнктуру: появились призывы в поддержку патриотов Сальвадора, демократов Чили и афганского народа[894]. К 1987 г., в связи с переменами во внешнеполитической доктрине СССР, список врагов заметно сократился и не содержал ни одного персонального упоминания какой-либо страны, негативные фигуры были представлены лишь: «империалистической эксплуатацией», «угнетением», «неоколониализмом», а также «силами агрессии и милитаризма» (и все они уместились всего в двух призывах)[895].

Несмотря на отход от риторики холодной войны в 1985-1991 гг., перестроиться на новый лад в освещении международных отношений было непросто, в публицистических заметках иногда продолжали транслироваться прежние нарративы. Так, в тексте праздничного репортажа 7 ноября 1985 г. А. Самбука под заглавием «Ради жизни на земле», рассказывая об ожидании женевской встречи на высшем уровне, автор подчеркивал, что стороны готовятся к этой встрече по-разному, американская сторона отделывается общими и уклончивыми заявлениями, в то время как советская сторона уже прекратила в одностороннем порядке проведение ядерных взрывов. Заявлялась и традиционная поддержка «всего прогрессивного человечества» и «борьба за мир»[896].

Общая интенция подобных информационных блоков может быть сведена к следующему: у СССР есть враги среди западных капиталистов, однако «прогрессивные слои» всего мира (и капиталистических стран тоже) поддерживают СССР.

Дружественные страны. В послевоенный период, с началом складывания социалистического лагеря, в информационной праздничной повестке всегда

[893] Правда. 1972. 15 октября.
[894] Правда. 1982. 17 октября.
[895] Правда. 1987. 11 октября.
[896] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-5. Д. 1801. Л. 87–88.

присутствовали нарративы, связанные с поддержкой дружественных стран. В центральных газетах печатались поздравительные телеграммы от социалистических стран, а также от компартий государств, в которых те являлись оппозиционными. Особое внимание уделялось компартиям из передовых капиталистических стран вроде Франции, Великобритании, Италии и др. Например, московская партитура праздника 1972 г. содержала отдельную рубрику «Блок приветствий зарубежных деятелей коммунистического и рабочего движения из Лондона, Парижа и Нью-Йорка»[897]. В праздничных призывах также стали появляться целые блоки призывов, обращенных к отдельным странам, и на протяжении 1950–1960-х гг. их количество росло[898]. И если, например, в 1952 г. персонального упоминания и «братских приветов» удостоились лишь китайский, корейский народы, обычных приветов – германский, японский, югославский народы (и то не весь, а лишь «патриоты, борющиеся за освобождение своей страны от фашистского гнета клики Тито-Ранковича»), то в 1962 г. «братских» и «горячих» приветов удостоились десятки стран и народов, включая, к примеру, лаосский и конголезский[899]. Идеологам было важно подчеркнуть лидирующую роль Советского Союза в социалистическом блоке, показать наставничество и помощь, которую СССР оказывал вставшим на прогрессивный путь странам.

С 1957 г. на трибуну Мавзолея в Москве стали приглашать и лидеров зарубежных коммунистических партий, которые в предыдущие годы наблюдали за праздником с гостевых трибун, а не плечом к плечу с советскими лидерами.

Иностранцы приезжали на праздники не только в Москву, но и в Ленинград. Особенно статусные делегации приглашались в юбилейные годы на октябрьские торжества, например, в 1957 г. город посетили лидеры французской, австрийской, канадской и других компартий[900]. Ленинградцы позиционировались как радушные и гостеприимные хозяева, а дружба с иностранцами подкреплялась и «дружбой» между городами. Например, в репортаже 1 мая 1972 г. дикторы

[897] Там же. Оп. 7-3. Д. 305. Л. 16.
[898] Попов А.Д., Пивоваров Н.Ю. Демонстрация дискурсивной власти… С. 69.
[899] Правда. 1952. 30 октября; 1962. 14 октября.
[900] Ломакин А.В. «Глазами друзей» … С. 190.

вспоминали города-побратимы Ленинграда – Ханой (назывался первым среди прочих, вероятно, ввиду Вьетнамской войны), Дрезден, Гданьск, Турку, Милан, Осака, Гетеборог, Антверпен[901]. Вьетнамская тема раскрывалась и в других разделах праздничных передач. Так, в рассказе о ленинградских пионерах, встречающих Первомай 1972 г. успехами и трудами, упоминалось и то, что они смогли собрать сотни килограммов лекарственных трав для детского госпиталя в Ханое[902]. Тот же репортаж включал радиоперекличку рабочих двух городов-побратимов – Ленинграда и Дрездена: диалог с главных площадей городов вели представители заводов «Электросила» и «Саксенверке»[903].

В конце 1950-х гг. была выпущена книга «Глазами друзей», содержащая избранные тексты дружественных к СССР зарубежных писателей и журналистов, которые делились впечатлениями о Советском Союзе, в том числе и о посещении ноябрьских торжеств. Благодаря этой книге советские граждане могли убедиться, что весь мир радуется их победам и празднует славные годовщины Октября вместе с ними[904].

С распространением «включений с трибун» в 1970-е годы стали звучать и записанные пленки с речами иностранцев, делившихся своими впечатлениями о советских торжествах. В отличие от выступлений советских граждан, речи которых, очевидно, записывались заранее и уже были транскрибированы и внесены в тексты радиотрансляций, выступления иностранцев, вероятно, записывались прямо во время праздника, потому как в текстах трансляций содержались лишь ссылки на эти выступления, но не сами тексты речей[905].

В текстах 1980-х гг. все же находятся некоторые транскрибированные речи иностранцев, однако, вероятно, записанных заранее. Во «включении» из колонны Фрунзенского района 1 мая 1982 г. диктор удивлялся пению песни на арабском языке, слушателям поясняли, что идет группа ПТУ№ 92, которое среди всех ПТУ Ленинграда заслужило прозвище «интернационального». Рассказчик подкреплял

[901] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-3. Д. 305. Л. 86.
[902] Там же. Л. 93.
[903] Там же. Л. 6.
[904] Ломакин А.В. «Глазами друзей» … С. 191–192.
[905] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-3. Д. 305. Л. 87.

эту информацию цифрами: за 14 лет в нем получили образование и специальность более 1,5 тыс. студентов из стран Африки, Индо-Китая, арабского Востока. На вопрос, о чем поется, корреспонденту отвечали: «Это народная арабская песня рассказывает о борьбе народа за мир и социализм»[906]. Должно быть, слушателей вряд ли удивляло, что в «народной» арабской песне поется о социализме. Далее студенты перечисляли, откуда они приехали (Монголия, Лаос, Вьетнам), при этом вьетнамский студент отмечал, что они хотели бы, чтобы у них (вероятно, на родине) была такая жизнь, как в Ленинграде[907].

А, например, во время празднования годовщины Октября 1985 г. радиорепортаж содержал включение беседы с зарубежными гостями с трибун. Репортер беседовал с жителями Болгарии через переводчицу, однако в тексте содержится лишь перевод ответов гостей без вопросов. Бригадир строительной бригады Петыр Баэв отмечал, что в Болгарии этот праздник настолько же важен, как и в СССР, «народы-братья всегда были и будут вместе», а председатель профсоюзной организации из Варны Энчо Калчев рассказывал о значении победы во Второй мировой войне для СССР и горячей поддержке мирных инициатив Горбачева, выражал надежду на встречу Горбачева и Рейгана в Женеве[908].

В перестроечные годы, параллельно процессу распада социалистического блока, из информационного сопровождения торжеств стали исчезать и нарративы, связанные с поддержкой коммунистических движений по всему миру. «Новое политическое мышление» привело к тому, что из праздничных призывов были убраны персональные обращения к отдельным странам, остались лишь призывы общего характера: «братский привет народам социалистических стран…», «горячий привет коммунистическим и рабочим партиям…», «пламенный привет борцам против империалистической эксплуатации…», а также призыв против ядерной опасности и за прекращение гонки вооружений, и здравица в честь советской внешней политики – «политики безъядерного мира»[909].

---

[906] Там же. Оп. 7-5. Д. 1480. Л. 98.
[907] Там же. Л. 99.
[908] Там же. Д. 1801. Л. 83-84.
[909] Правда. 1987. 11 октября.

Трудовая мобилизация. Наиболее активно в идеологическую повестку праздничной пропаганды авторы старались внедрить текущие задачи партии и правительства. И если рассмотренные прежде тематические рубрики можно назвать сугубо идеологическими, то тема труда в праздничном контексте имела целью практическую реализацию и была направлена на повышение производительности, проведение трудовых кампаний, досрочное выполнение производственных планов и т.д.

К каждой годовщине революции, как и к Первомаю, было принято проводить социалистические соревнования, чтобы накануне или в день самого праздника можно было подвести итоги и отчитаться о достигнутом. Поскольку два главных праздника разделяло около полугода, то обычно по окончании одного соревнования предприятия брали обязательства к другому. В позднесталинский период вопрос о том, насколько успешно организации выполняют заявленные обязательства, нередко обсуждался на объеденных заседаниях Ленинградского обкома и горкома КПСС, что подчеркивает его важность. К юбилеям революции социалистические соревнования и взятие повышенных обязательств организовывались заранее. Так, в перечне мероприятий Леноблсовпрофа к 50-летию Октября самым первым пунктом шел следующий: «Оказать помощь ФЗМК [фабрично-заводскому местному комитету] в разработке и принятии предприятиями и организациями социалистических обязательств в честь 50-летия Советской власти», а срок исполнения был обозначен 1965–1966 годами[910]. Следующим шел пункт о местном соревновании к юбилею, затем об обеспечении активного участия рационализаторов и изобретателей во всесоюзном соцсоревновании и т.д. Периодически устраивались специальные кампании под короткими лозунгами, тиражировались почины отдельных энтузиастов и организовывались масштабные тематические проекты вроде «Москва и Ленинград соревнуются»[911].

[910] ЦГА СПб. Ф. Р-6276. Оп. 276. Д. 294. Л. 1.
[911] Там же. Ф. Р-7384. Оп. 41. Д. 258. Л. 8–10.

Мобилизации на производственные подвиги должно было помочь и праздничное оформление, в котором тема труда занимала одно из центральных мест. На заседании ноябрьской праздничной комиссии 1971 года первый секретарь Ленинградского горкома КПСС Б. И. Аристов просил усилить в украшении города трудовую тематику: «Взяты обязательства по городу – выполнить те или иные мероприятия, но в городе нет лозунгов, таких как, например, “Встретим 54-ю годовщину достижениями в труде” и т.п.»[912]. Подобную мобилизационную функцию выполняли и праздничные призывы ЦК, которые обычно за несколько недель до торжеств печатались в центральных газетах и затем тиражировались во всех остальных, развешивались по городу и т.д.

Идеи некоторых кампаний рождались в Ленинграде. Например, во время Первомая 1972 г. широко освещалось соревнование «5 в 4», предложенное ленинградцами. Оно подразумевало собой выполнение пятидневного задания в четыре дня, – своеобразный перифраз знаменитой формулы первой пятилетки. Как сообщал диктор, этот призыв, выдвинутый работниками Кировского завода, стал «формулой трудовой жизни каждого коллектива»[913]. В партитуре Московского праздника 1 мая 1972 г. в радиоперекличку городов Ленинград включался первым, впереди городов Украины, Белоруссии, Латвии[914] и др. Так называемая тема Ленинграда была обозначена как «Инициаторы соревнования – “5 в 4”», репортаж из украинского города должен был быть посвящен теме урожая, из белорусского – союзу рабочего класса и крестьянства (что весьма органично воплощалось в «тракторной» теме, рассказ должен был вести тракторист), из латвийского – преемственности революционных традиций («В колонне молодежи Рижского завода ВЭФ выйдет на демонстрацию старая большевичка, героиня песни “Каховка”»)[915].

---

[912] Там же. Оп. 46. Д. 349. Л. 5.
[913] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-3. Д. 305. Л. 38.
[914] Там же. Л. 12.
[915] Там же.

Подобные почины преподносились как продолжение славных революционных дел. В публицистическом отрывке В. П. Воеводина, звучавшем все в той же радиотрансляции, говорилось: «Наша революция продолжается в сегодняшних делах ленинградского рабочего класса, и в этой преемственности – основа нашей гордости за Ленинград и ленинградцев, за нашу живую сопричастность ко всем делам страны. Вспомним сегодня: ведь именно ленинградские рабочие – красновыборжцы, отцы и деды тех, кто проходит сейчас по площади, оказались глашатаями социалистического соревнования, которому суждено было стать поистине движением современности. Прошли годы – и снова рабочий Ленинград подтвердил свою верность творчеству. “Пятидневное задание за четыре дня!” – не просто лозунг и не просто призыв: это уже содержание жизни рабочего человека, измерение его таланта, мастерства и совести»[916]. Таким образом, участники соревнований обретали героический ореол, становясь как бы в один ряд с революционерами.

Соревновались и предприятия разных городов. Например, в 1972 г. проходило соперничество коллективов промышленных предприятий Ленинграда с родственными заводами и фабриками других городов страны – Невский машиностроительный соревновался с Волгоградским «Коммунаром», Балтийское морское пароходство – с Одесским портом, завод «Красный выборжец» – с Артемовским заводом цветных металлов Донецкой области[917].

В преддверии торжеств также организовывались тематические трудовые вахты. Так, 7 ноября 1972 г. среди рубрик праздничной радиотрансляции была «Пятнадцати республикам советским – пятнадцать наших трудовых недель», в которой рассказывалось о трудовой вахте, посвященной Союзным республикам. Среди выступавших были: рабочий завода «Электросила», создававший машины для Грузинской ССР, конструктор «Севэнергостроя», монтировавший Литовскую ГРЭС, ученый из ЛГУ, оказывавший шефскую помощь Киргизскому

[916] Там же. Л. 46-47.
[917] Там же. Л. 6.

Государственному университету[918]. Свои вахты организовывал и комсомол[919]. Пятнадцати трудовым неделям посвящен стих В. Н. Самсонова:

«Намечен план.
Прекрасна цель.
Над нами
Солнце
Флагом ярким.
15 трудовых недель –
15 трудовых подарков!..
И ничего прекрасней нет
Работы
По веленью сердца.
Мы труд наш общий,
Как привет,
Шлем всем республикам советским!»[920]

В данном стихотворении труд выступает как средство воздаяния чести и славы Отчизне, однако, что более важно, он преподносится как нечто самоценное: «И ничего прекрасней нет работы по веленью сердца». А в рубрике, озаглавленной «Задание 2,5 лет – к 30 декабря!» содержался сюжет о почине ткачихи фабрики «Рабочий» Е. Я. Демидовой, получившем поддержку на предприятиях большинства союзных республик. Далее включалась запись ее выступления, в которой Демидова рассказывала о том, что к 50-летию СССР она намерена справиться с плановым заданием трех лет досрочно[921].

В информационном обеспечении, как правило, подобные мобилизационные кампании, преподносились как организованные по инициативе снизу. Пропагандисты старались всячески подчеркнуть, что основой этих соревнований является трудовой энтузиазм. Так, в той же первомайской трансляции 1972 г.

[918] Там же. Д. 306. Л. 6.
[919] Там же. Оп. 7-4. Д. 943. Л. 86.
[920] Там же. Оп. 7-3. Д. 306. Л. 118.
[921] Там же. Л. 8.

корреспондент Э. Бугровицкий беседовал с рабочими «Электросилы». На вопрос, чем был знаменателен для них прошедший месяц, намотчица В. А. Горшкова отвечала: «Для меня лично, апрель был знаменателен тем, что в самый канун Первомая я выполнила две с половиной годовых нормы, если считать с начала новой пятилетки»[922]. Также подчеркивалась и всеобщая поддержка проводимых мобилизационных кампаний, в трансляции 1982 г. говорилось: «Недавнее обращение рабочих – делегатов XXVI съезда КПСС, их призыв “работать еще лучше, с полной отдачей сил” сегодня широко подхвачен всеми трудовыми коллективами Ленинграда»[923]. И не столь важно, действительно ли все ленинградские заводы и фабрики откликнулись на призыв, главное, что в информационном пространстве это было так. К тому же этот трудовой почин не содержал никаких конкретных цифр, что отличало его от приводимых выше примеров.

В праздничном контексте пропаганда освещала и возрождение общесоюзных трудовых движений. Так, во время Первомая 1982 г. диктор рассказывал, что идущую пятилетку можно назвать «пятилеткой второго рождения бригад[924]». Бригады коммунистического труда – звание трудовых коллективов-победителей социалистических соревнований, возникшее в 1950-е гг. в ходе реализации кампании за коммунистический труд[925]. В качестве иллюстрации нового трудового подъема и роста энтузиазма была включена пленка беседы с героем социалистического труда, бригадиром слесарей-сборщиков Г. Е. Кузнецовым: «Да, наша бригада поработала в канун Первомая – отлично. Мы сделали много важных дел. Главное – досрочно сдали для Чернобыльской атомной электростанции крупный выключатель»[926]. Также он подчеркивал важность возрождения этого трудового движения: «Мы все уверены – бригады – дело нужное, за ними будущее. Они открывают огромные

[922] Там же. Д. 305. Л. 20.
[923] Там же. Оп. 7-5. Д. 1480. Л. 21.
[924] Там же. Л. 46.
[925] Более подробно: см. Правда. 1960. 28 мая.
[926] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-5. Д. 1480. Л. 46.

возможности для развития творческой инициативы, учат каждого видеть больше своего конкретного дела, мыслить масштабнее, учат чувству товарищества»[927].

Востребованность трудового энтузиазма с конца 1970-х и на протяжении всех 1980-х гг. была очень острым вопросом для советской экономики, переживавшей тяжелые времена. Поэтому организация праздничных соревнований и трудовых вахт, пусть и не являвшихся панацеей, позволяла хоть как-то улучшить текущую ситуацию в производстве. В ноябрьской трансляции 1982 г. диктор подчеркивал: «Нынешняя Октябрьская вахта … придала ощутимое ускорение работе коллективов, соревнующихся за достойную встречу 60-летия образования СССР»[928]. Также он сообщал, что повышенные обязательства взяли на себя более двух миллионов трудящихся Ленинграда[929], что являлось более чем половиной всего трудоспособного населения города.

В годы перестройки все подобные почины были связаны с реализацией горбачевской программы «ускорения». В трансляции 7 ноября 1985 г. в качестве связующей линии всей трансляции праздника редактор назвал задачу, сформулированную М. С. Горбачевым на Октябрьском Пленуме ЦК КПСС, состоявшую в «ускорении социально-экономического развития страны и на этой основе – достижение нового качественного состояния общества»[930]. Отмечалось, что особое место в репортаже занимали отклики на «Проект новой редакции Программы КПСС», собранные в рубрику под общим названием «Приближая день завтрашний», в которой комментарии давали журналисты и ленинградцы, участвовавшие в процессе «ускорения»[931]. Первым сюжетом этой рубрики стала беседа с генеральным директором «Электросилы» Б. И. Фоминым, в ходе которой он рассказывал о проблемах интенсификации производства, внедрении новых технологий и о создании «электромашин завтрашнего дня», в том числе об уникальном криогенном турбогенераторе[932]. Вместе с новой задачей «ускорения»

[927] Там же. Л. 47.
[928] Там же. Д. 1481. Л. 35.
[929] Там же.
[930] Там же. Д. 1801. Л. 3.
[931] Там же. Л. 4.
[932] Там же. Л. 5.

вновь появилась в идеологическом поле продвигавшаяся еще Н. С. Хрущевым идея о приближении советского общества к коммунизму: диктор отмечал, что есть лишь один путь достижения этого – ускорение[933]. Там же прозвучала и довольно непривычная для праздничных трансляций идея обновления: как отмечалось, современность требовала по-новому взглянуть на свои возможности и отрешиться от инерции старых схем. Любопытен и отзыв на проект новой Программы партии бригадира объединения «Ленинградский металлический завод» Н. П. Воробьева – помимо распространенных клише о важности новых задач, он отмечал: «Люди ждут этой большой работы», «… есть оживление в нашем производстве…», «…наш коллектив ждет этой большой работы, хочет хорошо работать», «…это радует нас: большая работа, большие дела!»[934]. Как будто намекая, что до этого работы не было или работать не хотелось – между строк вполне считывается упрек периоду «застоя».

Заметно изменился и общий характер нарративов о труде, в них появились не просто критические нотки, но и звучала вполне воинственная риторика. Писатель Ю. А. Помпеев 7 ноября 1985 г. призывал дать «повсеместный отпор коварнейшим нашим врагам: равнодушию, безответственности, бездеятельности»[935]. В этой же речи прозвучала довольно редкая для праздничной пропаганды идея «сотрудничества двух начал – труда и его организации, “низа” и “верха”», а разумное ведение дел было поставлено выше, чем усилия отдельных тружеников[936]. Подобная риторика была не принята в официальном публичном дискурсе, в котором еще с 1930-х гг. было закреплен тезис о том, что «кадры решают все». Юрий Помпеев говорил: «Пробить потолок сложившихся привычек и навыков, вырваться из круговой поруки между руководителями производства и рабочими бывает очень нелегко. Не раз слышал такие рассуждения: “Сегодня мне начальство работы не подготовило, завтра я сплоховал – а в итоге все в порядке: план идет!”… Долгие годы мы надеялись на самотек: вот отомрут пережитки,

[933] Там же. Л. 17.
[934] Там же. Л. 19–20.
[935] Там же. Л. 82.
[936] Там же.

сойдут родимые пятна – и все образуется: все почувствуют ответственность и станут за все “болеть душой”. Сейчас, в условиях ускорения социально-экономического прогресса, уже ясно: само собой это не произойдет…»[937]. Поэтому вместо прежних мобилизационных кампаний большее внимание стало уделяться экономическим программам и реформам. Например, в праздничной информационной повестке уделялось значительное внимание комплексной программе «Интенсификация-90», разработанной Ленинградским обкомом КПСС и одобренной Политбюро[938]. Диктор отмечал: «Все же не хватает еще на прилавках магазинов разнообразной, качественной и добротной продукции – не устраивают покупателя многие марки цветных телевизоров и часов, моделей одежды и мебель… именно в решении этой проблемы и должна помочь программа «Интенсификации-90»»[939]. Однако, как известно, советской экономике во второй половине 1980-х гг. это уже не помогло.

Чествование труда и тружеников. Одним из способов поощрения передовиков и лучших работников было награждение званием Героя Социалистического Труда, которое являлось высшей степенью отличия за труд. Пришедшее на смену «Герою Труда» в 1938 г., оно стало присваиваться массово только с 1943 г., когда к 26-й годовщине революции было награждено 127 железнодорожников и бойцов железнодорожных войск[940]. Более широко звание Героя Социалистического Труда стало распространяться в послевоенные годы, за весь период существования этой награды ее были удостоены более 19 тыс. человек. Нередко награждения проходили именно в предпраздничные дни. Например, в «Известиях» от 28 апреля 1957 г. сообщалось о присвоении этого звания сразу ста тридцати семи шахтерам и шахтостроителям[941].

Это звание служило не только показателем почета, но и приносило материальные выгоды. В юбилейном 1967 г. для обладателей этой награды, а также для Героев Советского Союза и полных кавалеров орденов Славы был

[937] Там же. Л. 81.
[938] Там же. Л. 57.
[939] Там же. Л. 108.
[940] Правда. 1943. 6 ноября.
[941] Известия. 1957. 28 апреля.

введен ряд льгот, среди которых: право на установление персональной пенсии, первоочередное обеспечение жилой площадью, бесплатный проезд на общественном транспорте, бесплатные путевки в санатории[942] и т.д.

Кроме того, вручение звезды Героя Социалистического Труда серьезно повышало социальный статус награжденных. Они становились местными депутатами, их приглашали на праздничные трибуны и торжественные собрания, их портреты украшали город и т.д. Например, в Ленинграде к 7 ноября 1960 г. проводилось обновление галереи Героев Социалистического Труда у сада отдыха на Невском проспекте[943], а в 1962 г. накануне праздника проспект Стачек и бульвар Профсоюзов также были украшены галереей портретов передовиков производства и Героев Социалистического Труда[944]. К праздникам украшались и рабочие места ленинградцев, на заводах и предприятиях обновлялись доски почета (см. **приложение № 36**). Помимо функции поощрения подобные приемы выполняли и мобилизующую функцию: кто будет работать лучше всех, достигать значительных успехов, тот удостоится подобной чести.

В праздничные дни их имена все чаще были на слуху, они становились героями торжеств. Во время Первомая 1972 г. знамена города несли именно Герои Социалистического Труда: «Идет группа знаменосцев. Это лучшие из лучших передовиков производства! Знамя города-героя Ленинграда поручено нести Герою Социалистического Труда токарю Кировского завода Борису Михайловичу Воробьеву. В руках у Героя Социалистического Труда тракториста совхоза “Пламя” Гатчинского района Марка Ивановича Семенова – знамя орденоносной Ленинградской области…»[945].

Также нередко в предпраздничные и праздничные дни вручались и прочие награды – ордена Ленина и Трудового Красного Знамени, различные памятные медали. В 1967 г. в честь 50-летия Октября был учрежден Орден Октябрьской

---

[942] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 сентября 1967 года № 1863-VII «Об установлении дополнительных льгот Героям Советского Союза, Героям Социалистического Труда и лицам, награждённым орденами Славы трёх степеней» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1967 г. № 36. Ст. 495.
[943] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 37. Д. 1183. Л. 26.
[944] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 119. Д. 192. Л. 76.
[945] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-3. Д. 305. Л. 40.

революции (второй по значимости после ордена Ленина), и первым его получил город-герой Ленинград 4 ноября 1967 г. Очень часто накануне торжеств вручались грамоты и благодарности, особенно это касалось участников соцсоревнований. Так, в радиотрансляции 7 ноября 1977 г. корреспондент беседовал с молодыми рабочими, и в разговоре они не преминули упомянуть, что все комсомольцы из их объединения стояли на комсомольской вахте и принимали участие в соревновании, а также что 18 победителей награждены этого соревнования ценными подарками и грамотами райкома комсомола[946].

Практиковалось и денежное поощрение, так, в трансляции 1982 г. диктор рассказывал о присуждении Государственных премий СССР за выдающиеся достижения в труде передовикам Всесоюзного социалистического соревнования, среди которых были и ленинградцы: бригадиры «Электросилы» и «Невы» – Н. Н. Пичугин и Н. Ф. Романов, формовщик «Невского завода» им. Ленина – А. Д. Цыркин[947] и др.

Помимо статусных наград и материальных поощрений, серьезную роль мотивации к трудовым успехам выполняла идеология. Сам Первомай, как День международной солидарности трудящихся, изначально имел в своей идее и прославление труда. В стихе «Майский марш» В. Котова 1972 г. сам месяц именуется «тружеником»:

«…Поднимаясь из снов,
Из былин,
В самом солнечном
Всеоружии,
Май идет –
Богатырь,
Исполин,
Коммунист,
Открыватель,

[946] Там же. Оп. 7-4. Д. 943. Л. 86.
[947] Там же. Оп. 7-5. Д. 1481. Л. 36.

Труженик!»[948]

Прохождение демонстрантов по Дворцовой площади преподносилось как рапорт о выполнении задач партии и государства. Важность труда подчеркивалась не только его в общем созидательной ролью, но и тем, что этот труд осуществлялся по заданию Родины и партии, для осуществления поставленных целей. Так, например, во время Первомая 1972 г. диктор говорил: «Отсюда, с этой высокой трибуны, прозвучат рапорты трудовых побед и клятва верности ленинградцев мудрым заветам Ильича. Металлисты и швейники, корабелы и строители, ученые и писатели, студенты и школьники – люди разных профессий и возрастов придут сегодня на это священное место, чтобы еще раз продемонстрировать свою горячую преданность Коммунистической партии»[949].

Трудовые задачи актуализировались в соответствии с проводимыми общесоюзными кампаниями, программами, пленумами и съездами КПСС. Так, среди нарративов празднования 65-й годовщины Октября выделялась агитация за выполнение «Продовольственной программы», принятой майским Пленумом ЦК КПСС 1982 г.[950] А во вступительной части к текстам майской радиотрансляции 1982 г. отмечалось, что праздник горожане встречают выполнением решений очередного съезда партии: «Советские люди, – говорится в Постановления ЦК КПСС о 60-ой годовщине образования СССР, – встречают свой большой праздник новыми успехами во всех областях общественной жизни, упорным творческим трудом, осуществляя планы коммунистического созидания, выработанные 26-м съездом КПСС». Редактор подчеркивал, что эта мысль, сформулированная в Постановлении ЦК КПСС, пройдет через все репортажи, интервью, публицистические выступления, стихи и песни, которые прозвучат во время праздничной трансляции с Дворцовой площади[951].

Осуществление задач партии напрямую связывалось с богатством и благополучием всего народа: «Мастера, умельцы, последователи славных

[948] Там же. Оп. 7-3. Д. 305. Л. 77-78.
[949] Там же. Л. 18.
[950] Там же. Оп. 7-5. Д. 1481. Л. 11.
[951] Там же. Д. 1480. Л. 4-5.

починов, чьим дерзанием и умением, чьими сильными руками создается счастье и богатство все страны – им посвящены тематические композиции и панно “Ленинград – город-герой, город-труженик”, “60-летию образования СССР – достойную встречу”»[952].

Честь открывать демонстрацию и нести знамена города нередко отводилась передовикам, победителям соцсоревнований и героям труда. Прохождение во главе демонстрации являлось наградой и свидетельством общественного признания. Значимость людей труда подчеркивалась, через демонстрацию «близкого знакомства» представителей государства с лучшими представителями общества. Так, в начале демонстрации 7 ноября 1953 г., отмечая прибывшую на Дворцовую площадь колонну знаменосцев, диктор говорил: «450 знамен колышутся на древках. Их несут лучшие люди Ленинграда, его заводов и фабрик, высших учебных заведений и учреждений. Рядом с текстильщиком фабрики имени Желябова Мироновым идет студент Ленинградского университета Дмитриенко, рядом с токарем завода имени Козицкого Башковым – преподаватель Юридического института Белых. В одних рядах кузнец завода «Вперед» Понамаренко и инженер завода им. Сталина Григорьев…»[953]. Во время шествия также транслировалось, кто возглавляет колону, какое предприятие идет следом, назывались фамилии отдельных передовиков и их конкретный вклад в развитие хозяйства/науки/городского обустройства по отдельным районам. Важно было отметить не только отдельные предприятия, профессии, но и лично выделить лучших из лучших. Например, в радиотрансляции о Первомае 1972 г. тема чествования передовиков в сценарии праздничной передачи шла даже впереди «Слова о партии», сразу после вступительной части с поздравлениями и рассказе о юбилейном 1972 годе.[954] Рассказ о победителях предмайского социалистического соревнования среди бригад коммунистического труда включал три репортажа: из колонны Научно-производственного объединения «Электроаппарат» (где к празднику был изготовлен выключатель для линии

[952] Там же. Л. 21.
[953] Там же. Оп. 2-3. Д. 4528. Л. 19.
[954] Там же. Оп. 7-3. Д. 305. Л. 2.

электропередач «небывалой мощности – миллион 500 тысяч киловольт»), из колонны фабрики «Первомайская заря», а также из совхоза им. Володарского Лужского района, где труженики встречали праздник в полях на посадке картофеля[955]. Этот очень хороший пропагандистский прием показывал ленинградцам, что власть чтит и знает их знакомых, соседей, коллег по работе, таких же обычных людей, как и они сами. И, должно быть, многим действительно хотелось оказаться на месте этих трудовых героев, чтобы их имя также прозвучало на весь город.

Было важно показать значимость каждой профессии, каждой отрасли экономики, каждого района и трудового коллектива. «Персональные» обращения должны были создавать ощущение причастности каждого, как будто власть и общество напрямую обращаются именно к ним. Особенно характерно это было для 1950-х гг., когда даже в призывах ЦК КПСС каждой массовой или наиболее значимой профессии адресовался отдельный призыв. Так, в 1952 г. после шести призывов, обращенных к трудящимся в целом (п.19-24), шло около тридцати персональных призывов к работникам отдельных узких отраслей (п. 25-53), в том числе, например, угольной, мясомолочной и тракторной промышленности[956]. Аналогичное число было и в 1962 г.[957], а, для сравнения, в 1972 г. таких призывов осталось всего четырнадцать, да и среди них большинство было обращено к трудящимся в целом или к работникам крупных отраслей (например, промышленности в целом – п. 26, строительства – п. 27, сельского хозяйства – п. 30 и т.д.)[958].

Демонстранты в праздничном дискурсе, как правило, описывались через свою профессиональную принадлежность. Да и в оформлении шествий трудящихся традиционно должна была доминировать производственная тема. 1 мая 1972 г. диктор так описывал прохождение колонн по Дворцовой площади: «Вместе со знаменами, плакатами, транспарантами ленинградцы несут на

[955] Там же. Л. 3.
[956] Правда. 1952. 30 октября.
[957] Правда. 1962. 14 октября.
[958] Правда. 1972. 15 октября.

площадь макеты своих изделий. Здесь электрические машины, которые совершенством конструкций и высокой производительностью покоряют энергетиков многих стран мира… Здесь макеты кораблей, которые, сойдя с ленинградских стапелей, плывут сейчас по всем морям и океанам. Здесь макеты жилых домой, железнодорожных вагонов, экскаваторов, телевизионных приемников. И на всех этих изделиях стоит марка “Сделано в СССР”»[959].

На фотографиях разных лет также можно увидеть, что в украшении колоны каждого района использовались панно, макеты и изображения той продукции, которая производилась на его территории. Так, на одном из празднований от Кировского района в колоне «флагманского» Кировского завода проезжал грузовик, стилизованный под трактор и украшенный шестеренкой с эмблемой этого предприятия (**приложение № 37**). А, например, во время Первомая второй половины 1980-х гг. колонна Ленинградского производственного мебельного объединения «Нева» была украшена большими фотографиями меблированных комнат (**приложение № 38**), другая колонна была оформлена лозунгом «Слава советской науке» и большим объемным макетом молекулы (**приложение № 39**). Также, в качестве аргумента об успешности отдельных производств, эти украшения нередко пестрели цифрами, которые должны были визуализировать успехи, когда не было возможности представить продукцию в виде макетов. Например, колонна одного из строительных объединений на одной из демонстраций 1980-х гг. была украшена лозунгом «Построим в XII пятилетке более 2 млн. кв. м. жилья!»[960]. Один из участников демонстрации 1982 г. так описывал это: «Над морем голов - транспаранты, плакаты; на них яркие, убедительные цифры роста, цифры наших побед»[961].

Прохождение районов нередко сопровождалось рассказами о достижениях конкретных рабочих и трудовых коллективов. Так, во время прохождения Смольнинского района 1 мая 1972 г. диктор рассказывал, что именно в этом районе разработали проект первой в мире электростанции, где «тепловая энергия

[959] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-3. Д. 305. Л. 39.
[960] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-9388. Оп. 1. Д. 89. Л. 2.
[961] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-5. Д. 1481. Л. 137.

непосредственно преобразуется в электрическую»[962]. Дух новаторства, достижений и открытий сочетался в праздничной пропаганде с той идеей, что все осуществленное – на благо народа. Например, в одной из трансляций середины 1980-х гг. диктор обосновывал важность работы текстильщиков, швейников, обувщиков и пищевиков тем, что они учитывали интересы покупателей, «а значит каждого из нас»[963]. В конечно итоге это должно было сформировывать чувство глубокой моральной удовлетворенности – твой профессиональный успех заметен, отмечен, он будет приносить действительную пользу обществу. Чувство выполненного долга соединялось с чувством гордости за социалистическое отечество. По нашему мнению, восхваление тружеников и идеи труда являлось даже более эффективным, чем материальные награды, мотивационным средством, так как создавало, кроме прочего, уникальный эмоциональный фон, утверждавший радость мирного, созидательного труда, в котором советский человек проводил большую часть своей жизни.

Кроме того, энтузиазм поддерживало и то, что граждане могли видеть результат своего труда и не чувствовать отчуждения – социалистическое отечество менялось к лучшему, строились дома, изобреталась новая техника, появлялись невиданные прежде бытовые удобства... Успехи вплоть до середины 1980-х гг. были очевидны. В трансляции 7 ноября 1985 г., заместитель директора по производству объединения «Рассвет» В. А. Миронова отмечала: «С каждой годовщиной революции уходим семимильными шагами вперед. И как же можно плохо работать на своем месте?»[964].

Успехи и достижения. Массовые праздники в послевоенное время продолжали быть своеобразными «смотрами достижений» (как их определял М. Рольф[965]), почти каждое крупное достижение старались приурочить к какой-либо дате, особенно в юбилейные годы. Это находило отражение и в информационном

[962] Там же. Оп. 7-3. Д. 305. Л. 58.
[963] Там же. Оп. 7-5. Д. 1801. Л. 108.
[964] Там же. Л. 110.
[965] Рольф М. Указ. соч. С. 93.

пространстве, в радиотрансляциях нередко подчеркивалось, что праздник – это время подведения итогов[966].

К дням торжеств, в первую очередь – к годовщинам Октября, ленинградцы могли увидеть «трудовые подарки», результаты работы своих земляков. Так, именно к очередной годовщине ВОСР 1955 г. в Ленинграде была открыта первая (красная) линия метрополитена (акт о сдаче в эксплуатацию подписан 5 ноября 1955 г., а торжественное открытие состоялось 15 ноября). Накануне Первомая, 30 апреля 1961 г., был запущен отрезок синей ветки со станциями «Фрунзенская», «Московские ворота», «Электросила», «Парк Победы»; к юбилею революции 1967 года была открыта зеленая ветка метро (ее пустили в эксплуатацию 3 ноября 1967 г.), к 65-й годовщине Октября—– новый участок «синей» линии (от «Петроградской» до «Удельной»)[967], а 7 ноября 1985 г. в радиотрансляции говорилось о завершении работы на одном из участков Правобережной линии[968]. Также к праздничным дням открывались и отдельные станции, например, «Пушкинская» (30 апреля 1956 г.).

Показательны празднества 1957 г., когда отмечалось 40-летие Октября. Весь год передовицы центральных газет размещали материалы о подготовке к юбилею, а каждый успех, как на уровне отдельного колхоза, так и на всесоюзном уровне приурочивался к празднику. Так, например, указанной дате посвящались новые достижения советской науки и техники, в том числе запуск первого в мире искусственного спутника Земли, состоявшийся 4 октября, однако запуск планировалось осуществить в середине октября[969] – накануне праздничной октябрьской кампании. Или атомного ледокола «Ленин», он был спущен на воду – 5 декабря – в День конституции, однако уже в ноябрьской радиотрансляции 1957 г. говорилось о его создании в праздничном контексте. До введения в эксплуатацию в 1959 г. он продолжал находиться на ленинградских верфях, и любопытно, как в первомайской трансляции 1958 г. диктор рассказывал о нем,

[966] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-5. Д. 1801. Л. 110–111.
[967] Там же. Д. 1481. Л. 35.
[968] Там же. Д. 1801. Л. 7.
[969] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 47. Д. 273. Л. 11.

выстраивая хронологию следующим образом: 250 лет назад появилась первая верфь, потом была построена «Аврора», «а теперь в Ленинграде сооружается первый в мире атомный ледокол “Ленин”»[970].

Отдельно хочется отметить распространение космической тематики в идейной и художественной составляющей праздников. Полет 12 апреля 1961 г. Ю. А. Гагарина в космос, безусловно, стал одной из центральных вех в истории СССР, и как событие мировой значимости, и как достижение советского общества, он должен был быть вписан в общую канву государственно-образующих событий. Он стал своего рода венцом достижений Советского государства и самой крупной победой после победы над нацистской Германией в 1945 году. Сам день 12 апреля 1961 г. был отмечен нерегламентированным празднеством: в порыве радости люди выбегали на улицу, обнимались, проходили стихийные демонстрации[971]. В постановлении бюро Ленинградского обкома КПСС от 9 мая 1961 г., в основу которого легло постановление Президиума ЦК КПСС от 26 апреля 1961 г. «О мерах по дальнейшему ознаменованию и популяризации первого полета советского человека в космос», про полет Ю. А. Гагарина говорилось: «В этом подвиге нашли свое выражение могучая сила социализма, его решающие преимущества перед отживающим свой век капитализмом, огромные успехи советского народа в строительстве коммунистического общества, могучее единение Коммунистической партии и народа»[972]. Агитационно-пропагандистскую работу в связи с этим событием предлагалось проводить «под знаком воспитания трудящихся, особенно молодежи, в духе советского патриотизма», «особо отмечать великое историческое значение первого космического полета советского человека для прогресса человечества и мира во всем мире, подчеркивать, что этот беспримерный подвиг порожден успехами социализма в СССР».[973] Начиная с Первомая 1961 г., изображения Гагарина и лозунги вроде «Слава покорителям

[970] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 5-1. Д. 73. Л. 55.
[971] Байбурин А.К., Пиир А.М. Указ. соч. С. 247.
[972] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 119. Д. 72. Л. 47.
[973] Там же. Л. 47–48.

космоса» закрепились в идейном и символическом сопровождении годовщин Октября и Первомая. Портрет Ю. А. Гагарина, проносимый рядом с портретом В. И. Ленина во время Первомайской демонстрации, можно видеть в фильме «Застава Ильича» («Мне двадцать лет») 1964 г., снятом М. М. Хуциевым. Космическая тематика также прочно закрепилась в праздничном оформлении Ленинграда (см. **приложения № 40, № 41**).

Также праздничные дни становились для тысяч ленинградцев временем получения долгожданной жилой площади. В «Последних известиях» от 10 ноября 1958 г. говорилось: «Уже вошло у нас в традицию дарить людям в канун праздника большой подарок в виде маленького ключа… И в эти дни великой годовщины тысячи ленинградцев открыли этими ключами двери новых собственных квартир»[974]. Начатая Н. С. Хрущевым, а затем продолженная Л. И. Брежневым и последующими руководителями страны, программа массового строительства жилья действительно могла считаться настоящим подарком для миллионов граждан, десятилетиями мечтавших выбраться из коммуналок. Прославление строителей, вошедшее в канон информационного сопровождения торжеств, как правило, сопровождалось конкретными цифрами введённой в эксплуатацию жилой площади, в праздничных радиорепортажах строителям посвящались целые отдельные рубрики[975]. Тему новостроек вплетали и в праздничные стихи (7 ноября 1966 г.):

«Этот радостный праздник встречая,
Мы свои вспоминаем труды:
Золотые плоды урожая
И весомой работы плоды!
Что задумано –
Сделалось былью…
Все светлей Ленинграда краса –
Как свободно раскинулись крылья

[974] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 5-1. Д. 103. Л. 7.
[975] Там же. Оп. 4. Д. 404. Л. 93.

Новостроек его корпуса!..»[976]

В качестве подарков населению позиционировалось и открытие детских площадок, клубов, кинотеатров, новых магазинов и др. Например, о знаменитом ныне книжном магазине «Подписные издания» в 1958 г. диктор говорил: «Хороший подарок получили ленинградские любители книг к 41-й годовщине Великого Октября: на Ленинском проспекте, в доме 57, открылся новый большой магазин подписных изданий»[977] (на самом деле магазин существовал с 1926 г., а в 1958 г. просто переехал в новое здание).

Достаточно хорошо традиция предпраздничного «открытия» чего-либо описана одним из ленинградских дикторов, подмечавшим: «Вообще, в течение всей предшествующей Октябрьским торжествам недели, многие из газетных материалов начинались словами: “вступил в строй”, “начал действовать”, “досрочной отправлен заказчику”, “вышел на проектную мощность” … Это давно уже стало доброй традицией советских людей – встречать свой самый любимый праздник трудовыми подарками…»[978].

Население, также хорошо знавшее эту традицию, ждало каких-либо подарков и от государства. 6 октября 1966 г. консультант юридического отдела Верховного Совета СССР Б. Жалейко представил начальству обобщенный перечень предложений от населения, поступивших в связи с грядущим юбилеем революции. Так, среди прочего граждане предлагали: сделать день рождения В. И. Ленина 22 апреля нерабочим днем; ввести праздники для профессий, у которых их еще нет (для работников связи, морского, речного транспорта и др.); перевести всех рабочих на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными; отменить налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан; сократить круг преступлений, за которые могла быть назначена смертная казнь; установить минимальный размер заработной платы – до 60 рублей; принять новую конституцию и утвердить новый гимн и др.[979]. Некоторые из предложений были

[976] Там же. Оп. 6-2. Д. 302. Л. 6.
[977] Там же. Оп. 5-1. Д. 103. Л. 11а.
[978] Там же. Оп. 7-5. Д. 1481. Л. 35.
[979] ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 101. Д. 879. Л. 5-15.

реализованы, так, в марте 1967 г. государство все же ввело пятидневную рабочую неделю[980], а другие, как, например, отмена налога на холостяков, в советские времена так и не были приняты.

В 1977 г. аналогичную справку, направленную на имя секретаря Президиума Верховного Совета СССР Л. В. Георгадзе, составил заведующий Приемной Президиума Верховного Совета СССР М. П. Скляров. Он сообщал, что к 10 июля 1977 г. было получено свыше тысячи различных предложений[981]. Большинство из них, судя по тексту записки, повторяли предложения 1966 г., однако имелись и новые, например, предлагалось: присвоить звание «города-героя» Курску, Смоленску, Мурманску и ряду других городов; ввести для женщин с тремя и более детьми 6-часовой рабочий день и один дополнительный выходной в месяц; провести амнистию[982] и др. Вместо предложений граждане также присылали критические замечания, связанные с проблемами служб быта, торговли, транспорта, жилищных условий, бесперебойностью обеспечения продовольственными товарами[983] – намекая, что их устранение будет отличным подарком к 60-летию Октября. Составитель справки также отмечал, что «по мнению многих авторов писем, центральным событием в подготовке юбилея стало всенародное обсуждение проекта Конституции СССР»[984]. Новая Конституция, подготовка которой была начата при Н. С. Хрущеве, была принята ровно за месяц до юбилея революции – 7 октября, и, конечно, в праздничной пропаганде преподносилась как большой подарок населению, как яркое свидетельство заботы партии о народе[985]. Впрочем, некоторые новые статьи главного закона страны, действительно расширяли ряд прав граждан, в частности впервые было закреплено право на охрану здоровья (ст. 42), на жилище (ст. 44), на пользование достижениями культуры (ст. 46) и др.

---

[980] Постановление ЦК КПСС, Совета министров СССР и ВЦСПС «О переводе рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями» от 7 марта 1967 г. // Правда. 1967. 15 марта.
[981] ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 117. Д. 790. Л. 14.
[982] Там же. Л. 16-19.
[983] Там же. Л. 19.
[984] Там же. Л. 16.
[985] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-4. Д. 943. Л. 81–82.

Демонстрация успехов и достижений была направлена на закрепление мысли, что страна идет правильным курсом, кроме того, пропагандисты нередко подчеркивали эволюцию, которую пережил Советский Союз за годы своего существования, и сомневаться в ней не представлялось (и не представляется) возможным. Ветеран партии М. В. Росляков, участвуя в шествии 1 мая 1982 г., не только любовался стройностью и массовостью колонн, но и вспоминал, «с чего начинали и что имеем сейчас»[986]. Все это создавало положительную, оптимистичную атмосферу радости, уверенности в завтрашнем дне, по крайней мере до тех пор, пока не стало контрастировать с реальностью. С обострением социально-экономических проблем в перестроечные годы, педалирование успехов в пропаганде могло вызвать совершенно обратную реакцию. Уже 7 ноября 1985 г. (когда общая ситуация еще не достигла критической отметки) заместитель директора объединения «Рассвет» В. А. Миронова проявляла нетипичную для праздничной риторики осторожность, давая интервью корреспонденту: «В праздник принято подводить итоги, говорить о достигнутом. Но мы знаем, что сейчас идет большая серьезная перестройка всей экономики нашей страны…»[987]. Ломались привычные тропы: в обстановке самокритики, рассказы о достижениях и бахвальство могли вызвать только раздражение, особенно у людей, лично столкнувшихся с тем, что они были не в состоянии удовлетворить самые базовые потребности. Привычное информационное сопровождение праздников могло считываться как лицемерие, тем более на фоне общего разочарования в партии и ее идеологии.

Таким образом, сюжеты, рассмотренные в этом разделе, охватывали ключевые темы внешней и внутренней политики СССР, формируя у граждан идеологически правильное отношение к ним. Набор сюжетов был устойчив и практически не менялся, за исключением того, что в некоторые периоды одним темам уделялось большее внимание, а другим меньшее. Например, в 1950-е гг. оборона занимала более значительное место в репортажах, чем в последующие

[986] Там же. Оп. 7-5. Д. 1480. Л. 25.
[987] Там же. Д. 1801. Л. 110–111.

годы, а в 1960–1970-е гг. одной из наиболее популярных была тема международных отношений. Сами нарративы подстраивались под современную им конъюнктуру, отражая актуальные идеологические кампании и события, однако общая направленность и ключевые тезисы оставались неизменными вплоть до конца 1980-х гг. Помимо рассмотренных в этом разделе сюжетов, актуальная праздничная пропаганда включала и некоторые другие темы: здорового образа жизни и спорта, науки и искусства, школы и преемственности поколений и др. Однако им уделялось куда меньше внимания.

Итак, подводя итоги сказанному в этой главе, сформулируем основные особенности праздничной пропаганды 1950–1980-х гг.

Праздник позволял включить в его информационную повестку почти любые темы, кроме того, праздничный контекст и обилие медиумов (радио, лозунги, городское убранство, музыка и т.д.) позволяли органично сочетать несочетаемое, связывать далекие друг от друга темы, «привязывать» почти что угодно к теме праздника – откуда легко было переходить к ключевым символам, тем самым обеспечивая легитимность и положительное восприятие современных событий. Так, текущие идеологические и хозяйственные задачи партии и правительства (демонстрация обороноспособности, трансляция внешнеполитического курса, трудовая мобилизация и др.), в праздничном контексте обретали дополнительную подпорку в виде неприкосновенных и общепризнанных идеалов: если нужно было мобилизовать население, например, на покорение целины, то в праздничном контексте это преподносилось как прямое продолжение идей Ильича.

Кроме апелляции к главным идеологическим символам – «ленинскому курсу» и «революционным традициям», излюбленными методами актуализации текущих задач государства в праздничной пропаганде были: императивность и безаппеляционность высказываний; подчеркивание всеобщности и массовости (радости, участия в празднике, одобрения тех или иных решений партии и т.д.) – что подстегивало граждан присоединяться к большинству, чтобы не чувствовать себя «белыми воронами»; создание и поддержание общего позитивного настроения (избегание негатива).

Обилие информационных каналов почти не оставляло участникам праздников возможности для игнорирования транслируемых «сообщений». В отличие от прочих форм пропаганды (газетной, лекционной, и даже художественной) праздничная пропаганда подразумевала интерактивность – непосредственное участие в ритуалах, что сильно увеличивало ее эффективность. И не важно, думали ли люди, шествующие в праздничных колоннах, об Октябре или о чем-то личном, самим фактом участия в шествии они воспроизводили советскую систему ценностей, тем самым принимая ее. Праздник в целом предполагал наличие определенных условностей и всеобщее их принятие, поскольку такова суть самого праздника – в его игровой составляющей; пропаганде же это позволяло проводить определенные нарративы в той форме и с таким символическим обоснованием, которое в будничный день и в иной форме воспринималось бы населением куда критичнее.

При этом идеологемы и мифологемы в праздничной пропаганде почти всегда преподносились несколько завуалированно. Перефразируя Р. Барта, можно сказать, что миф действительно «работал», покуда он не был дешифрован[988]. А праздничная пропаганда, как бы прозрачно она иногда ни преподносилась (особенно в текстах радиопередач), все же оставалась зашифрованной, поскольку лишь сопровождала праздник и, кроме того, внешне всегда служила чему-то другому: флаги, лозунги и прочие визуальные элементы – украшению, радиотрансляции – рассказу о происходящем на площади (под «информационной» функцией на деле прятались более важные – идеологическая, мировоззренческая, воспитательная и др.), шествие, как и участие в празднике в целом – традиции, и т.д. Идеологические нарративы, таким образом, использовали те формы, которые своей начальной функцией имели что-то другое. Это позволяло пропаганде быть менее назидательной и нарочитой, что должно было упрощать ее восприятие. В праздничном контексте пропаганда всегда символизировалась, начиная функционировать по принципам семиотического поля праздника и воспроизводя его мировоззренческие и философские функции:

[988] Барт Р. Мифологии. С. 228

структурирования времени, обновления, собирания плодов, демонстрации высших ценностей, социализации и др.

Другая особенность праздничной пропаганды в том, что она являлась беспрецедентно насыщенной: ввиду ограниченности времени и пространства (сжатости), в ней находило отражение все самое основное и важное в идеологическом смысле на данный конкретный момент. Потому, если кого-то или что-то лишали возможности быть представленным в праздничном нарративе, то это могло означать исключение из пантеона ценностей. Добавив к этому тот факт, что праздничная атмосфера облегчала восприятие идеологии, можно прийти к заключению о том, что праздничный день был одним из наиболее подходящих моментов для демонстрации обновленных идеологем. Неслучайно множество советских граждан узнали о начале десталинизации страны, когда не увидели портретов И. В. Сталина на очередной демонстрации.

Наконец, идеологические нарративы имели свою системность и иерархию: центральными и наиболее устойчивыми были сюжеты, связанные с главными советскими символами – Лениным, Октябрем и Партией. Праздник в концентрированном форме воспроизводил советскую мифологическую модель в сжатом виде, обозначая важнейшие ценности и идеи. Символическое выражение этих тем, как правило, воплощалось в мифологемах: например, бессмертие Ленина, рождение нового мира в Октябре, забота партии о населении и т.д. О них обычно говорили в начале праздничных радиотрансляций, их визуальные воплощения открывали демонстрацию и размещались в центре праздничных площадей (например, портреты Ленина), отсылками к ним изобиловали все прочие темы и сюжеты. При этом изложение этих сюжетов, подобно трактовке священных текстов, практически не менялось: использовался набор штампов, многие из которых закрепились еще в 1920-е гг. Однако были и исключения. Так, в период «оттепели» произошла десталинизация и окончательное закрепление Ленина в качестве одного единственного авторитета, сакральной фигуры. Другие значимые изменения были связаны с перестройкой и нарастающим идеологическим кризисом: прежние нарративы, ввиду объективных причин,

переставали работать и наибольший удар пришелся на партию – элемент, который связывал священные символы и текущую актуальную повестку, и, как следствие, вся система начала рушиться.

ГЛАВА 4. ПРАЗДНИКИ В ВОСПРИЯТИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН

4.1. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ФОН И СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ТОРЖЕСТВ

Одним из элементов в коммуникативной модели Г. Лассуэлла является реакция получателей информации: с каким эффектом осуществлена коммуникация? Нередко в современных исследованиях советских праздников этот вопрос сводился к рассмотрению проблемы участия/неучастия граждан в торжествах, что, относительно 1920–1930-х гг., вполне закономерно оценивалось как проявление принятия/непринятия советской власти и ее решений. Применительно к послевоенному периоду данный подход не кажется исчерпывающим, поэтому внимание будет уделяться в большей степени следующим вопросам: какую роль играли праздники в повседневной жизни, в чем советские граждане видели ценность и особость праздников, какие социальные функции выполняли торжества, насколько воспринималась и осознавалась праздничная пропаганда населением.

Первый опыт участия в торжествах для большинства советских граждан относился ко времени, когда те были еще детьми. В 1960–1980-е гг. родители нередко присутствовали на демонстрации вместе со своими чадами (в отличие от 1920–1930-х гг.), некоторые исследователи даже утверждают, что в конце 1950-х гг. «праздничной нормой» стала считаться группа взрослых с детьми[989]. Среди опрошенных нами респондентов мнения по этому поводу разделились: несколько человек отмечали редкое участие в демонстрациях в детском возрасте, двое (женщины 1960 и 1962 г.р.) отметили, что посещали праздники с родителями ежегодно[990]. По нашим наблюдениям, пик детского присутствия на демонстрациях все-же пришелся на 1980-е гг., хоть и до этого их участие нельзя считать редкостью.

---

[989] Келли К., Сиротина С.С. «Было непонятно и смешно» ... С. 273.
[990] Ломакин А.В. Опрос о массовых праздниках в Ленинграде в послевоенное время (архив автора).

Поскольку советский массовый праздник всегда оставался политическим мероприятием, встает вопрос о том, насколько дети воспринимали идеологическое содержание торжеств и чем праздник являлся для них.

Известная британская филолог и историк К. Келли и российская исследовательница С. С. Сиротина в 2008 г. опубликовали статью о советских праздниках послевоенного времени, в заголовок которой была вынесена цитата: «Было непонятно и смешно», что в целом отражает один из ключевых выводов авторов о восприятии праздников детьми. Одна из опрошенных Келли и Сиротиной информанток 1958 г.р. так говорила о своих детских впечатлениях: «Конечно, мы там больно-то не понимали, что там, что там 7 ноября, 1 мая. Чего там? Что это за праздник? Какой там солидарности? Главное – много народу и все с шарами…»[991]. Детям нравились демонстрации: можно было почувствовать себя взрослым, получить в подарок флажки и шары, все красиво одевались, всюду звучала музыка и т.п. Авторы статьи справедливо отмечают рост развлекательной составляющей в праздниках 1960–1980-х гг., однако их вывод о том, что детское восприятие послевоенных торжеств сосредоточивалось вокруг развлечений[992], требует если не опровержения, то серьезных уточнений.

В ленинградских праздничных радиорепортажах, начиная с 1980-х гг., «присутствие» детей стало регулярным – корреспонденты беседовали с младшими школьниками, в разговорах с гостями трибун, пришедшими на праздник с детьми – последним обязательно давали слово и спрашивали о впечатлениях, также звучали публицистические отрывки о достойной встрече очередного праздника пионерами и т.п. Несмотря на ряд оговорок о цензуре и редактуре записей подобных бесед, а также о формальной обстановке разговоров с журналистами (полагаю, что дети все же понимали, что их записывают и что от них ждут определенных высказываний), тексты этих бесед можно рассматривать в качестве источника о восприятии праздников.

---

[991] Цит. по: Келли К., Сиротина С.С. Указ. соч. С. 283.
[992] Там же. С. 295.

В детских впечатлениях нередко «неформальные» аспекты праздничной радости оказывались в одном ряду с серьезными идеологическими сюжетами. Например, во время первомайской радиотрансляции 1982 г. звучала пленка с записью беседы с двумя школьницами-второклашками. На вопрос корреспондента, что способствует хорошему настроению девочек в такой дождливый день, одна из них отвечала: «Сегодня праздник. Мы к нему готовились. И в школе у нас будет концерт, посвященный 1-му и 9-му мая. Там надо из наших звездочек по три человека выбрать. Праздник такой будет во всех школах. И там будем выступать специально для родителей в фонд Мира. Там будут лучшие ребята выступать, я, может быть, сыграю на скрипке»[993]. Из той же беседы можно узнать, что их учительница «все время … приглашает ветеранов войны», а также, что они должны поехать в день праздника в Разлив, впервые посмотреть на Шалаш Ленина[994].

Подготовка и участие в праздничном концерте (что, судя по всему, являлось для девочки ценным само по себе) стояло в одном ряду мероприятий со встречей с ветеранами и поездкой в Шалаш Ленина. Двойственность проявлялась в ответах детей на вопросы журналистов о том, почему они приходят на Дворцовую площадь в праздничные дни. Так, 7 ноября 1983 г. один ребенок смог воспроизвести очень «взрослый» ответ: «Мы хотим проявить свою солидарность со всеми. Когда приходишь сюда, ты как бы переносишься в события, которые происходили 66 лет назад, как брали Зимний дворец, что здесь происходило», однако следующий за этим ответ другого ребенка снизил пафос и звучал более искренне: «Все идут с шарами на праздник, улицы все украшены флагами»[995]. В целом, от детей едва ли ожидалась осознанная и глубокая рефлексия над советскими ценностями и идеологией, гораздо важнее был сам факт приобщения их к традиции.

Во время празднования 65-летия Октября журналист И. Н. Бочанова беседовала с детьми, ученики младших классов и девочка-дошкольница

[993] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-5. Д. 1480. Л. 80.
[994] Там же. Д. 1480. Л. 81.
[995] Там же. Д. 1589. Л. 94-95.

рассказывали корреспонденту о том, как они готовились к этому празднику, исполняя песни и разучивая стихи. Так, первоклассница рассказывала о посвящении в октябрята, прошедшем накануне в одном из музеев, мальчик говорил о том, что специально встал пораньше, чтобы увидеть парад и корабли на Неве, а дошкольница продекларировала стих: «Октябрь, Октябрь / Страны рожденье / Встречает праздник детский сад. / Веселой музыкой и пеньем / Начнем свой праздничный парад»[996]. Приобщение к советской идеологии для малолетних детей в праздничном контексте очень часто осуществлялось именно такими, «простыми» средствами, требующими скорее закрепления действиями, а не осмысления: выучить стих, поучаствовать в концерте или другом торжественном мероприятии, съездить в историческое место и т.п. Если говорить еще шире, праздник являлся маркером одного из первых в жизни детей публичных актов приобщения к миру взрослых, в котором общество разделяет транслируемые идеологические ценности. Поход на демонстрацию со своими родителями, таким образом, выступал одним из наиболее ярких (ввиду особости самого праздничного времени и действа) инструментов социализации.

Кроме того, поход на демонстрацию с детьми, по крайней мере, в 1980-е гг., поощрялся. В репортаже с трибуны 7 ноября 1985 г. отдельное внимание корреспондента было обращено на то, что один из гостей пришел на праздник вместе с детьми[997]. Гость – бригадир объединения «Звезда» В. Г. Коновалов сообщал, что им пришлось решать на семейном совете, кто пойдет на праздник[998] – взяли только старших детей, а младших оставили дома. На вопрос о том, каково это находиться на трибуне, одна из дочерей отвечала, что ей нравится («отсюда все видно, красиво…»)[999].

На заре перестройки ленинградские дети все чаще приобретали опыт регулярного участия в массовых праздниках. В той же радиотрансляции 7 ноября

---

[996] Там же. Д. 1481. Л. 127–128.
[997] Там же. Д. 1801. Л. 64.
[998] Пропуск на трибуны осуществлялся по пропускам, в данном случае – на семью, вероятно, выдали недостаточное количество приглашений.
[999] Вероятно, девочка имела иной опыт наблюдения за праздником, поэтому главным обоснованием того, что ей нравится, выбрала хорошую видимость происходившего на площади.

1985 г. звучала отдельная рубрика, в которой корреспондент И. Н. Бочанова беседовала с детьми на трибуне. Дошкольник Борис Анненский, несмотря на свой совсем детский возраст, был на демонстрации уже не первый раз, на вопрос журналиста об утреннике, мальчик сообщил, что пел на нем, и решил продемонстрировать, какую именно композицию: «Кипучая, могучая, никем непобедимая! Страна моя! Москва моя! Ты самая любимая», а также передал привет маме[1000]. А четвероклассник Алексей Смирнов так рассказал о своем опыте участия в праздниках: «Я еще когда был маленьким, с мамой всегда ходил на демонстрацию и сейчас хожу. Потому что празднично, красиво всегда. Шарики разноцветные пускают. Я очень увлекаюсь техникой и поэтому люблю смотреть парад. Мне все нравится очень… Мы с мамой вечером обязательно пойдем на салют, иллюминация красивая очень, особенно вечером. И очень красивые корабли, подводные лодки на Неве стоят. Они охраняют наш покой…»[1001]. Далее мальчик стал декларировать стих: «Аист взмахнул прощально крылом, / Азбуку учим мы за столом. / Буква за буквой лягут в слова: / «бабушка», «мама», «Ленин», «Москва»… / Время придет и я, ученик, / Все о земле узнаю из книг. / Горы и страны, реки, моря, / Город, где Смольный, год Октября, / Дом и тебя хранят от войны/ Добрые руки нашей страны…»[1002]. В ответах обоих мальчиков поразительным образом сочетались, как нам кажется, главные основы детского восприятия торжеств: очарование внешним антуражем (красота украшенного города, шарики, иллюминация, салюты), усвоение идеологических сюжетов (через песни и стихи) и особая связь всего этого с семьей (традиция посещения праздника с родными, приветы маме). Даже в стихе, озвученном мальчиком Алексеем, «бабушка» с «мамой» соседствуют с «Лениным» и «Москвой».

Праздники также учили детей еще одной «взрослой» традиции – дарению подарков. Из записи беседы со школьницами начальных классов во время «первомайских встреч» 1982 г. можно узнать, что к празднику девочки приготовили родителям подарки – одна сделала «салфеточку, открыточку и

[1000] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-5. Д. 1801. Л. 112.
[1001] Там же. Л. 113-114.
[1002] Там же.

коробочку», а другая получила «пятерку»[1003]. Подарок действием, достижением (получение отличной отметки) в определенной степени воспроизводил взрослую традицию «трудовых подарков». Подобные традиции подкреплялись и школой, так, 7 ноября 1983 г. ученики младших классов рассказывали корреспонденту: «У нас был праздник. Мы сами дарили друг другу подарки. Мы себе чай устраивали… Мы принесли чайники и готовили себе, конфеты принесли, печенье. Стихи все рассказывали. Сценки устраивали»[1004]. В этом примере отношение детей к празднику снова проявляется деятельностно: чаепитие, вручение подарков друг другу, постановка сценок. Праздничные концерты с участием детей, о которых говорилось выше, также нередко преподносились в качестве подарка зрителям, среди которых были учителя, родители и другие взрослые.

Праздничное время должно было облегчать процесс усвоения подрастающим поколением советских норм и ценностей. Пафос пропаганды в праздничном контексте звучал менее назидательно и более естественно – поскольку для праздника была характерна торжественность и яркий идейно-символический антураж (как своеобразные «правила» этих особых дней). Дети приобщались к миру советских ценностей, когда разглядывали праздничные украшения, шли со своими родителями в колонне демонстрантов, когда просто веселились вместе со всеми.

Радость и веселье являются характерными чертами праздника, заложенными в самом определении этого понятия (в отличие от торжества, которое может быть и траурным). Советский массовый праздник в его репрезентациях в материалах СМИ и произведениях культуры обычно преподносился как время всеобщей радости и ликования. Отложившиеся в архивах фотографии в абсолютном большинстве относятся к сделанным профессиональными фотографами, причем, как правило, с ракурса сверху-вниз (что требовало некоторого технического обеспечения для создания «возвышенности») – вероятно, снимки производились для потенциальной

[1003] Там же. Д. 1480. Л. 81.
[1004] Там же. Д. 1589. Л. 94–95.

публикации в газетах и журналах[1005], стало быть, они отражали социально-одобряемую репрезентацию советского праздника, которая могла быть представлена в публичном дискурсе. Однако это отнюдь не значит, что данные фотографии нужно рассматривать как постановочные или неправдивые: фотограф, как нам кажется, должен был поймать «нужный» кадр, который эмоционально, идеологически правильно и художественно убедительно сможет показать советский массовый праздник. На архивных фотографиях праздников, таким образом, чаще всего оказывалась запечатлена лишь одна сторона массовых торжеств – та, которая соответствовала официальному дискурсу и показывала «нормативное» праздничное поведение – радость, ликование, веселье, улыбки и смех.

В тех случаях, когда фотограф старался запечатлеть какой-либо элемент праздничного оформления, на кадр попадали люди, не подозревающие, что их снимают, и выражения их лиц не всегда оказывалось радостным. Так, на снимке 7 ноября 1961 г. (**приложение № 41**) внимание фотографа, очевидно, привлек макет космического корабля Восток-2, однако кадр сделан на уровне чуть выше голов демонстрантов и в нем видны лица людей: молодой человек в левом углу явно чем-то озабочен; некоторые люди с любопытством, сохраняя при этом нейтральное выражение лица, смотрят направо в сторону трибун; туда же, но уже с выражением радости и открытым ртом смотрит девочка, которую кто-то из взрослых приподнял руками; на самом переднем плане запечатлена женщина в платке, лицо которой выражает усталость. Едва ли такое фото могло украшать передовицу какой-нибудь газеты, радостных лиц на ней гораздо меньше, чем спокойных. Однако и в этом случае едва ли можно объективно оценивать эмоциональное состояние празднующих: улыбка редко может быть постоянной – обычно она является кратковременной реакцией на какой-либо внешний «раздражитель» (фотограф поприветствовал шествующих, кто-то выкрикнул

[1005] Многие из авторов фотоснимков ленинградских торжеств сотрудничали с местными новостными изданиями: В.И. Капустин, Д.М. Трахтенберг, Баранов И.А., Наровлянский И.А. и др. См. Проект «Фотографы Санкт-Петербургу: документы в собрании ЦГАКФФД СПб». Электронный ресурс. URL: https://spbarchives.ru/photographers-spb (дата обращения 24.01.2026).

лозунг, отметили колонну предприятия и т.д.). В этом смысле семейные фотографии, которые потенциально могли бы оппонировать «официальному» взгляду, также не являются репрезентативными – на них обычно запечатлевались родные, друзья и коллеги, и сам акт фотографирования являлся поводом для улыбки, позирования.

Более подробную информацию об эмоциональном фоне советских праздников дают вербальные впечатления празднующих, сохранившиеся как в текстах радиорепортажей, так и в воспоминаниях. Беседы с ленинградцами, звучавшие во время радиотрансляций, конечно, отражали «нормативное» (официально одобряемое) впечатление об участии в празднике, тем более что из них, как уже отмечалось выше, вырезалось все, что, по мнению редакторов и цензоров, не должно было попасть в эфир[1006]. Тем не менее, мы считаем, что люди говорили «от себя» (пусть и в рамках самоцензуры), и их мнение все же отражало мнение определенной части общества, поэтому использование этих источников кажется вполне оправданным.

Корреспонденты ленинградского радио во второй половине 1970-х–1980-х гг. нередко спрашивали празднующих об их настроении. Так, 1 мая 1972 г. журналист Э. Бугровицкий беседовал с представителями объединения «Первомайская заря» Ленинского района. На вопросы корреспондента девушки-швеи отвечали, что настроение у них отличное, праздничное, хвалились тем, что им присвоили звания ударниц коммунистического труда. Одна из работниц отмечала: «Наше предприятие ведь в основном молодежное, но нам есть с кого брать пример, на кого равняться. В этот праздничный день очень радостно, что так много народу собрались на нашу демонстрацию. Мы все вместе пройдем по городу, который очень любим и очень радостно, что на нашем предприятии такая преемственность поколений»[1007]. Этот пример очень показателен, так как в нем оказались органично объединены две причины радости в праздничный день: личная (на демонстрации будет много людей, будет шествие по городу, которое

[1006] Вырезанные из трансляций фразы также доступны для анализа – в текстах праздничных радиотрансляций они зачеркнуты, но вполне читаемы.
[1007] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-3. Д. 305. Л. 22.

молодой работнице само по себе кажется радостным процессом) и официальная (получение почетных званий).

Чувство радости в целом нередко связывалось с рабочими достижениями. Так, во время включения из колонны трудящихся Василеостровского района 7 ноября 1977 г. ветеран труда, кавалер орденов Октябрьской революции и Трудового Красного Знамени токарь А. А. Козлов отмечал: «Настроение у нас, как видите, хорошее, праздничное настроение. Для такого настроения есть все основания. Абсолютное большинство рабочих нашего объединения выполнили повышенные обязательства в честь Октября, а многих из них уже работают в счет будущего года»[1008]. Чем большее достижение было достигнуто, тем большей была и радость. 7 ноября 1983 г. корреспондент беседовал с бригадиром комсомольско-молодежной бригады Балтийского завода Н. А. Пегашевым, и на вопрос о том, чем для него это праздник отличается от предыдущих, тот отвечал: «Этот праздник всегда был, есть и будет главным праздником для всех нас. Но нынешний Октябрь, если брать нашу бригаду, он особенный, потому что ледокол «Россия» для многих из нас – первый в рабочей биографии корабль. И этого чувства не передать. Вы представляете, на спуск атомохода пришли наши родные, они увидели, какого богатыря, какого красавца мы построили своими руками! Тут и гордость, и радость, и долг, и ответственность – все смешалось, стало одним понятием – счастьем, счастьем от причастности к такому замечательному коллективу, как наш Балтийский завод. И, конечно, нынешний Октябрь нам запомнится на всю жизнь!»[1009]. Несмотря на очевидный конформизм и соответствие всем пропагандистским тропам, впечатления судостроителя кажутся искренними – профессиональное достижение было признано публично (сам факт взятия интервью для городского радио – лишь одно из подтверждений этого), тяжелая и трудная работа привела к успеху, который востребован властью и обществом (труд не отчужден), и все это подкреплено одобрением и вниманием родных и близких.

[1008] Там же. Оп. 7-4. Д. 943. Л. 84.
[1009] Там же. Оп. 7-5. Д. 1589. Л. 59.

Позитивные впечатления от возможности разделения праздника с коллективом, и в целом с другими людьми, отмечали многие ленинградцы. 7 ноября 1977 г. василеостровец П. Г. Устинов рассказывал, что обычно встречает 7 ноября в командировках, потому как их предприятие ведет монтаж по всему Советскому Союзу (чаще всего в Дивногорске на Красноярской ГЭС), а в Ленинграде празднует первый раз за последние 15 лет. На вопрос, чем отличается праздник в Ленинграде от праздника в Дивногорске, он отвечал: «Всех знаешь, все тебя знают. Ну, здесь идешь с заводом, конечно, тоже знакомые...»[1010]. А во время завершения ноябрьского праздничного репортажа 1972 г. своими впечатлениями делилась одна из корреспондентов З. К. Устинова: «Я тоже много раз проходила по площади и всегда ощущалась эту потребность идти в ногу с друзьями, чувствовать их локоть, петь вместе»[1011].

Подобные впечатления и мнения о причинах радости подтверждаются также воспоминаниями ленинградцев. Опрошенные нами информанты на вопрос об эмоциональном фоне отмечали общую веселую атмосферу праздников[1012]. Респондент, мужчина (1954 г.р.), отвечал, что это было поводом пообщаться с коллегами в нерабочей обстановке, «аналог нынешнего корпоратива», о веселье ввиду сбора компании коллег и предвкушения празднования говорил и другой опрошенный (1951 г.р.). Женщина (1960 г.р.) отмечала «ощущение праздника», которого сейчас нет, причинами радости называла ожидание праздника, приготовление вкусных блюд, сокращенный рабочий день, а также премии (к 7 ноября). Другая опрошенная (1963 г.р.) отмечала эмоциональный подъем по причине общения с одноклассниками и коллегами вне рабочей обстановки, о том же говорила и опрошенная (1962 г.р.): «Было весело, люди ходили в гости». Мужчина (1956 г.р.) также оценивал праздничное время как веселое, «потому что на работу не надо и вообще есть повод для веселья».

Собеседник А. В. Юрчака, секретарь одного из комсомольских комитетов Ленинграда, вспоминал: «Демонстрация была еще одним праздником, на котором

[1010] Там же. Оп. 7-4. Д. 943. Л. 85.
[1011] Там же. Оп. 7-3. Д. 306. Л. 145.
[1012] Ломакин А.В. Опрос о массовых праздниках в Ленинграде в послевоенное время (архив автора).

можно было встретиться с друзьями и знакомыми и вместе повеселиться. Она в общем-то не воспринималась как чисто идеологическое мероприятие. ...Майская демонстрация обычно проходила в хорошую погоду, когда наконец становилось тепло и солнечно. У всех было отличное настроение. Все приходили хорошо провести время…»[1013].

Большинство из опрошенных отмечали отнюдь не политическое содержание праздника, а эмоциональное. Они рассказывали об общении с коллегами, танцах, песнях, выпивке и прочих «саморазвлечениях» во время демонстраций[1014]. Байбурин и Пиир, анализируя причины веселья и радости празднующих, приходят к выводу, согласно которому все дело было в «выработанной с детства привычке радоваться в этот день»[1015], с чем мы категорически не можем согласиться. Пусть информанты и не смогли сформулировать четкие ответы, их априорные высказывания (вроде «сознание того, что это праздник»[1016]) говорят не о привычке (и можно ли вообще иметь привычку быть радостным в определенные дни?), а о том, что, в отличие от 1920–1930-х гг., когда майские и ноябрьские демонстрации командным методом внедрялись в культуру, в послевоенный период они превратились в один из элементов советской культуры (в самом широком смысле слова), носителями которой являлось большинство граждан. Не случайно один из информантов говорил, что посещение праздника было чем-то само собой разумеющимся[1017].

Праздник в философском и культурологическом смысле является противопоставлением повседневности: он ее разделяет и структурирует, он является нерабочим временем, он поощряет то, что в будние дни под запретом.

Празднования Первомая и годовщин революции в послевоенном Советском Союзе были едва ли не единственными, доступными для всех, массовыми публичными мероприятиями с настолько большой аудиторией[1018]. И, в этом

[1013] Юрчак А.В. Это было навсегда… С. 242.
[1014] Цит. по: Байбурин А. К., Пиир А. М. Указ. соч. С. 244–246.
[1015] Там же. С. 241.
[1016] Там же. С. 241.
[1017] Там же. С. 242.
[1018] Оговоримся, что со вт. пол. 1970-х гг. определенную «конкуренцию» им стали составлять большие спортивные события и «стадионные» концерты.

смысле, кроме досуговой и рекреационной функций, они выполняли роль места-обстоятельства для знакомств и завязывания романтических отношений. На улицах можно было увидеть много гуляющих (большой выбор), царила веселая атмосфера (облегчавшая межличностную коммуникацию), граждане стремились одеваться во все лучшее и выглядеть привлекательно. Вот как вспоминала об этом одна из информанток А. К. Байбурина и А. М. Пиир: «Ведь не надо забывать, что все-таки население было… в большом количестве женское. Мужчин после войны осталось маловато. И женщины – это, как бы сказать, ну выразить себя. Какое-то ухаживание, флиртом даже не назовешь, а какое-то легкое вот такое вот. <…> Потому что без семей ведь приходят. Приходят, как бы сказать, с одного предприятия люди, с завода там, фабрики какой-то. И они танцуют вместе, поют вместе, могут там обнять тебя, ну вот мужчины проявляют внимание. Праздник ведь…»[1019]. Проявления физической близости в публичном пространстве, которые в будние дни порицались – в дни праздников были совершенной нормой, и это способствовало завязыванию романтических знакомств.

Не только физический контакт во время шествий или танцев располагал к проявлению интереса к противоположенному полу, сама атмосфера праздника способствовала этому. Вот как вспоминал о знакомстве с будущей супругой В.М. Забелин, в конце 1960-х гг. – студент физфака ЛГУ: «Второго мая 1969 г. в ночи на лестнице общежития я пел для желающих свои любимые песни (под гитару, конечно). Оказалось, что еще не все пошли спать. На верхней ступеньке тихонечко сидели две хрупкие девчушки. Одна из них, восточного типа, с огромными черными глазами, сразила сразу и наповал. На следующий день, прихватив для смелости кого-то из ребят, я уже пил чай в компании четырех девчонок-студенток из Москвы. Они приехали в Ленинград на все майские праздники восхититься достопримечательностями культурной столицы (тем более что были уже почти художниками). У восточной девчонки и имя оказалось восточным – Фарида. Девятого мая на танцах исполнил свое песенное обращение к ней (в составе своей же бит-группы), а на перроне на прощание вручил Фариде

[1019] Байбурин А.К., Пиир А.А. Указ. соч. С. 249.

аж целую оду…»[1020]. В этой истории знакомства праздники послужили и обстоятельствами (не будь их, Фарида бы не приехала в Ленинград), и фоном развития отношений (публичное пение, праздничные танцы). То, что романтические знакомства в праздничные дни были не редкостью, подтверждает и тот факт, что этот сюжет оказался запечатлен в кинематографе: в знаменитом «оттепельном» фильме М. М. Хуциева «Застава Ильича»[1021] главный герой Сергей знакомится с девушкой Аней именно на первомайской демонстрации.

Возвращаясь к воспоминаниям Забелина, отметим еще одно важное наблюдение: он помнит конкретный день знакомства, несмотря на то что прошли десятки лет. Особость праздника служила хорошей приметой для своеобразной «привязки» событий к конкретным датам в памяти людей – в рассмотренных воспоминаниях и мемуарах мало какие события датировались конкретно, однако, то, что происходило в дни советских праздников, запоминалось лучше. Люди могли не помнить год, но помнили, как что-то случалось именно накануне, в дни или после праздников. Например, известный математик Ю. В. Матиясевич, в 1964–1969 гг. студент ЛГУ, вспоминал, что решение важной математической задачи пришло ему именно в дни майских праздников: «Был праздничный день, то ли 1 Мая, то ли 9 Мая, я пошел гулять к Медному всаднику, и там мне пришла последняя недостающая идея, как построить неразрешимое исчисление с только тремя соотношениями»[1022].

Особость праздников, выделяющая их в череде будней, проявлялась также в контрасте с повседневностью: дети радовались праздничным безделушкам (свистулькам, шарам и т.д.) и угощениям, которых в обычные дни не было; на празднующих воздействовали и яркие цвета (на фоне доминирующего в городском пространстве серого), и возможность ходить прямо по проезжей части[1023]. Особое ощущение создавала музыка: «Это создавало… на фоне

[1020] Забелин В.М. Опус № 5 // Шестидесятые годы на физфаке ЛГУ: сб. воспоминаний. Вып. 2. Гатчина, 2014. С. 429.
[1021] Вышел на экране в 1965 г. под названием «Мне двадцать лет».
[1022] Матиясевич Ю.В. Эпизоды математической жизни // Матмех ЛГУ, шестидесятые и не только: сб. воспоминаний / под ред. Д. Эпштейна, Я. Шапиро, С. Иванова. СПб., 2011. С. 135.
[1023] Цит. по: Байбурин А. К., Пиир А. М. Указ. соч. С. 248–249.

молчания – и вдруг это всё поет кругом! Все накручено было идеологически очень здорово. Поэтому людей заряжали – как водкой»[1024]. Информанты отмечали сильное воздействие звучащих из громкоговорителей маршей и песен, и играющих на улицах оркестров, и даже шума веселящейся толпы. Среди наиболее важных ощущений они называли чувство всеобщности людей, открытости и доброжелательности друг к другу[1025]. И если перечисленные составляющие праздничной атмосферы можно объяснить особенностями его организации (праздничная торговля, перекрытие дорог, украшение города и т.п.), то ощущение единства и родства граждан друг с другом вряд ли могут быть рассмотрены как «сконструированные».

Известный ленинградский искусствовед М. Ю. Герман в своих воспоминаниях объяснял радость послевоенных праздников тем, что люди ощущали родство между собой: «В праздники гремели салюты, на улицы выходили веселые толпы, люди еще не отвыкли делиться радостью и ощущать себя братьями по оружию, судьбе, надеждам»[1026]. Герман писал про первое послевоенное десятилетие, однако приведенные в начале главы мнения опрошенных, а также отдельные воспоминания ленинградцев, дают право утверждать, что у многих подобные ощущения единства и родства в дни праздников проявлялись и в 1960–1970-е, и (хоть и в меньшей степени) в 1980-е гг. Одна из опрошенных А. К. Байбуриным и А. М. Пиир говорила об этом так: «Понимаешь, когда люди в обыденной жизни, они разобщены, да? Ну каждый внутри своей семьи, переживает там разные эмоции. А когда ты имеешь возможность выйти на улицу и почувствовать, что вот разные люди и тебе незнакомые, они доброжелательно к тебе настроены, они вот так же ощущают это, этот день как праздник. И людям хочется быть вместе и выразить эту радость свою, вот свое удовольствие, вместе каким-то образом, понимаешь? Ну это очень

[1024] Там же.
[1025] Там же. С. 254-256.
[1026] Герман М.Ю. Воспоминания о XX веке. С. 151.

здорово было. То есть ты чувствовал, вот кожей чувствовал, что это праздник…»[1027].

Важно, что праздничное единение имело наднациональный характер. Ленинградский студент Фаршад Хаджиев, приехавший из Таджикистана, отмечал: «Даже чаще, чем сами ленинградцы, мы участвовали в праздничных шествиях и маршах, скандируя с утра до ночи: “Да здравствует партия! Да здравствует комсомол! Да здравствует советская молодежь”»[1028]. Участие в советских праздниках в этом случае можно рассматривать как способ социальной интеграции и адаптации в новой среде.

Праздник также мог являться поводом для активизации гражданского самосознания и рефлексии о себе, обществе и государстве. Во время репортажа 7 ноября 1972 г. корреспондент З. К. Устинова удивлялась, почему, несмотря на повторение элементов праздника («как и всегда, играют оркестры, на плечах у отцов сияют глазенками ребятишки, и мы кричим «Ура!»), каждая новая годовщина всегда приносит свою неповторимость, и вопрошала: «Почему, хотя мы и не жили на свете тогда, в 17-м году, почему хотим быть непременно причастными к тому великому году»[1029]. На эти, казалось бы, риторические вопросы бригадир слесарей-сборщиков А. Н. Глазунов отвечал, что так будет всегда, потому что революция сделала советских людей ответственными за мир, справедливость, дружбу между народами и за человеческое счастье[1030]. Неожиданный мостик между 1917 г. и современностью ленинградский рабочий увидел в мессианской роли, доставшейся советским гражданам.

Население в праздничные дни видело реальные перемены к лучшему – выпускались новые товары, вручались ключи от квартир, отличившиеся получали заслуженную похвалу. Все это было поводом для размышления о родине и о своем месте в ней. Как правило, это выражалось в чувстве гордости и счастья от причастности к советскому государству и обществу.

[1027] Байбурин А.К., Пиир А.А. Указ. соч. С. 256.
[1028] Сахадео Д. Голоса советских окраин: Жизнь южных мигрантов в Ленинграде и Москве / пер. с англ. Д. Чагановой. М., 2023. С. 73–74.
[1029] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293. Оп. 7-3. Д. 306. Л. 145.
[1030] Там же.

4.2. МОТИВАЦИЯ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ФОРМЫ УЧАСТИЯ В ПРАЗДНИКАХ

Одним из наиболее противоречивых в воспоминаниях граждан о советских торжествах являлся вопрос о так называемой «обязаловке» (когда посещение праздника было принудительным, а не добровольным делом). Относительно школьных и студенческих лет опрошенные нами респонденты рассказывали об этом аспекте неоднозначно: женщина (1962 г.р.) говорила о добровольном участии, несколько человек отмечали «добровольно-принудительный» характер участия («Не очень жесткая, но обязаловка была»; «Участие озвучивались, как обязательное, но за отсутствие никаких санкций не налагалось»; «Участие было добровольно-принудительным»; «Присутствие никто не фиксировал» и т.п.). Еще одна опрошенная (1960 г.р.) говорила о том, что в школе обязывали участвовать в демонстрациях старшие классы: 9 класс на Первомай, а 10 класс на 7 ноября (т.к. весной они ходить не могли, потому что готовились к экзаменам), в институте – только первые два курса обязывали, а дальше по желанию[1031]. Очевидно, что всеобщего принуждения к участию в демонстрациях не существовало, тем более что, судя по воспоминаниям, в этом и не было особой нужды.

Так, В. А. Юраш (Суетина), студентка матмеха ЛГУ в 1959–1964 гг. вспоминала, что им нравилось ходить на праздники: «Очень любили праздничные демонстрации. Ходили через весь Невский. Все факультеты вместе»[1032]. Другая студентка матмеха ЛГУ 1950-х гг. О. К. Даугавет, рассказывала, что, хоть и была комсоргом курса, сама не была «идейной» и свою организационную работу по обеспечению участия в праздниках не воспринимала как идеологическую: «Демонстрации в дни советских праздников – да на них и ходили охотно, а не участвовавших я сурово спрашивала: “почему не был?”, считала это

[1031] Ломакин А.В. Опрос о массовых праздниках в Ленинграде в послевоенное время.
[1032] Юраш (Суетина) В.А. Воспоминания // Матмех ЛГУ, шестидесятые и не только: сб. воспоминаний / под ред. Д. Эпштейна, Я. Шапиро, С. Иванова. СПб., 2011. С. 303.

сплачивающим мероприятием и искренне осуждала тех, кто в нем не участвовал»[1033].

Несколько информантов А. К. Байбурина и А. М. Пиир о принуждении к участию в демонстрациях на работе высказывались похожим образом. Мужчина (1929 г.р.) вспоминал, что вопрос посещения демонстрации поднимался на партийном собрании по месту работы заранее, однако делалось это не в приказном порядке, а в качестве напоминания, и в первую очередь относилось к партийным: «…собрание считает, что большинство или там все коммунисты должны по возможности…»[1034]. При этом он отмечал, что комсомольцев это не касалось, их просто приглашали и надеялись увидеть на празднике (период комсомольского возраста у интервьюируемого пришелся на 1950-е гг.). Два других информанта, мужчина (1933 г.р.) и женщина (1932 г.р.), рассказывали, что непосещение демонстрации могло повлечь за собой неприятности по работе в будущем (могли не подписать характеристику, отказать в получении каких-нибудь путевок), однако и они отмечали, что это был не приказ, а скорее «занудное требование»[1035]. Исследователи констатировали, что для их информантов неприятности, если они и имели место в контексте праздника, не омрачали эти дни[1036].

Полагаем, что организаторы явки на местах, различные профорги, партийные секретари и начальники, вполне осознавали щекотливость этого вопроса и старались избегать насильственного принуждения (заставить людей радоваться невозможно, а без радости – праздник превращался в профанацию). Тем более что существовали и практики поощрения к участию, особенно, если дело касалось важных поручений – понести транспарант или портрет. Так, на некоторых предприятиях Ленинграда за выполнение этих задач выплачивались премии или выдавались отгулы. Ленинградский журналист В. И. Тюев в дневниках приводил слова своего знакомого Валентина Алешина: «За Никиту

[1033] Даугавет О.К. Воспоминания // Там же. С. 33.
[1034] Цит. по: Байбурин А. К., Пиир А. М. Указ. соч. С. 239.
[1035] Там же. С. 240.
[1036] Там же. С. 243.

Сергеевича я в прошлом году получил отгул. Вызвали меня и говорят: “Дадим отгул, если после демонстрации будешь охранять портреты вождей. Сам понесешь Никиту. А то после демонстрации портреты всегда плавают в Неве”. На других заводах и деньги платили. По пятерке за главный заводской транспарант»[1037]. Однако эта практика не была повсеместной, вопросы решались по-разному[1038]. В целом же можно констатировать, что для значительной части советского общества участие в демонстрации было скорее позитивным опытом, который нельзя приписать лишь подчинению вышестоящим органам.

О том, насколько плотно вошла традиция участия в демонстрациях в жизнь, свидетельствуют некоторые случаи, когда участие в демонстрациях осуществлялось вопреки обстоятельствам и вдали от контролирующих инстанций, в виде альтернативных торжеств.

Некоторые из подобных специфических практик были официально одобряемы и рассказы о них нередко становились частью праздничного пропагандистского дискурса. Например, подобным образом преподносились встречи всенародных праздников полярниками на дальних станциях Арктики и Антарктики. В одной из ноябрьских праздничных радиотрансляций с Дворцовой площади в Ленинграде в начале 1980-х гг. диктор рассказывал о героической зимовке исследователей станции «Восток» в Антарктиде, отказавшихся от эвакуации после аварии на дизельной электростанции[1039]. Звучала пленка с записью речи начальника станции П. Г. Астахова, в которой он рассказывал о том, как на полюсе отмечают годовщину Октября: «7 ноября – такая особенность, что 7 ноября как раз кончилась зима, недавно началось лето, солнце довольно яркое, хоть и холодно. И обычно устраиваются маленькие прогулки-демонстрации по территории станции. Как бы демонстрируя победу, что вот мы пережили эту зимовку, что заканчивается вахта эта длительная, годовая, и как бы принимается вызов суровой Антарктиды. Что мы еще будем здесь жить, работать и приветствуем новую смену с пожеланиями, чтобы у них было все хорошо,

[1037] Тюев В.И. Голос из толпы. С. 146.
[1038] Ломакин А.В. Портреты на фоне эпохи… С. 180–181.
[1039] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 7-5. Д. 1589. Л. 100.

успешно. Вот год назад точно так же, 7 ноября на станции «Восток» с сознанием выполненного долга и с радостью ожидания смены мы и устроили и маленькую демонстрацию, и праздничный ужин, и концерт, и стенгазету»[1040]. Примечательно, что главным поводом к празднованию называлась не столько годовщина Октября, сколько окончание зимовки и трудовой вахты, которое выпадало на 7 ноября, то есть у полярников был как бы двойной праздник. При этом формы праздничных практик полярников соответствовали общепринятым: демонстрация, праздничный концерт, выпуск стенгазеты. Цель включения этого репортажа в праздничную трансляцию, очевидно, была в том, чтобы, во-первых, рассказать о героях, а во-вторых, подчеркнуть, что даже на полюсе советские граждане соблюдают принятые традиции. При этом нельзя считать данный материал сугубо агитационным, практика отмечания государственных праздников на полярных станциях, вероятно, была действительно распространенной.

Художественной иллюстрацией этого может служить кино. Так, в фильме И. Я. Гурина «При исполнении служебных обязанностей» (1963 г.) показано, как группа полярников шествует по снегам, впереди идущий несет красный флаг, а несколько человек сзади – транспарант с надписью «Да здравствует 1 мая!». Связь с «большой землей» показана через радио – один из полярников просит «включить Москву», и следующие несколько минут фильма сопровождаются звуками демонстрации: музыкой маршей и криками лозунгов «Да здравствует мир во всем мире!», «Слава нашей Советской Родине!», «Слава доблестным советским космонавтам!», «Ура!» и т.д. Праздник при этом показан как органичная часть полярного быта, где повседневность и будни чередуются с праздниками так же, как и в обычной жизни[1041].

Праздник помогал чувствовать сопричастность чему-то общему, прежде всего, общую радость и единение, что в условиях изолированности помогало легче переносить одиночество и оторванность от большой земли. Весьма

[1040] Там же. Л. 101.

[1041] Поскольку речь идет об официальной институции, пусть и находившейся весьма отдаленно, проведение праздников на полярных станциях наверняка поддерживалось официальными директивами, контролем начальников и т.д. Однако это отнюдь не говорит о том, что без участия властей советские праздники бы не отмечались.

эмоционально это показано в фильме режиссера Ю. А. Петрова «От снега до снега» 1968 г., в котором главная героиня (в исполнении Н. Романиной), работающая метеорологом на Крайнем Севере и страдающая от одиночества, устроила «одиночную» первомайскую демонстрацию. Она шествовала по снегу с шестом, к которому наспех привязала красное полотно, напевала строки из песни «Москва майская» («Кипучая, могучая…») и кричала «Ура». На фоне звучала запись звуков демонстрации, что создавало ощущение, что девушка вовсе не одна, а тоже шествует со всеми и ее голос сливается с сотнями звучащих голосов. Ценность советского праздника, как видно из этого примера, заключалась в возможности почувствовать себя частью общества и сопереживать ему совместно со всеми.

По всей видимости, советские праздники для многих, в том числе «антисоветски» настроенных граждан, не считались исключительно государственными мероприятиями, отмечание которых подтверждало солидарность празднующих с действующей властью. Подтверждают это воспоминания заключенной Озерлага Н. С. Кравец о 1 мая 1953 г.: «Перед Первомаем мы обязаны были сдать в каптерку все красные тряпки – ленточку ли, косынку ли... никаких тебе праздников! Только на работу не выводили…». Однако самопальный праздник все равно был организован, несмотря на запреты: «Ох, какой у нас был концерт! Читали стихи (я “О советском паспорте”!), пели, играли на гребешках, я негромко на скрипке, Марина Спендиарова подпевала. Праздник удался на славу... Все прошло благополучно, и начальство так и не узнало, что контрики отметили советский праздник»[1042]. Проведение подобной «нелегальной маевки», конечно, было вызвано не идеологическими побуждениями. Празднование было для заключенных способом возвращения в «нормальную» жизнь.

Отклонения от «нормативного» поведения в праздничные дни вызывали особое беспокойство властей, поскольку режим публичности в красные дни

[1042] Цит. по.: Самодеятельное художественное творчество в СССР: очерки истории / ред.: С.Ю. Румянцев, А.П. Шульпин. Т. 2: 1930–1950 гг. СПб., 2000. С. 41.

календаря был иным и любая, даже внешне безобидная, выходка, представленная на всеобщее обозрение, могла омрачить праздник и подорвать авторитет власти.

Показательна ситуация с алкоголем: ленинградские власти, несмотря на проявление озабоченности этим вопросом, никогда не шли на его радикальное решение и не запрещали продажу спиртного полностью. Напротив, они стремились урегулировать его потребление и придать ему более культурный вид. Что касается людей в нетрезвом состоянии, то отношение милиции к ним, видимо, было лояльным. Вот как об этом говорит один из информантов А. К. Байбурина и А. М. Пиир: «Милиция просто это все очень хорошо знала. Она, они, конечно, получали особые указания. Там пьяненьких не трогать, так по возможности домой, домой, домой. <…> Нет, вытрезвители были к услугам всех, кто, так сказать, в этом нуждается. Но старались, так сказать, мягкими способами. <…> Ну выпил человек! Но в этот момент, так сказать <…> ну в общем главный милиционер города мог сказать своим подчиненным: “Имейте в виду, что народ трудился славно! Ждал этого праздника! Ну если кто перебрал – ну так вы, так сказать, помогите”»[1043]. Все указывает на то, что воспоминания этого информанта близки к истине, и поскольку власти сами контролировали продажу спиртного, то у них были все основания быть лояльными. Однако если дело касалось нарушения уголовного кодекса, то реакция была иной.

Местные власти старались максимально обезопасить население во время массовых мероприятий. В праздничные дни в сады, парки, на стадионы и в другие общественные места высылались усиленные наряды оперативных работников, усиливалась постовая служба[1044]. Как показывают некоторые аналитические данные, направляемые Управлением милиции в Ленинградский горком КПСС, беспокойство было оправданным.

Так, в дни майских праздников 1954 г. в Ленинграде было зафиксировано множество случаев поножовщины[1045]. Наиболее удивительным нам показался следующий случай: 1 мая 1954 г. в 4 часа дня на Невском проспекте у музея

[1043] Байбурин А.К. Пиир А.М. Указ. соч. С. 253.
[1044] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 61. Д. 249. Л. 124.
[1045] Там же. Оп. 66. Д. 153. Л. 2-4.

Истории религии Академии наук СССР (Казанский собор) группа молодых людей нанесли рабочему травму ножом, а других двух рабочих избили[1046]. Среди задержанных был учащийся 10 класса – сын генерал-майора, бывшего начальника одного из крупных военных училищ. Но более всего поражает не это, показательно время и место преступления – посреди бела дня в самом центре города, на Невском проспекте, спустя всего пару часов после того, как там проходили колонны демонстрантов.

Нередки были и случаи ограблений. В тот же день, между двумя и тремя часами дня группа неизвестных ограбила прохожего: сняли зимнее пальто, пиджак[1047]. Бывало, когда с празднующих пытались сорвать шапки и затеряться в толпе[1048]. Как мы видим, озабоченность порядком в дни торжеств вызывалась вполне резонными причинами. Нарушение привычного распорядка дня, большое скопление людей создавали условия для активизации преступников. В этом контексте нельзя не вспомнить фильм «Цепная реакция», снятый И. К. Правовым в 1962 г. В нем рассказывается о сходке воров-профессионалов накануне VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 г., созванной для обсуждения плана действий на время фестиваля. По сюжету фильма, карманники решили обворовывать только иностранцев, а соотечественников не трогать. Однако для того, чтобы не порочить лицо СССР перед всем миром, главный герой вернул иностранцам украденные кошельки и в конце концов решил «завязать» с криминалом. Фильм примечателен многими деталями, в том числе фактом официального и публичного признания существования в СССР организованной преступности, но относительно нашей темы показательна демонстрация активизации нарушителей закона во время праздников. После 1953 г. проблема, видимо, еще больше актуализировалась в связи с т.н. «бериевской амнистией», когда в города СССР вернулись тысячи освобождённых уголовников. И Ленинград не был исключением, в середине 1950-х гг. дореволюционная столица не была безопасной, даже в дни торжеств.

[1046] Там же. Л. 36.
[1047] Там же. Л. 44.
[1048] Там же. Оп. 61. Д. 249. Л. 74.

В конце 1950-х гг. число зарегистрированных преступлений в Ленинграде снизилось, однако в последующие годы рост происходил почти все время вплоть до распада СССР[1049]. К тому же появлялись и иные поводы для беспокойства в праздничные дни.

Отношение инакомыслящих к советским торжествам было противоречивым. Формат советского массового праздника в целом нравился многим, не вполне советским по взглядам, гражданам. В недавно вышедшей монографии о советских хиппи приводится цитата Василия «Лонга» Бояринцева: «Демонстрация в те времена – это праздник. Первомайская демонстрация, 7 ноября демонстрация. Ну почему бы не [пойти] – демонстрация всегда праздник»[1050]. Внесение непривычного значение в общепринятые практики, вырывание из привычного контекста, или, как это называет автор книги, «провокативная апроприация»[1051], вне зависимости от того, выражало ли оно протест или нет, лишь подтверждало полное усвоение принятых в обществе норм. Так, именно 1 мая стал принятым днем начала сезона «хипповских поездок» – традиции путешествия неформалов по разным городам Советского Союза[1052].

Власти не поощряли альтернативное использование официальных праздников. Для них опасность представляла именно публичность попыток праздновать «по-своему». В исследовании С. Блох конца 1970-х гг. отмечалось: «В настоящее время достоверно известно, что течение двух-трех недель, предшествующих Первомаю и Дню Революции, психиатрические больницы используются в качестве временных тюрем для “социально опасных” лиц, которые в противном случае могли бы публично протестовать или заниматься другими видами девиантного поведения»[1053]. Вероятно, подобное было действительно распространенной практикой. На заседании праздничной комиссии 1971 г. представитель Управления милиции Соколов просил дать указание

[1049] Малыгин А.Я., Иванов Д.В. Изменение структуры преступности в Ленинграде и Ленинградской области в 1960–1990-е гг. и основные направления борьбы с нею // Вестник экономической безопасности. 2021. № 4. С. 22.
[1050] Фюрст Ю. Цветы, пробившие асфальт: Путешествие в Советскую Хиппляндию / пер. с англ. И. Косалс. М., 2023. С. 137.
[1051] Там же. С. 459.
[1052] Там же. С. 246.
[1053] Bloch S. Psychiatry as ideology in the USSR// Journal of medical ethics. 1978. Vol. 4, no. 3. P. 130.

Горздраву, «чтобы к 1 ноября из города убрали наиболее агрессивно настроенных больных-шизофреников, примерно около тысячи человек»[1054].

Связанный с этим комичный эпизод описывает Кирилл Козырев, один из завсегдатаев знаменитого ленинградского кафе «Сайгон»: «Помню, например, как в 1967 году Сережа Танчик прибежал к нам седьмого ноября из сумасшедшего дома. Дело было так. Перед ноябрьскими праздниками братьев Танчиков посадили в сумасшедший дом – “во избежание каких-либо эксцессов”. Каких эксцессов ждали от братьев Танчиков? Что они отдельной колонной пойдут с хоругвями против ликующих масс? Не знаю, но их решили изолировать, чтобы не испортили трудящимся праздник. И вот наступает седьмое ноября <…> И вдруг в окошко стучится Сережа Танчик. Я очень хорошо запомнил, что на нем был синий больничный халат поверх пижамы. Пешком пришел из Скворцова-Степанова! В тапочках. А это ведь очень далеко от Купчина... То, чего так боялись большевики, свершилось: Сережа двигался, можно сказать, поперек всех ликующих масс – правда, без хоругвей, но зато во всем больничном...»[1055]. Используя устоявшиеся формы, неформалы наполняли их своим собственным содержанием, фактически доказывая, что советское – не равно государственное. Подобная точка зрения была слишком опасна, тем более, когда речь шла об акциях с более очевидной политической подоплекой.

Так, празднование 39-й годовщины революции в 1956 г. было отмечено сразу несколькими акциями ленинградских студентов.

Наиболее известной можно считать акцию М. М. Красильникова, члена так называемой «филологической школы» и одного из первых диссидентов. Как вспоминал поэт и писатель Л. В. Лосев, «он больше всех нас любил улицу, площадь, толпу, возможность подрать глотку. Он шёл среди знамён и портретов и вопил: “Свободу Венгрии!” и “Утопить Насера в Суэцком канале!” и ещё что-то в этом роде»[1056]. При этом он отмечал, что выходка носила не политический, а

[1054] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 46. Д. 349. Л. 5.
[1055] Козырев К. Папочка и домашняя «Малая Садовая» // Сумерки «Сайгона» ... С. 212-213.
[1056] «Филологическая школа» ... С. 15.

эстетический характер. Однако Красильникова задержали и позже осудили на 4 года лишения свободы.

В этот же день, после демонстрации, группа студентов направилась на площадь Пушкина (Искусств), где прозвучали крамольные речи и призывы вроде «Долой марксизм-ленинизм из учебных планов»[1057]. Там же, но уже в декабре 1956 г., была проведена стихийная демонстрация, связанная больше с вопросами искусства, нежели политики (катализатором послужила привезенная в начале декабря в Ленинград выставка Пикассо). Встречу решили повторить, но в этот раз власть уже отреагировала. Часть молодежи, участвовавшей в этих митингах-обсуждениях искусства, была арестована.

Как вспоминает Лосев в книге «Меандр»: «Мы на все демонстрации ходили, потому что было весело идти в толпе по мостовой, отбегая время от времени в сторонку, чтобы выпить. А после демонстрации еще предстояла большая выпивка у кого-нибудь дома»[1058]. Для молодых нонконформистов, не являвшихся диссидентами, участие в празднествах было сравнимо с хеппенингом, некой отдушиной, возможностью нарушить привычную закостенелость, пользуясь легальными возможностями демонстрации. Поэт В. И. Уфлянд в 1957 г. даже написал по этому поводу стихотворение:

«Сиденье дома в дни торжеств
есть отвратительный, позорный жест,
отталкивающий от вас –
ведь даже старики стоят в воротах,
обозначающий отказ
от всякой принадлежности к народу.
Уткнувшемуся головой в диван
поэтому необходимо вам
химеру отогнать толпы орущей
и выбраться на тротуар,

[1057] Ваксер А.З. Ленинград послевоенный. С. 316.
[1058] Лосев Л. В. Меандр... С. 232.

а лучше
включиться в праздничный парад,
и понести немного транспарант,
где перечислены ударные цеха,
или портрет секретаря ЦК.
А после, взяв на плечи пионера,
кричать ура, вдыхая воздух нервно.
И возвратясь домой,
еще с порога
сказать:
“Я навсегда с таким народом!”
Есть отвратительный, позорный жест:
сиденье дома в дни торжеств»[1059].

Несмотря на ироничный характер данного стихотворения, оно лишь подтверждает слова Л. В. Лосева. Не преследуя политических целей, «филологи» использовали официальные демонстрации в тех же рекреационных целях моральной «разгрузки», что и рядовые советские граждане, хоть и делали это по-своему. Случай Красильникова скорее исключение из правила. Антисоветские выступления в дни массовых праздников были редкостью до наступления перестройки.

Отношение населения к праздничной пропаганде и идеологии массовых праздников менялось аналогично отношению к идеологии в целом. После кратковременного подъема на рубеже 1950–1960-х гг., уровень идейности и веры в светлое коммунистическое будущее в последующие десятилетия падал. Особенно это касалось восприятия официального идеологического дискурса и устоявшихся пропагандистских тропов. Большинство из опрошенных и нами, и другими исследователями, чьи труды уже упоминались, признавались, что их отношение к идейному содержанию торжеств, то есть к праздничной пропаганде, было нейтральным, скептическим или ироничным. Один из опрошенных

[1059] «Филологическая школа» … С. 103.

А. В. Юрчаком ленинградцев, который кроме прочего был комсомольским секретарем, признавал: «На лозунги никто особого внимания не обращал»[1060].

Несмотря на то что массовые праздники в целом нравились большинству советских граждан, идеологические нарративы, особенно преподносимые нарочито, воспринимались слабо. Один из наших респондентов, мужчина 1951 г.р., по этому поводу очень точно замечал: «Наличие традиции практически вытесняло пропагандистское содержание»[1061]. А. В. Юрчак, комментируя восприятие населением различных обращений государства в официальном дискурсе, писал о том, что хоть советские люди и воспринимали себя адресантами сообщений власти и соблюдали принятые нормы (кричали «ура», голосовали «за» и т.п.), однако в буквальный смысл этих обращений не вникали: «При каждом повторении эти обращения подвергались перформативному сдвигу, когда их застывшая ритуальная форма воспроизводилась, а смысл изменялся непредсказуемым образом»[1062]. К аналогичному выводу мы подходили в нескольких предыдущих разделах: в праздничном контексте форма также оказывалась важнее конкретного содержания. Проявлением подобных «перформативных сдвигов», как нам кажется, можно считать восприятие идеологии в ироничном контексте.

Тенденция к ироничному восприятию массовых праздников более заметно проявилась на рубеже 1960–1970-х гг.: романтический дух «шестидесятничества» сходил на нет, уступив свое место скептицизму и юмору по отношению ко всем проявлениям «официоза». Одним из подтверждений этого можно считать распространение различных анекдотов: в частности, некоторые исследователи считают, что знаменитая серия анекдотов о В. И. Чапаеве появилась в ходе подготовки к юбилею революции 1967 г.[1063] В других анекдотах этого времени могли обыгрываться ключевые механизмы создания праздничной атмосферы, в частности – праздничная торговля: «“Поступило предложение в связи с

[1060] Юрчак А.В. Указ. соч. С. 242.
[1061] Ломакин А.В. Опрос о массовых праздниках в Ленинграде в послевоенное время (архив автора).
[1062] Юрчак А.В. Указ. соч. С. 250–251.
[1063] Там же. С. 537.

пятидесятилетием советской власти провести в юбилейном году День сытости". – "Интересно, а чем будет отмечено столетие?" – "В тот год проведут, наверное, целых два дня сытости"»[1064].

Наиболее явно «праздничная тема» выразилась в росте числа анекдотов о Ленине в связи с празднованием в 1970 г. 100-летнего юбилея вождя[1065]. Например, появлялись анекдоты о том, что люди хотят уехать из страны только потому, что не хотят больше слушать юбилейную агитацию или о том, как некоторые могут не знать собственного имени, но знают, что нынешний год – юбилейный[1066]. Большинство из подобных анекдотов обыгрывали кампанию по выпуску юбилейных товаров с забавными названиями, например: «Перед ленинским юбилеем выпустили ботинки "По следам Ильича"» [1067] .

Однако если анекдоты, как «народный» жанр неофициальной культуры, и отражали определенные общественные настроения, то их роль в формировании общего мнения по отношению к праздникам кажется нам весьма ограниченной. Другое дело, когда подобное ироничное восприятие просачивалось в официальный дискурс.

Одним из немногих примеров публичного осмеяния праздничных традиций в 1960–1970-е гг. можно считать эпизод сатирического киножурнала «Фитиль» 1966 г. № 51 под названием «Медицина бессильна» (реж. Г. Ф. Дробиз). Сюжет повествует о мальчике-подростке, которого привели к врачу за помощью: он страдает очень странным заболеванием – говорит исключительно лозунгами и поздравлениями. Отчаявшийся помочь доктор констатирует диагноз: мальчик – «профессиональный поздравленец». Примечательно не только название эпизода, но и то, что он был выпущен в 1966 г., во время подготовки к крупному юбилею революции. Сатира в приведенном примере была достаточно мягкой, но более важен выбор самой темы – объектом насмешки стала традиция лозунгов и

[1064] Мельниченко М. Советский анекдот (указатель сюжетов). М., 2014. С. 463.
[1065] Там же. С. 177.
[1066] Там же. С. 180-181.
[1067] Там же. С. 179.

праздничных поздравлений (отметим, что слово «лозунг» все же не произносилось, вместо него говорили о «стихах» и «поздравлениях»).

В перестроечные годы сатирическому осмыслению подвергся и ключевой элемент массовых праздников – демонстрация. В эстрадной программе «Инвентаризация-89», которая транслировалась по телевидению в 1990 г., Е. В. Петросян исполнял миниатюру под названием «Демонстрация» (автор текста – О. Назаров). Насмешке подверглись традиция ношения портретов и лозунгов, комик несколько раз указывал на то, что все демонстранты выпивают, а также рассказывал о пришедшей на демонстрацию женщине, которая на вопрос, зачем взяла с собой ребенка отвечала, что обещала ему поход в зоопарк на 1 мая. В этом примере сатира была более хлесткой и совсем не безобидной. С одной стороны, трансляция подобных сценок на телевидении говорит о том, что подобное отношение к демонстрациям было уже достаточно распространенным, а с другой – сатира сама подрывала уважение к советскому празднику и дискредитировала его. Неслучайно С. Г. Кара-Мурза отмечал, что осмеяние являлось сильнодействующим средством разрушения скрепляющих общество символов, и как пример приводил Хазанова, Жванецкого, Задорнова и Петросяна – ставших «реальными политиками»[1068].

Мы не склонны преувеличивать влияние юмористов, тем более что в перестроечные годы власть сама принимала решения, которые дискредитировали и ее, и проводимые ею праздники гораздо в большей степени. Одним из первых серьезных ударов по авторитету власти в праздничном контексте стала трагедия на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 г. Решение проводить первомайские демонстрации в Киеве и других городах Украины и Белоруссии, находящихся в зоне наибольшей опасности радиоактивного заражения, вызвало острую критику в адрес М. С. Горбачева и других советских руководителей. Соблюдение ритуала оказывалось важнее здоровья сотен тысяч людей. Вскоре возник анекдот,

[1068] Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2005. С. 527.

который был более страшным, чем смешным: «Как проходят в Киеве первомайские торжества?» – «Очень весело. Как пир во время чумы»[1069].

Играла свою роль и общая обстановка в стране: тяжелая экономическая ситуация не позволяла в полной мере обеспечить население всем необходимым даже в праздники, «подрыв» доверия к власти, вызванный гласностью, ставил под сомнение идеологическое содержание праздничной пропаганды. Женщина (1940 г. р.), опрошенная А. К. Байбуриным и А. М. Пиир, так говорила о влиянии социально-политической обстановки в перестройку на восприятие торжеств: «Вот это постепенно уходило. И уходило это ощущение праздника. Вот это ощущение единства людей. У каждого какое-то свое, свой взгляд и свое восприятие вот этого всего, понимаешь? Ну и вот началось, вот разъединение людей»[1070].

Демонстрации переставали ассоциироваться с народным единством и солидарностью, особенно в условиях, когда в публичном пространстве это слово все чаще использовалось в контексте выступлений оппозиционеров. Так, уже в августе 1987 г. на заседании Политбюро Б. Н. Ельцин предлагал определить порядок проведения разного рода митингов и демонстраций[1071], до этого проходивших в стране лишь по официальным праздникам[1072]. В 1988–1989 гг. в разных городах СССР проходили шествия, которые вскрывали внутренние конфликты советского государства, в том числе национальные: например, демонстрации в Баку в феврале 1988 г., которые вылились в беспорядки и погром армянского населения в Сумгаите[1073]. Н. Рис писала о происходившей в этом контексте трансформации 1988–1991 гг.: «Граждане отказались от незыблемых советских форм участия в политической жизни и вышли на принадлежавшие прежде лишь официальным властям городские пространства, организуя на них демонстрации и митинги…», «…священные символы, идеология и социальная

[1069] Мельниченко М. Указ. соч. С. 791.
[1070] Байбурин А.К., Пиир А.А. Указ. соч. С. 256.
[1071] Получив поддержку М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцин без согласования одобрил публикацию об этом в «Вечерней Москве», что вызвало конфликт с Е.К. Лигачевым и в конечном итоге стало одной из причин отставки Ельцина с поста первого секретаря Московского городского комитета КПСС.
[1072] Пихоя Р.Г., Соколов А.К. История современной России: кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970-х–1991 гг. М., 2008. С. 199-200.
[1073] Там же. С. 214.

практика советского общества – со всего были сорваны маски, все было отторгнуто и отвергнуто “оптом”»[1074].

Ленинградские власти предпринимали попытки вернуть доверие населения. Так, в духе «демократических» тенденций», партийные и советские руководители города 1 мая 1989 г. приняли решение впервые встречать праздник не на трибуне, а в колоннах демонстрантов. «Известия» писали: «Да, непривычно еще видеть всех партийных и советских руководителей в рядах демонстрантов. Но годы перестройки не прошли бесследно для каждого из нас <…> Стремление к откровенному диалогу, отказ от показухи парадности – эти чувства объединили ленинградцев в их первомайском марше»[1075]. Прежние тропы советского массового праздника в официальной печати откровенно назывались «показухой», что не могло не подрывать доверия к прежде сплачивающему ритуалу. В день октябрьской революции того же года с колоннами демонстрантов вышли даже секретари ленинградских обкома и горкома КПСС[1076], но едва ли это могло восстановить утраченное доверие. Тем более что в тот же день впервые в городской демонстрации открыто участвовали и представители оппозиции – члены Ленинградского народного фронта и другие «демократы». Колонна демократических сил (до 30 тыс. человек) прошла от здания ТЮЗа на Пионерской площади до Дворцовой площади, а в перечне проносимых ими лозунгов значились, например, такие: «В члены обкома КПСС – через прямые альтернативные выборы!», «Мы не рабы, рабы – немы!»[1077]. Участник тех событий А. Петров рассказывал: «Когда колонна вступила на Дворцовую и двинулась по самой дальней от трибун «колее», ее попытались было усиленными шеренгами курсантов отделить от массы других демонстрантов. Образовался даже широкий и совершенно пустой «коридор». Только просуществовал он недолго. Тем, кто рассчитывал «отодвинуть» неформалов с их «непраздничными»

[1074] Рис Н. «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М., 2005. С. 285.
[1075] Известия. 1989. 1 мая.
[1076] Вечерний Ленинград. 1989. 7 ноября.
[1077] Общественная жизнь Ленинграда. С. 205–206.

транспарантами, пришлось отступить»[1078]. 7 ноября того же года оппозиционные лозунги демонстрантов в Ленинграде стали еще более радикальными, среди них были, например: «Ударим перестройкой по коммунизму!», «Империя, отпусти народы!» (**приложение № 42**). Особенно примечателен лозунг, который переиначивший известную советскую мифологему прошлых лет: «Народ и партия едины?» – со знаком вопроса (**приложение № 43**). Таким образом, с одной стороны, власть теряла монопольное право на трансляцию политических сообщений во время праздничных демонстраций, а с другой, демонстрации стали наполняться новым «протестным» смыслом.

В 1990-м году во время массовых праздников произошли два эпизода, которые очень символически отражали происходивший в стране кризис и невозможность использования праздников для консолидации населения, как в прежние годы. 1 мая 1990 г. в демонстрации на Красной площади участвовали представители оппозиции, которые освистали М. С. Горбачева и всю партийную верхушку, и те были вынуждены покинуть трибуну Мавзолея[1079]. И хотя по телевидению этот эпизод не был показан (запись официальной видеотрансляции оцифрована и доступна), его можно рассматривать как резонансный публичный акт утраты властью прежней монополии на массовые праздники. Во время празднования последней официально отмечаемой годовщины Октября 7 ноября 1990 г. ситуация обострилась еще больше: на М. С. Горбачева и А. И. Лукьянова (член ЦК КПСС) был осуществлено покушение. Житель Ленинградской области, коренной ленинградец А. А. Шмонов стрелял в генерального секретаря во время демонстрации на Красной площади, однако не попал и был задержан на месте. Прежнее значение массовых праздников как места встречи власти и народа для взаимных заверений в единстве, лояльности и поддержке к 1990 году не просто сошло на нет, а приняло обратную сторону.

Таким образом, восприятие населением советских государственных праздников в разные периоды было разным, и во многом зависело от общего

[1078] Там же. С. 207.
[1079] Пихоя Р.Г., Соколов А.К. Указ. соч. С. 259.

благополучия в стране. В отличие от торжеств 1920–1930-х гг., в послевоенный период массовые праздники с устоявшимся набором ритуалов и элементов (демонстрации, транспаранты, концерты и т.д.) прочно вошли в советскую культуру и не были завязаны на одном лишь подчинении государству. Важным подтверждением глубины закрепления традиции является тот факт, что отмечание государственных праздников в послевоенный период не нуждалось в обязательном государственном принуждении, праздники 1950–1970-х гг., как было установлено, в целом нравились советским гражданам сами по себе, вне зависимости от идеологического наполнения. Праздник был самоценен своими элементами – от заблаговременной и всеохватывающей подготовки к торжеству, украшения города, праздничной торговли, до демонстрации, народных гуляний и салюта. Также праздничная атмосфера создавала условия для лояльного восприятия пропаганды (особенно среди детей), однако не она, по мнению граждан, составляла основу праздника, тем более что с 1970-х гг. отношение к ней становилось более ироничным.

Акции участников «филологической школы» и крамольные поступки диссидентов свидетельствуют о том, насколько хорошо советский массовый праздник прижился в обществе и насколько прочно закрепился в культуре: инакомыслящие 1950–1970-х гг. не подвергали сомнению сами основы праздника и его формат, напротив, они использовали его возможности для реализации своих собственных целей. Несогласные с советской властью (или с действующим руководством) пытались использовать ее же методы. Праздник тем самым становился каналом коммуникации, передающим сообщения не только от власти – обществу, но и от части общества – власти. Все это указывает на то, что советский праздник – явление куда более сложное, чем просто пропагандистское мероприятие, как зачастую он позиционируется в историографии. Советский праздник как социокультурный феномен был многофункционален: он в полной мере выполнял функции социализации подрастающего поколения, создавал условия для межличностной коммуникации и рекреации, способствовал единению населения. Для одних граждан празднование было возможностью

ощутить причастность к общему делу (скорее народному, а не государственному), для других – ценным оказывались присущие празднику веселье, радость и общение. Сами элементы торжеств при этом, как показали рассмотренные материалы, могли наполняться совершенно иным содержанием, чем то, которое утверждалось государством.

Утрата властью монополии на массовые праздники, происходившая в перестроечные годы, стала показателем системного кризиса, который переживала страна накануне распада. Поскольку власть до последнего выступала организатором и проводником массовых праздников, то ее ослабление и дискредитация переносились и на сферу торжеств. При этом наиболее важную роль в процессе упадка советских праздников, по нашему мнению, играла не столько утрата доверия населения к идеологии праздников, сколько потеря ощущения единства и невозможность власти организовывать торжества на прежнем уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Советские государственные праздники в диссертации рассматривались с разных сторон этого сложного явления: во-первых, как мероприятия организуемые властью с определенными целями; во-вторых, как система, состоящая из множества элементов, каждый из которых имел свои функции; в-третьих, как канал для трансляции идеологии; в-четвертых, как социокультурный феномен, роль которого в жизни советского общества не может быть сведена к инструментальному использованию государством.

Советский праздничный календарь в изучаемый период не был статичным, в него регулярно вносились изменения и дополнения, наиболее значимые из которых относятся к 1965 г., когда 9 мая и 8 марта стали нерабочими днями. Нововведения 1970–1980-х гг., такие как рост числа трудовых праздников, а также появление ряда негосударственных торжеств и тематических праздников в Ленинграде, способствовали процессу, который можно обозначить как «инфляция праздников». Это приводило к размыванию самого понятия «праздник», а также снижало ценность главных массовых торжеств – Первомая и годовщин Октября.

Подход к организации государственных праздников в 1945–1991 гг. в Ленинграде претерпел определенную эволюцию. После окончания Великой Отечественной войны и вплоть до конца 1960-х гг. основную роль в подготовке и проведении массовых праздников играли возглавляемые председателем Ленгорисполкома городские праздничные комиссии, в состав которых входили также члены горкома и обкома КПСС, главы различных управлений Ленгорсовета – высшие номенклатурные чины советской и партийной власти города. Со стороны партии этот вопрос курировался идеологическим отделом Ленинградского горкома КПСС, руководители которого готовили соответствующие постановления и планы проведения конкретного торжества в каждый конкретный год. Городские праздничные комиссии занимались в основном организационными и хозяйственными вопросами (финансирование, украшение города, праздничная торговля и т.п.), а также контролировали

проведение центральных городских мероприятий – парада, общегородской демонстрации и вечерних гуляний на Дворцовой площади. На уровне районов города также создавались свои праздничные комиссии, которые, в свою очередь, рассматривали вопросы украшения, подготовки колонны демонстрантов, организации вечерних гуляний в каждом конкретном районе. Таким образом, в подготовке к празднику были задействованы почти все городские управленческие структуры, власти были готовы использовать значительные административные и финансовые ресурсы для того, чтобы праздники проходили как можно более продуманно и организованно, что свидетельствует о важности той роли, которую они возлагали на торжества. Благодаря описанной форме организации массовые праздники в Ленинграде получались всеохватывающими и масштабными.

На рубеже 1960–1970-х гг. подход к организации торжеств несколько изменился. В 1969 г. при Управлении культуры Ленгорисполкома был создан Отдел массовых праздников и фестивалей, который брал значительную роль в подготовке торжеств на себя. Появление этого Отдела было направлено на более централизованное планирование городских торжеств, а также на повышение их идейно-художественной составляющей. Несмотря на задумки и желание работников Отдела и его руководителей, в том числе известного режиссера С. И. Тулупникова, сделать массовые праздники более зрелищными и создать условия для более активного участия в них населения, эти задачи не были осуществлены. Работники Отдела были вынуждены постоянно отвлекаться на проведение разнообразных городских фестивалей и торжеств («Белые ночи», «Алые паруса», «Зимние звезды» и т.п.), которых к 1980-м гг. стало гораздо больше, чем официальных государственных праздников. Попытка глобального переосмысления советских праздников, о котором еще в 1960-е гг. говорили режиссеры-члены Всероссийского театрального общества (именно ими была инициирована идея создания Отдела), потерпела неудачу.

С началом работы Отдела почти перестали вестись стенограммы заседаний городских праздничных комиссий (во всяком случае, за несколькими исключениями, – эти документы 1970–1980-х. гг. не были найдены), хотя сами

комиссии продолжали формироваться. Это позволило сделать вывод, что роль высшей номенклатуры города в подготовке и проведении государственных праздников в Ленинграде в этот период снизилась, хотя за ней продолжала оставаться контролирующая функция. Мы предлагаем следующее объяснение этого: в первые послевоенные десятилетие решение многих вопросов происходило в «ручном режиме» ввиду множества чисто хозяйственных проблем (что наглядно отражено в проанализированных стенограммах заседаний праздничных комиссий»), а к 1970-м гг. устоялся не только порядок организации и проведения торжеств, но и хозяйственная ситуация в городе улучшилась. К тому же в этот период ротация кадров стала менее частой, поэтому исчезла необходимость в регулярных встречах членов праздничных комиссий, так как они были в курсе дела и понимали, за что именно ответственны. Таким образом, в исследуемый период организация праздников прошла два этапа: непосредственное участие и погружённость партийного руководства города в этот процесс в 1945–1969 гг., и более формальное участие в качестве контролирующей инстанции в 1970–1980 гг., когда большая часть подготовительных мероприятий осуществлялась Отделом массовых праздников и фестивалей. Так или иначе, подготовка и проведение торжеств оставались под монопольным контролем местной власти вплоть до конца периода перестройки.

Значительная часть организации праздников приходилась на подготовительные мероприятия, значение которых до этого недооценивалось в историографии. Проведение ремонтных работ, наведение чистоты в городе и его украшение, заблаговременное информационное сопровождение и обеспечение предпраздничной торговли по повышенному ассортименту – все это создавало ощущение предвкушения праздника и способствовало появлению праздничной атмосферы. Подготовка массовых торжеств в 1945–1960-х гг., на фоне существования многих бытовых и экономических проблем, позволяла хотя бы на короткое время навести в Ленинграде «идеальный» порядок, создать условия, заметно отличавшиеся от повседневных, что делало праздники по-настоящему особыми днями. В 1970–1980-е гг., несмотря на сохранение множества проблем,

общий уровень жизни все же рос, и праздники переставали так разительно отличаться от будних дней: иллюминация и украшения улиц Ленинграда стали повседневностью, мука и мясо перестали считаться праздничным ассортиментом, салюты стали запускать и в другие дни и т.п. То, что делало празднования годовщин Октября и Первомая уникальными, переставало быть таковым, и даже сам праздник теперь можно было посмотреть по телевизору.

Главные элементы массовых торжеств (парад, демонстрация, гуляния) в указанный период менялись менее значительно. На протяжении всего послесталинского десятилетия происходила десталинизация праздников – имя и изображения вождя сперва аккуратно, а затем и более явно, убирались из праздничного оформления и устоявшихся праздничных нарративов. На рубеже 1950–1960-х гг. изменялось значение физкультурных парадов, которые перестали быть частью «канона» празднования 7 ноября в Ленинграде. Шествия становились менее длительными, большее внимание уделялось развлекательной части торжеств – вечерним гуляниям, улучшению праздничного досуга. Все эти изменения стоит оценивать как демократизацию массовых праздников: несмотря на сохранение жесткого идеологического контроля, организаторы торжеств старались сделать их более комфортными и приятными для участников. Члены праздничных комиссий осознавали важность этого процесса, на их заседаниях проговаривалась необходимость «дать возможность трудящимся отдохнуть».

В праздничной пропаганде центральное место занимали символы и нарративы, связанные с В. И. Лениным, Великой Октябрьской социалистической революцией и коммунистической партией. Исследование показало, что указанные сюжеты были крайне устойчивы и почти не переосмыслялись в контексте праздников в указанный период, напротив, они преподносились в сильно упрощенном и мифологизированном виде. Формат массового праздника подразумевал высокую степень условности, в которой высшие ценности транслировались через мифологемы и идеологемы. История в этом контексте скорее обслуживала идеологию, поставляя факты и сюжеты, которые потом творчески преобразовывались пропагандистами. В то же время история позволяла

преподносить эти сюжеты замаскированными под реальность, обосновывая их «объективность» через отсылки, например, к историческим местам, а также через привлечение к участию в торжествах ветеранов и старых большевиков. Центральные символы в праздничном контексте служили в большей степени для обоснования актуальной политической повестки, связанной с трудовой мобилизацией, международными отношениями, современными успехами и достижениями. Праздник, таким образом, являлся универсальной идеологической «рамкой», в информационном поле которой любая деятельность властных элит могла быть «привязана» к стержневым сюжетам советской идеологии, которые сами по себе транслировались как априорные. Кроме того, массовый праздник являлся уникальным полем для пропаганды: обилие каналов информации (украшения, лозунги, музыка, радиотрансляции и т.д.) в условиях сжатого пространства-времени делало праздничную пропаганду чрезвычайно насыщенной и концентрированной, при этом сам формат праздника, напротив, был нацелен на облегчение ее восприятия (веселая атмосфера способствовала менее критическому восприятию праздничной пропаганды, а высокий уровень символизма делал ее менее нарочитой и более удобной для усваивания).

Анализ восприятия праздников населением показал, что наиболее ценной чертой торжеств для обычных граждан оказывались чувства единения, радости, оптимизма и свободного общения. Большую роль играло и нарушение привычного порядка будничной жизни, многие ограничения на время снимались: в красные дни календаря жители Ленинграда могли купить дефицитные товары; могли ходить там, где обычно нельзя; повсюду звучала музыка и т.д. Торжества также выполняли ряд важных социокультурных функций: с их помощью подрастающее поколение социализировалось и приобщалось к миру взрослых, они способствовали свободной коммуникации и знакомствам, праздники были временем подведения итогов, отдыха и обновления для общества. Опыт участия в советских массовых праздниках оценивался их современниками в положительном ключе, несмотря на ряд оговорок относительно принуждения в участии, которое в 1945–1991 гг., как было установлено, никогда не было жестким. В то же время,

праздничная пропаганда воспринималась участниками ленинградских торжеств скорее нейтрально или иронично, чем негативно. Другим важным выводом этой главы является установление факта прочного закрепления формата массового праздника в жизни и культуре советского общества (что разительно отличается от 1920–1930-х гг., когда праздники насаждались), это подтверждают и проанализированные казусы, связанные с инакомыслящими и диссидентами, которые использовали советский праздник в своих целях.

Таким образом, массовые праздники не расценивались властью и не воспринимались населением как чисто идеологические мероприятия, обе стороны коммуникации отчетливо воспринимали ценность праздника в его социальных функциях: рекреационной, досуговой, коммуникативной, хозяйственной. Куда большее значение, чем идеологическое содержание праздников, имело то, насколько хорошо они организованы, как менялась жизнь общества в лучшую сторону накануне и дня их проведения. Настоящее политическое значение государственных праздников заключалось не в трансляции пропаганды, а в том, что они сами по себе, как комплекс проводимых мероприятий, являлись отражением некого общественного консенсуса, в котором власть благодарила общество за труды и проявляла о нем заботу, а общество ценило эту власть и выказывало ей поддержку. Устойчивость этого консенсуса во многом зависела от устойчивости самой власти: с усилением кризисных процессов и дискредитацией партии в глазах граждан в период перестройки, советские государственные праздники не могли проходить на том же уровне и с той же степенью общественного единства.

На основании всего вышесказанного можно прийти к выводу о том, что государственные праздники в 1945–1991 гг. развивались не по пути их совершенствования в качестве политического инструмента, а по пути превращения в самоценный общественный ритуал, выполняющий ряд важных социокультурных функций, совпадающих с теми, которые выделяют философы и культурологи, когда говорят о праздниках различных обществ, в том числе традиционных. Это может быть расценено как аргумент в пользу того, что

«советское общество» и «советский народ» в послевоенный период являлись уже не искусственным, умозрительным конструктом, но стали действительно существовавшей общностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф. Р-5446. Совет Министров СССР. 1923–1991.

Ф. Р-7523. Верховный Совет СССР. 1937–1989.

Российский Государственный архив новейшей истории (РГАНИ)

Ф. 3. Политбюро ЦК КПСС (1952–1991 гг.).

Ф. 5. Аппарат ЦК КПСС (1935–1991 гг.).

Ф. 89. Коллекция копий документов, рассекреченных при выполнении тематических запросов в процессе научно-исследовательской работы (1920–1991 гг.).

Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб).

Ф. Р-24. Ленинградский областной комитет КПСС. Смольнинский район, Ленинград. 1927–1991.

Ф. Р-25. Ленинградский городской комитет КПСС (1931-1991), Ленинград.

Ф. Р-9388. Коллекция альбомов, наглядных и наглядно-агитационных документов Ленинградского обкома партии, Ленинградского горкома партии, городских, районных и первичных организаций КПСС/ ВЛКСМ.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб).

Ф. Р-7384. Санкт-Петербургский городской Совет народных депутатов. Санкт-Петербург. 1917–1993.

Ф. Р-4765. Комитет по физической культуре и спорту правительства Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург. 1936–2016.

Ф. Р-4900. Ленинский районный Совет народных депутатов города Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург. 1936–1993.

Ф. Р-7082. Главное управление торговли исполнительного комитета Ленинградского городского Совета народных депутатов. Ленинград. 1934–1992.

Ф. Р-6276. Ленинградский областной Совет профессиональных союзов. Ленинград. 1917–1991.

Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб).

Ф. Р-105. Комитет по культуре правительства Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург. 1953–по наст. вр.

Ф. Р-277. Ленинградский городской Отдел культурно-просветительной работы исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся. Ленинград. 1945–1953.

Ф. Р-293. Государственная телерадиокомпания «Петербург – 5 канал». Санкт-Петербург. 1933–1998.

Ф. Р-381. Отделение межрегиональной общественной организации Санкт-Петербурга и Ленинградской области Союза театральных деятелей Российской Федерации. Санкт-Петербург. 1935–по наст. вр.

Ф. Р-778. Государственное предприятие «Санкт-Петербургский государственный творческий центр праздников и фестивалей» Комитета по культуре мэрии Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург. 1969–1999.

Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФФД СПб). Коллекция фотодокументов.

Нормативно-правовые акты

1. Постановление Президиума ЦИК СССР «О праздничных днях, посвященных дню Интернационала, и об особых днях отдыха» от 23 апреля 1928 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза СССР. 1928. № 22. Ст. 194.
2. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О наведении порядка в праздновании юбилеев» от 12 декабря 1958 г // Собрание постановлений правительства СССР за 1958 г. № 1-20. М.: Госюриздат, 1958.
3. Постановление ЦК КПСС о подготовке к празднованию 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Госполитиздат, 1957.
4. Постановление ЦК КПСС, Совета министров СССР и ВЦСПС «О переводе рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями» от 7 марта 1967 г. // Правда. 1967. 15 марта.
5. Указ Президиума Верховного Совета «О сокращении продолжительности рабочего дня для рабочих и служащих в предвыходные и предпраздничные дни» от 8 марта 1956 г // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 г. – июль 1956 г.) / под ред. Ю. И. Мандельштам. М.: Гос. изд. юр. лит-ры, 1956.
6. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении 22 января рабочим днем» от 7 августа 1951 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 г. – июль 1956 г.) / под ред. Ю. И. Мандельштам. М.: Гос. изд. юр. лит-ры, 1956.
7. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении 9 мая нерабочим днем» от 26 апреля 1965 г. № 3478-VI // Ведомости Верховного Совета СССР. 1965. № 17 (1260). Ст. 226.
8. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 апреля 1962 г. «Об установлении “Дня космонавтики”» // Правда. 1962. 10 апреля.

9. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 ноября 1988 г. № 9724-XI «О внесении изменений в законодательство СССР о праздничных и памятных днях» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 45. Ст. 701.
10. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 октября 1980 г. № 3018-X «О праздничных и памятных днях» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1980. № 41. Ст. 846.
11. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 октября 1980 г. № 3018-X «О праздничных и памятных днях // Ведомости Верховного Совета СССР. 1980. № 41. Ст. 846.
12. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 сентября 1947 г. «Об установлении ежегодного праздника «Дня шахтера» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 г. – июль 1956 г. / под ред. Ю. И. Мандельштам. М.: Гос. изд. юр. лит-ры, 1956.
13. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 июля 1946 г. «Об установлении ежегодного праздника – Дня танкистов» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 г. – июль 1956 г.) / под ред. Ю. И. Мандельштам. М.: Гос. изд. юр. лит-ры, 1956.
14. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 октября 1944 г. «Об установлении ежегодного праздника “Дня артиллерии” Красной Армии» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 г. – июль 1956 г.) / под ред. Ю. И. Мандельштам. М.: Гос. изд. юр. лит-ры, 1956.
15. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 сентября 1955 г. «Об установлении ежегодного праздника “Дня строителя”» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 г. – июль 1956 г.) / под ред. Ю. И. Мандельштам. М.: Гос. изд. юр. лит-ры, 1956.
16. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г. «Об объявлении в СССР Международного женского дня 8 Марта нерабочим днем» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1965. № 19 (1262). Ст. 249.

17. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об изменении указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 сентября 1945 г.» от 7 мая 1947 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 г. – июль 1956 г.) / под ред. Ю. И. Мандельштам. М.: Гос. изд. юр. лит-ры, 1956.
18. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении 1 января нерабочим днем» от 23 декабря 1947 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 г. – июль 1956 г.) / под ред. Ю. И. Мандельштам. М.: Гос. изд. юр. лит-ры, 1956.

Периодическая печать

1. Ведомости Верховного Совета СССР: издание Верховного Совета Союза Советских Социалистических республик.
2. Известия: издание Президиума Верховного Совета СССР.
3. Правда: орган Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза.
4. Вечерний Ленинград: газета Ленинградского городского комитета Коммунистической партии Советского Союза и Ленинградского Совета депутатов трудящихся.
5. Театральный Ленинград: издание Главного управления культуры исполкома Ленгорсовета.
6. Советский спорт: орган Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР и ВЦСПС.

Труды политических и государственных деятелей

1. Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т.2. М.: Политиздат, 1970. 608 с.
2. Сталин И. В. Сочинения. Т. 6. М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. 448 с.

Источники личного происхождения

1. Александров В. А. Кронпринцы в роли оруженосцев. М.: ВК, 2005. 384 с.
2. Герман М. Ю. Воспоминания о XX веке: в 2 кн. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2018. 560 с.
3. Даугавет О. К. Воспоминания // Матмех ЛГУ, шестидесятые и не только: сб. воспоминаний / под ред. Д. Эпштейна, Я. Шапиро, С. Иванова. СПб.: ООО «Копи-Р Групп», 2011. С. 33–39.
4. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: Издательство АПН, 1969. 736 с.
5. Забелин В. М. Опус № 5 // Шестидесятые годы на физфаке ЛГУ: сб. воспоминаний. Выпуск второй. Гатчина: Изд-во ФГБУ «ПИЯФ» НИЦ «Курчатовский институт», 2014. С. 421–435.
6. Лабок М. Как это было в 1967 году – в год полувекового юбилея Октября! // Ленправда. Информационно-аналитическое интернет-издание. Электронный ресурс. URL: https://www.lenpravda.ru/blog/3809 (дата обращения 24.08.2025).
7. Лосев Л. В. Меандр: мемуарная проза. М.: Новое издательство, 2010. 430 с.
8. Матиясевич Ю. В. Эпизоды математической жизни // Матмех ЛГУ, шестидесятые и не только: сб. воспоминаний / под ред. Д. Эпштейна, Я. Шапиро, С. Иванова. СПб.: ООО «Копи-Р Групп», 2011. С. 124–146.
9. Овчинников В. В. Калейдоскоп жизни: экзотические, драматические и комические эпизоды личной судьбы ветерана журналистики. М.: АСТ, 2006. 512 с.
10. Рубин Е. Пан или пропал! М.: Захаров, 2014. 510 с.
11. Сенкевич Ю. А. Путешествие длиною в жизнь. М.: Вагриус, 1999. 384 с.
12. Тюев В. И. Голос из толпы. Дневниковые записи. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 205 с.
13. Черейский М. Дракон с гарниром, двоечник-отличник и другие истории про маменькиного сынка. М.: АСТ, 2012. 208 с.

14. Шелест П. Е. Да не судимы будете. Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М.: АООТ «Оригинал», 1992. 612 с.
15. Юраш (Суетина) В.А. Воспоминания // Матмех ЛГУ, шестидесятые и не только: сб. воспоминаний / под ред. Д. Эпштейна, Я. Шапиро, С. Иванова. СПб.: ООО «Копи-Р Групп», 2011. С. 300–310.

Сборники документов

1. Агитационно-массовое искусство. Оформление празднеств: материалы и документы, 1917-1932. М.: Искусство, 1984. 290 с.
2. Массовые празднества: сборник комитета социологического изучения искусств. Л.: Academia, 1926. 207 с.
3. Массовое действо: Сценические игры. Всемирный Октябрь, поставленный на 1-й Всесоюзной спартакиаде и другие сценические игры: труд 1-го коллектива массового действа ОСМКС / под ред. Н. И. Подвойского М.: Теакинопечать, 1929. 158 с.;
4. Массовое действо. Первомайский праздник. 1932 год / сост. В. В. Борисов, А. П. Талер, М. З. Шилов. Л.: Учпедгиз, 1932. 39 с.
5. Общественная жизнь Ленинграда в годы перестройки. 1985–1991: сб. материалов / сост. О. Н. Ансберг, А. Д. Марголис. СПб., 2009. 784 с.
6. Праздничный наряд Ленинграда: из опыта художественно-политического оформления // Сост.: Л. Н. Царев, Н. М. Быков. Л.: Лениздат, 1981.
7. Сумерки «Сайгона» / сост.: Ю. Валиева. Изд. 2-е. СПб.: Творческое объединение Ленинграда ZAMIZDAT, 2019. 792 с.
8. «Филологическая школа». Тексты. Воспоминания. Библиография. М.: Летний сад, 2005. 680 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрюшин Е. А. Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. М.: Новый хронограф, 2012. 464 с.
2. Байбурин А. К., Пиир А. М. Счастье по праздникам // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 227–257.
3. Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и комент. С. Зенкина. М.: Академический Проект, 2008. 351 с.
4. Барышева Е. В. «В веселом грохоте, в огнях и звонах»: советский праздник в социальном конструировании нового общества. М.: РГГУ, 2020. 208 с.
5. Барышева Е. В. Конструирование политического пространства советского города 1920–1930х гг. // Вестник РГГУ. 2015. № 11(154). С. 31–41.
6. Барышева Е. В. Мир идеалов советского праздника (К вопросу конструирования социальной реальности) // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 221–229.
7. Барышева Е. В. Оборотная сторона советского праздника 1920–30х годов: 7 ноября глазами современников // Диалог со временем. 2017. № 59. С. 81–99.
8. Барышева Е. В. Советский государственный праздник в социальном конструировании нового общества. 1918–1941 гг.: дис. … д-ра. ист. наук. М., 2021.
9. Барышева Е.В. Формирование идеи «совместного» в ритуальных политических событиях 1920–1930-х годов // Вестник РГГУ. 2012. № 1. С. 65–73.
10. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. 543 с.
11. Беглов: в этом году Звездная эстафета посвящается 80-летию Великой Победы. Вечерний Санкт-Петербург. 2025. 1 мая. Электронный ресурс. URL: https://vecherka-spb.ru/2025/05/01/beglov-v-etom-godu-zvezdnaya-

estafeta-posvyashchaetsya-80letiyu-velikoi-pobedi (дата обращения 10.06.2025).

12. Белоусов А. Я. Праздники старые и новые: некоторые философские аспекты проблемы празднования. Алма-Ата: Казахстан, 1974. 198 с.
13. Богдашина И. В. Повседневные практики матерей провинциального советского города в 1950–1960-е гг. // Вестник КГУ. 2020. № 2. С. 42–51.
14. Бордюгов Г. А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М.: АИРО-XXI, 2010. 256 с.
15. Браун Д. Перформативная память: празднование Дня Победы в Севастополе // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 3(101). С. 150–165.
16. Бузинов В. М. Дворцовая площадь. Неформальный путеводитель. М.: Центрполиграф, 2005. 447 с.
17. Ваксер А. З. Ленинград послевоенный. 1945–1982 годы. СПб.: Остров, 2005. 436 с.
18. Ваньке А. В. Ландшафты памяти. Парк Победы на Поклонной горе в Москве // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 3(101). С. 203–220.
19. Вепрева И. Т., Шадрина Т. А. Идеологема и мифологема: интерпретация терминов // Научные труды профессоров Уральского института экономики, управления и права. Вып. 3. Екатеринбург, 2006. С. 120–131.
20. Воронина О. А. «Гендерные» праздники: трансформация символических значений // Женщина в российском обществе. 2017. № 3 (84). С. 3–16.
21. Воронцов С. Г. Модель коммуникации Г. Д. Лассуэла как элемент методологии цивилистических исследований // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. № 1. С. 414–431.
22. Габович М. Памятник и праздник: этнография Дня Победы // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 3(101). С. 93–111.

23. Генина Е. С., Колязимова М. М. Идеологические кампании в СССР 1946 1953 гг., связанные с образом И. В. Сталина (по материалам Кемеровской области) // Вестник КемГУ. 2014. №3 (59). С. 145-149.
24. Генкин Д. М. Массовые праздники. Учебное пособие для студентов институтов культуры. М.: Просвещение, 1975. 138 с.
25. Генкин Д. М. Массовые театрализованные праздники и представления: учеб.-метод. пособие. М.: ВНМЦ НТ и КПР, 1985. 87 с.
26. Генкин Д. М. Массовый праздник как социально-педагогическое явление: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Л., 1978. 26 с.
27. Геродник Г. Е. Дорогами новых традиций. М., 1964. 144 с.
28. Гогин С. В. Изображая радость: праздник как номенклатурное мероприятие // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 3(101). С. 286–300.
29. Годунов К. В. «Красная Пасха»: празднование годовщин Октября и политическая культура Гражданской войны. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. 256 с.
30. Годунов К. В. Праздник 7 Ноября в политической жизни Советской России эпохи Гражданской войны (1918-1920 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2018. 28 с.
31. Годунов К. В. Празднование первой годовщины Октября и красный террор: легитимация революционного насилия // Новейшая история России. 2020. Т.10, № 4. С. 976–988.
32. Годунов К. В. Празднование первой годовщины Октября и ожидания мировой революции // Новейшая история России. 2018. № 2. С. 441–448.
33. Горин Д. Г. От карнавала к литургии: мотивы атеистической космогонии в главном советском празднике // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 3(101). С. 78–88.
34. Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева,

Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я «Эпоха Хрущева». М., 2001. 624 с.

35. Добренко Е. А. «Красный день календаря…» // Советское богатство. Статьи о культуре, литературе и кино. К шестидесятилетию Ханса Гюнтера. СПб., 2002. С. 97–213.
36. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни / пер. с франц. В. Земсковой; под науч. ред. Д. Куракина. М.: Элементарные формы, 2018. 808 с.
37. Ельченко Ю. Н. Новому человеку – новые обряды. М., 1976. 78 с.
38. Ефим Григорьевич Эткинд: материалы к библиографии / сост. П. Л. Вахтина и М. Д. Яснов. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 1999. 52 с.
39. Жарков А. Д. Клуб в дни всенародных праздников: научное издание. М.: Профиздат, 1983. 80 с.
40. Жемчужный В. Как организовать октябрьскую демонстрацию. Пособие для октябрьских комиссий, политпросветов, профсоюзов, клубов. М., 1927.
41. Жигульский К. Праздник и культура: праздники старые и новые. Размышления социолога. М., 1985. 335 с.
42. Зерубавель Э. Переломные моменты истории // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 2(100). С. 31–44.
43. Исаев А. А. Праздник Великой Октябрьской социалистической революции на Дальнем Востоке СССР в 1930-е гг. Как часть политико-идеологической работы среди населения региона // Вестник ТГПУ. 2018. №1 (190). С. 203–210.
44. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: ОГИ, 2003. 296 с.
45. Как Сергей Тулупников спас первую передачу Мурманского телевидения. К 90-летию со дня рождения известного диктора. Сетевое издание Информационное агентство «Би-порт». Электронный ресурс. URL: https://b-port.com/news/117735 (дата обращения 24.01.2026)

46. Кампарс П. П., Закович Н. М. Советская гражданская обрядность. М.: Мысль, 1967. 254 с.
47. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.
48. Келли К., Сиротина С. С. «Было непонятно и смешно»: Праздники последних десятилетий советской власти и восприятия их детьми // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 258–299.
49. Кислицына А. Н. Массовые праздники в Петрограде в 1917–1922 гг. История организации и проведения: автореф. дис. … канд. ист. наук: СПб., 1999. 21 с.
50. Колягина Н. К., Конрадова Н. А. День Победы на Поклонной горе: структура пространства и ритуалы // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 3(101). С. 135–149.
51. Коновалова Н. И. Мифологема как свернутый сакральный Текст // Политическая лингвистика. 2013. № 4. С. 209–215.
52. Корни Ф. К. Истина и поэзия. Десятая годовщина Октября // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 3(101). С. 18–43.
53. Крывелев И. А. О формировании и распространении новых обычаев и праздников у народов СССР // Советская этнография. 1963. № 6. С. 16–24.
54. Кузнецова Л. В. Институт истории искусств: взгляд назад в преддверии юбилея // МИРС. 2007. № 1-2. С. 91–97.
55. Курбатов В. П., Курбатова Н. В. Символ в структуре праздника: виды и функции // Концепт. 2015. № 1. С. 26–30.
56. Курбатов В.П. Праздничный хронотоп: понятие, типы и виды // Культура и образование. 2014. № 2. Электронный ресурс. URL: http://vestnik-rzi.ru/2014/02/1485 (дата обращения 19.11.2024).
57. Кустарев А. Сегодня весь народ отмечает славную годовщину // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 2(100). С. 9–14.

58. Кустова Э. М. Советский праздник 1920-х годов в поисках масс и зрелищ // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 3(101). С. 57–77.
59. Лаврикова И. Н. Политический праздник в системе культуры: науч. монография. 2-е изд., доп. Тверь, 2013. 242 с.
60. Лаврикова И. Н. Политический праздник: культурфилософский анализ: дис. … д-ра культурологии. М., 2015. 309 с.
61. Лаврикова И. Н. Система праздничного действа: феномен приобщения // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. Т. 18, № 1. С. 209–212.
62. Лаврикова И. Н. Сфера праздничного – зона идеологического // Свободная мысль. 2012. № 3-4. С. 187–194.
63. Лазарева Л. Н. Календарно-обрядовый праздник и традиция: феномен взаимообусловленности: избр. ст. Челябинск: ЧГИК, 2024. 420 с.
64. Лебина Н. Б. Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель. М.: НЛО, 2023. 208 с.
65. Лебина Н. Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е годы. СПб: Крига, 2021. 560 с.
66. Литвинова М. В. Классификация и типология массовых праздников и зрелищ // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2012. №14 (133). С. 191–201.
67. Литвинова М. В., Вереитинова Т. Ю. Культурно-семиотическое поле праздника в дискурсе современной культуры // Наука. Искусство. Культура. 2020. №1 (25). С. 29–38.
68. Ломакин А. В. «Глазами друзей»: использование международной повестки в советском праздничном пропагандистском дискурсе (по материалам юбилейных торжеств 1957 г. в Ленинграде) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, № 2. С. 188–192.

69. Ломакин А. В. Возвращенный праздник: празднование 20-летия Великой Победы в Ленинграде 1965 г. // Ученые записки НовГУ. 2025. №4 (59). С. 877–887.

70. Ломакин А. В. Государственные праздники и память о Великой Отечественной войне в СССР (1953-1964 гг.) // Гуманитарные науки в XXI веке: научный Интернет-журнал. 2022. № 20. С. 81–89.

71. Ломакин А. В. «Конструируя праздник»: ленинградские власти и организация праздничных мероприятий (1956—1957 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 2(47). С. 100–105.

72. Ломакин А. В. Ленинград встречает Олимпиаду-80. Справка Отдела массовых праздников о мероприятиях Олимпиады, проводимых в Ленинграде (к 45 летию XXII летних Олимпийских игр) // Информация–Коммуникация–Общество. 2025. Т. 1. С. 246-252.

73. Ломакин А. В. От Ильича до кумача: поэтическое оформление советских праздников в эфире Ленинградского радио 1950–1970-х гг. // Петербургский исторический журнал. 2025. № 3. С. 212–223.

74. Ломакин А. В. Под знаком «изобилия»: праздничная торговля как элемент советского массового праздника (по материалам Ленинграда 1953-1964 гг.) // Информация–Коммуникация–Общество. 2024. Т. 1. С. 239–243.

75. Ломакин А. В. Портреты на фоне эпохи: изображения советских лидеров в пространстве праздничного города периода «оттепели» (по материалам Ленинграда) // Клио. 2025. № 1(217). С. 178-182.

76. Ломакин А. В. Советский массовый праздник как способ коммуникации власти и общества (по материалам Ленинграда 1953-1964 гг.) // Платоновские чтения: материалы и доклады XXVIII Всероссийской конференции молодых историков. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2023. С. 189–191.

77. Ломакин А. В. Тексты праздничных радиотрансляций 1 мая и 7 ноября как исторический источник (по материалам Ленинграда 1950– 1960-х гг.). История повседневности: источниковедческие подходы и методы: сб. ст. по

материалам II Всероссийской студенческой научной конференции / сост. и отв. ред. Н.В. Тихомиров. М.: РГГУ, 2025. С. 163–168.

78. Лотман Ю. М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб.: Искусство-СПБ, 2010. 703 с.
79. Лурье Л. Я., Лурье С. Л. Ленинград Довлатова: исторический путеводитель. СПб: БХВ-Петербург, 2016. 176 с.
80. Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление: Опыт историко-теоретического исследования. М.: Наука, 1978. 392 с.
81. Макаркин А. В. Противоречивые праздники новой России // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 3(101). С. 262–273.
82. Малыгин А. Я., Иванов Д. В. Изменение структуры преступности в Ленинграде и Ленинградской области в 1960–1990-е гг. и основные направления борьбы с нею // Вестник экономической безопасности. 2021. № 4. С. 22–28.
83. Малышева С. Ю. Праздный день, досужий вечер: культура досуга российского провинциального города второй половины XIX – начала XX века. М.: Academia, 2011. 192 с.
84. Малышева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань: Рутен, 2005. 400 с.
85. Мамышева Е. П. Советские праздники в Хакасии в 1920-е годы: особенности восприятия // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2018. № 23. С. 76–78.
86. Махнырев А. Л. 800-летие Москвы сквозь призму советского общественного мнения // «Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2012. № 1 (9). С. 67–78.
87. Махнырев А. Л. Изменение роли и места исторических юбилеев в общественно-политической жизни СССР: от послевоенного сталинизма к хрущевской «оттепели» // Вестник Московского государственного

областного университета. Серия: История и политические науки. 2014. № 3. С. 133–153.

88. Махнырев А. Л. Роль и место исторических юбилеев в общественно-политической жизни СССР (1945-1964 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2015. 26 с.
89. Медведев Р. А. Личность и эпоха: Политический портрет Л. И. Брежнева. Кн. 1. М.: Новости, 1991. 336 с.
90. Медведев Р. А., Ермаков Д. А. «Серый кардинал». М. А. Суслов: политический портрет. М.: Республика, 1992. 238 с.
91. Мельниченко М. Советский анекдот (указатель сюжетов). М.: Новое литературное обозрение, 2014. 1104 с.
92. Молодые голоса. Из репертуара студенческих хоров Ленинграда / сост. П. Левандо. Л.: Советский композитор, 1980.
93. Мордасов А. А. Праздничная культура Южного Урала в период «Хрущевской оттепели» // Вестник ЧГАКИ. 2007. №1 (11). С. 73–85.
94. Невежин В. А. Советская праздничная культура. Первомайские и Октябрьские тожества (1930-е – середина 1940-х гг.). М.: Квадрига, 2024. 424 с.
95. Немиро О. В. В город пришел праздник: из истории художественного оформления советских массовых празднеств. Л.: Аврора, 1973. 108 с.
96. Немиро О. В. Праздничный город: Искусство оформления праздников: История и современность. Л.: Художник РСФСР, 1987. 230 с.
97. Нечипорук Д. М. «Московский Первомай – это рутина»: освещение американской прессой празднования 1 мая как ритуального действия (1965-1985 гг.) // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2020. № 2. С. 46–52.
98. Ноябрьские историко-архивные чтения – 2016 г.: Материалы научной конференции «Российская Империя накануне революционных потрясений: к 100-летию Русской Революции 1917 г.» (ПермГАСПИ. 16–17 ноября 2016 г.): сборник / под ред. С. В. Неганова. Пермь: Изд-во Пушка, 2017. 404 с.

99. Ноябрьские историко-архивные чтения – 2018 г. Материалы научной конференции «Гражданская война в России. К 100-летию Русской Революции 1917 г.» (ПермГАСПИ. 21–23 ноября 2018 г.): сборник / под ред. С. В. Неганова. Пермь, 2019. 616 с.

100. Орлов О. Л. Праздничная культура России. Санкт- Петербургский гос. ун-т культуры и искусств. СПб., 2001. 160 с.

101. Орлов О. Л. Российский праздник как историко-культурный феномен. СПб.: Нестор, 2003. 166 с.

102. Паниотова Т., Романенко М. Навык воображать будущее: утопическое измерение советских революционных празднеств // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 2. 577–592.

103. Пивоваров Н. Ю. О праздновании Дня Победы в 1955 и 1965 гг. // «Непридуманные рассказы о войне». Электронный ресурс. URL: https://world-war.ru/o-prazdnovanii-dnya-pobedy-v-1955-i-1965-gg/ (дата обращения 26.10.2024).

104. Пихоя Р. Г., Соколов А.К. История современной России: кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970-х – 1991 гг. М.: РОССПЭН, 2008. 423 с.

105. Плампер Я. История эмоций / пер. с англ. К. Левинсона. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 568 с.

106. Полян П. М. Историомор. Структуризация памяти и инфраструктура беспамятства // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 3(101). С. 221–231.

107. Попов А. Д. Метаморфозы памяти: сравнительный анализ празднования Дня Победы в 1955 и 1985 годах// Ялта 1945: уроки истории: Сборник материалов научной конференции, Ливадия, 14–15 февраля 2019 года. Ливадия: Общество с ограниченной ответственностью "Антиква", 2019. С. 147–156.

108. Попов А. Д., Пивоваров Н. Ю. Демонстрация дискурсивной власти: высшее партийное руководство СССР и организация празднования 1 мая и 7 ноября (1950-1960-е годы) // Исторический курьер. 2021. №6 (20). С. 59–73.

109. Попов А. Д., Пивоваров Н.Ю., Сак К.В. Ритмы прошлого: первые годовщины Великой Отечественной войны в советской политике памяти (1945-1965) // Российская история. 2023. № 3. С. 95–114.

110. Попов А. Д., Попова Е .А. «Необходимо восстановить как дань уважения к великому подвигу…»: письма о повышении символического статуса праздника Победы в личном архиве С. С. Смирнова// Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: Материалы V Всероссийской научной конференции с международным участием, Ростов-на-Дону, 30–31 мая 2024 года. Ростов-на-Дону: Южный научный центр РАН, 2024. С. 403–410.

111. Попов А. Д., Пивоваров Н. Ю., Сак К. В. Петр Шелест: «Прошу 9 мая объявить нерабочим днем...» // Родина. 2025. № 5. С. 39–43.

112. Попов, А. Д. Празднование 40-летия Победы и тенденции развития исторической памяти о Великой Отечественной войне в последнее советское десятилетие // Российские регионы: взгляд в будущее. 2018. Т. 5, № 2. С. 15–34.

113. Почепцов Г. Г. Семиотика. М.: Рефл-бук, 2002. 432 с.

114. Резникова О. Скорбь и праздник в (пост)колониальном контексте. Этнографические заметки. Грозный 8, 9 и 10 мая // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 3(101). С. 166–173.

115. Рейли Д. Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 544 с.

116. Рис Н. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 364 с.

117. Рольф М. Советские массовые праздники / пер. с нем. В. Т. Алтухова. М.: РОССПЭН, 2009. 439 с.

118. Руднев В. А. Советские обычаи и обряды. Л.: Лениздат, 1974. 149 с.

119. Савинова Н.В. 8 марта или как это было: к 100-летнему юбилею празднования Международного женского дня. ЦГАИПД СПб – официальный сайт. Электронный ресурс. URL: https://spbarchives.ru/cgaipd_publications/-/asset_publisher/yV5V/content/8-marta-ili-kak-eto-bylo-k-100-letnemu-ubileu-prazdnovania-mezdunarodnogo-zenskogo-dna/pop_up (дата обращения: 31.03.2023).

120. Самодеятельное художественное творчество в СССР: очерки истории / ред.: С. Ю. Румянцев, А. П. Шульпин. Т. 2: 1930–1950 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 550 с.

121. Сахадео Д. Голоса советских окраин: Жизнь южных мигрантов в Ленинграде и Москве / пер. с англ. Д. Чагановой. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 472 с.

122. Сидорчук И. В. Дома культуры как досуговые пространства в конце 1920-х – 1-й половине 1930-х гг. (на примере Ленинграда) // Клио. 2022. № 8 (188). С. 105-114.

123. Сидорчук И. В. Досуг городского населения России в 1918–1935 гг. СПб.: Политех-Пресс, 2022. 618 с.

124. Сидорчук И. В. «Традиции старые мы позабудем...»: праздники, отдых, повседневные практики и воспитание нового студента в 1920-е годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29, № 4. С. 160-171.

125. Слесарь Е. Советский праздник: театрализация мифа. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2024. 260 с.

126. Смирнова Е. В. Семиотика праздника «Сан-Фермин» // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 4. С.45–49.

127. Соболева А. Н. Роль советских праздников в антирелигиозной пропаганде бурятмонгольской АССР в 1920-е гг.// Вестник БГУ. 2014. № 7-1. С. 148–151.

128. Советские традиции, праздники и обряды: Опыт, проблемы, рекомендации / сост.: М. А. Добуш, Н. М. Закович, В. А. Перунов. М.: Профиздат, 1986. 336 с.

129. Социалистическая обрядность: уч.-метод. и справ.-информ. пособ. для исполнителей, организаторов обрядности, работников обрядовых служб / сост.: Н. М. Закович. Киев: Вища школа, 1986. 343 с.

130. Сторчак В. М. Советская гражданская религия. М.: ИИЦ «АТиСО», 2019. 399 с.

131. Третьяков С. М. Как десятелить? Записная книжка. Газета на шестах. // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 3(101). С. 5–17.

132. Туманов И. М. Режиссура массового праздника и театрализованного концерта. М.: Просвещение, 1976. 88 с.

133. Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России / Пер. с англ. С. Л. Сухарева. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. 285 с.

134. Угринович Д. М. Обряды. За и против. М.: Политиздат, 1975. 175 с.

135. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.

136. Ушакова Ж. Н. Антирелигиозная пропаганда на примере советских праздников в Прикамье в 1920-е гг. // Вестник НАСА. 2017. №1 (13). С. 229–236.

137. Федирко О. П. Роль советских праздников в антирелигиозной борьбе на Дальнем Востоке в 20-е–30-е гг. XX в // Власть и управление на Востоке России. 2010. № 1. С. 110–115.

138. Фокин А. А. «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 223 с.

139. Фрейд З. Тотем и табу. М.: Олимп, 1997. 448 с.

140. Фюрст Ю. Цветы, пробившие асфальт: Путешествие в Советскую Хиппляндию / пер. с англ. И. Косалс. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 664 с.

141. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / сост., пер. и предисл. Д. В. Сильвестрова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.

142. Шаповалов С. Н. «Наши торжества носят сухой официальный характер»: некоторые аспекты восприятия государственных праздников населением провинциальных городов в 1920-е гг. // Город и горожане в Советской России 1920–1930-х гг.: мир эмоций и повседневных практик: Мир эмоций и повседневных практик. Краснодар: Традиция, 2017. С. 232–249.

143. Шаповалов С. Н. Историческая трансформация российских (советских) государственных праздников в 1917–1991 гг.: на материалах Краснодарского края и Ростовской области: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2011. 27 с.

144. Шаповалов С. Н. Палитра праздников в кубанских станицах в 1920-е гг. // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: сборник статей, Москва, 25 октября 2019 года. М.: Институт Российской истории РАН, 2020. С. 154–159.

145. Шаповалов, С. Н. Реорганизация советского праздничного календаря в 1945-1950-е гг. // Общество: философия, история, культура. 2015. № 1.С. 35–37.

146. Шишкин А.А. Организация праздника Великой Октябрьской социалистической революции в г. Молотове в послевоенное время (1945-1953 гг.) // Ноябрьские историко-архивные чтения – 2017 г. Материалы научной конференции «Россия в период революционных потрясений. К 100-летию Русской Революции 1917 г.» (ПермГАСПИ. 14–16 ноября 2017 г.): сборник / под ред. С. В. Неганова. Пермь, 2018. 592 с.

147. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

148. Этциони А. Праздники: забытая колыбель добродетели // Неприкосновенный запас. 2015. № 2 (100). С. 15–30.

149. Эфир на фоне эпохи: очерки истории Ленинградского – Петербургского радио и телевидения / С. Ю. Агапитова, И. Н. Апухтин, М. А. Бережная и др. СПб.: С.-Петерб гос. ун-т, Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2013. 320 с.

150. Юдкина А. Б. Памятник без памяти": первый Вечный огонь в СССР // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 3(101). С. 112–134.

151. Юрлова С. В. «Праздник, который всегда…» (или вновь о проблеме сущности праздника) // Духовный мир современного человека: противоречия, проблемы, поиски и решения: сб. Челябинск, 2004. С. 70–75.

152. Юрлова С. В. «Вечный праздник», или Мифология общества потребления // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 2 (76). С. 15–22.

153. Юрлова С. В. Новая модель праздничной культуры и проблема национальной идентичности // Медиакультура новой России: материалы Междунар. науч. конф. «Судьба России: вектор перемен». Т. 2. Екатеринбург, М.: Академический проект, 2007. С. 239–254.

154. Юрчак А.В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

155. Ярмолич Ф.К. Досуг в советском городе и формирование «нового человека» в 1950–1960-х гг. М.: Открытый текст, 2025. 327 с.

156. Ярмолич Ф.К. Ленинградец в политическом пространстве 1950-х – начале 1960-х гг. // Вестник ТГУ. 2017. №4 (168). С. 137–144.

157. Bloch S. Psychiatry as ideology in the USSR// Journal of medical ethics. 1978. Vol. 4, no. 3. P. 126–131.

158. Froese P. Forced Secularization in Soviet Russia: Why an Atheistic Monopoly Failed // Journal for the Scientific Study of Religion. 2004. Vol. 43, no. 1. P. 35–50.

159. Geldern J. von. Bolshevik Festivals, 1917–1920. Berkeley and London: University of California Press, 1993. 316 p.

160. McDowell J. Soviet Civil Ceremonies // Journal for the Scientific Study of Religion. 1974. Vol. 13, no. 3. P. 265–279.

161. Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington: Indiana University Press, 2000. 266 p.

162. Stone A. B. “Overcoming Peasant Backwardness’: The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union // The Russian Review. 2008. Vol. 67, no. 2. P. 296–320.

ПРИЛОЖЕНИЯ

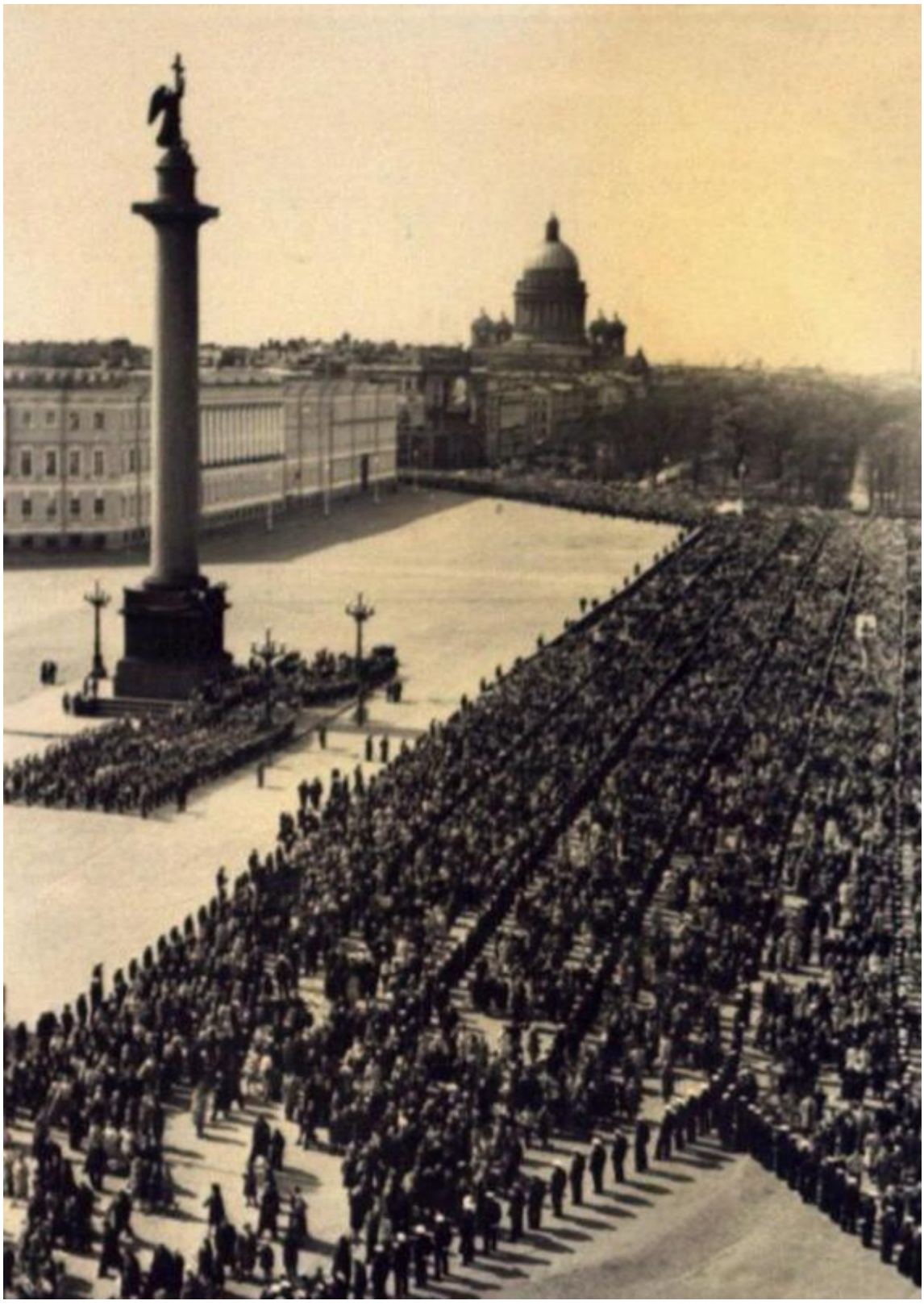
Приложение №1. Фотография. Молодежь Кировского завода на демонстрации. Ленинград. 1 мая 1953 г. Фотограф: Баранов И. А.[1080]

Ярко отражена тематика «Мира во всем мире».

[1080] ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1АР-20. Ед. хр. 37542.

Приложение № 2. Фотография. Праздничная демонстрация на Дворцовой площади. Ленинград. 1 мая 1962г. Фотограф: Блохин М. Л.[1081]

Видны четкие линии рядов оцепления (линейные).



[1081] ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1БР-14. Ед. хр. 18146.

Приложение № 3. Фотография. Украшенный штаб гвардейского корпуса на Дворцовой площади. Ленинград. 7 ноября 1974 г[1082].

[1082] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-9388. Оп. 1. Д. 87. Л. 11.

Приложение №4. Список утвержденных лозунгов для празднования 7 ноября 1963 г. в Ленинграде[1083].

1. Да здравствует Великий Октябрь!
2. Великий Октябрь указал нам путь к коммунизму!
3. Слава нашей социалистической Родине!
4. Да здравствует ленинизм!
5. Да здравствует коммунизм!
6. Вперед, к победе коммунизма!
7. Да здравствует коммунизм – светлое будущее всего человечества!
8. Коммунизм победит!
9. Мы уверенно идем к торжеству коммунизма!
10. Партии Ленина – слава!
11. Слава КПСС!
12. Коммунистической партии – слава!
13. Партия и народе едины!
14. Мы идем дорогой Великого Ленина!
15. Под руководством КПСС – вперед, к победе коммунизма!
16. Партия Ленина нас к коммунизму ведет!
17. Коммунизм утверждает на земле: Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье всех народов!
18. Имя Ленина озаряет наш путь к коммунизму!
19. Программу КПСС претворим в жизнь!
20. Да здравствует ленинский ЦК КПСС во главе с Н.С. Хрущевым!
21. Ленинскую политику ЦК КПСС одобряем!
22. Да здравствует Президиум ЦК КПСС!
23. Советской Родине – слава!
24. Слава родному советскому правительству!
25. Социализм и коммунизм – путь народов к свободе и счастью!
26. Слава советскому народу – строителю коммунизма!
27. Спасибо родной Коммунистической партии за заботу о благе и счастье советского народа!
28. Выше знамя пролетарского интернационализма!
29. Мы верны пролетарскому интернационализму!
30. Пламенный привет братским коммунистическим и рабочим партиям!
31. Да здравствует мировая система социализма!
32. Социализм и мир нераздельны!
33. Мир победит войну!
34. Московский договор одобряем!
35. Слава коммунистическому труду!
36. Слава труду!
37. За новые успехи в соревновании с трудящимися Москвы!
38. Слава коллективам и ударникам коммунистического труда – разведчикам коммунизма!
39. Все силы на выполнение исторических решений XXII съезда КПСС!
40. Претворим в жизнь исторические решения XXII съезда КПСС!
41. Досрочно выполним план пятого года семилетки!
42. Слава советской науке!
43. Слава покорителям космоса!

[1083] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 42. Д. 177. Л. 8-9.

Приложение № 5. Список утвержденных лозунгов для празднования 1 мая 1965 г. в Ленинграде[1084].

1. Да здравствует 1-е Мая!
2. Мир, Труд, Май!
3. Слава нашей социалистической Родине!
4. Да здравствует ленинизм!
5. Да здравствует коммунизм!
6. Вперед, к победе коммунизма!
7. да здравствует коммунизм – светлое будущее всего человечества!
8. Коммунизм победит!
9. Мы уверенно идем к торжеству коммунизма!
10. Партии Ленина – слава!
11. Слава КПСС!
12. Коммунистической партии – слава!
13. Партия и народ едины!
14. Мы идем дорогой Великого Ленина!
15. Под руководством КПСС – вперед, к победе коммунизма!
16. Партия Ленина нас к коммунизму ведет!
17. Коммунизм утверждает на земле: Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье всех народов!
18. Имя Ленина озаряет наш путь к коммунизму!
19. Программу КІСС претворим в жизнь!
20. Да здравствует ленинский ЦК КПСС!
21. Ленинскую политику ЦК КПСС одобряем!
22. Да здравствует Президиум ЦК ККСС!
23. Советской Родине – слава!
24. Слава родному советскому правительству!
25. Социализм и коммунизм – путь народов к свободе и счастью!
26. Слава советскому народу – строителю коммунизма!
27. Спасибо родной Коммунистической партий за заботу о благе и счастье советского народа!
28. Выше знамя пролетарского интернационализма!
29. Мы верны пролетарскому интернационализму!
30. Пламенный привет братским коммунистическим и рабочим партиям!
31. Да здравствует мировая система социализма!
32. Социализм и мир неразделимы!
33. Мир победит войну!
34. Слава Вооруженным Силам Советского Союза, стоящим на страже мира!
35. Слава коммунистическому труду!
36. Слава труду!
37. За новые успехи в соревновании с трудящимися Москвы!
38. Слава коллективам и ударникам коммунистического труда – разведчикам коммунизма!
39. Досрочно выполним план завершающего года семилетки!
40. Слава советской науке!
41. Слава покорителям космоса!

[1084] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 42. Д. 833. Л. 16-17.

Приложение № 6. Фотография. Демонстрация трудящихся на Дворцовой площади. Ленинград. 7 ноября 1958 г. Фотографы: Баранов И.А., Михайлов А.А.[1085]

Видны лозунги «СЛАВА ВЕЛИКОМУ ОКТЯБРЮ!» и «ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВЕЛИКИЙ СОВЕТСКИЙ НАРОД – СТРОИТЕЛЬ КОММУНИЗМА!».

[1085] ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1АР-46. Ед. хр. 75181.

Приложение № 7. Фотография. Молодые строители на демонстрации. Ленинград. 7 ноября 1957 г. Фотограф: Федосеев В.Г.[1086]

Виден лозунг «ВЫПОЛНИМ ВЕЛИКУЮ ПРОГРАММУ ПАРТИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ЖИЛИЩНОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ!».

[1086] ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1АР-30. Ед. хр. 52794.

Приложение № 8. Фотография. «Световой наряд Невского проспекта»[1087]. Ленинград. 1960-1970-е гг.

[1087] Праздничный наряда Ленинграда. Из опыта художественно-политического оформления. Фотоальбом // Сост.: Л.Н. Царев, Б.Е. Быков.Фотографии: Манушина Б.В., Стежки Б.И., Денисова, Ритова Б.Е., Соболева В.М., Мельникова В.П., Савика В.И., Барановского В.М., Ситникова В.М. Л.: Лениздат, 1981.

Приложение № 9. Фотография. «Световой наряд Невского проспекта»[1088]. Ленинград. 1960-1970-е гг.

[1088] Праздничный наряда Ленинграда…

Приложение №10. Фотография. Работники службы городского хозяйства развешивают праздничную иллюминацию перед празднованием 43-й годовщины Великого Октября. Ленинград. Ноябрь 1960 г. Фотограф: Лавут С.И[1089].

[1089] ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1БР-35. Ед. хр. 44896.

Приложение № 11. Фотография. Вид афишной тумбы на Дворцовой площади с материалами, посвященными Великой Октябрьской социалистической революции[1090]. Ленинград 1960–1970-е гг.

[1090] Праздничный наряда Ленинграда...

Приложение № 12. Фотография. Праздничное оформление Театральной площади в дни празднования 50-летия Октября[1091]. Ленинград. 1967 г.

Штыки новой власти пронзают осколки старой.

[1091] Праздничный наряда Ленинграда…

Приложение № 13. Фотография. Конструкция на проспекте Обуховской Обороны[1092]. Ленинград. 1970-е гг.

Модульные (съемные) буквы позволяют в случае необходимость заменить один лозунг на другой.

[1092] Праздничный наряда Ленинграда…

Приложение № 14. Фотография. Демонстрация трудящихся 1 мая 1987 г. в Ленинграде[1093].

В череде изображений «вождей» портрет М. С. Горбачева следует сразу за портретом В. И. Ленина.

[1093] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-9388. Оп. 1. Д. 91. Л. 16.

Приложение № 15. Фотография. Открытие демонстрации трудящихся 7 ноября 1986 г. в Ленинграде[1094].

Портрет генерального секретаря КПСС М.С. Горбачева, следуя традиции, провозят в числе первых.

[1094] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-9388. Оп. 1. Д. 91. Л. 18.

Приложение 16. Фотография. Вид празднично оформленной витрины Елисеевского магазина в вечернее время. Ленинград. Март 1959 г. Фотограф: Овчинников К.В[1095].

«Изобилие» во всей красе.

[1095] ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1АР-158. Ед. хр. 228893.

Приложение № 17. Фотография. Участники демонстрации на Дворцовой площади. Ленинград. 1960-е гг. Фотограф: Наровлянский И.А[1096].

Бумажные цветы-цветы приколки украшают пальто девочки и ее родителя.

[1096] ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1АР-166. Ед. хр. 246800.

Приложение № 18. Фотография. Участники первомайской демонстрации на улицах города. Ленинград. 1 мая 1957 г. Фотограф: Овчинников К.В[1097].

Торговля «с машины» в праздничный день.

[1097] ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1АР-164. Ед. хр. 242664.

Приложение № 19. Фотография. Макет памятника В.И. Ленину «на броневике», движущийся по Дворцовой площади во время праздничного парада. Ленинград. 1 мая 1964 г.[1098]

Ильич открывает праздничное шествие.

[1098] ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1АР-71. Ед. хр. 110118.

Приложение № 20. Фотография. Шествие физкультурников на праздничном параде. Ленинград. 1 мая 1962 г. Фотографы: Баранов И. А., Блохин М. Л., Федосеев В. Г.[1099]

[1099] ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1АР-71. Ед. хр. 111014.

Приложение № 21. Фотография. Физкультурное шествие 1 мая 1987 г. в Ленинграде [1100].

[1100] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-9388. Оп. 1. Д. 91. Л. 51.

Приложение № 22. Фотография. Трудящиеся Сталинского района на демонстрации. Ленинград. 7 ноября 1955г. Фотограф: Бахарев А. П[1101].

Коллектив завода «Красная заря».

[1101] ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1АР-30. Ед. хр. 52571.

Приложение № 23. Фотография. Участники демонстрации трудящихся на Дворцовой площади. Ленинград.
7 ноября 1964 г. Фотограф: Логинов В. И.[1102]

Шествие колонн Калининского района

[1102] ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1АР-132. Ед. хр. 178377.

Приложение № 24. Места сбора и порядок прохождения районов Ленинграда на демонстрации 7 ноября 1963 г[1103].

Первая очередь районов:

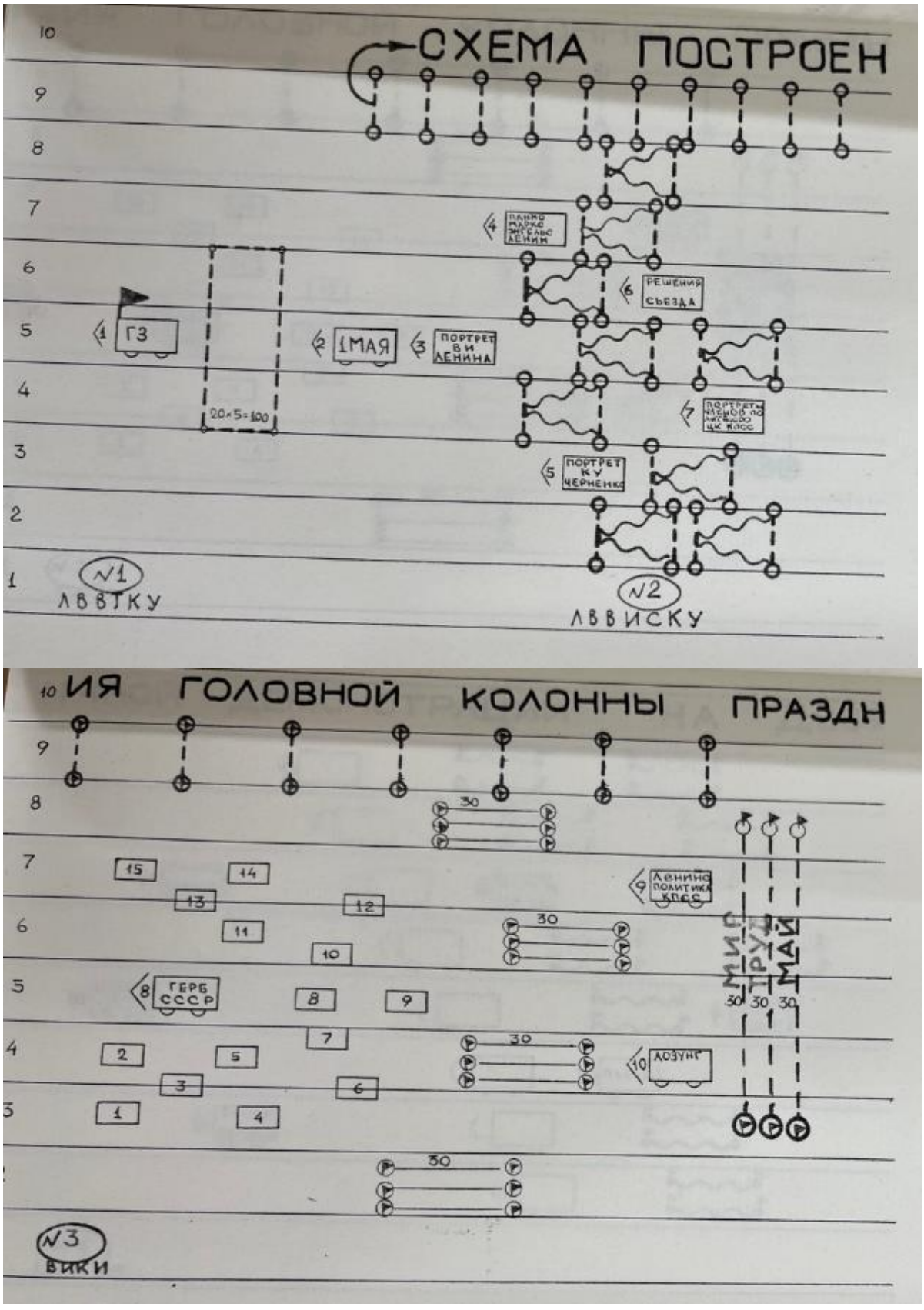
- Калининский (строился на площади Ленина и прилегающих улицах),
- Выборгский (бывш. Сталинский – строился на проспекте К. Маркса и прилегающих улицах),
- Октябрьский (на площади Коммунаров и пр. Майорова),
- Кировский (на площади около Кировского дома Советов),
- Московский (на Московском проспекте, голова колонны – на Московской площади),
- Невский (в пределах Смольнинского района на площади А. Невского),
- Дзержинский (на ул. Чайковского, далее следовал по Литейному на Невский),
- Василеостровский (на 8-й линии и Большом проспекте);

Вторая очередь районов:

- Петроградский (строился на Кировском проспекте и прилегающих улицах следовал за Калининским районом),
- Ждановский (на Кировском проспекте и следовал за Выборгским районом),
- Ленинский (на Измайловском проспекте и Красноармейских улицах, следовал за Кировским районом),
- Фрунзенский (на набережной р. Фонтанки, Загородном проспекте и прилегающих улицах, следовал за Московским районом),
- Куйбышевский (на Владимирском проспекте, ул. Рубинштейна и прилегающих улицах, следовал за Невским районом),
- Смольнинский (на Суворовском проспекте и прилегающих улицах, не занимая Невского, следовал за Дзержинским районом).

[1103] Воспроизведено по: ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 42. Д. 177. Л. 6.

Приложение № 25. Фрагмент схемы построения головной колонный праздничной демонстрации на Дворцовой площади 1 мая 1984 г.[1104]



[1104] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-778. Оп. 1. Д. 80. Л. 131-132.

Приложение № 26. Фотография. Первомайская демонстрация трудящихся на Невском проспекте. Ленинград.
1 мая 1961 г. Фотограф: Цин В.[1105]

[1105] ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1АР-77. Ед. хр. 117193.

Приложение № 27. Фотография. Демонстрация трудящихся на Дворцовой площади. Ленинград. 1 мая 1963 г. Фотографы: Баранов И. А., Науменко Н. А., Капустин В. И.[1106]

Макет «СВОБОДА-МИР»: представители разных стран и народов защищают мир от ракет».

[1106] ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1БР-25. Ед. хр. 34906.

Приложение № 28. Фотография. Первомайская демонстрация в Ленинграде. 1987 г[1107].

Колонны районов возглавляют тематически оформленные грузовики.

[1107] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-9388. Оп. 1. Д. 91. Л. 90.

Приложение № 29. Фотографии. Празднично оформленные грузовики. Ленинград. 7 ноября. 1980 г[1108].

[1108] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-9388. Оп. 1. Д. 88. Л. 15, 32.

Приложение № 30. Фотографии. Праздничное шествие 9 мая 1986 г. в Ленинграде[1109].

[1109] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-9388. Оп. 1. Д. 90. Л. 1, 11.

Приложение № 31. Фотография. Праздничный салют на Неве. Ленинград. 1960-ые. Фотограф: Трахтенберг Д. Н[1110].

[1110] ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1БР-28. Ед. хр. 37669.

Приложение № 32. Фотография. Празднично украшенная машина на одной из улиц города. Ленинград. 1962 г. Фотограф: Бродский А. И.[1111]

Одна из «музыкальных машин», названных на одном из заседания праздничной комиссии «бродячей музыкой». Украшена строками: «Нам песня строить и жить помогает».

[1111] ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1АР-98. Ед. хр. 139033.

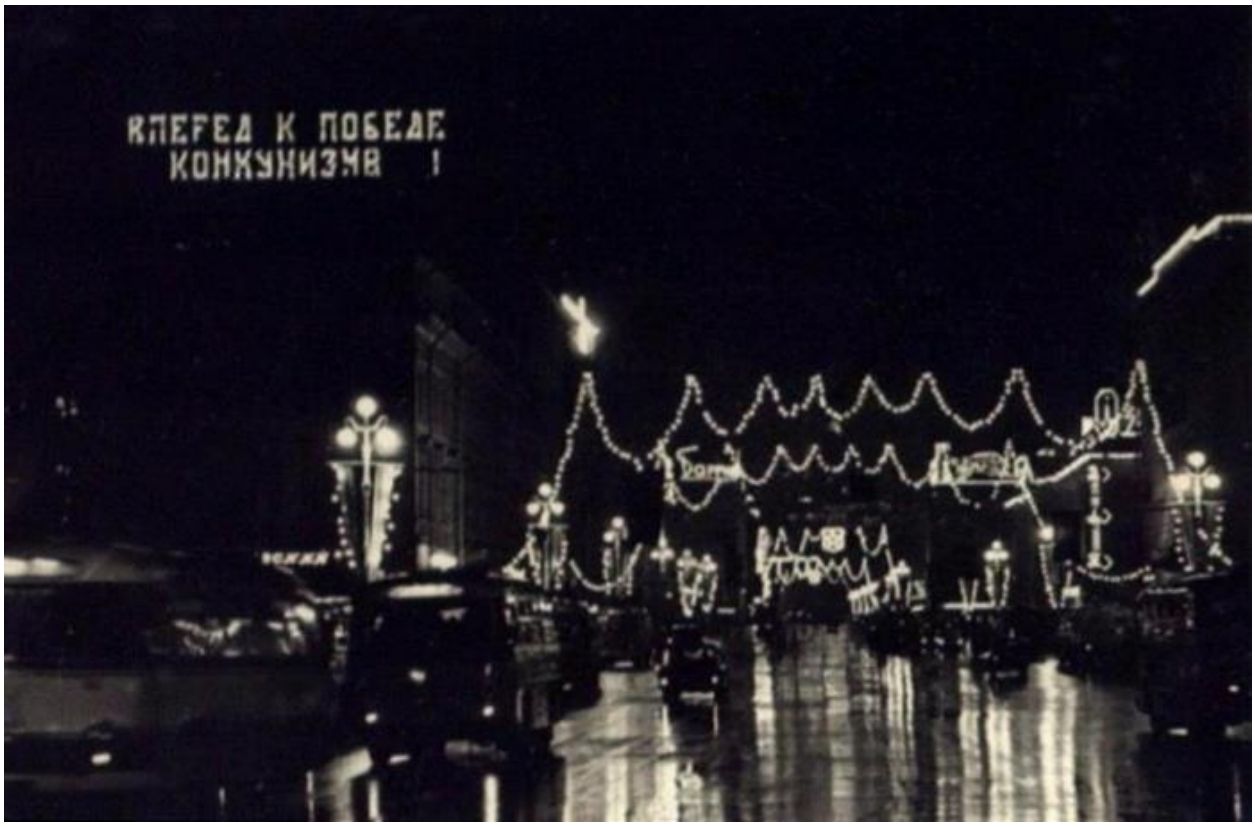
Приложение № 33. Фотографии. Театрализованное представление на Дворцовой площади. Ленинград.
7 ноября 1986 г[1112].

[1112] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-9388. Оп. 1. Д. 91. Л. 137, 144.

Приложение № 34. Плакат «Народ и партия едины!». Неизвестный художник. 1957 г.

Приложение № 35. Фотография. Вид на Невский проспект, украшенный праздничной вечерней иллюминацией. 1 мая 1963 г. Фотограф: Демещенко А.[1113]

Световой лозунг «ВПЕРЕД К ПОБЕДЕ КОММУНИЗМА!»



[1113] ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1АР-49. Ед. хр. 82321.

Приложение № 36. Фотографии. Праздничное оформление территории и цехов Ленинградского металлического завода. 1977 г[1114].

Стенд на территории завода „Юбилею Октября - достойную встречу".

Стенд посвященный социалистическому соревнованию в цехе №1.

[1114] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-9388. Оп. 1. Д. 76. Л. 8 об., 17.

Приложение № 37. Фотография. Ленинград, 1970-е гг.[1115]

Колонну Кировского завода сопровождает грузовик, украшенный фирменной эмблемой-шестеренкой.

[1115] Праздничный наряда Ленинграда…

Приложение № 38. Фотография. Праздничное оформление колонны ЛПМО «Нева». Ленинград. Вт. пол. 1980-х гг. 1 мая[1116].

[1116] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-9388. Оп. 1. Д. 89. Л. 14.

Приложение № 39. Фотография. Праздничная первомайская демонстрация в Ленинграде. Вт. пол. 1980-х гг.[1117]

Праздничный лозунг оформлен в виде макета с объемным изображением молекулы.
На обороте надпись: «Плохо по цвету (темно) очень видны швы».

[1117] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-9388. Оп. 1. Д. 89. Л. 9.

Приложение № 40. Фотография. Вид празднично иллюминированного здания гостиницы «Астория». Ленинград.
8 ноября 1963 г. Фотограф: Костин[1118].

Световой лозунг «СЛАВА ПОКОРИТЕЛЯМ КОСМОСА!».

[1118] ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1АР-36. Ед. хр. 57701.

Приложение № 41. Фотография. Демонстрация трудящихся на Дворцовой площади. 7 ноября 1961 г. Ленинград. Фотограф: Капустин В. И.[1119]

Празднующие несут макет космического корабля «Восток-2».

[1119] ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1АР-78. Ед. хр. 118735.

Приложение № 42. Фотографии. Альтернативные лозунги во время демонстрации 7 ноября 1989 г. в Ленинграде[1120].

[1120] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-9388. Оп. 1. Д. 93. Л. 6-7.

Приложение № 43. Фотография. Демонстрация 7 ноября 1989 г. в Ленинграде[1121].

Альтернативный лозунг «переворачивает» и ставит под сомнение известную советскую мифологему, изменив в ней всего лишь один знак препинания.

[1121] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-9388. Оп. 1. Д. 93. Л. 27.

Приложение № 44. Опросник. Массовые праздники в Ленинграде в 1945–1991 гг.

1. Ваш год рождения
2. Пол
3. Праздники какого десятилетия Вы помните лучше всего?
4. Помните ли Вы, как проходили празднования Дня Победы в советское время? Как отмечался этот день в городе?
5. Какое Ваше самое раннее воспоминание об участие в демонстрациях?
6. Как часто родители водили Вас на празднования Первомая и годовщин Октябрьской революции?
7. Ходили ли Вы на демонстрацию от школы? Университета? Обязательным ли было участие?
8. Какие традиции празднования существовали в Вашем рабочем коллективе и организации?
9. Как бы Вы описали основные составляющие (элементы) торжеств? Из чего состояли праздничные дни 1 мая и 7 ноября? (можно кратко перечислить)
10. Как бы Вы оценили эмоциональное состояние празднующих? Было ли весело? Почему?
11. Помните ли Вы о чем накануне и в дни торжеств говорили на радио и телевидении? Нравились ли Вам какие-то праздничные передачи?
12. Как менялась Ваша жизнь и жизнь Вашей семьи накануне торжеств?
13. Как государство проявляло заботу о гражданах в красные дни календаря?
14. Существовали ли какие-то материальные поощрения к праздникам? Премии, выдачи?
15. Советские праздники зачастую оценивают как крайне пропагандистские мероприятия, согласны ли Вы с этим?
16. Каково было Ваше отношение к «официозу» в дни торжеств?
17. Как Вы относились к традиции нести портреты партийных деятелей на демонстрации?
18. Чего, по-Вашему, было больше в советских праздниках: официального или народного (неофициального)?
19. Можете ли Вы рассказать о праздничном досуге в эти дни: что делали Вы и Ваши знакомые после демонстрации?
20. Как относились власти Ленинграда к алкогольным напиткам, запрещалось ли выпивать перед демонстрацией?
21. Случалось ли Вам быть свидетелем или слышать о каких-то происшествиях, случавшихся во время демонстраций?
22. Чем отличалось празднование Первомая от празднования годовщин Октябрьской революции?
23. Какой праздник Вам нравился больше: Первомай или годовщины Октября? Почему?
24. Что, по-Вашему, делало эти дни по-настоящему праздниками? Что составляло суть торжеств?